

АКАДЕМИЯ НАУК ССР

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО <НАУКА>

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
И ИХ ИСТОРИОГРАФИЯ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1966

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Д. Королюк (ответственный редактор),
Н. Д. Ратнер, А. И. Рогов, В. М. Турок

**МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТИХОМИРОВ —
ИСТОРИК СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
И СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

2 сентября 1965 г. на 73 году жизни скончался крупнейший советский историк народов СССР и историк-славист академик Михаил Николаевич Тихомиров. М. Н. Тихомиров был представителем того поколения советских историков, трудами и мыслями которых создана подлинно научная концепция истории народов СССР и с именем которых неразрывно связаны подъем и развитие в СССР широких славистических исследований. Советская наука потеряла блестящего представителя из той замечательной плеяды историков, которая в нашем сознании неразрывно ассоциируется с именами Б. Д. Грекова, Ю. В. Готье, В. И. Пичеты, С. В. Бахрушина.

Михаил Николаевич родился 1 июня 1893 г. в Москве, которой он посвятил впоследствии столько проникновенных страниц своих исследований. В 1917 г. он блестяще окончил Московский университет, где затем долгие годы занимался огромной педагогической и исследовательской работой, а в 1934 г. стал профессором. С 1935 г. и до последних дней жизнь и творчество Михаила Николаевича теснейшим образом были связаны с Академией наук СССР. В это время он работает в Институте истории, с 1953 по 1957 г. возглавляет Отделение исторических наук АН СССР, создает и возглавляет Археографическую комиссию. С Археографической комиссией (с 1956 г.) и Институтом славяноведения АН СССР (с 1957 г.), образованию которого так много содействовали его постоянная деятельность и сотрудничество с академиками Б. Д. Грековым, В. И. Пичетой и З. Р. Неелды, связаны последние годы жизни и деятельности Михаила Николаевича.

В 1946 г. М. Н. Тихомиров избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1953 г. — ее действительным членом. Выдающаяся научная, научно-организационная, публикаторская и педагогическая деятельность Михаила Николаевича снискала ему огромное уважение не только в нашей стране, но и за ее пределами. М. Н. Тихомиров был действительным членом Польской Академии наук (1959) и Американской ассоциации историков (1961), принимал активное участие в ряде международных съездов и конференций.

Он не был кабинетным ученым. Он не хотел ограничивать себя и строго профессорскими обязанностями. Как преподаватель Михаил Николаевич всегда искал широкой аудитории и в своей практической деятельности стремился к воспитанию и развитию в молодом поколении высоких чувств патриотизма, любви к родному народу, благородных стремлений познать прошлое других народов, укрепить веру в прогресс. Именно поэтому он отдал столько энергии и сил развитию музейного дела, краеведения и охране памятников прошлого. Именно поэтому с такой серьезностью и вниманием относился он к своему сотрудничеству в прессе, в научной периодике.

Горячий патриот и крупный ученый, Михаил Николаевич внимательно следил за развитием Советской Сибири и Дальнего Востока. Провидя в недалеком будущем их еще более могучий подъем, их еще более значительную роль в жизни советского народа, он принял активное участие в организации гуманитарных исследований в рамках Сибирского отделения АН СССР. Сибирскому отделению завещал он свое уникальное рукописное собрание, Сибирскому отделению и Владивостокскому университету завещал он и всю свою богатую библиотеку. Это собрание, в состав которого входят и замечательные памятники сербской и польской письменности, вместе с небольшой, но ценной коллекцией русских икон XV—XVII вв., несомненно, окажет большую помощь в организации научных исследований по истории России и зарубежных славянских народов периода феодализма. Собрание М. Н. Тихомирова демонстрировалось на открывшейся 25 ноября 1965 г. в Академгородке г. Новосибирска специальной выставке.

Обширное научное наследство, оставленное Михаилом Николаевичем, — около 300 научных трудов, а также публикаций источников — отражает необычайно широкий диапазон его научных интересов, его поистине энциклопедическую эрудицию. Великолепный знаток источников, блестящий мастер их критического анализа, Михаил Николаевич одновременно владел и искусством исторического синтеза, ставил и решал проблемы первостепенной научной важности. Вот почему он с равным успехом разрабатывал вопросы происхождения Киевской Руси и историю России XIX столетия, постоянно стремясь связать и осмыслить местный исторический процесс с общероссийским, а общероссийский — со всеобщей историческим, в первую очередь с историческим развитием других славянских народов. С равным мастерством написаны им работы, посвященные древнерусским городам и народным антифеодальным движениям на Руси, и труды, где он решал сложные вопросы истории народов Поволжья и Средней Азии. Та же опытная рука, тот же острый и светлый ум заметны в исследованиях о героической борьбе славян против немецкой агрессии в XIII—XV вв. и в исследованиях о «Русской

правде», древнерусской культуре, формировании национального самосознания на Руси и происхождении отечественного книгопечатания. Такие капитальные исследования М. Н. Тихомирова, как «Древнерусские города», «Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.», «Исследование о «Русской правде», «Средневековая Москва», наконец, его последний монументальный труд «Россия в XVI столетии», надолго останутся школой мастерства исторического исследования.

Особенно важно подчеркнуть роль Михаила Николаевича в развитии советских славистических исследований, как в широком, так и в узком смысле этого слова. Дело в том, что наряду с понятием славяноведения в широком смысле этого слова, существует еще и принятое в славянских странах понятие славяноведения как изучение истории культуры и языка зарубежных славянских народов. В таком узком смысле, как правило, употребляется термин славяноведение и у нас в СССР, о чем лучше всего свидетельствует научный профиль центрального советского славистического научного учреждения — Института славяноведения АН СССР. Говоря о крупном вкладе академика М. Н. Тихомирова в мировое славяноведение, следует остановиться как на характеристике его работ, посвященных истории России, так и на его специальных исследованиях по истории зарубежных славянских народов.

Целый комплекс источниковедческих работ М. Н. Тихомирова и осуществленных им или при его участии публикаций серьезно расширяют и углубляют документальную базу для изучения важных процессов, происходивших в раннефеодальных западнославянских обществах. Поскольку письменные источники западнославянского происхождения чрезвычайно бедны для этого времени, особенно важное значение для исследования социальных процессов в этих странах в раннефеодальный период приобретают источники русского происхождения, русский сравнительно-исторический материал, без которого подчас просто невозможно обойтись при реконструкции сложных процессов феодализации западнославянского общества. «Русская правда» и русские летописи (в последних содержится материал, прямо относящийся к истории зарубежного славянства) оказываются, таким образом, источниками первостепенного значения для историков Польши и Чехии раннефеодального периода. Данные этих источников, взятые с учетом стадияльной близости и родства западнославянского и восточнославянского исторических процессов X—XI вв., помогают понять и объяснить некоторые чрезвычайно скупые, иногда непонятные или неясные без подобного сравнения данные западнославянских или западноевропейских источников. Именно этим источникам — «Русской правде» и русским летописям — посвятил М. Н. Тихомиров большое число своих исследований и публикаций, которыми широко поль-

зуются и будут пользоваться историки, изучающие раннее средневековье у западных и южных славян.

Не меньшим вкладом в изучение зарубежного славянства эпохи раннего средневековья являются широкие обобщающие труды М. Н. Тихомирова по таким важным проблемам истории Киевской Руси, как происхождение и развитие городов и городского строя на Руси или классовая борьба древнерусского крестьянства и горожан. Для специалиста по истории зарубежного славянства важна в них не только характеристика политических, экономических и культурных связей Руси с другими славянскими странами. В первую очередь его внимание неизбежно привлекает данный автором анализ исторического значения народных движений для общественного развития древней Руси, широко написанная им картина зарождения и развития города как центра ремесла и торговли.

Разработав на примере Киевской Руси историю происхождения славянского города, показав, что на Руси действовали те же закономерности, которые привели к образованию городов в странах Западной Европы, изучив активную роль городского населения, его классовой борьбы в деле оформления типичных для феодальной эпохи черт городского строя, М. Н. Тихомиров создал тем самым базу для историков западнославянского города, положение которых крайне осложняется необычайной скудостью источников по истории городской жизни, вплоть до самого момента оформления в западнославянских странах городского строя, складывавшегося в сложных условиях рецепции и переработки так называемого немецкого права. Наряду с этим исследованием М. Н. Тихомирова о древнерусском городе сыграли большую роль в борьбе против теорий норманистов, связывающих создание древнерусских городов с пришельцами и завоеваниями, а не с закономерностями развития народов. Закономерности, твердо установленные на основании источников для Западной и Восточной Европы, дают возможность с большой степенью точности восстанавливать утраченные звенья истории западнославянских городов X—XI вв. Именно поэтому основополагающие работы М. Н. Тихомирова по истории древнерусских городов и городской жизни нашли такой широкий отклик среди зарубежных славянских историков.

Труды М. Н. Тихомирова «Древнерусские города», «Древняя Москва», «Крестьянские и городские восстания на Руси X—XIII вв.» вызвали самый живой интерес среди польских и чешских историков, были высоко оценены ими. «Книга принадлежит к выдающимся достижениям не только советской, но и европейской медиевистики», — писал о монографии М. Н. Тихомирова «Древнерусские города» польский историк Анджей Поппе¹. В своей характеристике этой книги чешский историк

¹ «Przegląd Historyczny», 1957, № 3.

Иозеф Кудлачек отводил ей видное место в марксистской историографии, отмечая, что она дает «аргументы, доказывающие господство экономических факторов в возникновении городов»².

Исследования М. Н. Тихомирова по истории Москвы, Новгорода Великого, борьбы русского народа против германской агрессии на востоке в средние века, борьбы за свободное национальное развитие против татарского ига настолько богаты фактическим материалом и наблюдениями, что без них немыслимо обобщение и осмысление не только русской истории XIII—XVI вв., но и восточноевропейского исторического процесса в целом в этот период. Тема русско-германских отношений всегда занимала очень важное место в исследованиях академика. В соответствии с общим кругом своих интересов он прежде всего исследовал проблемы русско-германских отношений в Прибалтике, рассматривая их не только в связи с историей литовского, латышского и эстонского народов, но и на широком общеевропейском фоне того времени.

Глубокое знание не только русских, но и западноевропейских, особенно немецких источников, мастерский анализ сложных социально-экономических и политических процессов, происходивших в Северо-Западной Руси, привели ученого к совершенно бесспорному, общепризнанному в советской историографии выводу, что неудачи немецкого «Дранг нах Остен» в северо-западных русских землях были определены прежде всего высоким уровнем развития этих земель, бывших в то время передовыми в социально-экономическом и культурном смысле в бассейне Балтийского моря. Объективно излагая все сложные перипетии борьбы Новгорода и Пскова с германскими феодалами, М. Н. Тихомиров внимательно прослеживает связи русских земель с народами Прибалтики, отмечает многочисленные факты взаимопомощи и военного сотрудничества между Русью и прибалтийскими народами.

Рисуя общую картину борьбы русского народа с германской феодальной агрессией, М. Н. Тихомиров блестяще доказал тезис об общеевропейском значении разгрома немецких рыцарей на льду Чудского озера, а борьбу со шведскими феодалами рассматривал как неразрывную часть борьбы с политикой «Дранг нах Остен».

Особый интерес представляют историко-географические изыскания М. Н. Тихомирова, позволяющие точно локализовать место Ледового побоища 1242 г.³

М. Н. Тихомиров уже с 30-х годов начал систематически разрабатывать и проблемы, непосредственно связанные с изучением исторического прошлого зарубежного славянства. Выбор тем для

² «Československý časopis historický», 1958, N 2, str. 346.

³ М. Н. Тихомиров. О месте Ледового побоища. «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1950, т. VII, № 1.

славяноведческих исследований в большой мере определялся его интересами как историка СССР, его несравненными знаниями в области старой русской письменности, накопленными годами труда, опытом палеографа и источниковеда. В советское славяноведение М. Н. Тихомиров с самого начала вошел как один из ведущих ученых-славистов, как оригинальный исследователь с вполне сложившимся кругом научных занятий. Как палеографа его, естественно, интересовали вопросы происхождения славянской письменности; как знатока старой русской литературы и источниковеда внимание М. Н. Тихомирова привлекали источники, сохранившиеся в русских рукописных сборниках, но по происхождению своему связанные с историей зарубежных народов, точнее — южных славян. Так, большой интерес в славяноведческой науке вызвала его публикация важнейшего памятника болгарского средневековья «Именника болгарских князей»⁴. Наконец, как историк русской культуры М. Н. Тихомиров создал целый комплекс широких, построенных на большом архивном материале исследований, характеризующих многообразные экономические, культурные и политические связи Руси с другими славянскими странами в феодальную эпоху.

В этих исследованиях были затронуты вопросы связей русского народа и Русского государства с западными славянами. Но главное внимание ученого было отдано изучению проблем русско-южнославянских связей, оставивших столь яркие следы в памятниках нашей старой письменности. Начиная с 1941 г. и вплоть до самого последнего времени М. Н. Тихомиров регулярно публиковал свои всегда чрезвычайно содержательные и оригинальные по выводам исследования по широкому кругу вопросов многовекового, сложного и богатого своими проявлениями общения восточных и южных славян⁵.

Им, в частности, подробно изучено и проанализировано обратное воздействие древнерусской литературы на южнославянскую в XI—XII вв. Большая серия работ М. Н. Тихомирова, посвященных истории русско-южнославянских связей, которые убедительно характеризуются как яркий пример «братской поддержки народов, широкого обмена культурными достижениями, основанного не на завоевании или насилии, а на общности исторических судеб и взаимных интересов»⁶, могла бы составить большой и чрезвычайно интересный сборник, отсутствие которого так ощущается в нашей славяноведческой литературе.

⁴ «Вестник древней истории», 1946, № 3.

⁵ М. Н. Тихомиров. Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время. «Исторический журнал», 1941, № 10—11; он же. Исторические связи русского народа с южными славянами в XIV—XVI вв. Там же, № 12; он же. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. «Славянский сборник». М., 1947 и др.

⁶ М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в., стр. 201.

Заканчивая эту краткую характеристику М. Н. Тихомирова как историка-слависта, необходимо отметить еще весьма характерное для него, как и для каждого крупного медиевиста (ближайшим примером могут служить труды Б. Д. Грекова по истории славянского права), обращение к тематике сравнительно-исторической. Осуществленное М. Н. Тихомировым (совместно с Л. В. Миловым) первое критическое издание «Закона судного людям» (Краткая и пространная редакции. М., 1961) поставило изучение этого интересного памятника древнего славянского права на твердую научную базу, а помещенное в той же публикации исследование М. Н. Тихомирова намечает новые пути решения многократно обсуждавшихся в литературе проблем происхождения памятника. Широкая программа сравнительно-исторических исследований в области изучения терминологии славянских памятников была намечена М. Н. Тихомировым в его докладе на первом Всесоюзном координационном совещании по вопросам славяноведения, состоявшемся в Москве в январе 1961 г.

Наконец, под руководством и по инициативе академика М. Н. Тихомирова в СССР была организована систематическая публикация средневековых памятников по истории народов Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы. Речь идет об издании серии источников под общим названием «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы».

Научные, научно-организационные, преподавательские и научно-популярные заслуги ученого были высоко оценены: академик М. Н. Тихомиров был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Вечная и благодарная память о Михаиле Николаевиче — великом труженике советской исторической науки, ее бескорыстном и преданном рыцаре, человеке, бесконечно влюбленном в свою Родину, навсегда сохранится в памяти всех, кому дорого прошлое нашей страны, кто гордится ее настоящим и твердо верит в ее будущее.

* * *

Памяти академика Михаила Николаевича Тихомирова сектор истории славяно-германских отношений Института славяноведения АН СССР посвящает этот сборник.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Н. Флоря

ПРИБАЛТИЙСКИЕ ГОРОДА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

Прибалтийско-немецкая историография имеет устойчивую традицию изображения взаимоотношений между средневековой Россией и Прибалтикой. Согласно этой традиции, взаимоотношения соседей изображались как длительная и тяжелая борьба форпостов западной цивилизации на балтийском побережье с варварами — «московитами», стремившимися превратить Прибалтику в татарскую пустыню. Политический смысл этой предвзятой схемы, целью которой было восстановить против России население Прибалтики, совершенно ясен. Марксистской историографии чужды стремления сеять вражду между народами, утверждать «превосходство» одних народов над другими. Она стремится изучать реальные, очень сложные взаимоотношения между народами, основываясь не на предвзятых схемах, а на точном исследовании исторических фактов. Прекрасным образцом такого исследования является известная работа Я. Я. Зутиса¹. Рассмотрев русско-ливонские взаимоотношения первых лет Ливонской войны, он нанес убедительный удар традиционным схемам прибалтийско-немецкой историографии, показав на конкретных фактах сложную картину противоречивых взаимоотношений русского правительства с различными классами прибалтийского населения, настроенными отнюдь не всегда враждебно по отношению к «московиту».

Целью настоящей работы является конкретное исследование взаимоотношений русского правительства с городами Прибалтики несколько более позднего периода — последних лет XVI в. Выбор этого периода объясняется тем, что именно в эти годы русско-прибалтийские отношения были особенно оживленными.

Активизация взаимоотношений русского правительства с прибалтийскими городами, приходящаяся на последние годы XVI в., стояла в тесной связи с некоторыми международными событиями-

¹ Я. Я. Зутис. К вопросу о ливонской политике Ивана IV. «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1952, т. IX, № 2.

ми того времени. Начиная с середины 90-х годов стала постепенно подтачиваться польско-шведская династическая уния, образовавшаяся после избрания на польский престол в 1587 г. шведского принца Сигизмунда Вазы, который в 1593 г. стал после смерти своего отца Юхана III шведским королем. Попытки Сигизмунда восстановить в Швеции католическую религию, опираясь на реакционные круги феодальной аристократии, наталкивались на упорное сопротивление широких слоев шведского дворянства, горожан и свободного крестьянства, во главе которых стоял провозглашенный правителем государства (на время отсутствия Сигизмунда, находившегося в Польше) дядя короля герцог Карл Зюдерманландский². Непрерывная и глухая борьба сторон привела в конце 90-х годов к открытому военному столкновению.

30 июня 1598 г. Сигизмунд с пяти тысячным войском высадился на территории Швеции, в г. Кальмаре, рассчитывая военной силой сломить сопротивление своих противников. 25 сентября войска сторон столкнулись у Стонгебро, в районе Линчепинга. Сигизмунд потерпел полное поражение и бежал в Польшу. Шведско-польская уния распалась окончательно. Борьба, однако, на этом не была закончена. На территории самой Швеции и после битвы при Стонгебро сторонники Сигизмунда продолжали удерживать г. Кальмар и другие пункты, которые в случае нового вторжения могли бы стать опорными для войск польского короля. Не признавала власти правителя и значительная часть владений Шведского королевства, находившихся за пределами собственно Швеции. Власть в Финляндии и в шведских владениях в Северной Прибалтике в конце 1598 — начале 1599 г. находилась в руках сторонников Сигизмунда. Наконец, Сигизмунд и его сторонники могли рассчитывать в будущем на поддержку такой могущественной державы, как Речь Посполитая.

Позиция русского правительства, особенно после поражения Сигизмунда, приобретала для перспектив дальнейшей междоусобной борьбы особо важное значение прежде всего в связи с некоторыми географическими особенностями расположения русских владений. Возвращенные России по Тявзинскому миру 1595 г. новгородские пригороды — Ивангород, Ям, Копорье и Орешек — отделяли ливонские владения Сигизмунда от Финляндии. В этих условиях какое-либо сухопутное вмешательство Речи Посполитой в ход событий в Скандинавии (на что надеялись Сигизмунд и его сторонники) без согласия русского правительства было практически невозможно. Между тем еще до высадки Сигизмунда в Швеции выяснилось, что на содействие русского правительства рассчитывать не приходится.

² О событиях, происходивших в этот период в Швеции, см.: И. Андерсон. История Швеции. Пер. с шведского. М., 1951, стр. 167—173.

Уже в феврале 1598 г. представители Сигизмунда (Стен Банер и др.) добивались у воеводы Ивангорода пропуска с собранными ими войсками в Финляндию через русскую территорию, но их требования натолкнулись на решительный отказ русских³.

Этот отказ означал, что Россия не желает поддерживать Сигизмунда, восстановление которого на престоле означало сохранение шведско-польской унии, лишившей Россию возможности возобновить борьбу за Прибалтику.

К концу 1598 г. у русского правительства, располагавшего к этому времени обширной, хотя и не всегда достоверной информацией о положении дел в Швеции⁴, сложился свой собственный план действий.

В декабре 1598 г. в Швецию было отправлено русское посольство. Послы Василий Сукин и Постник Дмитриев, ехавшие официально для обсуждения пограничных вопросов, должны были добиться у герцога Карла тайной аудиенции. На этой аудиенции послы должны были сообщить герцогу Карлу, что его политический противник Сигизмунд и «рада» Речи Посполитой прислали в Москву свое посольство⁵. Посольство это, по словам врученной послам инструкции, добивалось «докончания» между Сигизмундом и Борисом Годуновым, направленного против герцога Карла. В обмен за разрешение пропустить в Финляндию польские войска Сигизмунд и рада якобы обещали царю территориальные

³ H. A l m q u i s t. Sverge och Ryssland. Uppsala, 1907, S. 40.

⁴ Помимо обычных в таких случаях «расспросов» торговых людей (см., например, основанную на подобных материалах отписку псковских воевод с подробным рассказом об экспедиции Сигизмунда в Швецию и битве при Стонгебро.—ЦГАДА, ф. 96. Сношения России со Швецией, 1598, № 1, лл. 119—121; далее — «Шведские дела»), русское правительство сумело получить и списки с ряда документов. Так, в январе 1598 г. русский агент Осип Симанский доставил ивангородскому воеводе Е. И. Сабурову запись постановлений риксдагов в Седерчепинге 1595 г. и в Арбоге 1597 г. об изгнании католиков из Швеции — актов, положивших начало борьбе Карла и Сигизмунда («Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г.». Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 123; далее — «Описи»). Хранился в архиве Посольского приказа и список договора, заключенного между Карлом и Сигизмундом после битвы при Стонгебро (там же, стр. 87).

Существенным недостатком, затруднявшим для русского правительства правильное понимание обстановки, было отсутствие прямых дипломатических контактов со шведским двором, так как русские гонцы, направлявшиеся к герцогу Карлу, не пропускались властями Финляндии.

⁵ Суждения об этом посольстве крайне затруднены: в «Шведских делах» документов этого посольства не сохранилось; материалы о русско-польских отношениях за эти годы почти полностью отсутствуют и в архиве Посольского приказа, и в архиве Речи Посполитой (см. «Сборник Русского исторического общества», т. 137; далее — Сб. РИО). В описи архива Посольского приказа 1614 г. упоминаются грамоты Сигизмунда на шведском языке «106-го» и «107-го» годов, но об их содержании ничего не сообщается (см. «Описи», стр. 87).

Единственным источником сведений об этом посольстве является краткое изложение в инструкции, данной русским послам, отправленным в конце 1598 г. в Швецию («Шведские дела», 1598 г., № 1, лл. 104—105).

уступки в Прибалтике. Русское правительство не дало определенного ответа на эти предложения.

Изложив все это герцогу Карлу, послы должны были затем заявить, что «царь Борис ему вспомогати учнет и Жигимонту королю тебя не подаст», если герцог уступит России Нарву и Сыренск (Нейшлосс) «с уездами». С послами был отправлен и образец соглашения («записи») по этому вопросу. В «записи» указывалось, что герцог уступает города для того, чтобы «великий государь... меня в дружбе и в любви и во всяких делах не оставил». В предвидении, что герцог Карл не согласится уступить эти города в обмен на столь неопределенные обещания, послам был вручен и другой текст «записи», где определенно указывалось, что, если Сигизмунд пойдет войной на Швецию, царь обязуется «вспомогати своею царскою казною или людми, чем будет пригоже» герцогу Карлу⁶.

Посольство, как и предшествующие русские гонцы, не было пропущено властями Финляндии, и переговоры с герцогом Карлом по интересовавшему русское правительство вопросу не состоялись. Материалы посольства, однако, ярко характеризуют сложившуюся к этому времени позицию русского правительства.

Совершенно очевидно, что в союзе с Сигизмундом, результатом которого было бы восстановление польско-шведской унии, русское правительство не было заинтересовано. Балтийский вопрос на этом этапе оно стремилось разрешить путем соглашения с новым шведским правителем. Существенно при этом, что заключением русско-шведского соглашения дело не могло закончиться: никакой реальной властью над городами северной Прибалтики герцог Карл в тот момент не обладал, и русские прекрасно это знали⁷. В окончательном тексте проекта русско-шведского соглашения прямо говорилось о Нарве и Нейшлоссе — «а доступати тех городов великому государю... своею ратью»⁸.

Таким образом, результатом такого соглашения должно было явиться вооруженное вмешательство России в ход событий в Прибалтике, предполагавшее в перспективе возможный конфликт с Речью Посполитой. Естественно, что в этих условиях интерес русского правительства к событиям, происходившим в этом районе, должен был сильно возрасти. В декабре 1598 — январе 1599 г., повинувась, очевидно, указаниям из центра, ивангородские воеводы отправили в Москву ряд «отписок» с подробными рас-

⁶ Запись «тайных речей» Сукина и Дмитриева. См. «Шведские дела». 1599 г., № 1, лл. 101—114 и (вторично) лл. 247—249. Образцы «записей» — там же, лл. 344—356.

⁷ В наказе послам специально предусматривалась возможность такого заявления со стороны герцога Карла, что «Ругодив (Нарва.— Б. Ф.) нынеча не в его руках... лифляньские немцы его не послушают» («Шведские дела», 1599 г., № 1, л. 108).

⁸ Там же, л. 349.

спросами ездивших в Таллин и в Нарву русских торговых людей.

Данные «отписок» рисуют ситуацию сложную и противоречивую. После битвы при Стонгебро вопрос о будущей судьбе ливонских владений Шведского королевства встал особенно остро. В начале декабря ездивший в Нарву гость Тимофей Выходец сообщал, что Сигизмунд «мыслит наговаривати колыванских и иных неметцких городов торговых немец, чтобы ему быти государем на Ливонской земле, потому жу как и прежде сего на Ливонской земле были маистры»⁹. Однако к концу декабря выяснилось, что события развиваются в другом направлении, и перед городами северной Прибалтики отчетливо встала другая перспектива: инкорпорации в состав Речи Посполитой¹⁰.

Конец декабря отмечен был, судя по «отпискам», волнениями и в Таллине, и в Нарве. Из Нарвы были высланы торговавшие там литовские купцы, и горожане начали укреплять город. Магистрат Таллина вступил в острый конфликт с начальником гарнизона Йораном Бое, ярым сторонником Сигизмунда, в результате чего таллинские горожане «ворота городовые заперли и ключи городовые держат у себя», так как они «боятца Колыванк к большому городу королевского полских и литовских людей промыслу». У запертых городских ворот и в Таллине, и в Нарве были поставлены вооруженные караулы горожан¹¹. Города северной Прибалтики стали ареной столкновений местных горожан, не желавших инкорпорации, со шведскими гарнизонами, возглавлявшимися пропольски настроенными сторонниками Сигизмунда. Вместе с тем, поскольку новый шведский правитель, находившийся за морем, был, очевидно, в тот период еще слишком слаб, чтобы оказать ливонским городам необходимую помощь, отдельные группы ливонского бюргерства уже в январе 1599 г. начали рассматривать русского царя как возможного защитника от литовцев и поляков. В начале января русские купцы сообщали о разговорах среди нарвских горожан: «чем сидеть за литовским королем, лучше [бить] челом» русскому царю, «а жити только за литовским королем и от литовских людей обида и теснота и насильство великое»¹².

Сложившаяся ситуация открыла русскому правительству благоприятные возможности для воздействия на прибалтийских горожан и укрепления своих позиций в северной Прибалтике. Во всяком случае именно с начала 1599 г. русское правительство предприняло ряд шагов в этом направлении.

⁹ «Шведские дела», 1599 г., № 1, л. 151.

¹⁰ Как известно, Сигизмунд в марте 1600 г. действительно подарил свои ливонские владения Речи Посполитой (A. Szelaḡowski. Walka o Bałtyk. Lwów — Poznań, 1921, str. 138).

¹¹ «Шведские дела», 1599 г., № 1, лл. 164—165 и 176—177.

¹² Там же, лл. 145—146.

Прежде всего было обращено внимание на русские торговые колонии в прибалтийских городах, в значительной мере запустевшие после военных конфликтов периода Ливонской войны.

В феврале 1599 г. посланный в Нарву известный гость Тимофей Выходец должен был добиваться у наместника и магистрата разрешения восстановить заброшенную церковь Николая Чудотворца русской торговой колонии в Нарве и учредить там службу. Все эти пожелания исходили как бы от купцов, родители которых были похоронены около этой церкви. Эти же купцы обязывались оплатить все необходимые расходы. Из сохранившихся документов, однако, видно, что средства на ремонт храма (служившего при шведах складом для порб́ха) и на жалованье причту (всего 100 руб.) были отпущены из царской казны¹³. Тогда же царем были сделаны вклады в русскую церковь св. Николая в Таллине¹⁴.

Стремление русского правительства оживить деятельность русских торговых колоний, являвшихся своего рода опорными пунктами русского влияния в прибалтийских городах, в той обстановке вполне понятно.

Тогда же, в начале 1599 г., русское правительство предприняло и другой шаг такого порядка. Побывавший в Москве в конце 1598 — начале 1599 г. австрийский посланник Михаил Шиль в своем «Известии о кончине великого князя и царя московского Федора Ивановича», приложенном к его отчету о поездке, среди других событий января 1599 г. отметил, что Борис Годунов приказал вернуть в Москву ранее высланных из нее ливонцев и выдал им для ведения торговли беспроцентные ссуды сроком на 6 лет в размере от 2 до 10 тыс. рублей¹⁵. Иностранные мемуаристы, писавшие позже, приводят ряд интересных подробностей, позволяющих лучше представить, что же именно произошло, а с другой стороны — исправить некоторые неточности, допущенные посланником, мало знакомым с московской жизнью.

Так, Исаак Масса сообщает, что помимо беспроцентных ссуд Борис Годунов даровал ливонцам «полную свободу и право гражданства (*burgrecht*) в Москве, наравне со всеми московскими купцами». Кроме того, они получили разрешение построить себе церковь¹⁶.

¹³ «Шведские дела», 1599 г., № 2, лл. 1—6. Подробнее о поездке Тимофея Выходца в Нарву см.: И. И. Смирнов. Новые материалы о вывозе хлеба из России (конец XVI в.). «Вопросы истории», 1961, № 4.

¹⁴ В этой церкви до сих пор еще сохраняется серебряная позолоченная лампада, отлитая для церкви св. Николая «повелением» Бориса Годунова «в 1-е лето государства его» (Н. В. Закревский, Лампада царя Бориса Федоровича Годунова в Ревеле. «Чтения ОИДР», 1861, кн. II, Смесь, стр. 195).

¹⁵ «Донесение о поездке в Москву придворного римского императора Михаила Шилья в 1598 г.». Пер. с нем. А. Н. Шемякина. «Чтения ОИДР», 1875, кн. II. Материалы иностранные, стр. 18.

¹⁶ Исаак Масса. Краткое известие о Московии. М.—Л., 1937, стр. 52.

По сообщению Буссова, эти купцы получили право путешествовать и торговать «как внутри страны, так и за ее пределами». Они были приведены к присяге, что не убегут и никого не увезут из страны и «будут восхвалять перед всеми» царя¹⁷.

Эти сообщения иностранных мемуаристов находят полное подтверждение в сохранившихся русских источниках. Так, известен текст присяги, которую приносили Борису Годунову ливонские купцы Бук, Керклин, Бекман, Витт, Брикс и др.¹⁸ Сохранившиеся жалованные грамоты (две из которых опубликованы¹⁹), выданные этим купцам, датированы февралем 1599 г. и позволяют установить, что именно имел в виду И. Масса, говоря о предоставлении «права гражданства» ливонским купцам. Эти купцы, получившие от царя средства для ведения торговли, были причислены к «гостиной сотне», освобождены от уплаты каких-либо торговых пошлин, а их московские дворы — от уплаты податей²⁰. Наконец, им было предоставлено специальное разрешение «ездити со всякими товары в-ыные государства, в Ливонские и в Немецкие города — в Ругодив, в Колывань, в Юрьев Ливонской, в Ригу, во Гданеск, в Любку и в-ыные Немецкие города». Купцы, которые получили эти пожалования, были жителями Немецкой слободы в Москве, заселенной при Иване Грозном выселенцами из Тарту, Вильянди, Нарвы и других ливонских городов. О пожалованиях русского правительства иноземцам делали специальные заявления русские послы, выезжавшие за границу²¹.

Это особенно ярко подчеркивает пропагандистский характер всего мероприятия, задуманного и осуществленного прежде всего для того, чтобы показать прибалтийскому бюргерству, что новое русское правительство относится к ливонскому населению совсем иначе, чем Иван Грозный. Вместе с тем это был наглядный пример, который должен был показать, какое процветание ожидает в будущем Прибалтику под русской властью²².

¹⁷ Конрад Буссов. Московская хроника. М. — Л., 1961, стр. 84.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 156. Исторические и церемониальные дела. 1599 г., № 5; см. также: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. XI, прим. 44.

¹⁹ «Собрание государственных грамот и договоров», ч. II. М., 1819, № 71—72.

²⁰ Русским «гостям» такие привилегии не предоставлялись (см. «Дополнения к Актам историческим», т. I, СПб., 1846, № 147).

²¹ Такое заявление было сделано, например, русским послом Афанасием Власьевым жителям Гамбурга летом 1599 г. («Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. II. СПб., 1852, стб. 666—667).

²² Такие же права и привилегии предоставлялись и бюргерам, выезжавшим в тот период из Прибалтики в Россию: так, в декабре 1599 г. выехавший из Таллина бюргер Корт Делекузен получил жалованную грамоту о зачислении его в «гостиную сотню», текстуально совпадающую с грамотами февраля 1599 г. (ЦГАДА, ф. 64. Сношения России с Лифляндией, д. 13, лл. 24—27; далее — «Сношения России с Лифляндией»).

Надежды русского правительства частично себя оправдали: в прибалтийском бюргерстве пожалования московским немцам, действительно, встретили благоприятный отклик, особенно у жителей Нарвы, еще помнивших бурный экономический расцвет города под русской властью и большие привилегии, пожалованные Нарве Иваном Грозным²³.

Наконец, у всего этого предприятия имелась и чисто практическая сторона: в лице облагодетельствованных Годуновым ливонских купцов, располагавших обширными родственными и иными связями в прибалтийском обществе, русское правительство получило большое количество бесплатных агентов, систематически снабжавших его большой и разнообразной информацией. Уже в августе 1599 г. в Польский приказ стали поступать «отписки» от «ливонских немцев, московских жильцов» Керклина, Поперзака, Смита и др., развернувших весной 1599 г., по получении царских ссуд, торговлю в Прибалтике.

Эти «отписки» дают достаточный материал, чтобы судить о том, как продолжали развиваться события в Прибалтике летом 1599 г. Противоречия между прибалтийскими городами и королем Сигизмундом все более обострялись. Магистрат Таллина отказался оказывать Сигизмунду военную помощь в войне со Швецией. Город продолжал укрепляться. В ожидании нападения польских войск в него стало переселяться население округа²⁴.

В начале сентября 1599 г. наместник польской Прибалтики Фаренсбах с войсками подошел к Таллину и требовал сдачи города²⁵. Положение прибалтийских городов было особенно трудным, так как местное дворянство («мызники») держалось польской ориентации.

В этих условиях к жителям Нарвы, открыто заявлявшим, что под русской властью «им бы было добро»²⁶, стало присоединяться бюргерство Таллина — главного города северной Прибалтики. «Колыванцы» летом 1599 г. стали склоняться к тому, чтобы искать у русского царя покровительства для защиты от притязаний Речи Посполитой²⁷. На протяжении 1599 г. в Россию выехал и ряд горожан, принадлежавших к видным бюргерским семьям

²³ Нарвские горожане летом 1599 г. усиленно расспрашивали об этом московского купца Романа Резвого, вздыхали и говорили: «У нашего-де короля того не бывало и вперед не будет». «И многие-де немцы,— писал Резвый,— хотя ехати к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии в его государство торговати» («Сношения России с Лифляндией», д. 10, л. 12).

²⁴ «Сношения России с Лифляндией», д. 10, лл. 5—9.

²⁵ St. Herbst. Wojna inflancka (1600—1602). Warszawa, 1938, str. 2—3.

²⁶ «Сношения России с Лифляндией», д. 10, лл. 10—11.

²⁷ Там же, л. 3: «А будет-де на нас и придут войною и нам-де всем бити челом русскому государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии».

Таллина²⁸. Между таллинским магистратом и русскими властями в конце 1599 — начале 1600 г. шли какие-то переговоры²⁹.

Это явное усиление прорусских настроений в прибалтийских городах, отчасти вызывавшееся самим ходом событий, отчасти инспирировавшееся московской политикой, влияло в свою очередь на русское правительство, давая ему известное основание для расширения своих первоначально довольно скромных планов, ограничивавшихся еще в конце 1598 г. территорией двух пограничных округов.

Первым симптомом наличия у русского правительства новых широких планов по отношению к Прибалтике было появление в Москве летом 1599 г. незаконного сына шведского короля Эрика XIV, принца Густава. Этот принц, живший до этого в Гданьске на содержании своего двоюродного брата, короля Сигизмунда, в июле 1599 г. после предварительного тайного соглашения с русскими пересек русскую границу³⁰ и 16 августа 1599 г. был торжественно принят царем³¹.

Какие политические планы связывал Борис Годунов с этой фигурой, позволяет установить разбор послания, направленного от имени Густава правителю Швеции герцогу Карлу 8 октября 1599 г. Этот документ, составленный, несомненно, в Посольском приказе, представлял собой в своеобразной форме изложение условий нового русско-шведского соглашения о Прибалтике, которые от имени королевича Густава предлагались шведскому правителю.

В своем послании Густав сообщал «любительному дяде», что только благодаря его просьбе царь добился от Сигизмунда роспуска войск, собранных для нападения на ливонские города, «которые под Свеискою коруною»³².

Далее Густав выражал надежду, что его дядя за такие его заслуги, «помнячи брата своего... Ирика короля смерть... поступится» ему «тех... городов ливонских, которые к Свеиской коруне». «Надеюся, что ты, любительный дядя наш, Арцыкарло,

²⁸ Летом 1599 г. выехал в Россию брат таллинского ратмана Иван Биллирбеков («Сношения России с Лифляндией», д. 14, л. 14), в декабре 1599 г. выехал сын таллинского «полатника» Корт Делекузен (см. выше, стр. 16). К началу 1600 г. оказался в Москве и «Ганс Шредел, колыванского ратмана сын» (там же, л. 18).

²⁹ Осенью 1599 г. купец Якоб Крамер привез в Таллин царскую грамоту («Сношения России с Лифляндией», д. 14, л. 2); в начале 1600 г. в Москву приезжал с грамотами от таллинского магистрата «полатник» Херт Фризе (там же, д. 12, лл. 4, 10—11). Материалы этих переговоров, к сожалению, не сохранились.

³⁰ Об этом, с хронологическими ошибками ровно на год, см.: Исаак М а с а. Указ. соч., стр. 54—56.

³¹ Роспись этого приема см.: «Шведские дела», 1599 г., № 4, лл. 1—11.

³² Проверить правильность такого утверждения не представляется возможным, так как материалы русско-польских отношений за 1599—1600 гг. почти полностью погибли (см. «Сб. РИО», т. 137).

с нами в любви и в дружбе договор и раздел учинишь», — заканчивал Густав свое послание. Не трудно видеть, что в этой грамоте шведскому королю предлагалось уступить всю шведскую часть Прибалтики московскому ставленнику, вокруг которого уже собиралась в Москве обширная военная свита из «выезжих» прибалтийских дворян³³, готовая поддержать военной силой притязания нового претендента на ливонскую корону. Образование нового ливонского королевства из земель, юридически принадлежавших Сигизмунду, вело, разумеется, к прямому конфликту с ним, а в перспективе и с Речью Посполитой. Возможность такого конфликта, как увидим, прямо учитывалась московским правительством. В своей грамоте Густав, а вернее — русское правительство, прямо предлагал своему дяде: «Стояти и за те города, которые города ливонские ныне за Литвою»³⁴.

В сфере политических интересов русского правительства к осени 1599 г., таким образом, оказались города не только шведской, но и польской Прибалтики. Перспектива войны с Речью Посполитой становилась все более отчетливой. Не удивительно в этих условиях, что именно осенью 1599 г. начались тайные переговоры о переходе под русский протекторат главного центра польской Прибалтики — Риги.

Рига, пользовавшаяся в рамках средневекового орденового государства значительной автономией, частично сохранила ее и после своего подчинения Речи Посполитой в 1581 г. Польское правительство плохо мирилось с обширными правами вошедших в его состав городских республик Гданьска и Риги, стараясь уменьшить их политические и торговые привилегии. Так, в 1582 г. в Риге была введена государственная таможенная пошлина (*portogium*), две трети которой поступали в польскую казну. К политическим противоречиям присоединялись религиозные, так как польское правительство настойчиво стремилось насадить в протестантской Риге католическую религию. На этой почве возник целый ряд конфликтов, в которых борьба горожан за сохранение городской автономии переплеталась с борьбой ремесленников против патрициата, державшего в своих руках городскую власть. Наиболее крупными из этих конфликтов были знаменитые «Календарные беспорядки» 80-х годов XVI в. Уже в то время отдельные члены городского совета обратились к русскому царю с просьбой о помощи против поляков³⁵, но тогда, в середине 80-х годов, после поражения в Ливонской войне, Россия

³³ См. об этом прямое свидетельство Исаака Массы (указ. соч., стр. 55).

³⁴ «Шведские дела», 1599 г., № 3, л. 4.

³⁵ Сообщения об этом содержатся в царском обращении к рижанам в 1599 г. как о событии, случившемся «в прошлых годах, тому лет с пятнадцать». Рижане соглашались перейти в русское подданство, если «государь пожалует, от веры их отводити не велит, и вотчин и урядов и прав и повольностей не порушит и из города выводити и продажи им делати не велит, как прежде сего бывало над ними» («Сношения России с Лифляндией», д. 13, л. 37).

не могла нарушить только что заключенное перемирие с Речью Посполитой. Когда в конце 90-х годов в Москву стали поступать сведения о новых волнениях в Риге, там вспомнили об этом обращении рижан.

Приехавший в Москву в ноябре 1599 г. «московский немчин» Андрей Керклин докладывал, что «в Риге был мятеж... полатники... побили людей язавицкие папешские веры, а иных выгнали из города вон»³⁶.

Более подробные сведения о событиях в Риге были получены уже в следующем, 1600 г. По сведениям гостя Тимофея Выходца «в Риге-де учинилась с литовскими людьми и с езовиты брань великая». Иезуиты пытались в телегах с сеном провезти в город оружие. Когда это было обнаружено, горожане заперли городские ворота. Иезуиты были арестованы и сознались на пытке, что они делали подкоп «из езовитцкой из ропаты» в цитадель, чтобы провести по этому подкопу в город войска Юргена Фаренсбаха, губернатора Сигизмунда в Ливонии. Иезуиты были казнены. «А однолично,—заканчивал Выходец свою информацию,—рижским за полским не бывать»³⁷.

Когда начались переговоры с Ригой, при современном состоянии источников точно сказать нельзя. Первый набросок условий перехода Риги под русский протекторат, посланный, по-видимому, «московскому немчину» Андрею Витту, находившемуся в Риге, датирован ноябрем 1599 г.³⁸ Напоминая о прошлых переговорах с рижанами, царь сообщал, что он также вместе с рижанами «скорбит» о той «тесноте и насилстве», которое чинят им «литовские люди», стремящиеся обратить их в католичество. В отличие от этого в Московском государстве другое отношение к иноземцам: выехавшим в Россию немцам даны деньги на торговлю, выданы жалованные грамоты, они освобождены от уплаты пошлин. «И теперь те все ливонские немцы, видя свои вотчины в чюжих руках, бьют челом царскому величеству, чтобы им своих вотчин доступити, а ныне перемирные лета выходят». После такого контрастного сопоставления русской и польской политики и недвусмысленных намеков на приближающуюся войну с Речью Посполитой следовало изложение царских предложений рижанам. Царь обещал рижанам сохранить за ними их владения и их «вольности». Имущество рижан в Риге и их земельные владения в городской округе освобождались от всяких «поборов». Местных дворян царь также обещал пожаловать «вотчинами и поместьи и деньгами, без оскуденья». Наконец, рижанам предоставлялось право торговать «добровольно и беспошлинно» по всей территории России.

³⁶ «Сношения России с Лифляндией», д. 10, л. 19.

³⁷ Там же, д. 14, лл. 76—77.

³⁸ Там же, д. 12, л. 3 и далее; ср. д. 13, лл. 69—72.

В случае согласия на эти предложения рижанам предлагалось послать в Москву посольство под видом «торговых людей» для заключения соглашения.

Отчета Андрея Витта о поездке в Ригу, к сожалению, не сохранилось. 30 ноября в Псков для переговоров с рижанами выехали специально выделенные для этого лица: царский ювелир Клаус Берген³⁹, из жителей Немецкой слободы, пожалованных Годуновым, и купец из Любека, также получивший у русского правительства большие торговые привилегии, Андреян Меллер⁴⁰. Из Пскова они должны были вести переговоры с представителем рижан Генрихом Флягелем (Heinrich Flögel)⁴¹. В «памяти», врученной русским представителям, были с небольшими изменениями перечислены изложенные выше условия перехода Риги под русский протекторат. Эти условия они должны были сообщить Флягелю, чтобы последний «своим другом и советником, а смотря по делу, и рижским бурмистром и ратманом... то царское жалованье потому ж сказывал»⁴². Таким образом, сторонники русской ориентации в Риге не обладали властью в городе. Они могли лишь добиваться согласия рижского магистрата на царские предложения. Учитывая эти обстоятельства, русским представителям предписывалось вести переговоры только «речью» и никаких грамот не давать⁴³.

К сожалению, о том, как шло в Риге неофициальное обсуждение царских предложений, мы знаем очень мало. В декабрьской «отписке» 1599 г. Меллер и Берген обнадеживали царя, сообщая, что «в Риге лутчие люди шестнадцать человек ратманов и полатников жадеают за тебя, государя»⁴⁴. Об успехах сторонников русской ориентации сообщается и в отрывке документа — по-видимому, «отписки» псковского гостя Юрия Иголкина, ездившего в январе-феврале 1600 г. для переговоров в Ригу. В «отписке» сообщалось, что «еще не соодиначилися все — ещо есть на королевской стороне треть держитца». По-видимому, чтобы преодолеть колебания, Генрих Флягель (в документе говорится безымянно — «он», но из дальнейших документов выясняется,

³⁹ О Клаусе Бергене («Клаусе Севастьянове» русских источников) см. Ph. Schwartz. Beziehungen des Zaren Boris Godunow zu Riga. «Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte des Ostseeprovinz Russland aus dem Jahre 1897». Riga, 1898, S. 32.

⁴⁰ «Сношения России с Лифляндией», д. 13, лл. 1—2.

⁴¹ Генрих Флягель принадлежал к одной из самых знатных бюргерских семей Риги: его старший сын был впоследствии бургомистром, второй сын — старейшиной большой гильдии. Он был в этот период тесно связан с русскими: на его имя была прислана летом 1599 г. царская «опасная грамота» королевичу Густаву (Ph. Schwartz. Указ. соч., стр. 37).

⁴² «Сношения России с Лифляндией», д. 13, л. 10.

⁴³ См. выговор Меллеру и Бергену за нарушение этих предписаний. — Там же, л. 18.

⁴⁴ Там же, л. 29.

кто добивался этого) просил письменного документа — грамоты «большому бурмистру свояку своему Клаусу Ику», «а хочет ту грамоту отдати тайно и тотчас»⁴⁵. Таким образом, речь шла о привлечении на русскую сторону Клауса Экка — главы рижского магистрата и одновременно «бургграва» — представителя польского короля в городе Риге. Требуемую грамоту Генрих Флягель, лично ездивший за ней во Псков, получил 24 февраля 1600 г. и, по-видимому, в начале марта 1600 г. доставил в Ригу⁴⁶. Документ был составлен, вероятно, из предосторожности, в виде письма Клауса Бергена рижскому совету на имя бургомистра Экка. В дальнейшем события, однако, развернулись не так, как, видимо, предполагал Флягель. 6 марта 1600 г. он был вызван в городской совет, где был подвергнут подробному допросу об адресате и содержании полученного письма и о том, почему оно адресовано бургомистру Экку. Почувствовав неладное, Флягель заявил, что Клауса Бергена он знает только по торговым делам, что о содержании письма он ничего не знает, так как оно запечатано, знает ли царь об этом письме, ему также неизвестно. Материалы допроса Флягеля вместе с латинским переводом присланной грамоты были отправлены литовскому канцлеру Льву Сапеге с просьбой сообщить королю о верности Риги⁴⁷. Таким образом, сторонники русской ориентации оказались слишком слабыми, чтобы добиться соглашения между городом и Россией.

Рижские городские власти не собирались серьезно порывать с Речью Посполитой, от которой город зависел в экономическом отношении. Переговоры с русскими интересовали их лишь как средство дополнительного давления на правительство Речи Посполитой, от которого магистрат добивался в это время подтверждения городских привилегий⁴⁸.

Однако история этих переговоров бросает яркий свет на внешнеполитические планы русского правительства. Осенью 1599 г. они не ограничивались проектом создания в шведской Прибалтике вассального русского владения. Речь шла о более широких планах подчинения Прибалтики в целом, ибо иначе трудно себе представить, как реально мог быть осуществлен русский протекторат над Ригой. Главным противником этих русских планов была, разумеется, Речь Посполитая, без войны с которой они не могли быть претворены. Готовясь к войне, русское правительство предприняло в том же 1599 г. поиски союзников. В июне 1599 г. выехал в Вену дьяк Афанасий Власьев, который должен

⁴⁵ «Сношения России с Лифляндией», д. 13, л. 43.

⁴⁶ Там же, лл. 44—45.

⁴⁷ Ph. S c h w a r t z. Указ. соч., стр. 31—34.

⁴⁸ Аналогичным образом протекали и переговоры Риги со шведами осенью 1601 г. Добившись подтверждения сеймом городских привилегий, магистрат переговоры прервал (St. H e r b s t. Указ. соч., стр. 62).

был предложить австрийскому императору Рудольфу II союз против Речи Посполитой⁴⁹.

Главные дипломатические усилия русского правительства были, однако, сосредоточены в Прибалтике. Антипольская позиция прибалтийских городов в конце 1599 г. продолжала оставаться важным фактором русской внешней политики, с учетом которого в значительной мере строились обширные внешнеполитические планы. Уязвимым пунктом всех этих обширных планов, к выполнению которых приступили вплотную осенью 1599 г., было отсутствие накануне открытого конфликта с Речью Посполитой какого-либо соглашения со Швецией. Роль Швеции во всех этих планах представляется весьма неясной: единственное, что обещали герцогу Карлу в обмен на уступку шведской Прибалтики, был в сущности весьма проблематичный намек на какие-то возможные территориальные приращения к Ливонии за счет Речи Посполитой. Вряд ли подобного рода условия могли быть приемлемыми для шведских феодалов, не желавших усиления русских позиций в Прибалтике. Кстати говоря, и об этих предложениях герцог Карл ничего не знал, так как представители Густава вынуждены были вместе с посланием вернуться назад из Выборга⁵⁰: принять их герцог Карл не пожелал. Тогда же, в ноябре 1599 г., в Стокгольм прибыло русское посольство Сукина и Дмитриева. Переговоры, продолжавшиеся с 26 ноября по 21 декабря, закончились без всяких результатов⁵¹. Между тем к сентябрю 1599 г. военные действия в Финляндии завершились и началась переброска шведских войск в Эстонию. Первым пунктом, где высадилась шведская армия, была Нарва. Подробные сведения о том, как происходило установление шведской власти в этом городе, содержатся в «отписке» «московского торгового немчина» Андрея Керклина, находившегося в то время в Нарве по своим торговым делам⁵².

Записи Керклина начинаются с 8 октября 1599 г., когда в Нарве узнали, что начальник таллинского гарнизона Иоран Бое — сторонник Сигизмунда — предложил нарвскому «державцу» ввести в город «ратных конных людей для того, чтоб Ругодив удержать на короля польского». Эта попытка не удалась, но положение в городе крайне обострилось. 10 октября в городе

⁴⁹ Власьев сообщил императорским советникам, что Борис Годунов «на Польскую и на Литовскую землю хочет стояти з государем вашим, с царским величеством заодин», чтобы посадить на польский престол императорского брата Максимилиана («Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. II, стб. 692). Ответ императора на русские предложения был отрицательным: он сообщил русскому послу, что «неправды их (поляков.— Б. Ф.) ...мстити им не хочет, а о том бога молит, что им за то будет отмщенье от бога» (там же, стб. 747).

⁵⁰ Н. A l m q u i s t. Указ. соч., стр. 49.

⁵¹ Там же, стр. 52—54.

⁵² «Сношения России с Лифляндией», д. 10, лл. 13—18.

появился гонец герцога Карла, который был арестован комендантом. Этот арест, очевидно, и послужил поводом к начавшемуся на следующий день восстанию. К восставшим горожанам присоединились стоявшие в городе «финские пешие стрельцы», из которых в значительной части и состоял городской гарнизон. Восставшие, отправившиеся на штурм крепости, прихватили с собой и Керклина: в случае неуспеха восстания они надеялись через его посредничество обратиться за помощью к ивангородскому воеводе⁵³. К концу дня восстание увенчалось успехом, комендант попал в плен, а гонец герцога Карла был освобожден. На следующий день из города были высланы местные дворяне (80 человек), которые поддерживали коменданта.

Уже через несколько дней между победителями началась «рознь». Если шведские «воинские люди» считали необходимым передать город герцогу Карлу, то нарвские горожане во главе со своим предводителем «полатником» Марком Мунтом держались иной точки зрения. Местный священник Ламберт Кетерлинк, выражая, по-видимому, настроения своих прихожан, открыто «пророчествовал»: «Ругодиву быти за руским государем».

Уже 15 октября нарвские бюргеры вступили в переговоры с ивангородским воеводой, прося его, чтобы он «государевых людей в Бванегороде держал наготове». В Нарве явно готовилось новое восстание, после которого город должен был перейти под русскую власть. Однако оно запоздало: 24 октября в город вступил Пер Столпе, назначенный герцогом Карлом нарвским наместником, с отрядом финских «пеших людей». В городе была окончательно установлена шведская власть. «А ныне,— писал в Москву Керклин,— полатники ходят, головы свои повеса, кручинася — чтоб то не так было, толко ныне то поздно».

Описанная картина убедительно объясняет причины быстрых успехов высадившихся в Прибалтике шведских войск. Представители связанной с Сигизмундом шведской аристократии, которым формально принадлежала власть, не имели никакой опоры ни в местном населении, ни в солдатах собственных гарнизонов. В феврале 1600 г. быстро продвигавшиеся шведские войска овладели почти всеми главными пунктами шведской Прибалтики⁵⁴. В марте 1600 г. шведам присягнул Таллин, а осенью 1600 г. началось вторжение шведских войск в польскую Прибалтику. Эти события, менявшие всю политическую обстановку на Балтике, привели к значительным изменениям в отношении

⁵³ «Толко державец нас переможет, и оне с тою вестью хотели меня послати ко князю Василью (ивангородскому воеводе.— Б. Ф.), чтоб князь Василий прислал к ним в Ругодив на помочь государских людей... что было в ту пору Ругодив отдать государю, а не полскому королю».

⁵⁴ St. Herbst. Указ. соч., стр. 3.

прибалтийских городов к России, с одной стороны, и во внешне-политической позиции русского правительства, с другой.

В новой обстановке 1600 г. на поддержку прибалтийских городов, особенно Таллина, являвшегося традиционной опорой шведской власти в Ливонии, рассчитывать не приходилось. Отпадала и всякая основа русско-шведского соглашения на предложенных осенью 1599 г. условиях: земли, предназначавшиеся по этому соглашению королевичу Густаву, прочно оказались под властью шведов, которые никому не собирались их уступить.

Сношения с прибалтийскими городами прекратились. Исключением в этом отношении была Нарва, так как прорусская ориентация ее жителей имела более глубокие и постоянные причины. События, происходившие в Нарве осенью 1599 г., ясно показывают, что нарвские бюргеры были недовольны как польской, так и шведской властью.

В марте 1600 г. в Москву приехал представитель нарвских горожан — «полатник» Арман Скров. Арман сообщил, что «все немцы ругодивские меж себя укрепили по своей вере, евангелъе целовали на том, что ...хотят быти под твоею царскою высокою рукою». В заговоре вместе с ним участвовали бургомистр Нарвы «Ондрей Сомор» и ряд других ратманов и «полатников». «А у них у луччих людей в Ругодиве, — заверял Арман, — то тайно о том уложено крепко»⁵⁵. Переговоры, по-видимому, продолжались и в дальнейшем. В «Описи архива Посольского приказа 1614 г.» упоминается и «Грамота от царя Бориса к ругодивским к бурми-стром и к ратманам, писано в 1608 году»⁵⁶, представлявшая собой, вероятно, подобно царской грамоте в Ригу, проект условий перехода Нарвы под русскую власть.

Связи с нарвскими горожанами представляли для русского правительства несомненный интерес, так как облегчали в случае начала военных действий присоединение Нарвы, но определять направление русской внешней политики они, конечно, не могли.

Дипломатическая неудача 1600 г. не означала окончания русской борьбы за Прибалтику. Уже к началу 1601 г. у русского правительства складываются новые планы решения балтийского вопроса, но в этих новых планах позиция ливонских городов уже не занимала прежнего места.

⁵⁵ «Сношения России с Лифляндией», д. 16, лл. 13—14. Подробнее об этом см.: И. И. Смирнов. Конрад Буссов и его хроника. В кн.: Конрад Буссов. Московская хроника, стр. 14—16.

⁵⁶ «Описи», стр. 62.

ВОСТОЧНЫЕ И ЗАПАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИПЛОМАТИИ В КОНЦЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Тезис, поддерживавшийся в русской дореволюционной научной литературе и долго бытовавший среди зарубежных ученых, о раздельности двух одновременных театров войны — Северной и за испанское наследство, — отклики которых наполнили дипломатическую переписку двух первых десятилетий XVIII в., давно уже требует проверки.

Правда, С. М. Соловьев, исследуя внешнюю политику России при Петре I, не терял из виду связи внешнеполитической истории России с международными событиями на Западе. Говоря о возникновении Великой северной войны на Востоке Европы, Соловьев отмечал совпадение его с началом войны за испанское наследство. Он писал о переменах, внесенных этими военными столкновениями в политическую конфигурацию Европы, как бы связывая их таким образом в единую борьбу за преобладание, разворачивавшуюся на двух противоположащих флангах¹. Эта точка зрения Соловьева объяснялась в известной мере спорами между западниками и славянофилами, спорами, которые стимулировали в лагере западников интерес к истории Западной Европы и к установлению исконных связей с ней России.

Интересно следующее высказывание Соловьева: «Сцена русского дипломатического действия [в 1718 г.] охватила всю Европу, русские интересы переплетались с интересами Германии, Англии, Франции. Кто мог вообразить что-нибудь подобное лет восемь тому назад?»²

Однако последовательное изучение взаимодействия этих двух театров военной и дипломатической борьбы, развернувшейся в Европе в начале XVIII в., во времена Соловьева было невозможно вследствие недостаточности выявленного тогда фактического материала. А затем, на рубеже XIX и XX вв., изменилось направление научных интересов, военная и дипломатическая история отошла в русской исторической науке на второй план.

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза», т. XIV, гл. 4, стб. 1226—1227.

² С. М. Соловьев. Указ. соч., т. XVII, гл. 2, стб. 468.

Голько советские ученые снова обратились к этой тематике, но полученное ими наследие оказалось слишком недостаточным для широких обобщений, для выявления связей между внешней политикой России и западных и центральноевропейских государств в тот период, когда Россия решала свои коренные задачи, завещанные XVIII веку предшествующим столетием. В этой связи следует назвать некоторые работы Т. К. Крыловой, В. Д. Королюка и Е. В. Тарле, позволившие по-новому ставить вопросы внешней политики России при Петре I.

Так, Т. К. Крылова в статье «Россия и „Великий союз”»³ касается взаимоотношений Северного союза с Францией и противостоявшими ей государствами, лапидарно выявляя конкретные проявления таких связей и уходя от более широких обобщений.

В. Д. Королюк в ряде статей по русско-польским отношениям периода подготовки и начала Северной войны ближе подходит к интересующей нас проблеме. Самая тематика его исследований толкала его к изучению межгосударственных связей и отношений в Европе — Центральной, Западной и Северной, не исключая отсюда Турции и Крыма. В статье «Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия»⁴ он, уточняя поставленную перед собой задачу, пишет: «...изучая события, связанные с развитием турецкого или шведского вопросов, исследователь не имеет права ни на одну минуту упускать из поля зрения события, развертывавшиеся на другом конце континента. Органическое единство международных отношений Европы, подготовленное бурными событиями XVI и XVII вв., было уже теперь таким фактом, игнорировать который было совершенно невозможно. В области дипломатии следствием упомянутого органического единства международных отношений и взаимной зависимости всех решающих европейских противоречий явилась концепция европейского равновесия, сформулированная уже в течение XVII в.»⁵

Эта характеристика поясняет обстановку борьбы за польский престол между Францией и Россией, которой посвящена вся статья. Попытка Франции заручиться польским союзом могла представлять собой слишком опасную угрозу для всех соседей Речи Посполитой, не исключая и России, которая вместе с Австрией возглавляла в это время антитурецкую коалицию⁶.

Вопрос о польском престолонаследии и о союзе России и Речи Посполитой непосредственно связывается в статье с борьбой против Турции. Избрание французского ставленника принца Конти на польский престол повлекло бы за собой разрыв Речи Посполитой со Священной лигой и заключение мира с

³ «Исторические записки», № 13, 1942, стр. 84—129.

⁴ УЗИС, т. III, 1951, стр. 176—219.

⁵ Там же, стр. 176—177.

⁶ Там же, стр. 177.

турками, т. е., как пишет далее автор статьи, союз Франции с Турцией вредил ее кандидату на польский престол⁷.

Борьба с французской кандидатурой, нежелательной для России как вследствие ее антитурецкой позиции, так и ввиду предстоявшей ей в перспективе войны со Швецией, сблизила Россию с саксонским курфюрстом Августом II и толкнула ее на поддержку его кандидатуры. Так В. Д. Корольюк предвещает свое исследование борьбы за польскую корону в последние годы XVII в. характеристикой международной ситуации, которая объясняет позиции держав, участвовавших в этой борьбе.

Е. В. Тарле в работе «Русский флот и внешняя политика Петра I»⁸ как знаток всеобщей истории, конечно, не обошел связей русской внешней политики с международной обстановкой и зависимости ее от последней. Так, рассказывая о начале Северной войны, Е. В. Тарле говорит о возникшей почти одновременно с ней войне двух коалиций: в центре одной были Франция и Испания, а в центре другой — Габсбургская монархия и Англия. Обе они не прочь были приобрести нового союзника в лице России. «Петр мог,— пишет Е. В. Тарле,— воюя, например, против Австрии или Бранденбурга, этим самым помочь Людовику XIV; он мог, с другой стороны, воюя против Швеции, подорвать значение и силу шведского союзника Франции и этим помочь Англии и Голландии»⁹. Он пишет о том, что «Франция экономически и дипломатически поддерживала шведов, поддерживала посаженного Карлом XII на польский престол Станислава Лещинского, поддержала бы и Мазепу, если бы Полтава не покончила и с Карлом XII (по крайней мере в Польше и на Украине), и с Мазепой»¹⁰.

При затянувшемся состязании с Францией Англия стремилась «тянуть дело» с Россией и Данией, не будучи в состоянии навязать им свою волю или вернуть себе прежний вес на севере Европы раньше, чем ей удалось бы выпутаться из войны с Францией»¹¹.

Такие точки соприкосновения борьбы за Балтийское побережье, охватившей север и центр Европы, с борьбой за испанское наследство, разыгравшейся в Западной и Центральной Европе, Тарле выявляет и подчеркивает на протяжении всей работы. Так, касаясь путешествия Петра I во Францию в 1717 г., он говорит об опасении англичан, что царь «круто повернет руль русской политики в сторону союза с Францией, а это окажется очень опасным для Австрии и не весьма безопасным для Англии. Ведь царь, владея над Россией и распоряжаясь как хозяин

⁷ УЗИС, т. III, 1951, стр. 195.

⁸ Е. В. Тарле. Сочинения, т. 12, М., 1962.

⁹ Е. В. Тарле. Указ. соч., стр. 125.

¹⁰ Там же, стр. 136.

¹¹ Там же, стр. 142—143.

в Польше и почти на всем южном побережье Балтийского моря, держит в своих руках страны, из которых Англия и Голландия получают материалы, нужные для кораблестроения»¹².

Не только англичане боялись слишком большого преобладания России на Балтийском море, пишет Е. В. Тарле. Их страх разделяли и голландцы, которые страшились русских линейных кораблей, стоявших в Петербурге и Ревеле (Таллине), заходивших в Ригу и Гданьск (Данциг), боялись многочисленных галер и большой русской армии, готовой сесть на эти галеры.

Е. В. Тарле пишет и о том географическом пункте, в котором наиболее резко сказывалось противоречие англо-австрийской и русской политики. Он говорит, что в 1718 г. Англию заботило не столько спокойствие империи, сколько присутствие русских войск в Мекленбурге и Гданьске¹³.

Основные «болевые точки» русской экспансии, вызывавшие тревогу на Западе, точно выявлены акад. Тарле. Но он не развил вопроса о ее влиянии на взаимоотношения западных держав, на вновь создаваемые ими союзы. Взаимодействия Востока и Запада Европы в процессе борьбы за преобладание в ней в первой четверти XVIII в. он не касался.

К сожалению, указанные выше проблемы не нашли отражения в такой работе по истории первой четверти XVIII в., как «Очерки истории СССР»¹⁴. Ее авторы не рассматривают внешнюю политику России как фактор международных отношений и в лучшем случае говорят о попытках западных держав, участниц войны за испанское наследство, «задержать развитие успехов России в Северной войне» или о враждебном отношении Англии к усилению России¹⁵, хотя в разные периоды этой войны менялись позиции европейских государств, и ни одно из них не вело прямолинейной, бескомпромиссной политики по вопросам прибалтийских владений Швеции.

Такое некритическое отношение к позиции западных держав отразилось в «Очерках» в оценке, например, конвенции 1710 г. об имперском нейтралитете, про которую говорится, что она «носила враждебный интересам России характер»¹⁶. Эта оценка основывается на известном «Рассуждении», которое приписывается П. П. Шафирову. Но приписываемый ему документ имел специфическую задачу: показать умеренность русского правительства, шедшего навстречу своим союзникам даже при их недоброжелательных в отношении России акциях. На самом же деле конвенция 1710 г. стремилась устранить для империи опасность войны, которая могла бы оторвать Австрию от «Великого союза».

¹² Там же, стр. 161.

¹³ Там же, стр. 162—165.

¹⁴ «Очерки истории СССР». XVIII век. Первая четверть. М., 1954.

¹⁵ Там же, стр. 461, 487, 515, 522, 525, 542, 547, 554, 568, 581 и др.

¹⁶ См. там же, стр. 520.

Также не поняли авторы «Очерков», почему удержание Россией ее завоеваний в Прибалтике вызывало опасения Англии — Ганновера: их дипломатия считала, что потеря Швецией восточной Прибалтики затруднит приобретение Ганновером Бремена и Вердена. Тут не учитывается наличие двух программ решения северного вопроса: франко-русской и англо-ганноверской, о которых речь будет далее, а также враждебность Англии к преобладающей на Севере державе, будь то Швеция или Россия.

Ко времени выхода в свет «Очерков» было тем более своевременно поставить задачу, намеченную нами в начале статьи, что в иностранной литературе подобные попытки, хотя и робкие, были уже сделаны.

В частности, известный английский историк Ченс в ряде статей, опубликованных в начале века, пытался разобраться в путаных взаимоотношениях держав, сложившихся в связи с северным вопросом в конце второго десятилетия XVIII в. Очень подробно и конкретно, на документальном материале, он излагает дипломатическую историю Северной войны. В одной своей статье, посвященной событиям 1718 г.,¹⁷ он говорит, например, о планах кардинала Алберони, руководившего в то время внешней политикой Испании, по поводу северных дел и предполагавшегося шведско-русского союза. Слухи о последнем рождались не столько состоянием переговоров между Россией и Швецией, сколько страхами, которые эти переговоры вызывали: «Преобладавшее в это время мнение выражено лордом Стенгопом¹⁸ в сообщении из Парижа, написанном вскоре после его возвращения из Испании, где он пытался убедить Алберони... принять условия Четверного согласия: разговоры и общее мнение сводятся к тому, что не только заключен мир, но что русский и шведский флоты фактически соединились, имеют на борту многочисленное войско, предназначенное для какой-то экспедиции против короля» (английского.— С. Ф.). По словам Ченса, Алберони не мог скрыть от Стенгопа своих надежд, связанных с ослаблением Англии и создаваемых ею союзов¹⁹.

Уже в этой заметке кроется понимание связи политики Испании с делами на Балтике, но четкой формулировки этих связей мы у Ченса еще не находим.

Установимся на интересной многотомной работе фрейбургского ученого В. Михаеля «Английская история в XVIII в.»²⁰, хорошо документированной. Историю Англии Михаель трактует в

¹⁷ J. F. Chance. The Northern question in 1718. «The English Historical Review», 1906, v. XXI, № 83, p. 460—492.

¹⁸ Английский статс-секретарь по иностранным делам.

¹⁹ J. F. Chance. Указ. соч., стр. 478—479.

²⁰ W. Michael. Englische Geschichte in 18. Jahrhundert. Bd. I. Die Anfänge des Hauses Hannover. Berlin — Leipzig, 1921.

тесной связи с историей всей Европы. Он считает, что никогда связь внутренней и внешней политики Англии не была более наглядна, чем при Георге I, и в своем исследовании отводит международным отношениям гораздо больше места, чем это обычно делается в общих исторических трудах.

Михаэль устанавливает тесную связь между отношениями Лондона к Испании и Франции, с одной стороны, и его отношениями к Швеции и России — с другой. И хотя он повторяет старое утверждение о том, что борьба на севере ни разу не соприкасалась с одновременными событиями войны за испанское наследство и последовавшими за ней, эти утверждения расходятся с им же приводимым конкретным материалом, например, когда он по частному вопросу о якобитских интригах 1717—1719 гг. против Ганноверской династии напоминает о том, что опасность якобитской высадки в Англии одинаково учитывалась дипломатами Петербурга и Мадрида. Борьбу Ганноверской династии со Стюартами он рассматривает в аспекте международных отношений изучаемого им времени и связывает ее с планом русско-шведско-испанского союза 1718 г., достаточно, впрочем, проблематичным. Роль претендента и его сторонников как антианглийского козыря в политике держав, в том числе и России, заинтересованных в ослаблении Англии, систематически прослеживается в его работе.

Упомянем также небольшую статью того же автора «Сложный дипломатический казус 1719 г.»²¹. В. Михаэль изучает в ней Венский договор Австрии, Саксонии и Ганновера от 5 января 1719 г. на основании архивных его экземпляров, хранившихся в Вене, Ганновере и Дрездене. Он приходит к заключению, что этот договор был вызван усилением России за счет Швеции и что своими тайными статьями и приложенными к нему декларациями он был направлен против русского влияния в делах Западной Европы. Тут мы вступаем непосредственно в сферу нашей тематики — тех международных соглашений конца первой четверти XVIII в., в которых тесно сплетались, сближаясь и отталкиваясь, восточно- и западноевропейские дела.

Особого внимания в плане нашей задачи заслуживает недавно вышедшая в «Ученых записках» Грейфсвальдского университета статья пражского профессора А. Флоровского «Мекленбургская проблема в политике Петра Великого»²².

Говоря о значении выхода России на берега Балтики, он подчеркивает, что это было крушением системы «северного равно-

²¹ W. Michael. Ein schwieriger diplomatischer Fall aus dem Jahre 1719. «Historische Zeitschrift», 1902, Bd. 88, N. F., Bd. 52, S. 56—68.

²² A. Florovsky. Das Mecklenburgproblem in der Politik Peters des Grossen. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald», 1963. «Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe», № 5/6, S. 545—558.

весия», установившейся после Вестфальского мира 1648 г., и означало включение в европейскую систему нового политического элемента, активной роли в ней России. В этой перестройке на известном ее этапе сыграл большую роль мекленбургский вопрос, т. е. вопрос о судьбе маленького герцогства в юго-западном углу Балтийского побережья²³.

Перенос в империю борьбы Северного союза против шведских прибалтийских владений усложнил отношения как между участниками союза, так и между ними и Ганновером с Пруссией, непосредственно заинтересованными в судьбе шведских владений. Вместе с тем потребовались переговоры с участниками Великого союза, Англией, Голландией и Австрией, без учета интересов которых нельзя было развернуть серьезные военные действия в пределах империи. В процессе развития этих действий, пишет А. Флоровский, Мекленбург занял особое место, зависевшее от ряда обстоятельств и интересов, не связанных непосредственно с собственно русско-шведской проблемой.

Усиление русских позиций в Прибалтике совпало с окончанием войны за испанское наследство, когда в политических кругах Западной Европы могли сделать выводы, неблагоприятные для целостности Северного союза. Ввод русских вооруженных сил в Мекленбург создал вместе с тем глубокую трещину в Северном союзе, так как Россия представлялась теперь для ее союзников не менее опасной и угрожающей, чем сама Швеция.

Атмосфера недоверия к России стимулировала сближение Англии с Францией, двух бывших противниц в войне за испанское наследство. В этой же международной ситуации создался так называемый Четверной союз Англии, Франции, Австрии и Голландии, пишет А. Флоровский, вплотную подходя к интересующему нас вопросу о взаимодействии Востока и Запада Европы в международных отношениях первой четверти XVIII в. Хотя этот союз непосредственно не задевал Россию, он укрепил позиции Англии и Австрии в такой момент, когда неизбежными казались серьезные осложнения на севере Европы при ближайшем участии России, пишет автор²⁴.

Между прочим А. Флоровский считает, что Петр I не рассматривал ввод русских войск в Мекленбург как временную меру, а считал Мекленбургское герцогство базой для дальнейших мероприятий. Возможно, что А. Флоровский в этом случае прав. Он считает, что на территории Мекленбурга Петр I имел в виду создать более или менее постоянную политическую и экономическую базу для России с целью выхода в океан в обход Зунда²⁵.

²³ А. Флоровский. Указ. соч., стр. 545.

²⁴ Там же, стр. 546—548.

²⁵ Хотя А. Флоровский ссылается на опубликованный мною документ («Аландский конгресс», М., 1959, стр. 87—89), я таких выводов из него не сделала.

Мекленбург мог быть использован Россией для развития торговых отношений с Центральной и Западной Европой, пишет А. Флоровский. Проникновение России в Мекленбург послужило отправным моментом для перестройки международных отношений на Западе. Так называемая русская опасность, муссировавшаяся на Западе, в сочетании с мекленбургским вопросом и в особенности в связи с Аландским конгрессом побудила Англию подготовить на основе широкой европейской коалиции активное противодействие русской политике, считает он²⁶. Тут он непосредственно подходит к интересующей нас проблеме.

* * *

Прежде чем перейти к системе союзов, созданных Англией в целях укрепления ее антирусской позиции, коснемся отношения западных держав к северному вопросу в канун русско-шведских мирных переговоров.

Французская программа мира на севере, созданная еще при Людовике XIV, сводилась к сохранению за Швецией ее имперских владений и удовлетворению русских территориальных требований на восточную Прибалтику. Эта программа, авторами которой были Людовик XIV и его министр Торси, выработанная после заключения Утрехтского мира, преследовала цель сохранения Швеции как антиавстрийской силы в системе внешнеполитических связей Франции. Неприкосновенность шведских владений в Германии, усиливая расчленение последней и анархию в ней, шла по линии старой французской политики «восточного барьера», северным звеном которого была Швеция. Эта программа была впервые намечена в инструкциях посла де Круасси, отправленного весной 1715 г. версальским двором к Карлу XII²⁷. Учитывая полное поражение Швеции в Северной войне и очевидную невозможность сохранения ею восточной Прибалтики, французская дипломатия выдвигала программу уступок России и компенсации Швеции путем возвращения ей также утраченных в войне германских владений.

Французский посол в Гааге Шатонеп писал уже после смерти Людовика XIV, 5 мая 1716 г., о том, что союзники не допустили русские войска к осажденному Висмару и об охлаждении отношений между Россией и прочими участниками Северного союза; он делал отсюда следующий вывод: «...такое поведение союзников по отношению к царю показывает, насколько они боятся соседства этого государя; будет не удивительно, если наследство

²⁶ А. Флоровский. Указ. соч., стр. 552—556.

²⁷ «Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française». t. II. Suède. (1652—1790). Paris, 1885, p. 247—276.

шведского короля превратится в яблоко раздора для тех, кто способствовал его гибели»²⁸.

Противоположной позиции придерживалась в этот период англо-ганноверская дипломатия²⁹. Во-первых, она стремилась ослабить русское преобладание на Балтике, откуда Англия вывозила свои кораблестроительные материалы; во-вторых, она была заинтересована в приобретении Ганновером Бремена и Вердена, которые открывали английской торговле путь по Везеру в Гамбург и Центральную Европу. Это было бы затруднено при переходе к России восточнобалтийских провинций, так как следствием этого были бы попытки Швеции удержать свои германские владения.

Две эти программы решения северного вопроса, из которых первая была вполне приемлема для России, сталкивались между собой, казалось, непримиримым образом.

При регенте герцоге Орлеанском и руководившем его внешней политикой аббате Дюбуа Франция стала колебаться между системой Людовика XIV и наметившейся английской ориентацией ее дипломатического ведомства. В августе 1716 г. Дюбуа, выдавший перед тем в Гааге с английским статс-секретарем Стенгопом, отправился в Ганновер для переговоров с ганноверским двором, опасавшимся франко-русского соглашения³⁰.

Английская дипломатия знала об авансах, которые были сделаны незадолго до того советником Карла XII Герцог и русским послом в Гааге Б. И. Куракиным французскому послу в Голландии Шатонефу с целью добиться посредничества Франции в ликвидации Северной войны, и она приняла свои меры. Ее руководители, статс-секретари Стенгоп и Тоунсенд, пришли к выводу о необходимости лишить Россию поддержки французского регента и стали добиваться заключения договора с Францией. Дипломатическому ведомству Англии была ясна связь между внешней политикой стран Западной и Восточной Европы, и оно поставило перед собой задачу закрепить послеутрехтские отношения с Францией и Голландией прочным союзом с ними, ослабить русское влияние и угрозу русско-шведского мира за счет Ганновера и Дании, претендовавших на германские владения Швеции.

Начавшееся русско-французское сближение и предстоявший визит Петра I в Париж стимулировали интерес Англии к союзу с Францией и ускорили переговоры Дюбуа со Стенгопом. Английский представитель в Гааге Гораций Вальполь писал 21 октября 1716 г. по поводу полученных им распоряжений подписать дого-

²⁸ G. Syveton. L'erreur de Goertz. «Revue d'histoire diplomatique», Paris, 1895, N 3, p. 437.

²⁹ В 1714 г. ганноверский курфюрст Георг-Людовик вступил на английский трон под именем Георга I.

³⁰ L. Wiesener. Le Régent. L'abbé Dubois et les Anglais, t. I. Paris, 1891, p. 327—330, 491—493.

вор с Дюбуа: «Единственный довод, который я в них нахожу,— это боязнь, что царь приобретет влияние над дворянством Мекленбурга³¹. Со своей точки зрения, я не вижу связи между немедленным подписанием и этим делом, или почему вся европейская система, особенно в том, что касается интересов Англии, должна быть совершенно потрясена по поводу Мекленбурга. Бог знает, каковы будут последствия такой политики»³².

В Париже одной из предпосылок французского влияния на Севере считалось возвращение Швеции ее германских владений и сохранение ею суверенитета над ее континентальными владениями. На этой базе, как мы писали, представлялось возможным согласование русской программы мира со старой французской политикой ослабления Австрии. Для Франции проблема Мекленбурга и проникновения русского влияния в империю не представляли той остроты, как для англо-ганноверской дипломатии. Французская дипломатия не участвовала в антирусских демаршах, вызванных вводом русских войск в империю, ее не интересовал вопрос о Висмаре, обнаруживший резкое расхождение России и ее союзников. Но у Парижа был ряд точек соприкосновения с Лондоном и общие заботы в связи с деятельностью Алберони, руководителя внешней политики Испании.

Вместе с тем заключенное Петром I в Гавельсберге 5/16 ноября 1716 г. соглашение с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I³³ грозило вовлечь Пруссию в сферу русского влияния и лишить Францию этого козыря в ее антиавстрийских тенденциях. Сближение с Россией диктовалось Франции ее традиционной политикой.

Иной была реакция в Лондоне на намечавшееся русско-французское сближение. Английский представитель в Гааге, узнав о предстоящем визите царя в Париж, желчно писал оттуда: «... министры царя заинтересованы в том, чтобы заставлять его разъезжать сколько возможно, потому что эти люди, по их собственным словам, нигде не чувствуют себя так плохо, как у себя дома, и могут находиться в согласии со своим государем только в путешествиях»³⁴.

Решительный поворот Франции в сторону России не состоялся. Ее удержали от этого шага отчасти традиционная дружба со Швецией, но главным образом новым союз с Англией и Голландией, подписанный в январе 1717 г. Усиление России и страх перед ней сблизили Англию с Францией и способствовали заклю-

³¹ Русские войска стояли в это время в Мекленбурге, с герцогом которого Карлом-Леопольдом Россия заключила договор, обещав ему Висмар.

³² J. J. M u r r a y [ed.]. An honest diplomat at the Hague: the private letters of Horatio Walpole, 1715—1716. Bloomington, 1955, p. 359.

³³ ЦГАДА, Прусские дела 1716 г., № 13.

³⁴ Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Папка «Путешествия Петра I в Голландию в 1697 и 1717 гг.», л. 71.

чению тройственного союза Франции, Англии и Голландии 1717 г. Антирусский фронт возглавлялся после Утрехтского конгресса Англией, которая после успешной борьбы с французским преобладанием на европейском континенте, т. е. войны за испанское наследство, направила острие своей дипломатической деятельности против усиления России и закрепления ее на западных берегах Балтики и в Германии. Эта позиция англо-ганноверского двора усугублялась ганноверскими интересами английского короля Георга I, не желавшего видеть в соседнем с Ганновером Мекленбурге русские войска и встречаться там с русским влиянием. Генерал А. Вейде, командовавший русскими войсками, оставленными в Мекленбурге, писал оттуда в декабре 1716 г. о враждебных России тенденциях, которыми шведы искусно пользовались. По его сведениям, шведским дипломатам при европейских дворах предписывалось представлять и говорить, «что ис того будет, что русским допущают в Остце (Остзее — Балтийское море.— С. Ф). силными быти, или еще не ясно видимо есть, что оне чинят как на сухом пути, так и на море, уже весма по своей воли и такими мерами чают конечно отмене быть во всем»³⁵.

Эти настроения взяли верх и послужили толчком к сближению Англии с Францией, затруднившему выход России из войны на основе выдвигавшейся ею программы присоединения Лифляндии с Ригой, Эстляндии с Таллином (Ревелем) и Выборга в качестве заслона для Петербурга. Вопрос о послеутрахтских отношениях Англии с Францией решался в зависимости от выхода России на берега Балтики и от пребывания ее войск в Мекленбурге, которое, впрочем, мало интересовало Францию. Но теперь Англия, раньше не торопившаяся с заключением этого союза, добилась его, чтобы, получив поддержку Франции, пытаться восстановить «равновесие» на Севере, т. е. исключить там русское преобладание.

Английская дипломатия в лице Стенгопа относилась в начале переговоров с Францией довольно сдержанно к сближению с ней и выставляла со своей стороны ряд требований. Но явное уже в этот период, на рубеже 1716 и 1717 гг., усиление значения России в международных отношениях Европы заставило Стенгопа пересмотреть свою позицию. Пребывание русских войск в Мекленбурге, длительное заграничное путешествие Петра I, заключившего концерт с прусским королем и ожидавшегося в Голландии, побудили английскую дипломатию настойчиво добиваться союза с Францией. Последняя же перед встречей с Петром I опасно оглядывалась на Лондон. Впрочем, во французском ведомстве иностранных дел не было единства по вопросам отношений с Англией и Россией. Маршал д'Юкселл, президент французского Совета по иностранным делам, в отличие от регента и

³⁵ ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, отд. II, № 26, лл. 229, об. 300.

аббата Дюбуа, не был сторонником, последовательной английской ориентации во внешней политике и в письме к Дюбуа в январе 1717 г. преподал ему следующий урок дипломатической мудрости: «Впрочем, вы легко можете судить, что хотя союз, заключенный с английским королем и с Голландией, должен, конечно, рассматриваться как важнейшее достижение и самое выгодное, какое только могло быть получено в настоящих обстоятельствах, было бы безрассудством, зная неустойчивость английской нации, полагаться полностью на эту опору и не прибегнуть по меньшей мере способов поддержать добрые отношения с другими державами империи и Севера»³⁶.

Барон Шлейниц, чрезвычайный русский посланник во Франции, писал из Парижа 15/26 декабря 1717 г.: «Что до тесного согласия с Англиею принадлежит, то регент и здешний министериум в том разны: первой весьма к Англии склонен, к чему фаворит его, аббэ Дюбое, побуждает, а министериум видит, что они от Англии как в северных, так и в италиянских делах уже проведены и обмануты будут, но не могут в том поправить, опасаясь, чтоб с регентом в том в ссору не прийти»³⁷.

Позиция Англии в конце Северной войны определялась тем, что Швеция была уже низведена до роли второстепенной державы, а Россия вышла в первые ряды. Поэтому противодействие русскому усилению на море определяло тактику английской дипломатии по северному вопросу в этот период. Характерно, что во время пребывания царя в Париже летом 1717 г. и его переговоров с руководителями французской дипломатии там выплыл на поверхность, очевидно, не без участия Англии, острый вопрос о Мекленбурге, неизменно осложнявший в последние годы северную проблему, вызвавший обострение отношений России с Англией и приведший Петра I в Париж.

Французы пытались вовлечь Россию в орбиту только что созданной тройственной группировки держав и их интересов. Испанский агент в Париже маркиз Гримальдо писал, что «французский двор не прочь оказать на Петра некоторое давление, чтобы побудить его более дружественно относиться к Англии. Новый союз с этой державой — ближайшая к тому причина»³⁸. Действительно, французским дипломатам удалось добиться от Петра I обещания вывести войска из Мекленбурга, и эту уступку они могли выставить как свою заслугу перед Англией.

³⁶ «Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française», t. VIII. Russie. P. 1. Dès origines jusqu'à 1748. Paris, 1890, p. 150—151.

³⁷ ЦГАДА, Французские дела 1717 г., № 10, лл. 43—44, 110—111.

³⁸ М. М. Ковалевский. Новые данные о пребывании Петра Великого в Париже, почерпнутые из испанских архивов. «Русская мысль», 1884, № 1, стр. 113.

Незначительный результат визита царя в Париж, объяснявшийся английским креном французской внешней политики, был осужден герцогом Сен-Симоном, который в следующих словах характеризовал тактику регента: «Царь имел страстное желание заключить союз с Францией. Не было ничего более выгодного для нашей торговли, нашего положения на Севере, в Германии и во всей Европе. Этот государь держал Англию в узде посредством торговли, а короля Георга — в страхе за его германские владения. Он внушал Голландии чрезвычайное уважение, а императора заставлял соблюдать величайшую сдержанность. Нельзя отрицать, что он занимал большое положение в Европе и Азии и что Франция бесконечно выиграла бы от тесного союза с ним... С тех пор пришлось длительно раскаиваться в уступке роковым соблазнам со стороны Англии и в безумном презрении, проявленном к России»³⁹. Впрочем, «роковые соблазны» Англии не играли той роли, какую им приписывал Сен-Симон, представлявший традиции внешней политики Людовика XIV. Франция, нуждаясь в английской поддержке на своей пиренейской границе и перед лицом империи, не могла уклониться с пути, намеченного ее Гаагским договором с Англией января 1717 г. Франция продолжала, впрочем, колебаться между «амстердамской»⁴⁰ линией сближения с Россией и «гаагской» линией, или английской ориентацией.

В октябре 1717 г. французский посол в Гааге Шатонеф сообщил Б. И. Куракину, что его отзывают из Голландии; Куракину, имевшему большие связи в голландских политических кругах, стало известно, что регент отзывает Шатонефа по представлению Лондона «для того, что он, посол, во всех делах противен интересам короля аглинского являлся»⁴¹.

Появилась реальная угроза, что англофильская ориентация регента и аббата Дюбуа возьмет верх над точкой зрения д'Юкселла, представленной в Гааге Шатонефом; согласно их мнению, Франция не должна была жертвовать своими северными интересами и антиаэстрийскими традициями ради обороны на Пиренеях и дружбы с Англией, т. е. сторонники этой дипломатической линии склонялись к сближению с Россией и поддержке ее мирной программы. Взявшая верх английская ориентация Франции, ее тенденция «при негодности ко удовольству... двора аглинского учинить» способствовали затягиванию русско-шведских переговоров и продлению состояния войны на Балтике.

Итак, сближение в 1716—1718 гг. двух основных противников в войне за испанское наследство — Франции и Англии означало

³⁹ «Mémoires de Saint-Simon édités par A. de Boislisle». Т. XXXI. Paris, 1920, p. 389—390.

⁴⁰ В Амстердаме был подписан русско-французский договор от 4 (15) августа 1717 г.

⁴¹ ЦГАДА, Голландские дела 1717 г., № 6, л. 79.

новую расстановку сил в Европе. Англия, выйдя в ряды перво-степенных держав, стремилась диктовать законы Европе. Эти успехи английской дипломатии совпали с ослаблением Северного союза, участники которого боялись роста русской мощи на суше и море. Страх перед Россией получил особенно наглядное выражение в висмарском эпизоде и в значении, какое придавалось мекленбургскому вопросу. Дания и Ганновер отошли от России, и Копенгаген проявлял явную тенденцию искать английскую поддержку. Русская внешняя политика, с одной стороны, зависевшая от западноевропейской международной конъюнктуры, с другой стороны, сама влияла на комбинации держав.

Весной 1718 г. активизировались переговоры между Англией, Францией и Австрией о союзе для совместного решения дел средних и малых европейских государств. Английский проект договора, предложенный в Вене, имел вступление, согласно которому западные державы делали себя судьями в международных конфликтах и брали на себя проведение мер по их урегулированию. Английский статс-секретарь Стенгоп выдвинул в этом вступлении теорию о том, что первостепенные державы правомочны решать судьбы остальных даже с применением силы. Теория эта приобрела господство в недрах складывавшегося Четверного союза, к которому предполагалось привлечь также Голландию, и устанавливала принцип подчинения слабейших государств воле сильного. Эта политическая тенденция, возникшая после войны за испанское наследство, возлагая на западные державы роль якобы хранительниц мира, преследовала цель не только ограничить испанские притязания на Средиземном море, но и даже закончить северную войну желательным образом для договаривающихся держав. Последние, и в первую очередь Англия, опасались примирения без их участия России со Швецией и союза этих государств, т. е. объединения русского и шведского флотов. В основе затеянных переговоров западных государств лежали торгово-политические интересы Англии на Балтике, совпадавшие с задачами ее внутренней политики — укрепления ганноверской династии и вигистского правительства. Между тем, как мы знаем, английская программа предусматривала лишение России значительной части ее завоеваний в Прибалтике и передачу Ганноверу шведских Бремена и Вердена на Везере⁴². Ни Россия, ни Швеция не могли приветствовать вигистскую Англию в роли арбитра в их конфликте. Но правительство ее было прочно, а Стенгоп твердо вел дело к заключению Четверного союза, и Б. И. Куракин, хотя вообще и хорошо осведомленный, ошибался, ожидая летом 1718 г. скорого падения английского правительства вигов⁴³. Оно достигло своей цели — заключения Четверного союза,

⁴² ЦГАДА, Голландские дела 1718 г., № 5, лл. 176—178, 261—267.

⁴³ Там же, лл. 292—298.

которому, впрочем, было суждено оставаться тройственным, потому что Голландия, опасаясь за свою торговлю, к нему официально не присоединилась.

Немедленно по открытии в мае 1718 г. на Аландских островах русско-шведского мирного конгресса английская дипломатия усилила свою деятельность в Стокгольме, препятствуя непосредственному соглашению России со Швецией. Англо-ганноверская дипломатия пыталась всюду, где возможно, создавать трудности для России, усилившегося значения которой она опасалась. На это русские дипломаты отвечали попыткой объединения всех антианглийских интересов в Европе. Летом 1718 г. при англо-голландском посредничестве вблизи г. Пожаревац был заключен мир между Портой и Австрией, и английские представители приложили там немало усилий для развязывания новой русско-турецкой войны. Предлогом для этого служило пребывание русских войск в Польше вопреки Прутскому договору 1711 г. Ганноверский посол в Вене Сен-Сафорен писал сэру Роберту Суттону, успешно завершившему мирные переговоры с Турцией, что он увенчает свое дело, когда ему удастся вовлечь Турцию в войну с Москвой. Это ему не удалось, потому что побежденная, ослабленная Турция не могла ввязаться в новую войну. Но русская дипломатия, уже научившаяся состязаться с дипломатами западных держав, вступала в контакт с врагами Георга I всюду, где она могла их найти. Отсюда основанные на англо-голландских торговых противоречиях усилия Куракина, направленные на то, чтобы Голландия препятствовала миру Австрии с Турцией⁴⁴.

На юге Европы, на Средиземном море, где Англия, по словам Роберта Вальполя, вела войну для обеспечения своих северных интересов⁴⁵, она разбила 31 июля близ мыса Пассаро на юго-востоке Сицилии испанский флот и покончила с антианглийскими планами Альберони. Четверной союз был подписан через два дня, 2 августа 1718 г.

Английское влияние в Стокгольме противодействовало плану заключения северного мира с отдачей России прибалтийских провинций и поддерживало тенденцию шведов откупиться отказом от германских владений Швеции. Но лично шведский король Карл XII готов был идти скорее на мир с Петром I, чем отдать свои германские владения Георгу I, который воспользовался поражением Швеции для захвата ее владений в Германии.

Как раз в тот период, когда завершалось превращение Тройственного англо-франко-голландского союза в «Четверной» с привлечением Австрии, но без формального участия Генераль-

⁴⁴ ЦГАДА, Голландские дела 1718 г., № 5, лл. 279—282. «Архив кн. Ф. А. Куракина», кн. III, СПб., 1892, стр. 64—65.

⁴⁵ W. Michael. Englische Geschichte im 18. Jahrhundert, Bd. I, S. 806.

ных Штатов⁴⁶, на сцене появился шведский проект союза России и Швеции. Он предполагал создание равновесия между обоими государствами так, чтобы их союз основывался на заинтересованности в нем обеих сторон. Поскольку, по мнению автора проекта, советника шведского короля Герца, сила России увеличивалась, а ее безопасность обеспечивалась приобретениями за счет Швеции, Финляндия же, возвращаемая последней, оказывалась с моря «весма заключена», то предлагалось: 1) так определить сухопутные границы Финляндии, чтобы Швеция «с земской стороны ничего так легко опасатца не имела»; 2) как можно скорее осуществить союз между Россией и Швецией, а если бы Англия стала ему противиться, то сообщая тому сопротивляться; 3) прийти к соглашению с Пруссией, отдав ей Штеттин, который удовлетворит ее, особенно когда она убедится, что заключен русско-шведский союз и «Англия такожде из игры отлучена»; 4) восстановить Станислава Лещинского на польском троне, как того добивался Карл XII; 5) дать Швеции компенсацию за счет Дании; 6) найти для герцога Мекленбургского эквивалент, за который бы он уступил Швеции свое герцогство. По заключении мира с Россией, когда Швеция «с королем английским розделаетца», она сохранит на континенте только Померанию, что «весма вседоволно есть по той стороне моря фигуру какую делать»; герцог же Мекленбургский согласится на обмен, так как из-за его вражды с дворянством «состояние его весма худое», а когда он лишится русской защиты, оно будет еще хуже.

Этот проект предполагал нападение шведов на Данию, отправку в Польшу и Мекленбург русских и шведских войск и легкое разрешение польских дел, так как Август II не захочет, как предполагалось, вторично видеть сильную шведскую армию в Саксонии, и Россия не встретит в Польше действенного сопротивления⁴⁷.

Авантюрный шведский проект, грозивший втянуть Россию в войну с Данией и Англией и обещавший ей новые политические осложнения в связи с предполагаемым занятием Польши русскими войсками, был выдвинут в самый неудачный для него момент. Вместо заключения русско-шведского договора он только ускорил заключение Четверного союза, который явился реакцией на непосредственные переговоры России со Швецией и планы последней.

Если раньше английская эскадра выходила в летние плаванья на Балтику для борьбы со шведским каперством и для угрозы Швеции, то в августе 1718 г. английский адмирал Норрис получил предписание препятствовать соединению русского и

⁴⁶ ЦГАДА, Голландские дела. 1718 г., № 6, лл. 448—449.

⁴⁷ ЦГАДА, Дела Аландского конгресса 1718 г., № 6, лл. 428—432.

шведского флотов ⁴⁸. Борьба с преобладающей в балтийских водах державой определяла позицию английской дипломатии на севере. Английская эскадра, выходявшая ежегодно в летнее плавание в Балтийское море, поддерживала русский и датский флоты, пока не определилась победа России, и она же должна была препятствовать ей в 1718 г., когда русская мощь стала там преобладающей.

Проект русско-шведского договора, рожденный в стокгольмских канцеляриях, не реальный сам по себе вследствие тех осложнений, какие его осуществление повлекло бы за собой для России, успел затруднить ее политическую ситуацию.

Русский уполномоченный на мирном конгрессе А. И. Остерман сделал в письме от 26 сентября 1718 г. ряд рекомендаций Посольской канцелярии, основанных на реляциях русского посла в Речи Посполитой Г. Ф. Долгорукова, которые вскрывали двусмысленную позицию Августа II. Остерман советовал возбудить в Речи Посполитой конфедерацию против короля, полезную для России, так как она дала бы предлог держать там войска, не возбуждая подозрений у Турции; вместе с тем она заставила бы Августа II больше считаться с Россией, возведшей его на трон Речи Посполитой, а Австрию пребывание в Польше русских войск удержало бы от выступления против России. Наконец, и Пруссию легче было бы при таких условиях удержать в орбите русского влияния, которое усиленно подрывалось из Лондона. Остерман считал полезным выступить в Порте с внушениями, возбуждая там реваншистские настроения против Австрии, стремление вернуть то, что Турция уступила ей по последнему мирному договору: «...всегда лутче упредить, нежели упрежденным быть», — писал Остерман ⁴⁹. В этих рекомендациях явно сквозила тревога по поводу антирусской направленности недавно заключенного Четверного союза и понимание того значения, какое он мог приобрести как препятствие для успешного выхода России из Северной войны.

Но не только западные державы пытались влиять на исход войны между Россией и Швецией. Новое препятствие выросло перед русской программой мира из недр центральноевропейских государств и получило поддержку все того же Лондона.

Мысль о разделе Польши не была уже новинкой для политических деятелей того времени ⁵⁰, а союз России с Пруссией вызывал опасения, что Польша будет поглощена этими ее соседями. В связи с такими толками прусский король Фридрих-Вильгельм I послал 8 ноября ноту Августу II, в которой опровергал

⁴⁸ I. Jacob. Beziehungen Englands zu Russland und zur Türkei in den Jahren 1718—1727. Basel, 1945, S. 33.

⁴⁹ ЦГАДА, Дела Аландского конгресса 1718 г., № 7, лл. 76—85.

⁵⁰ См. E. Hassinger. Brandenburg — Preussen, Schweden und Russland, 1700—1713. München, 1953.

«мрачные слухи», распространявшиеся из ненадежных источников, и заверял Августа II в своей готовности употребить для защиты Польши все средства, мирные и военные, имеющиеся в его распоряжении. Но опасения эти продолжали существовать и породили проект союза трех германских государей, которому предназначалась роль заслона от русской и прусской экспансии. Император Карл VI как государь своих наследственных земель, Георг I как ганноверский курфюрст и Август II как саксонский курфюрст должны были заключить союз официально для сохранения неприкосновенности Речи Посполитой, а фактически для противодействия предполагаемой экспансии России в направлении имперских территорий. Об этом новом антирусском блоке велись уже в течение многих месяцев переговоры в Вене. Недаром А. И. Остерман, посвященный в европейские международные отношения, советовал образовать в Речи Посполитой конфедерацию, чтобы иметь повод для оставления там русских войск и использования польского плацдарма в целях давления на Вену и Лондон, где был подготовлен проект названного союза.

В июле 1718 г. Георг I писал своему послу в Вене Сен-Сафрену о срочности австро-саксонско-ганноверского договора, вероятно, в связи с успешно проходившими еще в это время переговорами на Аландском мирном конгрессе. Но проект договора, подготовленный в Лондоне, нашли в Вене неудовлетворительным. Там требовали, чтобы Георг I вошел в союз как английский король, а не только в качестве ганноверского курфюрста. Однако английских министров и парламента сочли неудобным привлекать к этому делу, их даже не ознакомили с проектом договора. В объяснении от 22 августа ст. ст., врученном императорскому послу в Лондоне, говорилось о невозможности для Георга I как английского короля присоединиться к союзу, но давалось обещание, что английский военный флот в Балтийском море будет содействовать целям, для которых заключался союз. В примечании к проекту договора делалось следующее пояснение: «Король возьмет на себя отдельно в качестве короля Великобритании обязательство держать и сохранять Эльбинг и Данциг и употреблять этой цели свой флот в Балтийском море. Но в настоящем договоре об этом не должно быть речи»⁵¹.

Сохранить тайну переговоров, конечно, не удалось. Россия и Пруссия о них узнали и были встревожены. «Их беспокойство по поводу нашего договора,— писал Сен-Сафорен 1 января 1719 г.,— наилучшее доказательство его необходимости». Слова Сен-Сафорена подтверждали антирусскую направленность нового дипломатического мероприятия, зародившегося в Лондоне

⁵¹ W. Michael. Englische Geschichte im 18. Jahrhundert. Bd. II. Das Zeitalter Walpoles. Berlin — Leipzig, 1920, S. 466—468.

и оформленного в Вене. Австро-саксонско-ганноверский договор, подписанный в Вене 5 января 1719 г., содержал обязательство трех договаривающихся сторон взаимно защищать свои владения и оказывать друг другу помощь при нападении на них⁵². Но основное его содержание заключалось в секретных статьях, которые говорили об экзекуции герцога Мекленбургского, поручаемой Ганноверу, и о пресечении вмешательства России и Пруссии в пользу Карла-Леопольда, союзника Петра I. Речь Посполитая должна была быть защищена от прохождения войск через ее территорию и от попыток ее соседей расширяться за ее счет. Так называемая 4-я декларация этого договора, содержащая обязательства Георга I касательно Эльблонга и Гданьска, была подписана ганноверским послом в Вене, но с ней не были ознакомлены полностью английские министры. Эта декларация отсутствует даже в Ганноверском архиве, где хранится оригинал договора со всеми его явными и тайными частями. Английские министры, ознакомленные лишь частично с 4-й декларацией, отказались взять на себя перед парламентом обязательство, грозившее вовлечь Англию в конфликт с Россией⁵³. Несмотря на это осложнение, обнаружившее различие не столько во внешнеполитических тенденциях, сколько во внутривнутриполитических системах Англии и Ганновера, связанных личной унией, Венский договор от 5 января 1719 г. сыграл свою роль. Еще до его подписания из Петербурга был послан в Польшу генералу Репнину указ о выводе оттуда войск. Лави, французский дипломатический агент в Петербурге, писал 28 января 1719 г.: «Царь решил, наконец, вывести свои войска из Польши ввиду теперешнего положения его дел»⁵⁴.

Интересно отношение русских дипломатов к двум отмеченным нами союзам, из которых последний, от января 1719 г., был реакцией на предполагавшийся русско-шведский союз. 7 октября ст. ст. Б. И. Куракин написал обширное донесение, в котором подробно характеризовал взаимные отношения держав — участниц Четверного союза и складывавшийся в то время в центре Европы антирусский блок императора — Саксонии и Ганновера. Хорошая ориентация Б. И. Куракина в европейских делах, высокая его культурность, открывавшая перед ним многие двери, личные связи, его длительное пребывание в Гааге и других европейских столицах придают интерес этому донесению. В нем Куракин сообщал о слухах о предстоящем разделе польских владений в Литве и Ливонии между Россией, Швецией и Пруссией и о возведении на польский трон Станислава Ле-

⁵² G. Lambert y. Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII^e siècle. T. X. Amsterdam, 1735, p. 72.

⁵³ W. Michael. Ein schwieriger diplomatischer Fall aus dem Jahre 1719, S. 66—68.

⁵⁴ Сб. РИО, т. 40, СПб., 1884, стр. 10.

щинского. Куракину было известно о переговорах, которые велись в это время между Веней, Дрезденом и Ганновером, но он очень сомневался, чтобы император обязался принуждать русские войска к выступлению из Польши, «понеже не в состоянии то учинить»,— писал он. Он давал анализ внутренних противоречий Четверного союза и намечал ближайшие дипломатические цели для России, расхопившиеся с тем, что разрабатывалось в то время на Аландском мирном конгрессе. Между прочим, он обратил внимание на то, что так называемый Четверной союз был по существу тройственным, потому что Англии не удалось привлечь в него Голландию; последняя убедилась, что вмешательство в дела большой европейской политики сулило ей только убыток, который «весь на пробыток оставался в руках Англии». Главное же в оценке Куракина заключалось в том, что он вообще считал сближение со Швецией не соответствующим интересам России, а тем более заключение с ней военно-политического союза ценой охлаждения отношений с западными державами. Россия была заинтересована, по его словам, в дружбе с государствами, способными сообща с ней держать Швецию в узде; «...все добрые политики и искусные люди, рассуждая, сомневаются, чтоб возможно было найти такие средства учинить мир такой, чтоб желузия между государствами Российским и Шведским отнята была»,— писал он. Интересы России требовали, по его словам, восстановления дружбы с Веней, Лондоном и Гаагой, что должно было обеспечить в будущем безопасность от Швеции и поддержку западных держав в случае войны с ней⁵⁵.

Ставя северный вопрос в тесную связь с европейскими международными отношениями, Куракин не допускал отказа России от участия в большой европейской политике и отрыва ее от западно- и центральноевропейских держав во имя ее северных интересов. Путь неуклонного участия России в западноевропейских дипломатических комбинациях представлялся Куракину более соответствующим русским задачам, чем новая война на стороне Швеции при враждебном отношении к России крупнейших держав Запада. В Голландии Куракин прилагал усилия к тому, чтобы она не присоединилась к Четверному союзу, а в Париже Шлейниц, переписывавшийся с ним, пытался ослабить узы этого блока⁵⁶.

Куракин уяснял себе связь между южной и северной политикой Англии, ее стремление к гегемонии в европейских международных отношениях и, предусматривая в будущем возможность сближения с ней, пытался пока ослабить ее позиции на юге Европы в испанском вопросе: «Понеже я предусматриваю

⁵⁵ ЦГАДА, Голландские дела 1718 г., № 5, лл. 374—382.

⁵⁶ J. F. Schansee. Указ. соч., стр. 490.

форму сего обязательства, как бы в пример впредь к предосуждену интересов в. в-ва и ваших союзников в Северной войне», — писал он царю ⁵⁷.

Созданные под английской ферулой группировки, отчасти возникшие под страхом усиления русского влияния и мощи, произвели впечатление в Петербурге и оказали в свою очередь давление на русскую дипломатию. Тесная связь Франции с Англией, усиление англофильских тенденций среди французского правительства и Венский договор 1719 г. заставили Петербург отказаться от проекта военного союза со Швецией, выдвинутого Герцем и вообще очень сомнительного в отношении перспектив укрепления русских позиций на Балтике. В создавшейся же международной обстановке этот проект угрожал России новыми тяжелыми военными осложнениями, не обещая ей ничего, кроме территорий, уже прочно приобретенных ею. Петр I решил не соглашаться на кандидатуру Станислава Лещинского на польский трон, которую энергично поддерживал Карл XII.

Но саксонские связи с Веной оказали плохую услугу Августу II, так как в Петербурге знали о Венском договоре и подумывали о новой кандидатуре на трон Речи Посполитой. Россия решительно отказывалась поддерживать Швецию в империи против Ганновера: «...в главное бы дело не вступать в империю», — предписывалось из Петербурга Остерману ⁵⁸. Четверной союз, как и Венский договор, сыграл свою роль на Севере. Вице-канцлер Шафиров писал в декабре 1718 г. Остерману, объясняя отказ Петербурга от проекта союза со Швецией: Франция, все более сближающаяся с Англией ввиду их общих антииспанских задач, присоединится к плану Вены, направленным против России и ее шведского союза, указывал он, отвергая обсуждавшийся ранее проект договора со Швецией ⁵⁹. Так взаимодействовали международные отношения Севера и Юга, Востока и Запада Европы уже в начале XVIII в.

Слабые попытки сближения с Англией, исходившие в это время из Петербурга, наталкивались на союзные отношения с рядом европейских государств, созданные английской дипломатией. Инструкция адмиралу Норрису, которого предполагалось осенью 1718 г. направить чрезвычайным послом в Петербург, содержала характерную оговорку: царь легко поймет, говорилось в ней, «что мы не можем ни содействовать никаким мерам, ни одобрить меры, которые клонились бы ко вреду императора и, следовательно, для мира и спокойствия самой империи». На союзные отношения с Россией Англия готова была идти только при условии вывода русских войск из Гданьска, потому что зн-

⁵⁷ ЦГАДА, Голландские дела 1718 г., № 5, лл. 261—267.

⁵⁸ ЦГАДА, Дела Аландского конгресса 1718 г., № 1, лл. 256—257, 261—263.

⁵⁹ Там же, л. 284.

глийские торговые интересы считались ущемленными, «пока русские войска нарушают» нормальную торговлю с ним, говорилось в инструкции Норриса. Русско-польские отношения становились предметом англо-русских переговоров. Норрису предписывалось указать в Петербурге, что Англия заинтересована в сохранении мира в империи, которому препятствуют пребывание русских войск в Мекленбурге и расположение русской армии на границах Германии. В инструкции Норриса выражалось желание полного вывода русских войск из Мекленбургского герцогства и Гданьска и отвода их от имперских границ⁶⁰.

Последовавшее вскоре, как мы уже писали, заключение Венского договора показало русской дипломатии тщетность ее надежд на улучшение отношений с Англией. Он предусматривал экзекуцию против союзника России герцога Мекленбургского Карла-Леопольда; близость последнего с Петербургом вызывала острую тревогу в Ганновере и торговых кругах Лондона, которые считали опасным для себя выход России на южные берега Балтийского моря. Экзекуция против Карла-Леопольда, решение о которой было принято еще в октябре 1717 г., осуществилась только после заключения Венского договора, в феврале 1719 г., когда экзекуционная армия вступила в Мекленбург и создала комиссию для управления страной от имени императора. Этим закончилась политическая роль герцога Мекленбургского, ликвидированная в сущности Венским договором. Последний побудил Россию вывести свои войска из Речи Посполитой⁶¹.

Когда же английский посол в Париже Стэр объявил регенту, что России нельзя оставить Ревель, так как в противном случае будет уничтожено равновесие на Балтийском море и русская морская мощь превысит шведскую и датскую морскую силу, вместе взятые, герцог Орлеанский тотчас с этим согласился и отказался от проведения в северном вопросе самостоятельной французской программы. «Милорд,— ответил он Стэру,— заверьте, пожалуйста, короля (английского.— С. Ф.), что в вопросах Севера я совершенно подчиняюсь его взглядам. Вам нужно только сообщать их мне»⁶². Так союз западных держав, оформленный Четверным и Венским договорами, пытался делать политику на Севере, как он делал ее на Юге. Герцог Орлеанский «...в ясных выражениях заявил о своей готовности пожертвовать для нас царем»,— писал Стэр 2 апреля. Дюбуа признал, что в северном вопросе общая линия с Англией— закон для него⁶³.

⁶⁰ Сб. РИО, т. 61, СПб., 1888, стр. 443—450.

⁶¹ Сб. РИО, т. 40, СПб., 1884, стр. 10.

⁶² W. Michael. Englische Geschichte, Bd. II, S. 481.

⁶³ J. F. Chance. The Northern pacification of 1719—1720. «The English Historical Review», 1907, v. XXII, No 87, p. 479.

Обеспокоенный заключением Венского договора, Петр I писал 15 марта Георгу I, который ответил 1 мая ст. ст., напоминая о неизбежных дурных следствиях для русских интересов, проистекающих от вмешательства в дела империи. Царь ввел в нее сильную армию, прочно расположившуюся там и мешавшую осуществлению императорской власти, писал Георг I. «Не наша вина, если такой образ действий в империи вызывал иногда сомнения и раздражение»,— говорилось в его послании. «Нам, как члену империи,— продолжал Георг I, прикрываясь своим курфюршеским саном, чтобы проводить английскую политику,— это не могло нравиться, что мы, впрочем, и не скрывали». Георг I настаивал на оборонительных задачах договора, защите владений подписавших его сторон от нападения и прохождения иностранных войск. «Поэтому,— писал Георг I,— наш союз может быть неприятен только тем, кто замышляет насилие над государствами, заключившими его, к числу коих в. в. без сомнения не захотите быть причисленным»⁶⁴. Этот обмен посланиями ничего не изменил в английской тактике противодействия русско-шведским мирным переговорам, которая только затянула состояние войны, не помешав России осуществить свою мирную программу, но возложив на нее новые военные тяготы.

В апреле 1719 г., когда обстановка совершенно прояснилась и противодействие России со стороны созданных Англией блоков государств стало очевидным, русские дипломаты А. И. Остерман и Я. В. Брюс так пытались разрушить надежды шведских правящих кругов на помощь Англии: «Подлинно есть,— писали они,— что е. ц. в. и е. в. король пруской себе уложения предписывать не допустят, ниже свои интересы и склонности к Ганноверскому курфирстскому дому на жертву отдадут. И тако одно обещание не довольно будет, но оружием в том определении учинить имеют». И они тут не ошиблись. Были они правы и когда утверждали, что Георг I в качестве ганноверского курфюрста мало что может, а в качестве английского короля «много предвосприять не смеет». Но эти соображения, правильные сами по себе, обходили молчанием умелое маневрирование союзами, осуществленное английским дипломатическим ведомством, которое обеспечило интересы Англии, торговые и политические, на Юге и Севере Европы. Не ошибались Брюс с Остерманом и убеждая шведов, что император не вынет шпаги из ножен против России, что он заинтересован в ослаблении Швеции и в возвращении ее в старые (довестфальские.— С. Ф.) границы и что царю с ним «делить нечего». Но при этом они оставляли в стороне другой, не менее актуальный для Запада вопрос о пребывании русских войск в границах империи и об англо-австрийском союзе, благодаря которому австрийская политика делалась иногда в Лондоне. Убеждая шведов идти на

⁶⁴ ЦГАДА, Дела Аландского конгресса 1719 г., № 1, лл. 155—157.

русские мирные условия, они писали, что «по регулам здравой политики прежде всего с тем мир чинят, от которого наиболее опасатца и насупротив и уповать возможно», т. е. что Россия как ближайший сосед Швеции всех опаснее и всех полезнее для нее ⁶⁵.

В это же приблизительно время прусский король, явно напуганный неблагоприятной международной конъюнктурой для Северного союза, в котором оставались в сущности одна Россия с Пруссией, послал тревожное письмо Петру I. Царь, отвечая ему, не скрывал, что договор этот направлен «против нас», и напоминал о «вознамеренных военных операциях», которые одни уже могли принудить Швецию к миру. Петр I считал в это время, что всякие переговоры бесполезны, «ежели оружие при пере употреблено и присовокуплено не будет». Только твердость, считал царь, могла обеспечить «резонабельной мир» с Швецией, и он заверял, что не даст утратить себя угрозами ⁶⁶.

Россию ожидал еще один дипломатический удар: Пруссия под давлением указанных европейских блоков подписала 14 августа 1719 г. соглашения с Англией и Ганновером о будущем северном мире, обеспечивавшие за Пруссией Штеттин, а за Ганновером — Бремен и Верден. Фридрих-Вильгельм I обещал не препятствовать польскому королю в мирном обладании его короной и германскими владениями и не действовать против прав Речи Посполитой. «Мой мир со Швецией заключен,— писал Фридрих-Вильгельм I в сентябре,— но я не смею говорить об этом, потому что мне стыдно. Я должен заплатить Швеции 2 млн. ...Условия жесткие, но Штеттин до Пены — это хорошо» ⁶⁷.

Между тем Англия, добивавшаяся дипломатической изоляции России, убеждала шведское правительство через своего чрезвычайного посла в Стокгольме Картерета, что возвращение потерянного Швецией «в Финляндии и Ливонии — единственное, что должно быть близко сердцу каждого истинного шведа» ⁶⁸. В его секретных инструкциях говорилось о важности для торговли и безопасности Англии, чтобы Россия не стала слишком сильна на Балтийском море и чтобы удалось вернуть царя к «здравому смыслу». Но лишенная союзников Россия снова взялась за оружие и уже без всякой военной и политической поддержки с чьей бы то ни было стороны осуществила свою программу мира. Она продолжала одна борьбу с сильным еще противником и привела эту борьбу к успешному завершению.

⁶⁵ ЦГАДА, Дела Аландского конгресса 1719 г., № 5, лл. 193—215.

⁶⁶ Там же, № 1, лл. 89—96.

⁶⁷ В. Erdmannsdörfffer. Deutsche Geschichte vom Westfälischen Frieden bis zum Regierungsantritt Friedrichs des Grossen, 1648—1740. Bd. II. Berlin, 1893, S. 352, Fussnote 1.

⁶⁸ J. F. Chance. The Northern pacification of 1719—1720. «The English Historical Review», 1907, v. XXII, № 88, p. 694.

**ПРОПАГАНДА В ХОРВАТИИ
ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА
ПРОТИВ ГЕРМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ
В 60—70-х ГОДАХ XIX в.**

После 1848 г., на стадии завершения промышленного переворота в Австрии, австро-немецкий крупный капитал быстро укреплял свои позиции в национальных районах империи, перекаивая там исключительно в своих интересах традиционные экономические отношения и связи, консолидируя единый общеимперский рынок. Габсбургское государство, переживавшее серьезный кризис (последствия потрясений 1848—1849 гг., длительные внешнеполитические затруднения и военные неудачи 1859 и 1866 гг.), до предела взвинчивало налоги. В части хорватских земель — на Военной Границе — власти искусственно задерживали развитие буржуазных отношений. Годы абсолютизма (1851—1860) с его грубой политикой германизации и последовавший за ними период централизма (1860—1866), прикрытого конституционной оболочкой, когда власти продолжали осуществлять прежнюю экономическую политику, вызвали подъем национального протеста в разных землях империи, в частности в славянских. Это обострение политической борьбы являлось также следствием объективных экономических процессов, в особенности кризиса мануфактурного и ремесленного производства и нарушения прежних торговых связей в условиях поднимающегося промышленного капитализма, носителем которого являлась прежде всего буржуазия господствующей нации.

Централистская политика Вены руководствовалась потребностями австро-немецкой буржуазии и обуржуазивающейся аристократии. Убедившись в неудаче своей политики, правящие круги пошли на уступки венгерским помещикам (1867 г.). Этот компромисс сохранил за австро-немецким банковским и торгово-промышленным капиталом преобладающие экономические позиции в государстве, вместе с тем обеспечив хозяйственные и политические интересы венгерских крупных землевладельцев. Венгрия добилась политического равноправия с Австрией. Австрийские и венгерские эксплуататорские классы разделили между собой господство над народами империи.

В 1868 г. вступило в силу хорватско-венгерское соглашение, которым за Хорватией признавались определенные националь-

ные права. Но соглашение установило господство венгерских правящих кругов над экономической жизнью Хорватии, давало им возможность контролировать автономные органы власти, не предоставляло гарантий против нарушения этой автономии.

Другим важнейшим фактором, определившим политическое положение в Хорватии в конце 60-х — начале 70-х годов, была непрочность недавно учрежденного дуалистического устройства Австро-Венгрии. Часть буржуазно-дворянских, придворных и военных кругов Австрии, консервативных и либеральных, стремилась восстановить централизованную монархию или же увеличить степень централизации власти. Эти круги добивались ослабления влияния Венгрии путем разделения империи на ряд земель, пользующихся весьма ограниченными правами. Протесты в Чехии против нового порядка делали обстановку еще более шаткой.

Опорой нового режима в Хорватии — Славонии являлись крупные помещики, бюрократия и немногочисленная буржуазная (торговая) верхушка, главным образом в Славонии. Национальная буржуазия не была удовлетворена положением, при котором она отстранялась от влияния на экономическую и финансовую политику в своих землях.

Основной буржуазной оппозиционной группировкой в 60-х — начале 70-х годов являлась Национально-либеральная партия («народняки»; лидеры — Й. Штросмайер, М. Мразович и др.) Она в особенности до 1867 г. выступала за федерализацию Австрийской империи и придерживалась австро-славистской концепции.

Несмотря на большие затруднения, которые приходилось преодолевать хорватской национальной буржуазии в условиях австрийского, а затем австро-венгерского господства, широкие торговые и финансовые связи как с Австрией, так и с Венгрией, наряду с другими обстоятельствами, удерживали ее от открытого выдвижения программы независимости Хорватии. Для определения политической позиции буржуазии также имели значение ее связи с помещиками и социальные противоречия с народом. Конечно, либеральные деятели понимали преимущества национального государства, они были не только австрославистами, но и «югославистами»: в случае распада империи Габсбургов (что казалось возможным в 60-х годах) они намеревались в сотрудничестве с правящими кругами Сербии и буржуазией других южнославянских народов создать независимое государство. Но силы, выступавшие за достижение этой цели в 60-х годах, были недостаточны. Поэтому, по мнению национал-либералов, пока что более вероятным путем к национальной свободе, к тому же позволявшим избежать крупных политических потрясений, была федерализация Австрии. Такая Австрия, в которой славяне приобрели бы полное равноправие (а ввиду

их численности, возможно, и преобладающие позиции), могла бы, считали австрослависты, легко присоединить славянские территории Турции.

Критическое рассмотрение указанных взглядов не входит сейчас в нашу задачу. Мы ограничиваемся констатацией того, что хорватская буржуазия, борющаяся против засилия австро-немецкого капитала, политики централизма и т. д., выдвигала лозунг внутренней реорганизации Австрийской империи. После 1867 г. тот же план выдвигался с целью борьбы против дуализма, т. е. австрийского централизма в Цислейтании и венгерского — в Транслейтании. Указанная реорганизация должна была, по представлениям либералов, поставить преграду австро-немецкому экспансионизму, прикрытому идеологией культуртрегерства. Подчеркивая свое уважение к немецкой культуре, народняки выступали против политики «Drang nach Osten», против германской экспансии, авангардом которой они считали австрийских централистов¹.

Резко отличной от австрославизма народняков была политическая линия небольшой радикальной группировки — Партии права (праваша). Идеологи этого буржуазно-демократического направления действовали с конца 50-х годов, но окончательно партия сложилась лишь после 1868 г. (лидеры — Е. Кватерник, А. Старчевич и др.). Во взглядах правашей сказалась общественно-экономическая ситуация хорватской мелкой буржуазии, менее зажиточных обуржуазивающихся слоев, подчас отчаянно боровшихся за свое существование². На них со всей силой обрушились удары австрийского промышленного капитализма с его банками, фабриками, железными дорогами; их давила вся система габсбургского государства, бюрократии, военщины, магнатско-банкирской олигархии. Они не могли выдержать быстро растущей конкуренции изделий промышленности Германии, завоевывавшей австрийский рынок.

Идеологи правашей выступали за развитие буржуазной экономики на национальной основе и в связи с этим — за ограждение хорватского рынка от инационального капитала, а в политической области — за демократизацию порядков в стране. Во взглядах правашей было много противоречивого, свойственного мелкой буржуазии, протестующей не только против остатков феодализма, но и против господства крупного капитала. Но наиболее характерной чертой правашей в 60-х — начале 70-х годов было отстаивание национального суверенитета. Они выдвигали программу независимости Хорватии или по крайней

¹ Такова линия газеты «Розог» — органа национал-либеральной партии в 1860—1867 гг. (выходила с перерывами).

² С расширением влияния партии в конце 60-х годов в ней образовалось революционно-демократическое крыло, исходившее уже из интересов трудящихся.

мере, личной унии с другими землями империи. Безусловно, в связи с указанными выше обстоятельствами праваша были «убеждены, что польза Австрии и польза Хорватии исключают друг друга» и «хороший австриец (в смысле: австрийский патриот.— В. Ф.) не может быть хорошим хорватом»³.

В своем радикальном национализме праваша отвергали не только немецкий экономический и политический экспансионизм, но и немецкую («варварскую») культуру, требовали отказа от изучения немецкого языка в школах и т. д., писали о преимуществах английской и французской культуры («полной духа и наук») ⁴. Этот нигилизм в отношении одной из великих культур объяснялся стремлением изолировать Хорватию от всякого германского проникновения, которое праваша считали угрозой самому национальному существованию хорватов.

В обстановке, сложившейся после 1868 г., национал-либеральная партия, используя поддержку австрийских противников дуализма, развернула кампанию против соглашения 1868 г. После 1868 г. вновь создались условия для роста австрофильских иллюзий в Хорватии. Праваша стали разоблачать их. Дуализм праваша считали меньшим злом по сравнению с укреплением единства монархии, к которому стремились австрийские противники дуализма (часть аристократии, военщины и австро-немецкой буржуазии), заигрывавшие с идеей федерации. Праваша доказывали, что венские противники дуализма, используя идею федерации для привлечения хорватов на свою сторону и нового подавления Венгрии, в действительности добиваются восстановления централизованной монархии с ее германизаторскими тенденциями⁵.

Народняки и праваша добивались своих (национальных) целей, но их деятельность была использована неизмеримо более сильными факторами в империи. Противоречиями между правящими кругами Венгрии и австрийскими противниками дуализма объясняется то, что венгеро-хорватские власти допускали активизацию хорватского радикального, прежде всего антиавстрийского, течения.

Ориентация на помощь внешних врагов Австрии и задача подготовки выступления внутри страны — вот чем определялась тактика правашей в 60-х — начале 70-х годов⁶. Свою уверенность

³ «Hèrvatska» (газета «Партии права»), 12.III и 14.V 1871.

⁴ «Hèrvatska», 19.III 1871.

⁵ Как сербские демократы (вокруг Светозара Марковича), так и буржуазно-радикальные деятели сербского национального движения («Омладина», Светозар Милетич) боролись против федерализма и, подобно правашам, стремились не позволить Вене довести отношения между югославянами и венграми до «нового 1848 года» (См., например: Н. Петров и Ђ. Светозар Милетич, Београд, 1958).

⁶ Идея правашей о преобразовании Австрии в союз суверенных государств, объединенных личной унией (только при этих условиях праваша бы-

ность в неизбежности краха Австрии они основывали на ходе политических изменений в Европе, на крайне неустойчивой внешнеполитической обстановке в 50—60-х годах XIX в. В особенности они рассчитывали на непримиримость противоречий между Австрией и Францией. При явном своекорыстии политики Наполеона III на деятелей национального движения в югославянских землях Австрии и Турции большое впечатление произвело поражение, нанесенное австрийцам в Италии в 1859 г. и последующее объединение этой страны. Правда, в 1867 г. Наполеон III повел политику, дружественную Австрии, что огорчало ее противников. А в 1870 г. пруссаки разгромили бонапартистскую Францию.

Ослабление Франции, возникновение Германской империи и ее сближение с Австро-Венгрией создали новую ситуацию для хорватского национального движения. Пангерманисты били в литавры. Усилилась угроза экономической экспансии германского капитализма на Балканы и упрочения здесь политического влияния нового рейха, а в более отдаленном будущем — и прямой военной агрессии. Многие деятели югославянского национального движения считали, что наиболее благоприятные возможности для экономической и политической экспансии Германии и Австро-Венгрии открываются именно на юго-востоке Европы путем установления германского господства над южными славянами и использования их земель как «моста» для продвижения еще дальше. На востоке — Россия, с которой бороться трудно, балканские же народы не успели еще освободиться от национального гнета, от раздробленности и сплотиться в сильное государство. Этот тревожный мотив характерен для южнославянской публицистики 60—70-х годов.

Задолго до того, как правящие круги России и Франции убедились в том, что германская угроза отодвинула далеко на задний план их собственные противоречия и сделала возможным военно-политический блок двух держав, на окраине Австро-Венгерской монархии, в маленькой Хорватии, была развернута пропаганда франко-русского союза.

В конце 60-х — начале 70-х годов правительство Александра II стремилось разрешить свои внешнеполитические задачи (прежде всего ликвидировать последствия Крымской войны) путем сближения с Пруссией (Германией) и Австро-Венгрией. Дело шло к «союзу трех императоров». Русско-французские, а тем более англо-русские противоречия являлись объективным фактором, благоприятствовавшим укреплению бисмарковской Германии.

ли готовы сотрудничать с Габсбургами), естественно, не могла встретить сочувствия в Вене.

Правашаи резко критически относились к указанному курсу царского правительства, который, по их мнению, способствовал «сохранению деспотизма» над народами Центральной и Восточной Европы и противоречил подлинным интересам России, так как именно прусская (германская) угроза являлась наиболее глубокой и постоянной не только для внешнеполитических позиций России, но и для ее судьбы как великой державы, для ее границ в Прибалтике, для самого Петербурга⁷.

Хорватские национал-радикалы в конце 60-х годов рассчитывали, что назревшая война в Европе поможет хорватам достичь своих национальных целей («европейская, мировая война... решит судьбу Европы»). После же поражения Франции, заявляли они, необходимость франко-русского союза еще более возросла, так как ситуация резко изменилась в худшую сторону. Но Франция, несомненно, восстановит свои силы, и если к тому же Россия укрепит свои внешнеполитические позиции, то «существенным политико-экономическим интересам» Германии, а именно ее планам культуртрегерства и надеждам на экспансию на восток, будет нанесен решающий удар. Все это возможно лишь в случае союза России «с Францией и только с Францией». Ныне «остается одно — союз франко-русский с целью решения европейского вопроса»⁸. Осуществись этот союз — «ныне положение было бы блестящим и ее (России.— В. Ф.), и всей Европы...»

Важно, что в России уже начинают понимать, что современная ее политика выгодна Германии, констатировала «Хрватска», и что Россия уже начинает колебаться в своей внешнеполитической ориентации. Поэтому правашаи ловили всякое сообщение о проявлениях антигерманских настроений в России. При этом они выражали надежду на демократизацию политических порядков в России, но вместе с тем с удовлетворением встречали антигерманские выступления представителей реакционных националистических кругов. Такая непоследовательность была не случайной. Для правашей — буржуазных демократов, но в еще большей степени национал-радикалов — особую важность представляла внешнеполитическая ориентация этих кругов, а не их роль в общеполитической жизни самой России. С таких позиций «Хрватска» писала об активности известного панслависта Фадеева и т. п. «Серьезные настроения распространяются в России, — отмечала, в частности, газета. — Поведение офицеров императорской гвардии в Петербурге, выразивших царю пожелание вооруженного вмешательства в пользу Франции, и растущая

⁷ «Hèrvatska», 1.I 1871. Поэтому, писали правашаи в своей обычной острой манере, политика царского правительства кажется «заговором против славы, пользы и существования русского народа».

⁸ «Hèrvatska», 26.II и 21.V 1871.

ненависть к немцам не замедлят принести важные плоды»⁹.

Дальнейшее нарастание противоречий между Германией, уже распространяющей свое влияние до берегов Черного моря, и Россией — неизбежно, предсказывали деятели Партии права¹⁰. Данные обстоятельства имели, по их мнению, первостепенное значение для хорватов и других народов, подвергавшихся национальному гнету (подразумевалось: в Австрии и Турции). Германизм, утверждали они, не сможет завоевать господство в Европе «ввиду того, что неминуемо возникнет единство народов, находящихся под угрозой»¹¹. Когда Бисмарк выступил с заявлением о стремлении Германии к «дружбе и союзу» с Габсбургами, «Хрватска» писала, что «естественным следствием» этой комбинации, направленной как против России, так и против народов, «которые не хотят австро-швабско-венгерского рабства», будет «франко-русский союз со всеми народами»¹². «Хрватска» напоминала также заявление Партии права, сделанное еще до франко-прусской войны, о том, что в «случае полного поражения Франции нам следовало бы выступать вместе с Россией без всяких условий»¹³. Как видим, во всех рассуждениях правашей не было и намек на панславизм (хорватские национал-радикалы были противниками панславизма), но эти рассуждения основывались на учете расстановки сил и интересов великих держав.

Что касается национально-либеральных кругов, то они также противились всяким тенденциям германского «натиска» на восток и юго-восток. Во время польского восстания 1863—1864 гг. либералы особенно горевали в связи со слухами об обещании Пруссии оказать помощь царскому правительству в деле подавления повстанцев¹⁴. Только не усиление внешнеполитической роли Пруссии!

Печать народняков, как и печать правашей, была полна филиппик по адресу австрийских централистов и германизаторов. Национал-либералы также возлагали надежду на сближение России с западными державами (Францией и Англией) для ликвидации «германской гегемонии в Европе» (Ф. Рачкий) и создания обстановки, благоприятной для объединения южных славян.

До австро-прусской войны 1866 г. и вплоть до выхода Австрии из Германского союза в результате поражения в этой войне хорватская национально-либеральная оппозиция видела основную угрозу для хорватов и других народов Юго-Восточной Европы в Германском союзе, в участии в нем Австрии и попыт-

⁹ «Hèrvatska», 26.II, 21.V 1871.

¹⁰ «Hèrvatska», 26.II 1871.

¹¹ «Hèrvatska», 5.II 1871.

¹² «Hèrvatska», 5.II и 2.VII 1871.

¹³ «Hèrvatska», 26.III 1871

¹⁴ Например, «Pozor», 14 и 19.II 1863.

ках австро-немецких государственных деятелей гарантировать Австрии гегемонию в Германском союзе. Эта политика была связана с *Drang nach Osten* и централистско-германизаторскими устремлениями Вены в отношении народов империи. «Пока Австрия сохраняет какой-либо союз с Германией, пока она не отречется от стремления немецкого народа на восток... славянскому, венгерскому и румынскому народам грозит опасность от немецкого элемента, снаряженного не только мощью своей литературы, торговли, промышленности, но и обладающего государственной властью»¹⁵.

В 1866 г. народняки не скрывали своего удовлетворения по поводу того, что последствием разгрома австрийцев под Кениггрецем было исключение Австрии из Германского союза, ибо это ослабляло позиции австро-немецких централистов¹⁶. Но последовавшее сближение Австро-Венгрии с Германской империей повергло их в уныние.

Уже после австро-прусской войны 1866 г. народняки указывали на необходимость скорейшего национального освобождения балканских народов именно в связи с возрастанием угрозы германской экспансии на юго-востоке Европы: «Чем больше и сплоченнее становится Германия, тем больше потребность, чтобы народы Балканского полуострова освободились»¹⁷. Смысл данного выступления заключался в том, что поработанные Турцией народы не смогут оказать сопротивления нарастающей угрозе с севера. Народняки продолжали призывать венгров к сплочению с южными славянами и румынами против этой угрозы. В связи с заключением австро-венгерского компромисса (1867 г.) венграм не следует обольщаться, писала та же газета, ибо их «от сна о великой Венгрии скоро пробудят венские финансисты своим бесстрастным счетом»¹⁸ (имелось в виду сохранение господства австро-немецкого крупного капитала в империи Габсбургов).

И снова в Хорватии неоднократно возвращались к идее франко-русского союза против планов господства над Европой, вынашиваемых в Германии. «Если Франция главным образом озабочена сооружением плотины против прусского потока, то имеются и другие государства, не радующиеся возвеличению Пруссии и, следовательно, являющиеся естественными помощниками Франции. Прежде всего здесь речь идет о России, как о наиболее сильной и наиболее расположенной к этому». Традиционная русско-прусская дружба, считала газета, прекратится в тот день, «как только Пруссия приберет к своим рукам все немецкие государства». «На севере Россия вынуждена защищать от

¹⁵ «Pozor», 14.VII, а также 13.VIII 1866.

¹⁶ «Pozor», 24.V 1866.

¹⁷ «Pozor», 13.VII 1867.

¹⁸ Там же.

немецкой ненасытности свои балтийские интересы, на юге, от Чехии до Адриатического моря,— славянские интересы. Это трудное дело уже теперь, когда Германия не единая, не объединена, а если она этого добьется, нет никакого сомнения, что между немецким и русским гигантами настанет ряд кровавых войн...» Чтобы не допустить до этого, Россия совместно с Францией должна воспрепятствовать объединению Германии, заявляли народняки. «Германский вопрос для обеих держав — вопрос перворазрядный, а он не может быть решен для них благоприятно иначе как взаимным их союзом». На пути к этому союзу газета видела серьезные препятствия. Прежде всего — польский вопрос. Вмешательство Наполеона III в русско-польские дела, продолжала газета народняков, было на руку Пруссии, так как изолировало Францию от России. Впрочем, отмечал «Позор», французский народ все более открыто проявляет свои антибонапартистские настроения и, возможно, будущая революция приведет к изгнанию Наполеона III... Другое препятствие — восточный вопрос. Во Франции все еще ошибочно считают, что Россия стремится завоевать все народы в Турции и Австрии. «Еще менее справедливо мнение во Франции, что и сами эти народы ничего иного не желают, кроме русского господства... Эти ошибочные мнения препятствуют необходимому соглашению между Францией и Россией, которое самым естественным образом решило бы одновременно и немецкий, и восточный вопросы...»¹⁹. В отличие от правшей, ориентировавшихся на помощь Франции и считавших, что вина за русско-французские разногласия лежит на русской внешней политике, дружественной Пруссии и Австрии, народняки, как видно из приведенных материалов, относили эту вину за счет Наполеона III.

В 1870 г. Ф. Рачкий, выражая убеждение в непреборимости национально-освободительных и объединительных стремлений южных славян, писал в связи с этим, что «объединенная Германия будет сильной и для нас остальных весьма опасной»²⁰.

После объединения Германии, в начале 70-х годов, Й. Штротмайер в одном из частных писем (Е. Трубецкой) бил тревогу по поводу германской угрозы. «Необходимо,— писал он,— чтобы Франция вступила в тесный, близкий, прочный, я сказал бы, чуть ли не вечный союз с Россией... Интересы Франции и России совпадают всегда и во всем. Последние события снова и снова показали абсолютную необходимость союза между Россией и Францией... По-моему, ясно, как день, что современная Германия протягивает левую руку к Балтике, правую — к Адриатике и всей своей душой и телом стремится к Черному морю. Всюду на ее пути — славянский элемент, враждебный ее стремлениям

¹⁹ «Pozor», 6.VIII 1867.

²⁰ «Korespondencija Rački — Strossmayer», I—IV, Zagreb, 1929—1933, knj. I, str. 110.

и вожделям». Западные и южные славяне, заключал лидер народняков, сейчас находятся в состоянии политического упадка, но со временем явятся союзниками Франции и особенно России²¹.

В 60-х — начале 70-х годов в соответствии со своими австро-славистскими взглядами народняки считали, что федерализированная Австрия могла бы вступить в дружественные отношения с Россией и стать одним из звеньев цепи, ограничивающей германскую экспансию.

В различии идей и планов, направленных на обеспечение национального будущего хорватов, проявились расхождения между политическими течениями в Хорватии. Обе группировки считали необходимым противодействовать пангерманизму, но при этом предлагали разные решения вопроса о судьбе Австрии, связанные с интересами отдельных общественных слоев хорватского общества: одни, хотя и желали создания независимого южнославянского государства, видели возможный выход в австрийском федерализме, другие считали необходимым распад единой Австрии. Но для тех и других значение франко-русского союза не вызывало сомнений.

Естественно, что всем рассуждениям хорватских национальных деятелей была свойственна буржуазная ограниченность. Их национализм подчас обращался против немцев вообще как «извечных захватчиков». В их высказываниях сквозят также чрезмерные надежды на благоприятную для южных славян политику великих держав. Тем не менее представляет интерес относящаяся к 60—70-м годам XIX в. пропаганда франко-русского союза как фактора, соответствующего национальным интересам народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

²¹ L. Leg er. *Le panslavisme et l'intérêt français*. Paris, 1917, p. 236—239.

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ВЕНГРИЕЙ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Революционные связи между Россией и отдельными частями Австро-Венгерской монархии в период дуализма представляют несомненный интерес. Связь русского революционного движения с венгерским заслуживает пристального внимания. По определению Энгельса, венгерское рабочее движение с самого начала имело то преимущество, что оно было «интернациональным, объединяя в своих рядах мадьяр, немцев, румын, сербов и словаков»¹.

Вопросы, связанные с данной проблемой, лишь частично рассмотрены в литературе. Внимание исследователей привлекало влияние первой русской революции на народы Австро-Венгерской монархии, в то время как революционные связи более раннего периода почти не раскрыты.

Исключение составляют статьи венгерских историков И. Дольманьоши и П. Шоша об откликах в Венгрии на движение революционных народников² и об отношении к русскому революционному движению выдающегося деятеля венгерского рабочего движения Эрвина Сабо³.

Начало организованного рабочего движения в Венгрии относится к периоду после образования Австро-Венгерской монархии, когда в стране были обеспечены некоторые буржуазные свободы и действовала конституция.

Венгерская рабочая печать с самого начала обращает внимание на развертывание революционного движения в России. Внимание венгерских социалистов привлекла статья Энгельса «О социальном вопросе в России», посвященная перспективам русской революции. Сразу после ее появления на страницах

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 93—94.

² «Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae». Sectio Historica, t. III. Budapest, 1961; см. также рец. на них С. Л. Воробьева («История СССР», 1963, № 4).

³ Pál Soós. Szabó Ervin és az orosz munkásmozgalom. «Acta Universitatis Debreceniensis de Ludovico Kossuth nominatae», t. VI, 1, 1960.

журнала «Фолькштат» она была перепечатана центральным органом венгерских социалистов⁴.

С 1877 по 1882 г. редактором еженедельника «Арбайтер-вохен-хроник» был выдающийся деятель венгерского и международного рабочего движения Лео Франкель, в прошлом председатель Комиссии труда и обмена Парижской Коммуны. В эти годы интерес газеты к России заметно усилился. Это объясняется не только революционной ситуацией 1879—1882 гг., но и повышенным вниманием самого Франкеля к русскому революционному движению и его отдельным деятелям (в частности, к Чернышевскому). Нам представляется, что этот интерес мог зародиться у Франкеля еще в дни Коммуны в Париже под влиянием общения с русскими коммунарами. В литературе уже упоминалось о знакомстве Франкеля в дни Коммуны с членом русской секции I Интернационала Елизаветой Дмитриевой⁵, горячей сторонницей идеи Чернышевского⁶. Известно также, что Л. Франкель был лично знаком с другим русским участником Коммуны — Петром Лавровым⁷ (правда, нам не удалось выяснить, к какому времени относится начало этого знакомства).

Недавно выявлены материалы о том, что, уже будучи в Венгрии, Франкель установил связи с русскими революционерами и помогал им в печатании и пересылке литературы⁸.

В 1879 г. в «Арбайтер-вохен-хроник» был помещен перевод главы из книги Чернышевского «Примечания к основаниям политической экономики Дж. Ст. Милля»⁹. Публикации перевода была предпослана обстоятельная биографическая справка о Чернышевском, в которой было приведено известное высказывание Маркса о писателе из предисловия ко второму изданию «Капитала»¹⁰. Имеются все основания предполагать, что это предисловие и перевод принадлежат редактору газеты Л. Франкелю.

Исследователи¹¹ приписывают Франкелю и обширный «некролог», появившийся в газете в феврале 1880 г. в связи с распространением в западноевропейской печати ложного известия о

⁴ «Arbeiter-Wochen-Chronik», 2.V 1875.

⁵ А. Я. Лурье. Портреты деятелей Парижской Коммуны. М., 1956, стр. 132—133.

⁶ См. И. Книжник-Ветров. Герония Парижской Коммуны Е. Л. Тумановская. «Летописи марксизма», т. VII—VIII, 1928, стр. 70.

⁷ Magda Aganyossi. A Korai magyar szocialista mozgalom nemzetközi kapcsolatairól. «Parttörténeti Közlemények», 1960, 3 sz., 145 old.

⁸ Там же, стр. 138.

⁹ «Arbeiter-Wochen-Chronik», 5, 12, 23.I и 2, 9.II 1879.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 17—18.

¹¹ М. Агапюсси. Указ. соч., стр. 152; И. Рейте и Ж. Зельдхейн. Первый венгерский перевод романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». В кн.: «Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», т. 2. Саратов, 1961, стр. 242.

смерти Чернышевского¹². Эта яркая и содержательная статья о великом русском мыслителе, основывающаяся на оценке К. Маркса, была почти полностью перепечатана в марте того же года в органе чешских социалистов «Будущность»¹³.

В этот же период «Арбайтер-вохен-хроник» заимствовала из французской марксистской периодики ряд материалов о развитии русской общественной мысли. Летом 1881 г. был помещен перевод большого очерка украинского революционера-эмигранта С. Подолинского «Нигилизм в России» (опубликованного в журнале «Реформ»), в котором была дана верная и обстоятельная характеристика представителей русской и украинской революционной мысли¹⁴. В многочисленных статьях и корреспонденциях о революционном движении в России в конце 70-х — начале 80-х годов газета выражала солидарность с русскими революционерами и предсказывала приближение революции в России.

В газете можно было прочитать довольно обстоятельные заметки о всех процессах над революционными народниками. В ней неоднократно фигурировали имена С. Нечаева, С. Бардиной, С. Халтурина, А. Желябова, а также Петра Алексеева, Евгения Заславского и других революционеров, причем неизменно подчеркивался их героизм и преданность делу революции. На страницах «Арбайтер-вохен-хроник», которая сыграла заметную роль в информации западноевропейской общественности о революционном движении в России, были опубликованы почти все важнейшие воззвания «Народной воли» и «Земли и воли». Можно предполагать, что газета получила эти материалы из первых рук. За опубликование известного обращения исполнительного комитета «Народной воли» к К. Марксу против газеты было возбуждено судебное дело¹⁵.

Выражая свою солидарность с русскими революционерами, венгерские социалисты в августе 1881 г. устроили митинг протеста против репрессий русского царизма¹⁶.

Правда, рабочая печать Венгрии иногда явно преувеличивала социалистический характер движения народников, отождествляя их с социалистами. Хотя венгерские социалисты и объясняли склонность русских народников к террору как реакцию на преследования царского правительства, они решительно отмежевывались от методов индивидуального террора. Так, напри-

¹² «A Magyar Munkásmozgalom Történetének Válogatott Dokumentumai», 1 köt., 373—379 old (далее — ММТВД).

¹³ Ф. М о л о к. «Некролог» Чернышевскому в чешском журнале. «Литературное наследство», т. 67. М., 1959, стр. 206—208. В публикации не указан подлинный источник статьи.

¹⁴ «Arbeiter-Wochen-Chronik», 25.IX и 2.X 1881; см. об этом очерке в кн.: Л. Я. К о р н і й ч у к, І. М. М е ш к о. Економічні погляди С. А. Подолінського. Київ, 1958, стр. 186.

¹⁵ «Arbeiter-Wochen-Chronik», 4.IX и 11.XII 1881.

¹⁶ Там же, 14.VIII 1881.

мер, эти методы были осуждены в рецензии на очерки Степняка (С. Кравчинского) «Подпольная Россия», которая была опубликована в венгерском органе Всеобщей рабочей партии газете «Непшава» летом 1882 г.¹⁷ Характерно, что эта пространная и в целом сочувственная рецензия появилась сразу же после опубликования очерков в итальянской печати.

Наиболее четко выразил отношение венгерских социалистов к народникам Л. Франкель в передовой статье «Арбайтер-вохен-хроник» от 20 марта 1879 г., написанной в связи с неудавшимся покушением на царя: «...хотя мы понимаем причину покушения, мы его не одобряем...— абсолютизм может быть уничтожен только революцией, подобной революции 1789 г. И эту революцию приветствовали бы все народы Европы, Австро-Венгрии в том числе, с огромным энтузиазмом, ибо эта революция разрушила бы тем же ударом оплот всей европейской реакции»¹⁸.

Значительный интерес представляют отзывы венгерской печати о деятельности Г. В. Плеханова в конце XIX — начале XX в., а также данные о распространении его произведений в Венгрии.

Первое косвенное упоминание о Плеханове в венгерской рабочей печати относится к 1877 г., когда «Арбайтер-вохен-хроник» поместила сообщение о рабочей демонстрации на Казанской площади в Петербурге и привела выдержки из знаменитой речи Плеханова, произнесенной на митинге, не называя фамилии оратора¹⁹.

Эта же газета подробно писала позднее о Плеханове в статье «Маркс и Энгельс о русской Коммуне», посвященной плехановскому переводу «Коммунистического манифеста»²⁰. В статье были приведены выдержки из предисловия Плеханова к «Коммунистическому манифесту», в котором подчеркивалось значение «Манифеста» и высказывались мысли о развитии рабочего движения в России²¹. Особое внимание уделялось предисловию Маркса и Энгельса к русскому изданию, которое было написано ими по инициативе Плеханова специально для этого издания²².

В декабре 1883 г. венгерская рабочая печать откликнулась на появление первой марксистской работы Плеханова «Социализм и политическая борьба», вышедшей в октябре того же года.

¹⁷ «Népszava», 30.VI, 20, 27.VII 1882.

¹⁸ Цит. по: «История СССР», 1963, № 4, стр. 216.

¹⁹ «Arbeiter-Wochen-Chronik», 11.II 1877.

²⁰ Там же, 17.XII 1882. Более подробно см.: Я. И. Штернберг. Г. В. Плеханов и венгерское рабочее движение. В кн.: «Тези доповідей та повідомлень до XVIII щорічної наукової конференції Ужгородського ун-ту». Загально-науковий факультет. Ужгород, 1964, стр. 70—76.

²¹ См. «Литературное наследие Г. В. Плеханова», т. VIII, ч. 1, стр. 23—24.

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 304—305.

Большое внимание к этой работе Плеханова объясняется тем, что проблемы борьбы против анархизма и народнической идеологии были актуальны и в рабочем движении Австро-Венгрии. Статья о труде Плеханова, содержащая детальный ее пересказ по частям и общую характеристику деятельности Плеханова и возглавляемой им группы, была помещена в обоих органах печати Венгерской всеобщей рабочей партии. Считая, что появление труда Г. В. Плеханова является «эпохальным» явлением и предсказывая большое его воздействие на сторонников «Народной воли», автор статьи заключает: «Русские в десятилетней борьбе не на жизнь, а на смерть освоили принципы научного социализма так, как их сформулировали Маркс и Энгельс. Эти принципы могли бы быть освоены и на Западе. Однако, к сожалению, они у нас не известны. Мы все еще бьемся над старыми проблемами»²³.

Венгерская рабочая печать и в дальнейшем внимательно следила за деятельностью Г. В. Плеханова. Отдельным изданием была выпущена в Венгрии в 1897 г. его книга «Анархизм и социализм» (в виде приложения к еженедельнику «Народная библиотека для чтения»). Это произведение Плеханова²⁴, написанное им по просьбе центрального правления Германской социал-демократической партии в 1894 г. и способствовавшее идейному разоблачению анархизма, было хорошо известно в Венгрии, что отмечал в 1904 г. и Эрвин Сабо²⁵.

В связи с изданием книги переводчик и редактор обратились к Плеханову с письмами (хранятся ныне в Ленинграде) с просьбой разрешить переводить и печатать его работы и внести его имя в список сотрудников журнала²⁶.

Ответное письмо Плеханова не обнаружено. Было ли оно написано — неизвестно. Но в списке сотрудников «Народной библиотеки», приведенном на обложке книги «Анархизм и социализм», наряду с А. Бебелем, В. Либкнехтом, Э. Бернштейном, Ж. Жоресом, Ж. Гедом, В. Адлером и другими фигурирует и фамилия Плеханова²⁷.

Г. В. Плеханов переписывался с некоторыми деятелями венгерского рабочего движения. Известно, например, его письмо, написанное в августе 1893 г. Лео Франкелю, находившемуся в то время в Париже в качестве редактора марксистского журнала «Эр нувель», и ответ Франкеля²⁸. Судя по письмам, эти два

²³ «Arbeiter-Wochen-Chronik», 9.XII 1883; «Népszava», 28.XII 1883.

²⁴ György Plechanoff. Szocialismus és anarchizmus. Budapest, 1897.

²⁵ Szabó Ervin. Valogatott írásai. Budapest, 1958, 285 old.

²⁶ «Дом Плеханова». Б72. I, № 796. На немецком языке. Выдержки из письма опубликованы в кн.: Ю. З. Полевая. Зарождение марксизма в России. М., 1959, стр. 255.

²⁷ G. Plechanoff. Указ. соч.

²⁸ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», т. I. М., 1934, стр. 271—275.

выдающихся деятеля международного рабочего движения были лично знакомы.

Первые сообщения рабочей венгерской печати о стачках в России относятся к 1884 г. В дальнейшем она систематически освещала забастовочное движение российского пролетариата. В 1886 г. «Арбайтер-вохен-хроник» сообщила о забастовках на строительстве Александровской железной дороги, на верфях в Херсоне, на Морозовской мануфактуре²⁹. В 1887 г. появились корреспонденции о забастовке на хлопчатобумажных фабриках Московской губернии, а также среди шахтеров в Юзовке³⁰. В передовой статье первого номера газеты за 1888 г., озаглавленной «Русские дела», с удовлетворением отмечался рост классовой сознательности русского пролетариата³¹.

В сентябре 1891 г. газета «Непсава» поместила статью «О забастовках в России», в которой как бы подводились итоги русского стачечного движения 80-х годов³². Главный акцент в статье делался на то, что забастовки в России носят одновременно экономический и политический характер, что имело, несомненно, актуальное значение для венгерского рабочего движения.

Важно отметить, что читатели венгерской рабочей печати были информированы о деятельности революционных организаций в России. Так, весной 1885 г. «Арбайтер-вохен-хроник» сообщила о начале деятельности благоевской группы и о выходе органа «партии русских социалистов» газеты «Рабочий»³³. Знакомая читателей с содержанием первого номера «Рабочего» и программой группы, газета отмечала значение того факта, что «вместо террористов выступили новые социалисты», программа которых носит ярко выраженный революционный характер. Главное значение возникновения этой группы газета видела в том, что тем самым «рабочие выдвинули претензию на руководство классовой борьбой»³⁴.

Среди многочисленных известий о революционном движении в России того периода обращает на себя внимание корреспонденция о казни Александра Ульянова, в которой упомянуты братья и сестры Ульянова и говорится об их матери³⁵.

Если в данном случае называлась газета, откуда был заимствован материал «Берлинер бёрзен курир», то в других случаях венгерская рабочая печать, как правило, не сообщала источник информации о России. Потому большую трудность

²⁹ «Arbeiter-Wochen-Chronik», 28.III и 11.IV 1886.

³⁰ Там же, 15, 22, 29.V и 5, 12.VII 1887.

³¹ Там же, 1.I 1888.

³² MMTVD, 11 köt., 121—123 old.

³³ «Arbeiter-Wochen-Chronik», 12.IV 1885.

³⁴ Там же, 19.IV 1885.

³⁵ Там же, 24.VII 1887.

представляет определить пути проникновения сведений в Венгрию о революционном движении в России. Можно лишь предположить, что наряду с немецкой и французской печатью были использованы издания русских революционных эмигрантов, а, возможно, и сведения, полученные непосредственно от них. Иногда помещались материалы, полученные прямо из России и от участников русского революционного движения. В этом отношении значительный интерес представляет серия анонимных статей о революционном движении в России, опубликованных в «Арбайтер-вохен-хроник» в 1889—1890 гг. Нам удалось установить, что эти статьи были посланы русской писательницей-революционеркой Е. Г. Бартеневой, которая была тесно связана с социал-демократической организацией, возглавляемой М. И. Брусневым³⁶.

Екатерина Григорьевна Бартенева (1843—1914), в прошлом активная участница русской секции I Интернационала, в 1889 г. приняла участие в работе Учредительного конгресса II Интернационала. Возвращаясь из Парижа в Россию, она останавливалась в Вене и Будапеште, где наладила связи с австрийскими и венгерскими социал-демократами. В Вене она близко познакомилась с Виктором Адлером и его женой³⁷. В Будапеште она вошла в контакт с редакцией «Арбайтер-вохен-хроник». Через доктора Йожефа Шварца, к которому она имела рекомендательное письмо из Парижа, она познакомилась с редактором этой газеты И. Ференци. И. Шварц, сторонник выдающегося деятеля венгерской социал-демократии Пауля Энгельмана, имел определенное влияние в венгерском рабочем движении, и благодаря ему Бартенева была хорошо принята в Будапеште. Как явствует из писем Шварца, посланных писательнице в Петербург и впоследствии обнаруженных у нее при обыске в декабре 1890 г., от австрийских и венгерских социалистов Бартенева получила определенное количество революционной литературы³⁸, которую она использовала в своей работе пропагандиста марксистских рабочих кружков. В одной из своих корреспонденций о деятельности петербургских кружков Бартенева рассказала на страницах «Арбайтер-вохен-хроник», что пропагандисты, знающие иностранные языки, переводили рабочим материалы из этой газеты, а также из органа австрийских социал-демократов газеты «Арбайтер-цайтунг»³⁹. Среди материалов, найденных у писа-

³⁶ Я. И. Штернберг. Е. Г. Бартенева и связи брусневской организации с венгерской социал-демократией. «История СССР», 1964, № 4.

³⁷ И. Книжник-Ветров. Е. Г. Бартенева — социалистка и писательница. «Каторга и ссылка», 1929, № 11, стр. 54.

³⁸ ЦГАОР, ф. 102, 7-е делопр., 1890 г., ед. хр. 225, л. 277—278.

³⁹ «Arbeiter-Wochen-Chronik», 16.III 1890.

тельницы при обыске, числятся и номера этих газет за 1889 и 1890 гг.⁴⁰

Статьи и корреспонденции Бартеневой, помещенные в «Арбайтер-вохен-хроник», являются не только интересным свидетельством связей между русскими и австро-венгерскими социал-демократами, но и представляют собой до сих пор не введенный в научный оборот источник по истории брусневской организации.

Установившиеся через Бартеневу связи не ограничивались публикацией статей. Через венгерских товарищей Бартенева пыталась наладить связь с вождем немецкой социал-демократии А. Бебелем. От них же поступил материал для статьи о Бебеле, которую она готовила для энциклопедии Брокгауза и Эфрона⁴¹.

Е. Бартенева сумела возбудить интерес участников петербургских кружков к рабочему движению в Венгрии, и они послали два адреса венгерским социалистам. Один приветственный адрес был зачитан на первомайском митинге будапештских рабочих в 1890 г. Газета «Арбайтер-вохен-хроник» поместила текст этого приветствия, в котором говорилось о солидарности русских рабочих с пролетариями Запада и выражалось пожелание успеха в классовой борьбе⁴².

Второе пространное приветствие брусневцы послали учредительному съезду Венгерской социал-демократической партии в декабре 1890 г. Этот адрес, патетически выражающий идею пролетарской солидарности и содержащий пожелание успехов съезду, был зачитан в день его открытия вслед за приветствиями Ф. Энгельса и В. Либкнехта⁴³.

После высылки Бартеневой из Петербурга непосредственные связи прекратились, но внимание венгерской рабочей печати к событиям в России не ослабело. В марте 1896 г. газета «Непсава» поместила статью «О рабочих выступлениях в России» — обзор русского рабочего движения за 1895 г., в которой было отмечено, что, несмотря на репрессии, власти не в состоянии справиться с рабочим движением. В статье говорилось о таком способе агитации, как распространение листовок, и было

⁴⁰ ЦГИА (Ленинград), ф. 1405, 1890 г., оп. 91, д. 10810, л. 12.

⁴¹ Эта статья появилась в 1891 г. в третьем томе энциклопедии (см. «Энциклопедия Брокгауза-Эфрона», т. 3, стр. 252—253). Среди бумаг писательницы был обнаружен при обыске черновик письма к Бебелю, которое она собиралась послать адресату через венгерских товарищей. В нем от имени русских социалистов она выражала восхищение революционной деятельностью выдающегося вождя немецкого рабочего движения (см. ЦГАОР, ф. 102, 7-е делопр., 1890 г., ед. хр. 225, т. 1, л. 243).

⁴² «Arbeiter-Wochen-Chronik», 4.V 1890. Полностью текст см. в нашем сочинении: «История СССР», 1964, № 4, стр. 98—99.

⁴³ «Protokoll der Parteitagas der Sozialdemokratie Ungarns in Budapest von 7. und 8. December». Budapest, 1891, S. 6—7. См. также: «История СССР», 1964, № 4, стр. 99.

пересказано содержание отдельных листовок петербургского «Союза борьбы»⁴⁴.

Подробно освещалась в газете забастовка петербургского пролетариата в конце 1898 г., в ходе которой состоялась демонстрация рабочих, прошедшая под политическими лозунгами⁴⁵. В своих корреспонденциях о стачках газета неизменно подчеркивала экономический и политический характер забастовок, пропагандируя тем самым необходимость сочетания двух форм борьбы.

Сравнивая развитие революционного движения в различных странах, газета «Непсава» в передовой статье, помещенной в декабре 1899 г., отмечала, что Россия «перестала быть той неподвижной, вечно реакционной страной», какой ее считали еще не так давно, она вовлеклась в поток прогрессивных движений. Она имеет свое рабочее движение, которое проявляет себя в «могучих забастовках и в организации классово сознательных рабочих. Царское абсолютистское правление приближается к своему краху...»⁴⁶

Важными моментами в истории революционных связей двух стран являются проявления проявления пролетарского интернационализма.

В апреле 1901 г. руководство Венгерской социал-демократической партии обратилось к пролетариату страны с призывом выразить сочувствие и оказать моральную поддержку трудящимся России⁴⁷.

Во время первомайских демонстраций и собраний в ряде городов страны были приняты резолюции, выражающие солидарность с борьбой русского пролетариата. 5 мая в Будапеште был созван митинг солидарности, однако полиция разогнала его участников, а несколько рабочих было арестовано. Власти мотивировали запрет митинга недопустимостью вмешательства во внутренние дела другой страны⁴⁸. В последующие годы при праздновании Первого мая рабочие Венгрии неизменно выступали в поддержку русского пролетариата⁴⁹. Русская рабочая печать также неоднократно солидаризовалась с борьбой трудящихся Венгрии.

Во второй половине 90-х годов большое значение приобрели выступления сельскохозяйственного пролетариата и беднейшего крестьянства Венгрии, привлекавшие внимание и Ф. Энгельса⁵⁰. Русская рабочая печать посвятила этим выступлениям ряд

⁴⁴ ММТВД, 2 köt., 348—349 old.

⁴⁵ «Népszava», 1898, № 8.

⁴⁶ «Népszava», 1899, № 51.

⁴⁷ ММТВД, 3 köt., 44 old. См. также: Т. Исламов. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959, стр. 67.

⁴⁸ «Népszava», 7, 9.V 1901.

⁴⁹ Hanák Péter. Az 1905-ös orosz forradalom hatása Magyarországon. A magyar történeztudományi kongresszus. Budapest, 1954, 372 old.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 463—464.

статей, в которых приветствовалась борьба трудящихся Венгрии. Обстоятельную статью этим событиям посвятила в 1897 г. вышедшая нелегально в Киеве «Рабочая газета», которая впоследствии, на I съезде РСДРП, была признана органом партии⁵¹. Издаваемый в Женеве группой «Освобождения труда» под редакцией Г. В. Плеханова «Листок работника», в котором сотрудничал и В. И. Ленин, поместил несколько статей о движении сельскохозяйственного пролетариата Венгрии. В статье, помещенной в «Листке» в феврале 1898 г., выражалась уверенность в том, что «венгерская социал-демократия также будет расти, несмотря на направленные против нее исключительные меры, как в свое время росла Германская рабочая партия»⁵².

Отмечая своеобразные формы и методы борьбы венгерского аграрного пролетариата, русская рабочая печать обращала внимание на требования, выдвинутые в ходе движения, на взаимоотношения между трудящимися разных национальностей в процессе борьбы⁵³.

В оценке этого движения завязался спор между эсерами и марксистами. В 1902 г. видный идеолог эсеров В. Чернов под псевдонимом Ю. Гарденин опубликовал статью, в которой, обобщая опыт крестьянского движения в Венгрии, пытался опровергнуть марксизм⁵⁴. В первой половине 1902 г. в ленинской «Искре» была опубликована статья Г. Плеханова «Пролетариат и крестьянство». В ней Плеханов выражал солидарность с борьбой аграрного пролетариата Венгрии, но в отличие от Чернова, видевшего причину распространения социалистических идей в самой природе крестьянства, он раскрывал экономические предпосылки этого явления⁵⁵.

В полемике с Черновым Плеханов оперировал конкретным материалом, почерпнутым из статьи П. Энгельмана «Два социал-демократических крестьянских конгресса», помещенной в теоретическом органе немецкой социал-демократии «Ди ное цайт»⁵⁶. Эта статья, по-видимому, послужила источником и для других корреспонденций в русской рабочей печати о событиях в Венгрии. Ее знал и В. И. Ленин, ознакомившийся с ней в феврале-марте 1903 г., когда он готовил материалы к лекции и реферату по аграрному вопросу. В своем кратком отзыве о статье

⁵¹ «Рабочая газета», 1897, август, № 1.

⁵² «Листок работника», 1898, № 7, апрель.

⁵³ Подробнее об этом см. наше сообщение: Російська робітничка преса про селянські виступи в Угорщині в кінці XIX століття.— «Тези доповідей та повідомлень до XVIII наукової конференції Ужгородського ун-ту». Серія історична (загальна історія). Ужгород, 1964, стр. 68—74.

⁵⁴ Ю. Гарденин. Чему нас учит социалистическое движение в Венгрии и Италии. «Вестник русской революции», т. II, 1902, стр. 159—160.

⁵⁵ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XII, стр. 298.

⁵⁶ Paul Engelmann. Zwei Sozialdemokratische Bauernkongresse. «Die Neue Zeit», 1896—1897, S. 811—820.

Энгельмана Ленин подчеркивал социал-демократический характер крестьянского движения в Венгрии и неудержимость гибели мелкого землевладения, явно имея в виду несостоятельные утверждения В. Чернова⁵⁷.

В первые годы XX в. в связи с передвижением центра международного рабочего движения с Запада в Россию интерес к русскому революционному движению в Венгрии еще больше усилился.

В этот период рабочая печать уделяет такое значительное внимание событиям в России, что известия о них постепенно оттесняют на второй план корреспонденции о рабочем движении в западноевропейских странах. Наряду с сообщениями о стачках и забастовках венгерская рабочая печать проявляет интерес к развернувшемуся в России крестьянским и студенческим выступлениям. Так, например, в начале марта 1902 г. «Непсава» посвятила статью совместному выступлению студентов и рабочих Киева.

В своих корреспонденциях о России венгерская рабочая печать сообщала о выходе газет «Искра», «Заря», а также сведения об искровцах. Многие корреспонденции газеты «Непсава» о России основывались на материалах «Искры». Газета сообщала о побеге политических заключенных из киевской тюрьмы, о суде над искровцами в Одессе, опубликовала текст прокламации Екатеринославского комитета партии о тюремной голодовке⁵⁸.

В газете были также помещены материалы о преследовании Горького, о солидарности с ним передовых русских писателей, появились материалы о творчестве великого пролетарского писателя, а также отдельные его рассказы, например «Коновалов»⁵⁹.

Выступлениям пролетариата России стала уделять внимание и провинциальная рабочая пресса. Характерна в этом отношении статья, появившаяся в январе 1903 г. в «Газете рабочих» (г. Дьер), в которой рассказывалось о первомайской демонстрации сормовских рабочих⁶⁰.

В марте 1902 г. «Непсава» посвятила обстоятельную статью анализу новых явлений в рабочем движении России. По мнению автора, перемены были вызваны ростом промышленного пролетариата, дальнейшим разорением крестьянства, распространением марксизма среди интеллигенции, ростом классового сознания и организованности пролетариата. В декабре 1903 г. эта же газета поместила подробную статью о II съезде РСДРП. Статья

⁵⁷ «Ленинский сборник», т. XIX. М., 1932, стр. 311.

⁵⁸ Ср. «Népszava», 29.V; 9.X; 4, 17.XII 1902; «Искра», № 20, 25, 27, 46 за 1902 г.

⁵⁹ «Népszava», 22.IV, 29.VII, 14, 19, 28.VIII 1902. См. также: «Népszava Naptár», 1903.

⁶⁰ MMTVD, 3 köt., 102 old.

ознакомила читателей с повесткой дня, уставом и программой партии, которая, по словам газеты, «на ясной марксистской основе определяет требования и цели партии». В связи со съездом газета от имени трудящихся Венгрии приветствовала рабочий класс России и подчеркивала, что его «самоотверженность умножает и наши силы в тяжелой борьбе»⁶¹. Однако в статье в соответствии с оппортунистической линией руководства Венгерской социал-демократической партии был обойден вопрос о разногласиях на съезде и ничего не говорилось о программе-максимум.

Возросшее воздействие русского революционного движения на Венгрию можно проиллюстрировать, проследив формирование взглядов выдающегося деятеля венгерского рабочего движения начала XX в. Эрвина Сабо (1877—1918). Первый его биограф и друг Оскар Яси в 1921 г. отмечал, что Сабо стал «истинным революционером и марксистом в русской среде»⁶². Знакомство Сабо с русскими революционерами-эмигрантами состоялось в 1897—1898 гг., когда он учился в Венском университете. Здесь он сблизился с семьей С. Клячко, которая оказала большое влияние на молодого студента. На это указывают и венгерские исследователи И. Долманьоши и П. Шош⁶³. Однако П. Шош допускает неточность, называя С. Клячко эсером.

Представитель революционных народников Самуил (Семен) Львович Клячко (1850—1914) в 1871—1872 гг. стоял во главе московского кружка чайковцев, а в 1873 г. вынужден был эмигрировать из России. Недолгое время он жил в Париже, а после высылки из Франции поселился с семейством в Вене, продолжая сотрудничать в русских журналах⁶⁴. Недавно установлено, что Клячко был одним из популяризаторов К. Маркса в России и автором первого русского перевода «Гражданской войны во Франции» (1871 г.)⁶⁵.

По сообщению П. Шоша, С. Клячко был широко образованным человеком. В его гостеприимной венской квартире Сабо часто встречался с русскими революционерами различных направлений. Здесь Сабо сблизился с членами венского революционного кружка русских эмигрантов, во главе которого стоял П. Теплов. В советской литературе деятельность этого кружка не изучена, и о нем можно прочитать только в примечаниях к

⁶¹ Там же, стр. 173.

⁶² Oszkár Jászi. Szabó Ervin és életmunkája. Bevezetés. Szabó Ervin. Társadalom és pártharcok a 48—49-és magyar forradalomban c. könyvéhez. Budapest, 1946, 13 old.

⁶³ István Dolmányosi. Költők barátságától népek testvériségéig. Budapest, 1959, 87—88 old.; Pál Soós. Указ. соч., стр. 243.

⁶⁴ «Деятели революционного движения в России». Библиографический словарь, т. II, вып. 2. М., 1930, стр. 585—586.

⁶⁵ Н. Троицкий. Об авторе первого русского перевода «Гражданской войны во Франции». К биографии народника С. Л. Клячко. «Новая и новейшая история», 1962, № 1, стр. 196.

последнему тому сборника документов по истории рабочего движения в России в XIX в. Этот кружок русской студенческой молодежи ставил перед собой цель подготовить своих членов к активной пропагандистской и агитационной работе на родине и занимался транспортировкой нелегальной литературы в Россию⁶⁶.

Сабо установил также связь с «Союзом русских социал-демократов за границей», который на I съезде РСДРП был признан представителем партии за границей, однако среди его членов к этому времени преобладали оппортунистические элементы («молодые», «экономисты»). После возвращения в Будапешт Сабо продолжал сотрудничать с «Союзом» и принимал активное участие в переправке нелегальной литературы в Россию через Будапешт, Бухарест, Галац и Одессу⁶⁷.

Переписка Сабо с русскими революционерами-эмигрантами, которая хранится в Архиве Института истории партии при ЦК ВСРП в Будапеште, свидетельствует о том, что значительное влияние на него продолжали оказывать члены семьи Клячко, которые в своих письмах неизменно рекомендовали ему читать то или иное произведение русских писателей (Степняка, Толстого)⁶⁸. Из других русских корреспондентов, с которыми Сабо вел переписку, следует назвать известного «экономиста» В. Иваньшина и П. Теплова⁶⁹.

Из писем к Сабо деятелей русского революционного движения обращает на себя внимание неопубликованное письмо Г. В. Плеханова, явившееся ответом на просьбу Сабо дать ему разъяснения по поводу текста известного предисловия Маркса и Энгельса к русскому изданию «Манифеста», которое он собирался включить в венгерское издание избранных произведений основоположников научного коммунизма⁷⁰.

В своей публицистической работе, развернувшейся после возвращения из Вены в 1899 г., Сабо уделил значительное внимание России. Так, одна из первых статей Сабо, появившаяся в июне 1899 г. на страницах газеты «Непсава», была посвящена русскому революционному движению. Опираясь частично на материалы, предоставленные «Союзом русских социал-демократов» в распоряжение венской «Арбайтер-цайтунг», Сабо сопоставляет степень организованности и действенности революционного движения в России конца 80-х и 90-х годов и приходит к правильному выводу, что после того, как выступил на арену рабочий

⁶⁶ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. IV, ч. 2. М., 1963, стр. 382.

⁶⁷ Pál S o ó s. Указ. соч., стр. 250.

⁶⁸ J. D o l m á n y o s i. Указ. соч., стр. 87—88.

⁶⁹ См. архив Института истории партии при ЦК ВСРП. Будапешт, ф. 20.

⁷⁰ Письмо Сабо на немецком языке от 27 марта 1904 г. хранится в «Доме Плеханова». В. 484—За. Ответ Плеханова см. архив Института истории партии при ЦК ВСРП. Будапешт, ф. 20/16.

класс, русские революционеры отказались от террора и их лозунгом стала социал-демократия⁷¹.

Значительное место уделил Сабо развитию революционного движения в России в своем обзоре международного движения за 1902 г., опубликованном в буржуазно-радикальном журнале «Huszadik Század». Обнаруживая знакомство с основными положениями известной статьи К. Каутского «Славяне и революция» («Искра», 1902, № 18), Сабо считал, что Россия перестала играть роль жандарма в Европе и все больше сказывается ее революционизирующее влияние на другие страны. Несомненно, что в этот период высказывания Сабо содержали самые глубокие суждения о характере, этапах и содержании русского революционного движения⁷².

С 1903 г. венгерская рабочая печать была полна ожиданий русской революции. Не было такого номера «Непсава», который не содержал бы корреспонденции о революционном движении в России, помещавшиеся в газете под специальной рубрикой «Революция в России».

Венгерские социалисты отдавали себе полный отчет в международном значении грядущей русской революции и проявили понимание того, что эта революция окажет исключительное влияние на Венгрию. Особенно четко эта мысль была высказана в передовой статье газеты «Непсава» от 17 декабря 1904 г., в которой говорилось: «Демократические стремления в Венгрии в полной мере не осуществляются до тех пор, пока династия и ее правительства (венгерское и австрийское — Я. Ш.) могут положить на царя. Интернационализм — не пустая фраза. Царь — наш враг не только потому, что он враг русских пролетариев, но и потому, что в конечном итоге царизм является источником абсолютистских стремлений венгерского министерства. Отсюда вывод, что наступающая русская революция требует более пристального внимания рабочих Венгрии»⁷³.

Обоюдный интерес венгерских и русских марксистов к революционному движению в другой стране в значительной степени объясняется сходными экономическими и политическими условиями, которые выражались как в живучести феодальных пережитков во всех сферах жизни, так и в многонациональном составе населения обеих стран. Эта мысль была высказана в 1897 г. в редакционном примечании к статье «Рабочей газеты», в которой говорилось, что для «русских рабочих Венгрия тем более интересна, что она по своему экономическому положению отчасти напоминает Россию»⁷⁴.

В. И. Ленин, специально занимавшийся изучением статистических материалов по аграрному строю Венгрии и сделавший

⁷¹ E. Szabó. Указ. соч., стр. 31.

⁷² Там же, стр. 72. Ср. Т. Исламов. Указ. соч., стр. 67.

⁷³ «Népszava», 17.XII 1904.

⁷⁴ «Рабочая газета», 1897, август, № 1.

подробные выписки из них⁷⁵, отмечал в 1913 г., что Венгрия близка к России не только географически, но и в силу особенностей ее социально-экономического строя⁷⁶.

Помимо аграрного вопроса и крестьянских выступлений, В. И. Ленин проявлял большой интерес к рабочему движению в Венгрии. Выдающийся деятель левого крыла Венгерской социал-демократической партии Дьюла Альпари, встретившийся с Лениным в 1910 г., был поражен тем, что вождь русского пролетариата «до мельчайших подробностей был информирован о всех частных вопросах венгерского рабочего движения и внутривнутрипартийной жизни»⁷⁷.

Приведенный материал свидетельствует о том, что в конце XIX—начале XX в. существовали значительные русско-венгерские революционные связи. Интернациональная солидарность революционных сил двух стран, взаимное изучение форм, методов и хода борьбы в другой стране, стремление учесть обоюдный опыт и уроки способствовали разворачиванию революционной борьбы как в Венгрии, так и в России. Эти связи, несомненно, подготовили почву для восприятия в Венгрии идей первой русской революции 1905—1907 гг., а впоследствии и Великой Октябрьской социалистической революции.

⁷⁵ См. «Ленинский сборник», т. XXXI, М., 1932, стр. 274—298.

⁷⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 276—277.

⁷⁷ Gyula Alpari. Válogatott írásai. Budapest, 1960, 241 old.

**БОРЬБА МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ
ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ
В АРМИИ И В ЮГОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ**

В 1914—1918 гг.

В исторической литературе — советской и зарубежной — имеется ряд работ по истории революционного движения народных масс многонациональной Австро-Венгерской монархии в годы первой мировой войны¹.

Из этой сложной проблемы в статье затрагивается один вопрос — о распространении революционных идей в армии и среди населения югославянских земель Австро-Венгрии и роли в этом процессе революционной пропаганды. Правящие круги монархии Габсбургов вели свою пропаганду, скрывали истинные, империалистические цели войны, обманывали народные массы, использовали широко разветвленный пропагандистский аппарат для борьбы против революционных идей, а аппарат насилия — местные органы власти, полицию, жандармерию и армию — для подавления революционного движения. Автор стремился показать деятельность аппарата монархии Габсбургов на основе некоторых новых документов и материалов из югославских², венгерских³ и австрийских⁴ архивов.

1. В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ

Империалистические державы, и в их числе Австро-Венгрия, развязавшие в 1914 г. первую мировую войну, тщательно маскировали свои захватнические цели. Монархия Габсбургов пыталась представить дело так, будто она ведет войну в защиту отечества против «разбойничьей» Сербии, российского царизма и

¹ Преимущественно по периоду 1917—1918 гг.

² Arhiv Jugoslovenske akademije znanosti i umjetnosti u Zagrebu (далее — Arhiv JAZU); Arhiv Vojno-Istorijskog instituta Jugoslavije u Beogradu (далее — AVJJ); Državni Arhiv Socijalističke Republike Hrvatske u Zagrebu (далее — Državni arhiv u Zagrebu); Historijski arhiv Zadra; Državni arhiv Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije (далее — DASFRJ).

³ Венгерский государственный архив; Венгерский военно-исторический архив.

⁴ Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien.— Микрофильмы, хранящиеся в Венгерском государственном архиве. Kriegsarchiv. Wien.— Микрофильмы, хранящиеся в Венгерском военно-историческом архиве.

стран Антанты, стремящихся задушить «демократическое» австро-венгерское государство. «Патриотическая» буржуазия, партии земельной аристократии и социал-шовинисты выступили с безоговорочной поддержкой правительства, призвав народные массы к классовому миру во имя «единства нации».

Шовинистическая, милитаристская пропаганда мутным потоком захлестнула после вступления Австро-Венгрии в войну всю буржуазную и социал-патриотическую прессу. Огромный размах приняла также устная военная пропаганда. В армии офицерский состав стал проводить специальную «разъяснительную» политическую работу среди солдат, пропагандируя идею защиты «империи и отечества».

Одновременно огромный военно-полицейский аппарат монархии обрушился с репрессиями на демократические организации и радикальные элементы, стремясь пресечь всякую попытку разоблачения империалистических целей войны. Главное командование вооруженных сил Австро-Венгрии издало 7 августа 1914 г. за подписью эрцгерцога Фридриха приказ о создании специальных отрядов для оказания помощи полиции в борьбе с революционным движением. Эти отряды — *Streitkräfte* — непосредственно подчинялись верховному командованию⁵.

В сентябре в югославянских землях и других национальных районах Австро-Венгрии была расширена сеть постов жандармерии и проведена кампания по «чистке» местных органов власти, учебных заведений, органов здравоохранения, юстиции, службы связи и службы путей сообщения от «неблагонадежных» элементов⁶. Во всеподданнейшем докладе министра-президента Венгрии Иштвана Тисы Францу Иосифу от 27 сентября 1914 г. привелись данные о массовых арестах в Воеводине и других районах Венгерского королевства. В докладе говорилось об установлении правительственного контроля за периодической печатью и вносилось предложение об его усилении. Тиса предлагал ввести строгую военную цензуру не только в армии, где она уже существовала, но и в тылу⁷.

В национальных районах Венгерского королевства королевские наместники и правительственные чиновники пошли дальше Тисы и предложили совсем закрыть все газеты и журналы, оставив только официальную прессу⁸. Так, например, правительственный комиссар комитата Торонталь (Банат) в своем донесении министру внутренних дел Венгрии от 17 октября 1914 г. сообщал,

⁵ Венгерский военно-исторический архив, ф. 1/1/1. Res. № 10, 1914 г., лл. 609—610.

⁶ Там же, ф. 81. Res. № 6, 329, 1914 г. (рапорт армейской этапной команды, 16 и 19.XI 1914).

⁷ Там же, ф. 1/1/1. Res. № 5, 1914 г., лл. 592—593.

⁸ Венгерский государственный архив, фонд министерства внутренних дел. Res. 1914 г., № 5/129, 5/3338, 5/623.

что он запретил печатание книг и газет на сербском языке (кириллица) и отдал распоряжение об изъятии из библиотек всех изданий, набранных этим шрифтом⁹.

Бан Хорватии Й. Скерлич запретил распространение сербских газет и журналов, распустил общества и организации учащейся молодежи и интеллигенции и в своем усердии зашел так далеко, что закрыл даже учебные курсы для молодежи, хотя они не имели никакого отношения к сербской пропаганде и находились под влиянием католической церкви¹⁰.

В Боснии и Герцеговине генерал-губернатор Потioreк дал разрешение на издание только правительственной прессы. Он ввел в стране жестокий военно-полицейский режим. В провинциях на весь период войны была прекращена работа сабора и распущены все политические партии и организации¹¹.

Почти то же самое имело место и в других национальных окраинах Австро-Венгрии. Едва началась война, как всюду была приостановлена деятельность провинциальных парламентов, созданы серьезные ограничения для печати, ликвидированы многие конституционные гарантии¹².

Весной и летом 1915 г. полицией и военными властями была проведена новая волна массовых арестов в югославянских землях и других национальных районах Австро-Венгрии. Репрессиям подверглись демократически настроенные учителя сельских и городских школ, многие писатели, журналисты, адвокаты, сельские сербские, чешские и словацкие священники¹³. В отдельных местностях властями производилось поголовное интернирование населения¹⁴. В 1915 г. в югославянских землях был учрежден особый институт заложников, а в некоторых районах тысячи ни в чем не повинных людей были определены в «заложники», т. е. должны были нести наказание в случае проявления в этой местности недовольства со стороны населения¹⁵.

Однако репрессии и полицейские гонения не смогли приостановить распространение антивоенных и антиправительственных настроений. Наоборот, массовые преследования лишь возбуждали недовольство, вызывали ответную реакцию общественности. В указанном докладе Францу Иосифу Тиса, отмечая это обстоятельство, предостерегал правительство от «увлечения публичными процессами» и советовал применять более гибкую

⁹ Там же, Res. 1914 г., № 5/6680.

¹⁰ Državni arhiv u Zagrebu. Fond UOZV, Res. 1914.

¹¹ Там же.

¹² 24 октября на территории Венгерского королевства была введена военная цензура для иностранных корреспонденций (Венгерский военно-исторический архив, ф. 1. Weltkrieg. Zensurstelle. Fsz. 431, 1918).

¹³ Венгерский военно-исторический архив, фонд министерства внутренних дел Венгрии. Res. 1919 г., № 1/568, 1/1707, 1/1719.

¹⁴ Arhiv JAZU, svezak 11/2.

¹⁵ Državni arhiv u Zagrebu. Fond UOZV, Res. 1914—1915.

тактику — по возможности не вызывать недовольство среди населения, «не отталкивать лояльные круги национальностей и не давать оружие левым элементам». Тиса предлагал вместо открытых репрессий проводить более замаскированные аресты. «Аресты не должны производить шума», — писал он. В докладе Тисы сообщалось о возросшей опасности ирредентизма в национальных районах и приводились данные о распространении революционной пропаганды в стране ¹⁶.

В югославянских землях революционная пропаганда велась нелегальными организациями, группами радикальной омладины, членами сербских спортивных и ученических обществ.

Оставшиеся на свободе члены распущенных организаций распространяли антиправительственную литературу, запрещенные цензурой газеты, листовки.

По сообщению военного коменданта г. Загреба от 19 августа 1914 г., в Хорватии и Славонии было замечено распространение листовок, в которых содержался призыв выступить против монархии Габсбургов ¹⁷. В портовом городе Боке Которской (Далмация), по данным того же военного коменданта от 26 сентября 1914 г., полиция и военные власти обнаружили у населения листовки с призывом прекратить войну ¹⁸. В сербских деревнях Срема и Славонии полиция арестовала несколько десятков агитаторов, призывавших население отказаться от поддержки чуждых народу военных целей монархии Габсбургов и вести борьбу за заключение мира с Сербией и Россией.

Одним из результатов этой агитации был переход многих крестьян из югославянских районов Австро-Венгрии в Сербию и дезертирство из имперской армии ¹⁹.

Военные власти в качестве контрмеры усилили жандармское патрулирование пограничных с Сербией районов и ввели для крестьян этих местностей особые удостоверения, без которых они не имели права передвигаться. Такая система контроля за передвижением сельского и городского населения была создана в южной Воеводине, восточной и северной Боснии, в северной и северо-западной Герцеговине ²⁰.

Австрийское и венгерское министерства внутренних дел издали в марте 1915 г. распоряжение об усилении контроля за пассажирскими поездами и пароходами и стали проверять почто-

¹⁶ Венгерский военно-исторический архив, ф. 1/1/1. Res. № 5, 1914 г., лл. 592—593.

¹⁷ Arhiv JAZU, svezak 11/2, № 1, 2, 1914.

¹⁸ Там же, № 3, 4, 1914.

¹⁹ AVJJ, p. 3, k. 55, f. 3, № 1—5, 10 (телеграмма командования пограничных войск Сербии сербскому верховному командованию от 11.VIII 1914).

²⁰ Венгерский государственный архив, фонд министерства внутренних дел Венгрии. Res. 1915 г., № 3/1280 (министерство внутренних дел Венгрии — командованию этапных войск Балканских охранных отрядов 12.III 1915).

вую переписку²¹. 1 апреля 1915 г. было издано новое распоряжение министерства внутренних дел Венгрии о контроле за письмами югославян из Америки (в США и Южной Америке в это время активизировалась югославянская демократическая эмиграция).

Но все эти меры оказались малоэффективными. В стране продолжали расти антивоенные настроения. В марте 1915 г., по сообщению местной жандармерии г. Митровицы (Славония), в городе и его окрестностях произошел ряд выступлений «отдельных лиц и групп лиц» против войны²². В сообщении не указывался масштаб выступления, но, судя по тревожному тону донесения и содержащемуся в нем требованию срочно прислать в Митровицу новые контингенты жандармерии, положение было достаточно серьезным.

В мае 1915 г. то же самое случилось в г. Мостаре (Герцеговина). Здесь, согласно сообщению военного коменданта г. Загреба бану Хорватии от 30 мая, состоялось собрание горожан, во время которого произносились речи, «враждебные монархии»²³.

10 июля 1915 г. военный комендант г. Загреба направил начальнику генерального штаба новый доклад об антивоенных настроениях населения Боснии и Герцеговины²⁴, а также Срема²⁵.

В августе в генеральный штаб поступили донесения о росте недовольства в самом Загребе и некоторых районах Воеводины²⁶. В донесениях сообщалось о том, что население страшно устало от войны и потеряло всякий интерес к ее «победоносному исходу».

Отдельные успехи, одержанные коалицией Центральных держав на сербском и черногорском фронтах осенью 1915 г., не шли ни в какое сравнение с теми катастрофическими поражениями и людскими потерями, которые понесла Австро-Венгрия на Восточном фронте. К тому же значительно ухудшилось продовольственное положение страны. В непродовольственных районах — Далмации, Герцеговине, Истрии, Горице — появились признаки надвигающегося голода. В связи с этим усилилось югославянское и итальянское ирредентистское движение.

В историческом архиве г. Задара хранятся важные документы о революционном движении и деятельности ирредентистских организаций в Далмации в годы первой мировой войны. Один из них — секретная инструкция министерства внутренних дел Австрии местным органам власти о борьбе с ирредентой.

²¹ Там же, № 2/1794.

²² Венгерский военно-исторический архив, ф. 79 (полевая жандармерия Митровицы — министерству внутренних дел Венгрии, март 1915, № 219).

²³ Arhiv JAZU, svezak 11/2, № 14, 1915.

²⁴ Там же, № 15.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, № 16.

В инструкции разъясняется, что под ирредентизмом следует понимать не только собственно ирреденту, но и все случаи неповиновения властям, забастовки, голодные волнения и другие проявления недовольства народных масс. Согласно инструкции, местным властям вменялась в обязанность борьба с революционным движением как первоочередная задача. Далмация объявлялась на чрезвычайном положении и управление полицией в Далмации передавалось специальной правительственной комиссии, наделенной самыми широкими правами. Такие же комиссии создавались в Тироле, Словенском Приморье и Каринтии²⁷.

Военное министерство дало предписание войскам оказывать правительственным комиссиям «всемерную и всестороннюю помощь». Об этом, в частности, говорит приказ командующего береговыми войсками Далмации генерала Вухерера от 5 декабря 1915 г. Вухерер распорядился произвести поголовную перепись всех «подозрительных элементов» среди югославянского и итальянского населения, составить на них картотеки и установить над ними постоянное наблюдение²⁸.

В инструкции министерства внутренних дел и в приказе генерала Вухерера особое внимание уделялось борьбе с пропагандистской литературой, распространяемой организациями политической эмиграции в Швейцарии, Италии, Франции, Англии и других странах.

Что представляли собой эти организации?

Они возникли в конце 1914 — начале 1915 г. на базе политических групп и обществ югославянских, чешских, польских эмигрантов, бежавших из Австро-Венгрии после вступления монархии в войну. Эти организации были неоднородны по своему составу, имели различные программы и направления и играли неодинаковую роль в политической борьбе. В своем большинстве они отражали взгляды национальной буржуазии и национальной интеллигенции, ориентировались на страны Антанты и строили свои расчеты в надежде на победу Антанты над Центральной коалицией. На такой платформе, в частности, стоял Югославянский комитет в Лондоне, созданный в 1915 г.²⁹

Но среди эмигрантских кругов имелись и более радикальные организации, которые ставили своей задачей ликвидацию монархии Габсбургов и создание федеративной демократической республики. К их числу относилась Демократическая лига, функционировавшая в Швейцарии. Позднее на позиции борьбы с реакционной монархией вступили многие другие организации, ранее придерживавшиеся реформистской тактики.

²⁷ Historijski arhiv Zadara, Fond Presedjalni spisi Namjestništva. Svezak 700, № K-174, 1915; № K-21, 1916.

²⁸ Там же (береговое военное командование, 5.XII 1915, № 3340).

²⁹ См. М. P a u l o v a. Jugoslovenski odbor. Zagreb, 1925.

Эмигрантские организации с начала своей деятельности вели работу по пропаганде идей объединения и освобождения угнетенных наций Австро-Венгерской монархии. В Швейцарии, Франции, Италии, Голландии, Скандинавских странах радикальные эмигрантские группы выпускали газеты, журналы, брошюры на языках народов Австро-Венгрии и затем переправляли их различными путями в Австро-Венгрию.

В 1916 г. их распространение в стране заметно усилилось и правящие круги монархии были вынуждены предпринять контрмеры. В феврале — мае 1916 г. был издан ряд правительственных распоряжений об усилении контроля за эмигрантской литературой и о конфискации печатных изданий Югославянского и других эмигрантских комитетов³⁰.

В течение всей войны австро-венгерская цензура вела борьбу с эмигрантской литературой, но так и не смогла добиться прекращения ее распространения. Она прибывала в Австро-Венгрию по разным каналам: сбрасывалась военными самолетами Антанты на линии фронта и в тылу, переправлялась в нейтральные страны и оттуда — в Австро-Венгрию, доставлялась по почте вместе с письмами, посылками и бандеролями.

Эта литература в подавляющем большинстве отнюдь не была революционной. Она не призывала солдат и рабочих к восстанию против господствующих классов. Авторы брошюр и политических памфлетов, распространяемых Югославянским комитетом и другими югославянскими буржуазными эмигрантскими организациями, сами боялись революции народных масс. В лучшем случае они обращались к населению с призывом прекратить войну на стороне монархии Габсбургов, протянуть руку мира державам Антанты, вести борьбу за национальное воссоединение всех югославян. Социал-демократические эмигрантские группы и организации выдвигали более радикальные требования, но и они не призывали к народной революции³¹.

Тем не менее эмигрантская литература сыграла известную роль в расшатывании империи, распространении антиавстрийских и антивоенных настроений.

³⁰ Državni arhiv u Zagrebu. Fond UOZY, IV. Res. 1916, k. 29, № 2070, 2071. 1 декабря 1916 г. произошла реорганизация цензурной службы. Исходя из необходимости централизации органов цензуры и установления более строгого наблюдения за письмами и периодической печатью, было создано Главное отделение цензурной службы и ряд подотделов — Балканский, Западнославянский и др. Тогда же была учреждена система референтуры, которой поручалось составлять доклады о внутреннем положении в Австро-Венгрии и реферировать прессу в странах Антанты. Были созданы три группы референтуры: 1) по России, Балканам, Скандинавским странам и Азии; 2) по странам Западной Европы, Америки и Африки; 3) по внутренней политике и экономическому положению Австро-Венгрии (Венгерский военно-исторический архив, ф. 1. Weltkrieg. Zensurstelle. Fasz. 431).

³¹ Группа Этбина Кристана в Америке выступала за федерацию демократических республик, но не намечала конкретных путей достижения этой цели.

Неизмеримо большее значение имело распространение революционных идей из России. Еще до Февральской революции Восточный фронт был основной кузницей формирования революционных идей в австро-венгерской армии. На этом фронте в имперских войсках были созданы первые солдатские революционные комитеты и первые советы солдатских депутатов. Здесь происходило наиболее массовое братание. Свыше 1,5 млн. солдат австро-венгерской армии сдались в плен русским войскам. Среди них было около 300 тыс. югославян.

Массовое дезертирство с Восточного фронта заражало своим примером воинские части других фронтов. Верховное командование австро-венгерской армии перебрасывало с Восточного фронта на Итальянский и Балканский фронты или в тыл неблагонадежные части, и эти части становились рассадником революционных идей.

В январе-феврале 1917 г., как свидетельствуют донесения военного коменданта г. Загреба и начальника полицейской службы Хорватии, революционное настроение стало охватывать гарнизон Загреба и солдат, мобилизованных на тыловые работы³².

В феврале-марте 1917 г., как раз в то время, когда в России был свергнут царизм, в ряде югославянских воинских соединений и среди крестьян Хорватии стали распространяться слухи о ликвидации династии Габсбургов в Австро-Венгрии. В селе Запрешиче Загребского района разошлась молва о том, что новый император Карл Габсбург «продал Италии 300 вагонов пшеницы и бежал в Швейцарию»³³. В 53-м хорватском полку Юго-Западного фронта распространялся рукописный экземпляр листовки-памфлета об императорской фамилии. В памфлете остро высмеивалась деятельность последних Габсбургов и утверждалось, что покойный Рудольф Габсбург якобы жив и скоро вернется на престол, чтобы прекратить войну³⁴.

В селах Трбовльского района (Славония) также ходили слухи об отставке Карла Габсбурга и о захвате австрийского престола императором Германии Вильгельмом II. Это вызвало настоящую панику среди сельского населения, так как одновременно прошла молва, что немцы уничтожают славян и присоединяют к себе их земли³⁵. В Осиеке, Сисаке, Вараждине и целом ряде других городов Славонии, по донесениям полиции, крестьяне и горожане на рынках и иных общественных местах почти открыто критиковали Габсбургов, говорили о скорой их отставке. Идея низложения прогнившей династии Габсбургов носилась в воздухе. Она возникла под непосредственным влиянием Февральской революции в России.

³² Državni arhiv u Zagrebu. Fond UOZV. IV res. 1917, № 2691—2779.

³³ Там же, № 1413.

³⁴ Там же, № 1411.

³⁵ Там же, № 1413.

2. ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ЮГОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ АВСТРО-ВЕНГРИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ

Свержение царизма в России произвело колоссальное впечатление в Австро-Венгрии. При венском дворе началась настоящая паника. Генерал Саркотич, пользовавшийся особым доверием императора, приводит в своем дневнике интересную запись беседы с императором Карлом, состоявшейся 29 марта 1917 г., вскоре после получения в Вене известий о низложении в Петрограде Николая II. Саркотич вспоминает, что император Карл был крайне встревожен полученным известием. Указав на «непредвиденные и неисчислимы последствия русской революции», Карл подчеркнул срочную необходимость проведения в Австро-Венгрии реформ и высказался за немедленное заключение мира³⁶.

С этой целью в Вене был создан Коронный совет, обсудивший проекты внутренних преобразований в стране. Было решено восстановить рейхсрат и провинциальные парламенты, легализовать запрещенные политические партии, разрешить издание ряда печатных органов. В апреле-мае 1917 г. реформы были проведены.

Однако они не отвлекли народные массы от политической борьбы против монархии, как на то рассчитывали правящие круги Австро-Венгрии. Реформы носили половинчатый характер и не удовлетворили широкие слои населения. Восстановление в результате реформ лишь некоторых политических свобод не изменило существа реакционного режима монархии Габсбургов. Борьба продолжалась и после реформ. Более того, с каждым месяцем войны она все усиливалась и достигла в конце 1917 — начале 1918 г. небывалого подъема. Этот подъем произошел под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России. В конце 1917 г. в стране развернулось сильнейшее движение за мир, а в январе 1918 г. дело дошло до всеобщей политической забастовки, едва не переросшей в революцию³⁷.

В Боке Которской в феврале было поднято восстание, охватившее более 40 кораблей австро-венгерского военно-морского флота³⁸.

Армия, некогда верный оплот монархии Габсбургов, выходила из повиновения. Интересную характеристику положения в австро-венгерской армии и военно-морском флоте дает доклад, составленный в мае 1918 г. сербскими наблюдателями на Италья-

³⁶ Там же, ф. Dnevnik Sarkotića, 29.III 1917.

³⁷ В. М. Турок. Подъем австрийского рабочего движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции (январская забастовка 1918 г.). «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1952, № 3.

³⁸ В. Stulli. Ustanak mornara u Boki Kotarskoj. Split, 1959.

янском фронте для военного министерства Сербии. На основе многочисленных данных, в том числе и разведывательных, авторы доклада делают вывод о катастрофическом разложении австро-венгерской армии и распространении в ней революционных идей. «Патриотические (революционные.— Ю. П.), свободолюбивые и анархистские идеи,— утверждает доклад,— проникли во многие войска. По существу заразился весь организм армии». «В настоящее время,— сообщалось далее в докладе,— в австро-венгерских войсках и в тылу происходят невероятные события, такие, каких не знает ни одна армия, кроме русской: восстания, дезертирство, переход на сторону противника, убийство офицеров — все это стало чуть ли не обыденным делом». Доклад отмечал, что военное командование австро-венгерской армии бессильно приостановить дальнейшее разложение войск. «Всевозможные застрашивания солдат, расстрелы каждого десятого или повешение, отправление непослушных войск под угрозой пулеметов на передовую линию, где их может уничтожить неприятель, интернирование населения целых областей и другие меры, применяемые ранее, больше не дают результатов»³⁹.

В докладе приводились данные о численности и действиях отрядов дезертиров — «зеленого кадара», перечислялись случаи восстаний солдат австро-венгерской армии⁴⁰.

Данные доклада сербских наблюдателей на Итальянском фронте подтверждаются рядом других документов, в том числе приказами и докладами командования самой австро-венгерской армии. Так, в строго секретном приказе генерала Арца, начальника генерального штаба австро-венгерских войск, от 26 января 1918 г. командованию имперских войск в Сербии и на Салоникском фронте сообщалось о распространении революционных идей в австро-венгерской армии. Генерал Арц констатировал заметное падение дисциплины и разложение армии. Он указывал на большую работу агитаторов и предписывал усилить наблюдение за ними. В приказе отмечалось, что распространению революционных идей способствуют также письма, полученные солдатами из дома. К приказу генерала Арца было приложено семь списков цензурных изъятий из солдатских писем⁴¹.

Министерство обороны Венгрии в секретном докладе военному министру Штёгеру-Штенеру от 19 февраля 1918 г. сообщало о многочисленных случаях революционного брожения в войсках, расквартированных в Хорватии-Славонии, и среди населения. «В последнее время,— говорилось в докладе,— со всех сторон приходят известия о росте в Хорватии и Славонии враждебных (т. е. революционных.— Ю. П.) настроений и движе-

³⁹ Архив JAZU, svezak 10/24, s. 1.

⁴⁰ Там же, стр. 4—5.

⁴¹ Венгерский военно-исторический архив, ф. 3263, д. 1.

ний»⁴². Далее приводились материалы о росте дезертирства, об увеличении отрядов «зеленого кадара», о помощи населения дезертирам и пропагандистской деятельности. Касаясь последней, доклад отмечал: в г. Осиеке (Славония) «ведется пропаганда за создание югославского государства, оказывающая разлагающее воздействие на войска». Министерство обороны предлагало передислоцировать в другие места 53-й полк в Загребе и 78-й полк в Осиеке ввиду их неблагонадежности и заменить эти части венгерскими или австрийскими войсками⁴³.

Командующий австро-венгерскими войсками в Боснии — Герцеговине и Далмации генерал Саркотич в своей телеграмме верховному командованию от 7 февраля 1918 г. также отмечал факты разложения армии во вверенных ему частях и указывал на опасное влияние «русских революционных идей». Саркотич сообщал, что моряки военных кораблей и радиолюбители городов Далмации ловят передачи радиостанций Советской России и таким образом получают информацию о происходящих в ней событиях. Он указывал и на опасность югославянской и чешской пропаганды, а также на то, что среди общественности усиливается движение за единство действий чехов и южных славян в борьбе против монархии Габсбургов⁴⁴.

Об этом же сообщало 6 февраля 1918 г. полицейское управление г. Загреба. В донесении указывалось, что в Загребе полицией был обнаружен машинописный текст «Песни словенских революционеров», в которой содержался призыв объединить все силы славянских народов — югославян, чехов и словаков — для борьбы за свободу. «Песня» заканчивалась словами: «Да здравствует единая всеславянская республика!»⁴⁵.

В марте 1918 г. в г. Сушаке (Хорватское Приморье), по данным местных властей, неоднократно происходили выступления и демонстрации учащихся и городского населения под лозунгом создания югославянского государства⁴⁶.

В Каринтии, Крайне, Горице по инициативе югославянской фракции рейхсрата — «Югославянского клуба» — еще в 1917 г. и весной 1918 г. была проведена широкая кампания по сбору подписей под «Майской декларацией» 1917 г., выдвигавшей программу воссоединения югославянских земель и объединения всех югославян и населявших их территорий в одно государственное целое под скипетром габсбургской династии.

⁴² Arhiv JAZU, svezak 11/2, № 26.

⁴³ В ответ на это главное командование от 22.II 1918 г. отдало приказ (№ 103/036) местному командованию и жандармерии в Загребе и Осиеке об усилении наблюдения за войсками (там же).

⁴⁴ Arhiv JAZU, svezak 11/2, № 24 (донесение Саркотича, № 974).

⁴⁵ Državni arhiv u Zagrebu. Fond UOZV. IV res. 1918, k. 75, № 615.

⁴⁶ Там же, № 1484 (Общинное управление г. Сушака — министерству внутренних дел Венгрии. 26.III 1918, № 615).

Весной 1918 г. наметился пересмотр «Майской декларации» в сторону радикализации ее программных положений. На народных собраниях, созываемых Югославянским клубом, все чаще стали раздаваться голоса о создании независимого от Австро-Венгрии югославянского государства. К этому времени значительно возросло число сторонников «Корфской декларации» 1917 г., выступавшей за объединение югославянских земель Австро-Венгрии с Сербией.

Воссозданные в 1917 г. политические партии и общества югославянской национальной буржуазии и интеллигенции и начавшие выходить газеты («Глас срба, хрвата и словенаца», «Словенски юг» и др.) активизировали свою деятельность. Они выдвигали программу воссоединения всех югославянских земель, критиковали систему дуализма, требовали предоставления югославянским народам больших прав и политических свобод. Даже Словенская народная партия, находившаяся под влиянием католической церкви и ранее всегда служившая верой и правдой монархии Габсбургов, также стала выступать с программой радикальных преобразований в государственном управлении империи. В партии сменилось руководство и вместо австрофила Шустершича пришли более радикальные элементы.

Словенская народная партия в Каринтии, Старчевичанская хорватская партия и политические группы, сформировавшиеся вокруг указанных газет в Хорватии, ряд политических союзов и групп в Далмации, Истрии, Боснии, Воеводине выдвинули лозунг объединения «треименного народа» — словенцев, хорватов и сербов — в одно самостоятельное государство, и этот лозунг находил все большее число сторонников.

Нарастало рабочее и социалистическое движение. В социал-демократических партиях под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции стало выкристаллизовываться новое, революционное крыло, которое выдвинуло лозунг создания демократической республики.

В этой обстановке перед правящими кругами монархии Габсбургов встали с особой остротой задачи принятия самых срочных мер для борьбы против революционной пропаганды.

Еще в январе 1918 г., во время всеобщей политической забастовки, австрийское и венгерское министерства внутренних дел, полицейские управления и органы цензуры ввели строжайший контроль над газетами, запретив им публиковать сообщения о развитии революционных событий в стране. Так, цензурой был наложен арест на публикацию в газетах сообщений о мирных демонстрациях рабочих в Вене 5 января и в Будапеште 10 и 14 января, о роспуске министерством внутренних дел Венгрии революционного кружка «Галилей» 12 января, об объявлении Финляндии независимым государством 15 января, о создании Совета рабочих депутатов в Будапеште 17 января, о забастовках

рабочих Австрии и Венгрии 18 и 21 января и о многих других событиях⁴⁷.

Тщательному просмотру цензуры были подвергнуты все сообщения о мирных переговорах в Брест-Литовске, из газет были изъяты материалы о перерыве заседаний конференции 4 января и 14 января⁴⁸. Даже на отчет о заседании Коронного совета от 22 января, на котором обсуждались меры по борьбе с революционным движением, был наложен запрет цензуры⁴⁹. Министерства внутренних дел Австрии и Венгрии и цензурная служба нередко толкали редакции газет на прямую фальсификацию. 21 января было отдано распоряжение цензуры опубликовать в газетах сообщение о рабочем движении в таком виде, чтобы у читателей создалось впечатление, что рабочие ведут борьбу не против войны, а за всеобщее избирательное право и созыв рейхсрата. Было строжайше запрещено сообщать в газетах о подлинных лозунгах январской забастовки и о том, что она носит всеобщий характер⁵⁰.

Забега вперёд, следует сказать, что тот же метод был применен цензурой и во время всеобщей забастовки рабочих в июне 1918 г. Тогда было издано распоряжение сообщать, будто забастовки объявляются с разрешения властей и носят организованный и мирный характер⁵¹.

Весной 1918 г. периодическая печать стала подвергаться почти таким же гонениям, как и в начале войны. Обещания о свободе печати, данные в мае 1917 г., были забыты.

19 февраля министерство торговли Венгрии⁵² запретило распространение на территории Венгерского королевства почти всех чешских и словацких газет.

25 февраля, 1, 10 и 12 марта министерством торговли Венгрии были сделаны новые распоряжения об ограничении свободы печати. Из обращения на книжном рынке был изъят ряд книг и брошюр⁵³. В Хорватии правительство бана Михаловича усилило преследование социалистической газеты «Правда» и оппозиционных газет «Глас словенаца, хрвата и срба», «Юг», «Хрватска држава». Из газет делались многочисленные цензурные изъятия, и они выходили, как правило, с белыми полосами.

Обеспокоенное положением дел в армии, правительство весной 1918 г. решило принять ряд дополнительных мер для борьбы против распространения революционных идей. Начальник

⁴⁷ Венгерский военно-исторический архив, ф. 362, 1918 г. Россыпь, лл. 17, 21, 23, 29, 35, 38, 44, 47, 51, 61.

⁴⁸ Там же, лл. 16, 27.

⁴⁹ Там же, л. 82.

⁵⁰ Там же, л. 63.

⁵¹ Там же, л. 767.

⁵² Министерства торговли Венгрии и Австрии выполняли ряд функций министерств внутренних дел.

⁵³ Državni arhiv u Zagrebu. Fond NOZV, IV res. 1918, k. 74, 76.

генерального штаба направил по этому поводу 14 марта 1918 г. письмо верховному командованию австро-венгерской армии (за № 219). В письме констатировалось возросшее влияние в армии идей русской революции и отмечалось, что эти идеи имеют распространение не только в войсках, но и среди широких масс, в том числе крестьянства. Генеральный штаб предлагал создать в армии специальную централизованную организацию, сосредоточить в ее руках всю пропагандистскую деятельность. Эта организация должна была обеспечить выпуск брошюр, листовок, издание солдатской газеты, ведение устной пропаганды против революционных идей. Намечалось открытие курсов и школ пропагандистов, сформированных из числа отобранных командованием лояльно относящихся к монархии солдат и офицеров⁵⁴.

20 марта было проведено учредительное совещание вновь созданной организации и решено образовать специальные курсы пропагандистов, посылая на них по три-четыре офицера от каждого корпуса. В воинских соединениях создавалась широко разветвленная сеть политических агентов организации контрпропаганды, особенно в славянских частях. Представители этой организации в войсках наделялись большими правами и приравнивались к рангу заместителей командующих соответствующих воинских подразделений⁵⁵. Для солдат стала выпускаться газета «Хаймат» («Отечество»). На газету возлагали задачи ведения пропаганды против революции, дезинформации и обмана солдатских масс. Тем же целям должны были служить различные листовки, бюллетени, брошюры, выпускаемые центральной организацией контрпропаганды в австро-венгерской армии.

Во главе этой организации был поставлен барон Вальдштеттен. В мае 1918 г. служба контрпропаганды была преобразована в отдел контрпропаганды при верховном командовании имперской армии. На нужды отдела ежемесячно ассигновалось не менее 20 тыс. крон⁵⁶. К этому времени были открыты центральная школа пропагандистов и дивизионные пропагандистские курсы.

На курсах читались лекции о причинах и характере войны, причем вся вина за войну взваливалась на Сербию, Россию и Антанту, а монархия Габсбургов представлялась невинной жертвой агрессии⁵⁷. Этой теме был посвящен раздел, озаглавленный в программе: «Почему мы воюем?». Другой раздел программы затрагивал вопрос о союзниках и противниках Австро-Венгрии. Слушателям курсов внушали мысль о слабости противника и силе союзников, прежде всего Германии. С этой целью преуве-

⁵⁴ Венгерский государственный архив. Микрофильмы Военного архива Вены. Fond: Kriegspropaganda — Abwehrstelle. F. 00066.

⁵⁵ Там же, л. 00015.

⁵⁶ Там же, л. 00113 (приказ начальника генштаба 9.V 1914, № 141852).

⁵⁷ Там же, л. 00088 (приказ верховного командования: «Программа курсов»).

личивалось значение подводной войны, развязанной Германией, и побед, одержанных Центральной коалицией на Западном и Балканском фронтах, а с другой стороны, преуменьшалось значение военных успехов Антанты⁵⁸.

Специальный раздел программы посвящался революции в России. Не будучи в состоянии замолчать огромное влияние Октябрьской революции во всем мире, правящие круги и военщина Австро-Венгрии пытались дезинформировать народные массы относительно причин революции и ее характера. Они указывали, что революция якобы имеет чисто национальный, русский характер, а в Австро-Венгрии будто бы для нее нет причин, так как монархия Габсбургов является «демократическим государством». Извращались лозунги Октябрьской революции, преувеличивались трудности Советской России, вызванные интервенцией и экономической разрухой.

Значительное внимание в обучении на курсах отводилось религиозно-этическим вопросам. Власть императора объявлялась священной и неприкосновенной. Была выпущена многочисленная литература, прославляющая деятельность императора Карла, который объявлялся миротворцем.

«Последняя ли это война?» — задавался вопрос слушателям. И давался такой ответ: «Враги хотят уничтожить Австро-Венгрию. Нельзя бросать оружие»⁵⁹.

Особое внимание на курсах уделялось национальной и социальной проблемам. Им посвящалось несколько занятий⁶⁰. Пропагандистам внушалась мысль, что национально-освободительное движение ослабляет австро-венгерское государство. Продолжительные трудности страны объяснялись тем, что отдельные ее области проявляют сепаратизм и не хотят отдавать хлеб в пользу всего государства. В связи с этим выдвигался лозунг: «Вместо отделения национального движения — экономическое восстановление Австро-Венгрии»⁶¹.

В качестве руководящего пособия на курсах использовались брошюры майора Ф. Шагера «Государственное строительство Австро-Венгерской монархии», П. Шмидта «Этические задачи войны», антисоветская брошюра венского профессора Ганса Юберсбергера «Русская революция», брошюра за подписью «д-р Ф. И.» под названием «Как изучать вопросы национальной экономики»⁶². После окончания пропагандистских курсов

⁵⁸ Там же, л. 00088.

⁵⁹ Там же, пункт 6 программы.

⁶⁰ Пункт 7 программы.

⁶¹ Пункты 7 и 10 программы.

⁶² Помимо указанных пособий на курсах и в армии распространялись брошюры майора генштаба Эдмонда Глензе-Хорстенау «Österreich-Ungarns geschichtliche Sendung», д-ра Людвиг Мисес «Über Kriegskostenendeckung und Kriegsanleihen» и ряд других (там же, ф.: Feindespropaganda — Abwehrstelle des AOK. № 193, res., Wien, 21.VI 1918).

политические агенты отдела контрпропаганды были направлены в армию. Они пытались распропагандировать солдат в своем духе, мобилизовать их на продолжение войны, ослабить влияние революционных идей.

Но эти попытки оказались тщетными. Пропаганда в защиту реакционной монархии Габсбургов и империалистической войны не достигла цели. Это был вынужден констатировать сам отдел контрпропаганды верховного командования австро-венгерской армии. 13 июля 1918 г. в Вене было проведено срочное и строго секретное совещание руководителей отдела с представителями генштаба, министерств иностранных и внутренних дел, военного министерства, канцелярии совета министров Австрии и отдельных ведомств. На совещании обсуждался вопрос о новых мерах борьбы против распространения революционных идей в армии. Участники совещания откровенно признали, что командование ничего не может поделать, чтобы помешать революционному брожению в армии. Представитель оперативного отдела верховного командования австро-венгерской армии привел конкретные данные о волнениях солдат на фронте, о массовом дезертирстве, случаях неповиновения солдат офицерам и других проявлениях разложения армии. Он отмечал огромное и все возрастающее влияние идей Октябрьской революции⁶³. О том же говорил руководитель отдела контрпропаганды Вальдштеттен и другие участники совещания. Было решено установить особо тщательную слежку за солдатами, которые после Брестского мира стали возвращаться из Советской России. Верховное командование создало для них специальные карантинные лагеря, в которых в течение четырех недель проводилась проверка «лояльности» солдат. Был предпринят ряд других мер⁶⁴.

Но они не помогли. В армии и тылу с каждым месяцем развевывалось все более сильное революционное движение, а в октябре-ноябре 1918 г. в Австро-Венгрии вспыхнула революция, приведшая к ликвидации монархии Габсбургов.

⁶³ Венгерский государственный архив. Микрофильмы Военного архива Вены. Fond: Kriegspropaganda — Abwehrstelle, л. 00755 (Protokoll über die Sitzung der militärischen und zivilen Zentralstellen in Angelegenheit der Feindespropaganda — Abwehr am 13.VII 1918).

⁶⁴ Н. Г р у л о в и њ. Југославени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962.

**ГРАБИТЕЛЬСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
ГИТЛЕРОВСКИХ ОККУПАНТОВ
В «ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ» В 1939 г.**

Профашистский внешнеполитический курс Польши, который нашел свое наиболее полное и яркое воплощение в польско-германском пакте 1934 г., был главной причиной крайне печальных для польского народа политических событий, разыгравшихся несколькими годами позже. Политическая близорукость правящих буржуазно-помещичьих кругов привела страну к полнейшей внешнеполитической изоляции и сделала ее жертвой агрессивных устремлений нацистов. Занятая активной разработкой планов нападения на СССР, санация полностью сбрасывала со счета возможность возникновения польско-германского конфликта и абсолютно не подготовила страну к отражению гитлеровской агрессии. Итогом этого было быстрое падение Польского государства.

Захват Польши гитлеровской Германией положил начало почти шестилетней оккупации страны фашистами, периоду планомерного уничтожения польской нации.

Уже в октябре 1939 г. Гитлер подписал декрет о расчленении Польши и присоединении Поморья, Силезии и Великопольских земель к Германии. Из оставшихся восточных и юго-восточных территорий было образовано так называемое «генерал-губернаторство»¹, где предполагалось в дальнейшем сконцентрировать польское население. Правителем губернаторства Гитлер назначил яркого нациста, одного из своих старых сподвижников и фаворитов Ганса Франка.

Все польское население с первых дней оккупации подвергалось жестоким репрессиям. Террор стал системой, о которой нацисты говорили совершенно откровенно: «...я не поколеблюсь заявить,— говорил Франк,— что в случае убийства одного немца будет расстреляно до 100 поляков»². В уничтожении мирного польского населения участвовали не только специальные полицейские силы (Einsatzkommandos, Einsatzgruppe), но и военные

¹ «Verordnungsblatt des Generalgouvernement für den besetzten polnischen Gebieten», 1939, No 1, S. 3 (далее — V. O. Bl. GG).

² P. Cyprian, J. Sawicki. Przed trybunałem świata. Warszawa, 1962, str. 187.

и гражданские оккупационные власти. Только до 26 октября 1939 г. оккупанты совершили десятки массовых карательных экспедиций, в результате которых погибло около 2 тыс. человек³. В начале ноября 1939 г. нацисты расстреливали поляков за вывешивание плакатов, напоминающих о дне польской независимости (11.XI)⁴, проводили многочисленные «профилактические» аресты. В декабре они расстреляли сотни мирных граждан за попытки покушения или убийства немецких полицейских.

Особенно беспощадно истреблялись коммунисты, польская интеллигенция, политические деятели самых различных направлений, активисты рабочего и профсоюзного движения. Уничтожение интеллигенции сопровождалось ликвидацией очагов польской науки и культуры. Были закрыты театры, концертные залы, библиотеки, читальни, музеи, картинные галереи. Перестали выходить польские газеты, за исключением издававшейся немцами «бульварной прессы», как называли ее поляки. Оккупанты запретили публикацию польских книг и закрыли 2 тысячи периодических изданий⁵. Массовые аресты, публичные казни и расстрелы, жесточайшее национальное угнетение и уничтожение, политика разжигания национальной вражды между поляками и украинцами, евреями, исключительно привилегированное положение немцев — все это создавало невыносимые условия жизни, усугублявшиеся чрезвычайно тяжелым экономическим положением.

Население Польши голодало буквально с первых дней оккупации. Уже в октябре 1939 г. Л. Ландау⁶ писал: «С самого утра, захватив мешки, корзинки и рюкзаки, люди кружили по городу, высматривали возможность что-нибудь купить, проводили долгие часы в очереди»⁷.

Инфляция (на 17 сентября 1939 г. на территории губернаторства было в обращении 1,2 млрд. зл., а к середине ноября — уже 2,5 млрд. зл.⁸), постоянный рост цен, безработица, мизерные нормы продовольственного снабжения, установленные оккупантами и не обеспечивавшие даже минимального прожиточного уровня, расцвет спекуляции и черного рынка дополнялись варварским, откровенным и наглым грабежом.

³ M. Malinowski, J. Pawłowicz, W. Poterański, A. Przygoński, M. Wilusz. *Polski ruch robotniczy w okresie wojny i okupacji hitlerowskiej*. Warszawa, 1964, str. 19.

⁴ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 2015, л. 29; д. 1671, л. 84.

⁵ «Наукові записки Інституту історії УРСР», 1957, т. 9, стр. 288.

⁶ Л. Ландау — крупнейший польский экономист, автор ряда научных трудов; погиб в Варшаве в феврале 1944 г. В течение всего периода оккупации писал хронику, которая является ценнейшим источником истории Польши периода второй мировой войны.

⁷ L. Landau. *Kronika lat wojny i okupacji*, t. I. Warszawa, 1962, str. 37.

⁸ Archiwum Zakładu Historii Partii przy KC PZPR. Sygn. 202/1—45, str. 582—583 (далее — А. З. Н. П.).

Таково было положение, созданное нацистами на польских землях в первые месяцы существования «генерал-губернаторства». В этой обстановке гитлеровцы приступили к «управлению» польской экономикой.

* * *

Возможности использования экономики оккупированной страны изучались гитлеровским руководством и соответствующими «научными» учреждениями третьего рейха еще до начала военных действий. В 1938 и 1939 гг. Институт Восточной Европы в Бреслау подготовил ряд справок о промышленных районах Польши. Для этой же цели экономическим отделом «И. Г. Фарбениндустри» были составлены самые подробные обзоры ряда отраслей польской промышленности: горнорудной, химической, энергетической, нефтяной, с полными данными о выпускаемой продукции, мощности предприятий, наличии рабочей силы и т. д. Так, например, обзор, составленный концерном 28 июня 1939 г., содержал характеристику 18 важнейших химических фирм Польши: акционерного общества «Химические заводы. Людвиг Шпайс и сын», обществ «Польские алюминиевые заводы», акционерного общества «Польнише Сольвай-Верке». В подобном же обзоре по энергетике, горнодобывающей промышленности и лесохозяйству Польши от 26 сентября 1939 г. была представлена общая картина добычи польского каменного угля, ввоза и вывоза кокса, нефти, выработки и потребления газа и электроэнергии за период 1935—1938 гг., а также приведены подробные сведения о горнодобывающих предприятиях и перерабатывающих заводах Польши.

В самом начале войны, 7 сентября 1939 г., «Дейче Банк» направил в Берлин советнику при имперском комиссариате по вопросам кредита справку, где перечислялись крупнейшие польские банки, указывался размер их капитала, владельцы, их связи с иностранными концернами.

Еще до начала войны с Польшей при немецких армиях были организованы отделы гражданской администрации, в состав которых входили отделения военной экономики⁹. Они посылали запросы в самые различные учреждения с просьбой предоставить статистические и информационные материалы о польской экономике. Например, сектор промышленности такого отдела при 8-й армии обращался за информацией в уже упоминавшийся Институт Восточной Европы, который 31 августа 1939 г. дал справку о текстильной промышленности в Лодзи и получил задание подготовить сведения о промышленном облике Лодзи и

⁹ T. Berenstein, A. Rutkowski. Grabieżcza polityka gospodarcza hitlerowskiej administracji wojskowej w Polsce. «Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego», N 42, Warszawa, 1962, str. 62 (далее — Biuletyn Z. I. H.).

Варшавы¹⁰. Подобного же рода информация была представлена директором псевдонаучного Украинского института в Берлине¹¹.

Подготовкой разграбления польской экономики занимались также эсэсовские и полицейские ведомства. В 1939 г. в имперском управлении безопасности появился «Проект использования гестапо и СД при нападении на Польшу». Согласно этому проекту, в Бонне создавался так называемый центральный оперативный штаб «Польша». Были организованы пять оперативных групп из гестаповцев, по 50—60 человек каждая. Подобные оперативные полицейские группы действовали еще в 1938 г. и в начале 1939 г. во время австрийской и чехословацкой «кампаний», когда они истребляли политических противников нацизма. В Польше задачи групп были значительно расширены. Они занимались не только ликвидацией многих тысяч прогрессивных политических деятелей и представителей польской интеллигенции. Помимо этого им был вменен в обязанность грабеж материальных ценностей¹².

До начала военных действий эти группы базировались в Глейвице, Милице, Шнейдемюле, Фирхен-Мариенбурге и других городах. Впоследствии планировалось переместить их на территорию Польши, в частности в Катовице, Познань, Быдгощ.

В первые военные дни было завершено также формирование трех групп главного управления по вопросам «рас и поселений»¹³. Их задача состояла в выявлении имущества польского государства, собственности церкви, крупных земельных владельцев, а также в проведении подготовительных мероприятий для занятия немцами принадлежащих полякам земельных участков.

Таким образом, гитлеровцы, начиная от эсэсовских головорезов и полицейских и кончая благовидными, но не менее хищными до легкой наживы представителями крупнейших банков, концернов и различных «научных» центров, подготовились к активному использованию военных завоеваний не только в политическом отношении, но и экономически. Грабеж материальных ценностей польского народа должен был занять центральное место в экономической политике оккупантов на польской земле.

По окончании военных действий экономика Польши находилась в состоянии дезорганизации и хаоса, хотя в ходе боев промышленные предприятия пострадали довольно мало. Весной 1942 г. конспиративными органами делегатуры лондонского эмигрантского правительства был составлен отчет о состоянии поль-

¹⁰ Biuletyn Ż. I. H., str. 62—63.

¹¹ Там же.

¹² M. Broszat. 200-Jahre deutsche Polenpolitik. München, 1963, S. 220; H. Krausnik. Hitler und die Mörde in Polen. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1963, N 2, S. 206—207.

¹³ «Najnowsze dzieje Polski». Materiały i studia z okresu II wojny światowej. Warszawa, 1962, t. 6, str. 48.

ской промышленности в первые годы гитлеровской оккупации. Согласно сведениям этого отчета¹⁴, общая сумма ущерба, нанесенного польской промышленности в сентябре 1939 г., составила 550 млн. довоенных злотых. Причем, если такие отрасли промышленности, как автомобильная, авиационная, электротехническая, текстильная, понесли весьма существенные потери, то ряд отраслей — угольная, металлургическая, цементная — вообще не пострадали во время военных действий или пострадали очень немного. Именно поэтому даже наиболее существенные разрушения и повреждения в необходимых нацистам отраслях промышленности были устранены в 1940—1942 гг. По данным нацистского автора Голлерта, из 3916 предприятий наиболее промышленного Варшавского округа, существовавших в 1938 г., было разрушено в результате военных действий целиком или в значительной степени 200 фабрик и заводов¹⁵. При этом наиболее ощутимые потери понесла промышленность Варшавы и сконцентрированная вокруг столицы металлическая, машиностроительная, химическая промышленность. Из 50 млн. зл., в которые польские конспиративные органы оценивали потери всей химической промышленности, 20 млн. зл. приходилось на заводы, расположенные в районе Варшавы¹⁶.

Количество разрушенных во время войны предприятий в самой Варшаве составляло треть всех варшавских фабрик¹⁷, но многие крупные варшавские заводы почти не пострадали. Невредимыми перешли в руки концерна Цейса, например, оптические предприятия в варшавском пригороде Праге, несмотря на то, что там шли ожесточенные бои польских патриотов с немецкими войсками¹⁸. Хотя во время бесчисленных бомбежек было уничтожено много жилых домов и целые кварталы Варшавы оказались разрушенными, варшавские промышленные предприятия в основном не пострадали. Это не было случайностью, а сознательным намерением гитлеровского командования: ведь бомбы, сбрасывавшиеся нацистами на польские города и села, были предназначены прежде всего для мирного населения, для детей, женщин, стариков, для почти безоружных польских солдат, т. е. для тех, постепенное физическое уничтожение которых было одной из важнейших задач нацизма.

В первые недели оккупации Польши нацистами жизнь людей и предприятий замерла. «В совершенном омертвлении экономической и культурной жизни, в неуверенности в завтрашнем дне,

¹⁴ A. Z. H. P., sygn. 202/1—34, str. 232—238.

¹⁵ F. Gollert. Zwei Jahre Aufbauarbeit im Distrikt Warschau. Warschau, 1941, S. 79, 81.

¹⁶ Там же, стр. 235.

¹⁷ H. Bałicka-Kozłowska. Hanka. Warszawa, 1964, str. 136.

¹⁸ «Германский империализм и вторая мировая война». Материалы научной конференции комиссии историков СССР и ГДР в Берлине (14—19 декабря 1959 г.). М., 1963, стр. 149.

в страхе за существование, за крышу над головой... заканчивала Варшава свой первый месяц под управлением оккупантов», — писал о тех днях Л. Ландау¹⁹. Между тем нацисты обсуждали вопросы «рационального» использования своей военной добычи.

Первоначально в кругах немецких монополистов, среди руководящих деятелей третьего рейха и нацистской партии, а также среди представителей главного командования гитлеровской армии господствовало мнение о необходимости полного и быстрого разрушения польской промышленности²⁰. Нацисты намеревались демонтировать заводы и фабрики, вывезти сырье и оборудование, абсолютно лишить страну ее промышленного потенциала. Наиболее яркими сторонниками этого курса выступали в октябре 1939 г. Гитлер, Геринг и генерал-губернатор Франк²¹. В октябре 1939 г. появился целый ряд подписанных Герингом инструкций о демонтаже промышленных предприятий «генерал-губернаторства». Эти директивы были результатом конференции у Гитлера, состоявшейся 17 октября 1939 г., на которой нацистские главы обсуждали основные принципы оккупационной политики в «генерал-губернаторстве»²².

В директиве Геринга от 19 октября 1939 г. нацистским наместникам в Польше Франку, Форстеру, Коху, Вагнеру и Грейзеру предписывалось обратить внимание на существенную разницу в действиях оккупационных властей в губернаторстве и на присоединенных к рейху польских землях: «Задачи экономической политики в разных административных районах различаются в зависимости от того, какого района это касается, будет ли он включен политически в Германскую империю или мы имеем дело с генерал-губернаторством, которое, по всей вероятности, не будет являться частью Германии. В первом случае следует иметь в виду реконструкцию и расширение экономики... Во втором случае с территории генерал-губернаторства следует вывозить все сырье, весь лом, все машины, которые могут быть употреблены для германской военной экономики...»²³

Характеризуя основное содержание политики в оккупированной Польше, Гесс писал 20 ноября 1939 г.: «Я слышал от членов партии, которые прибыли из генерал-губернаторства, что различные учреждения, например военно-экономический штаб, министерство труда и др., собираются реконструировать и восстанавливать некоторые промышленные предприятия в Варшаве. Однако, согласно решению министра доктора Франка, одобренному

¹⁹ L. L a n d a u. Указ. соч., стр. 43.

²⁰ H. R a d a n d t. Deutsche Monopole raubten polnisches Erdöl. «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», Bd. II, Berlin, 1960, S. 301.

²¹ T. B e r e n s t e i n, A. R u t k o w s k i. Указ. соч., стр. 69—70.

²² A. E i s e n b a c h. Hitlerowska polityka zagłady Żydów. Warszawa, 1961, str. 133—134.

²³ «Нюрнбергский процесс. Документы и материалы», т. 4. М., 1959, стр. 559—560.

фюрером, Варшава не должна быть восстановлена. Целью фюрера не является также восстановление или реконструкция какой-либо промышленности в генерал-губернаторстве»²⁴.

Таким образом, в октябре 1939 г. нацистским руководством третьего рейха конкретно были сформулированы основные мероприятия и направления экономической политики оккупационных властей. Смысл их заключался в полном уничтожении польской промышленности. В конце 1942 г. Франк откровенно признавал, что это была «тенденция экономического уничтожения генерал-губернаторства»²⁵.

Однако наряду с распространенным и осуществлявшимся на практике мнением о необходимости экономического разрушения страны буквально с первых дней оккупации в действиях нацистов стала заметна и другая тенденция. Руководствуясь практическими нуждами, главное командование гитлеровской армии неоднократно выражало намерение оставить некоторые промышленные предприятия на месте и даже настаивало на вводе на территории губернаторства в действие целого ряда важных для военного производства заводов. 3 октября 1939 г. в Познани состоялась встреча Франка, который в это время был главой гражданского управления, с генералом Г. Томасом. В ходе этой встречи обсуждалось направление экономической политики в Польше. Представители военного командования высказались против полного уничтожения польской военной промышленности²⁶. Сторонниками «реконструкции» польской экономики Гесс назвал в ноябре 1939 г. также военно-экономический штаб и министерство труда²⁷.

В кругах немецких монополистов несколько позднее также победило стремление использовать на месте польскую промышленность и включить ее в систему немецких концернов²⁸. Конечно, это вовсе не означало отказа от политики полного разрушения польской национальной экономики, а скорее отвечало тем задачам, которые гитлеровское руководство в связи с войной ставило перед германской промышленностью. Стремление использовать польскую экономику для военных нужд третьего рейха уже само по себе противоречило первоначальным требованиям нацистских главарей о полном ее разрушении. Это стремление вызывало подчас трения между директивными органами и представителями вермахта и оккупационной администрацией. Однако тактические разногласия были неглубокими, временными и

²⁴ «Нюрнбергский процесс. Документы и материалы», т. 4. М., 1959, стр. 559—560.

²⁵ S. Piotrowski, Dziennik Hansa Franka, Warszawa, 1959, str. 95.

²⁶ T. Brustin-Berenstein, O niektórych zagadnieniach gospodarczych w t. z. Gubernii Generalnej w świetle «Dziennika Hansa Franka». «Biuletyn Z. I. N.», 1954, N 9/10, str. 239.

²⁷ См. «Нюрнбергский процесс...», т. 4, стр. 559—560.

²⁸ H. R a d a n t. Указ. соч., стр. 302.

могли сохраняться лишь на время войны. В случае победы нацистов польская промышленность подверглась бы, как и польское государство и польская нация, тотальному уничтожению. Более того, стремление использовать польскую промышленность в целях расширения военного потенциала нацизма означало постепенное, методическое уничтожение польской экономики, уничтожение в первую очередь тех отраслей, которые обслуживали и обеспечивали существование многомиллионного польского населения.

Для осуществления своих планов гитлеровские оккупационные власти стремились сразу же завладеть ключевыми позициями польского национального хозяйства. Начало было положено еще в период военной администрации, просуществовавшей до 26 октября 1939 г., т. е. до момента образования «генерал-губернаторства». За это время управлением гражданской администрации был издан ряд распоряжений, передававших руководство основными центрами польской экономики в руки оккупантов.

Уже в первых числах сентября руководители отделов гражданской администрации неоднократно выражали намерение издать распоряжения, касающиеся движимого и недвижимого имущества поляков. Например, руководитель такого отдела при 8-й армии Маттес в своем отчете от 5 сентября 1939 г. утверждал, что следует обязательно огласить указ о запрете продажи промышленных предприятий и их отделений²⁹. 5—9 сентября руководители отделов гражданской администрации 3-й пограничной зоны — Фицнер, 10-й армии — Рюдигер, армии «Юг» — Вагнер издали распоряжения о праве немецких властей на конфискацию движимого и недвижимого имущества, о запрещении продажи средних и крупных земельных владений, о конфискации сырья, полуфабрикатов и всей продукции сельскохозяйственной и лесной промышленности, о назначении «опеки» над сельскохозяйственными, промышленными и лесными предприятиями³⁰. Согласно этим распоряжениям, сотрудники немецкой гражданской администрации имели право требовать на всех предприятиях представления документации, отчетов о наличном сырье, готовой продукции, занятой рабочей силе.

5 сентября 1939 г. исполняющий обязанности командующего немецкими войсками в Польше генерал Браухич подписал указ о конфискации всех запасов сырья, готовой продукции, сельскохозяйственных и промышленных товаров, находящихся в магазинах или в производстве³¹.

29 сентября 1939 г. было опубликовано новое распоряжение, согласно которому командующий немецкой армией в Польше

²⁹ T. Berenstein, A. Rutkowski. Указ. соч., стр. 65.

³⁰ Там же, стр. 65—66.

³¹ Там же, стр. 67; T. Kłosiński. *Polityka przemysłowa okupanta*. Poznań, 1947, str. 163.

получал право учреждать «опекунство» над польскими промышленными предприятиями³².

После образования «генерал-губернаторства» в ряде новых указов Франк подтвердил и закрепил эти распоряжения. 15 ноября 1939 г. на основании декретов Геринга от 27 сентября и 1 ноября 1939 г., санкционировавших конфискацию собственности польских граждан и польского государства³³, Франк издал распоряжение о конфискации всего имущества бывшего польского государства³⁴. В руки нацистских властей передавались железные дороги³⁵, почта, телеграф³⁶, бывшие государственные заводы и фабрики, в том числе Стараховицкие, Островецкие, Сталёва Воля, соляные копи Бохни и Велички, государственные железорудные предприятия в Келецком уезде, электростанции, газопроводы, предприятия нефтяной и газовой промышленности³⁷, а также часть банков, различные учреждения, школы, вузы. Одновременно происходила конфискация имущества польских экономических, политических, общественных и культурных организаций. В начале декабря 1939 г. оккупационные власти сообщили в Берлин о том, что в губернаторстве конфискованы бывшие польские государственные банки — «Банк Господарства Крайового», «Банк Рольны» и сберегательные кассы³⁸. Немного раньше, 29 ноября 1939 г., в министерстве хозяйства Германии появился документ: «Замечания по вопросу использования конфискованного вражеского (польского) имущества», где ставился вопрос о конфискации имущества евреев и поляков без какой-либо компенсации. Эти «Замечания» гитлеровского руководства явились основой самого разнузданного ограбления польского и еврейского населения не только официальными оккупационными властями, но и просто мародерами — полицейскими, жандармами, солдатами. Грабеж, являвшийся основным содержанием оккупационной политики нацистов в Польше, стал массовым уже в первые месяцы оккупации.

³² A. Z. H. P., sygn. 202/1—45, str. 625.

³³ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 2001, л. 35.

³⁴ V. O. Bl. GG., 1939, № 6, S. 37.

³⁵ Там же, № 5. Распоряжение от 9 ноября 1939 г.

³⁶ Там же, № 2, стр. 11. Распоряжение от 31 октября 1939 г.

³⁷ J. J a g o ś. Organizacja władz górniczych. «Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa», t. V, Warszawa — Wrocław, 1960, str. 141—144.

³⁸ Сообщение руководителя «Особого опекунского присутствия по генерал-губернаторству» от 8 декабря 1939 г. имперскому министру экономики («Benennung geeigneter Personen für die Stellen von Treuhänder bei polnischen Banken»).

Полной конфискации польских банков предшествовал ряд распоряжений оккупационных властей, в результате чего денежная система страны целиком оказалась под контролем оккупантов (см. H. K o s t e n. Die Neuordnung der Währung in den besetzten Gebieten und die Tätigkeit der Reichskreditkassen während des Krieges 1939—1940. Berlin, 1940, S. 76—86; V. O. Bl. GG., 1939, № 14, S. 238—239; S. P i o t r o w s k i. Указ. соч., стр. 398).

Для управления всей массой награбленного и конфискованного имущества была создана специальная система. Особое опекуновское присутствие «Восток» (Х. Т. О.)³⁹, учрежденное 19 октября 1939 г. в Берлине и подчинявшееся Герингу, возглавляли Макс Винклер и Крамер-Мёленберг⁴⁰. Центр «опекуновской» администрации в «генерал-губернаторстве» помещался в Кракове и подчинялся непосредственно Франку⁴¹.

К моменту создания в середине ноября 1939 г. «Бюро Х. Т. О.» в «генерал-губернаторстве» система «опекунов» была уже широко распространена и даже оформлена законодательно распоряжением от 29 сентября 1939 г. об учреждении должности комиссаров-«опекунов» на предприятиях, заводах и для иного недвижимого имущества⁴². Еще в последних числах сентября например, почти во всех горнорудных предприятиях немецкие власти назначили немецких комиссаров, в обязанности которых входил пуск и использование предприятий, особенно по добыче угля, соли, поташа, железной руды, фосфатов, огнеупорных глин⁴³. С образованием же «Бюро Х. Т. О.» «опекуновская» система была окончательно централизована, а «опекуны» получили почти неограниченные права на своих объектах.

В систему Х. Т. О. попали конфискованные предприятия польского государства, а также большинство предприятий, являвшихся собственностью евреев. Сюда же были отнесены и предприятия, владельцы которых по каким-либо причинам оставили Польшу. Деятельность «опекуновской» администрации распространилась на промышленность, торговлю, транспорт, сельское хозяйство. В результате многочисленных конфискаций в одном только Краковском дистрикте «опекуновским» управлением было охвачено, по нацистским данным, к 1940 г. 297 промышленных и 849 ремесленных и торговых предприятий, 2 банка, 22 транспортных предприятия, 2640 жилых домов, 534 гостиницы, 37 аптек. Только эти предприятия в 1940 г. дали гитлеровским властям доход в 19 млн. зл.⁴⁴

Таким образом, введенная гитлеровцами в оккупированной Польше система «опекуновства» превратилась в своеобразный концерн, владевший и управлявший самыми разнообразными поль-

³⁹ «Hauptreihandstelle Ost» — Х. Т. О.

⁴⁰ «Polen — Deutschland und die Oder-Neisse Grenze». Berlin, 1959, S. 161. Крамер-Мёленберг был одним из самых активных участников секретного общества «Deutsche Stiftung», созданного германскими империалистами до начала второй мировой войны специально для организации пятой колонны в славянских странах.

⁴¹ V. O. Bl. GG, 1939, № 6, S. 36.

⁴² T. Kłosiński. Указ. соч., стр. 163.

⁴³ T. Szreter. Gospodarka surowcowa w Gubernii Generalnej w latach 1940—1944. «Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa». Warszawa — Wrocław, t. VI, 1963, str. 261.

⁴⁴ «Ein Jahr Aufbauarbeit im Distrikt Krakau». Krakau, 1940, S. 61.

скими предприятиями. Откровенный, ничем не прикрытый, более того, официально узаконенный грабеж и произвол начинали приносить нацистам желаемые плоды. В 1941 г. нацист Гаувайлер писал, что система Х. Т. О. приносит оккупационной администрации миллионы злотых дохода⁴⁵.

Кроме административных функций, «Бюро Х. Т. О.» имело право производить конфискации. В директиве от 19 октября 1939 г. Геринг специально останавливался на этом вопросе, подчеркивая, что «Бюро Х. Т. О.» может осуществлять конфискацию только с согласия главы оккупационных властей в «генерал-губернаторстве» — Франка. Конфискации могли осуществляться также и другие оккупационные, полицейские и военные власти. Следует указать на особое положение полиции. В директиве от 30 декабря 1939 г. Геринг сообщал Франку о приказе Гимmlера, согласно которому СС и полиция привлекались к сотрудничеству с Х. Т. О. Иными словами, при осуществлении «опекунских» функций и введении «опекунского» управления оккупационные власти могли «рассчитывать на содействие» полиции. Для регулирования сотрудничества рейхсфюрера СС и администрации Х. Т. О. при последней создавалась должность уполномоченного⁴⁶. Плата за это сотрудничество была установлена довольно высокая: права на конфискацию сельскохозяйственных угодий и любого имущества в деревне передавались войскам СС. В данном случае использовались полномочия Гимmlера как комиссара по «укреплению немецкой нации»⁴⁷.

Расширение прав и экономических полномочий Гимmlера вызвало резкое недовольство Франка, усмотревшего здесь ущемление данных ему Гитлером неограниченных прав в Польше.

Борьба Франка и Гимmlера за экономические позиции и полномочия, а значит и за власть в губернаторстве, продолжалась весь оккупационный период. Она накладывала отпечаток на ряд проводившихся мероприятий и вызывала трения полицейских и административных властей по вопросам экономики⁴⁸.

Итак, «опекунское» управление в «генерал-губернаторстве», завладевшее к 1940 г. большой собственностью, превратилось в один из центральных исполнительных органов оккупационных властей.

Деятельное участие в разграблении страны принимали немецкие монополии. Представители концернов и государственно-мо-

⁴⁵ H. Gauweiler. Deutsche Vorfeld im Osten. Krakau, 1941, S. 106.

⁴⁶ «Polen — Deutschland...», S. 161—162.

⁴⁷ В октябре 1939 г. был создан так называемый «Комиссариат по укреплению германской нации», основная задача которого состояла в организации немецкой колонизации захваченных восточных территорий.

⁴⁸ T. Berenstein. O podłożu gospodarczym sporów między władzami administracyjnymi a policyjnymi w Generalnej Gubernii. «Biuletyn Z. I. H.», 1965, № 53, str. 36.

нополистических объединений шли буквально следом за гитлеровскими войсками.

Крупнейшие концерны — «Герман Геринг Верке», Рёхлинг, Г. Шнейдер, Прейссаг и т. д. — завладели важнейшими отраслями польской промышленности и главными источниками сырья. Так, концерн «Герман Геринг Верке» захватил большие металлургические предприятия в Стараховицах, Островце и Сталёвой Воле, металлургический трест Рёхлинга занял часть предприятий в Скаржиске-Каменной. Польские авиационные заводы в Жешове были переданы немецкой фирме «Хеншель Моторенбау ГмбХ», заводы «Урсус» эксплуатировал сначала «Юнкерс», а затем фирма «Фамо», оружейными заводами в Радоме и Варшаве распоряжался концерн «Штейер-Даймлер-Пух АГ»⁴⁹. Крупн и Рёхлинг поделили крупнейший концерн «Вспульнота интересув», Верхнесилезское горное акционерное общество арендовало вагоностроительные и машиностроительные предприятия в Кракове⁵⁰. «Гуго Шнайдер АГ» (Гасаг) поделило с Рёхлингом промышленные предприятия Скаржиски⁵¹ и т. д. Крупнейшие из конфискованных польских предприятий передавались «опекунским» управлением в аренду и в собственность немецким концернам.

Через неделю после начала военных действий завязались переговоры между фирмой «И. Г. Фарбениндустри» и министерством хозяйства Германии⁵², а в середине сентября 1939 г. последнее дало согласие на учреждение «опекунства» «И. Г. Фарбениндустри» над тремя польскими фирмами по производству красителей: «Борутой», «Волей», «Винницей»⁵³. Они разделили судьбу сотен других польских предприятий: «Борута» была остановлена, а оборудование вывезено в Германию⁵⁴, машины и материалы «Воли» проданы, завод закрыт⁵⁵. Предприятие «Заклады хемичне Винница» в Яблонной, близ Варшавы, работало с несколькими перерывами до конца 1942 г.⁵⁶

В середине октября 1939 г. под контроль фирмы «Карл Цейс» из Иены перешел приборостроительный и оптический завод в варшавском районе Праге. Цейсовский концерн интересовался этим заводом еще с конца 20-х годов. Заключив арендный договор

⁴⁹ A. Z. H. P., sygn. 202/I—43, str. 249.

⁵⁰ И. М. Файнгар. Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958, стр. 317.

⁵¹ B. Hillebrand. Działania Gwardii i Armii Ludowej na Kielecczyźnie. Warszawa, 1962, str. 13.

⁵² «Polen — Deutschland...», S. 164.

⁵³ «Das Urteil im I. G. — Farben — Prozess». — «Der vollständige Wortlaut mit Dokumentenanhang». Offenbach am Main, 1948, S. 75.

⁵⁴ «Polen — Deutschland...», S. 167.

⁵⁵ Г. С э с ю л и. И. Г. Фарбениндустри. М., 1948, стр. 143.

⁵⁶ «Polen — Deutschland...», S. 172.

с нацистским «опекунством» «Польских закладов опытных»⁵⁷, он приступил теперь к их эксплуатации.

Предметом особого интереса немецких монополистов была польская нефтяная промышленность. Некоторые области нефтедобывающего района Польши отошли к Германии в составе так называемых присоединенных территорий и оказались в руках немецких фирм: «Герман Геринг Верке», «Дейче Эрдэль АГ», «Винтерсхалль АГ» и др.

Нефтедобывающие и перерабатывающие предприятия на территории губернаторства сразу же попали под контроль немецкой администрации. Согласно материалам «Специального уполномоченного по нефти в генерал-губернаторстве», перед немецкими властями стояла задача ввиду особой важности этой промышленности в военном отношении сконцентрировать все управление нефтяным хозяйством в своих руках⁵⁸. Для этого по согласованию с военными властями и их экономическими отделами из специалистов-немцев была создана «Комиссия по нефти». В ее ведение входило 472 различных предприятия по добыче нефти, 12 нефтеперегонных заводов, 8 объединений и 138 предприятий по распределению нефтепродуктов. Руководитель комиссии Эрих Вилль был тесно связан с объединениями «Винтерсхалль АГ» и «Прейсише Бергверкс унд Хюттен АГ»⁵⁹.

После образования губернаторства «опекунское» управление из представителей тех же концернов было учреждено над всеми нефтедобывающими и перерабатывающими заводами. Руководящие должности здесь заняли опять же Эрих Вилль, который вошел в состав «правительства» Франка, и Генрих Шмидт из Ганновера⁶⁰. 28 ноября 1939 г. министр экономики Германии Функ сообщал имперскому министру финансов о создании в «генерал-губернаторстве» двух новых акционерных обществ по добыче и переработке нефти: «Бескиден Эрдэль-Гевиннунгсгезельшафт» и «Бескиден Эрдэль Ферарбайтунгсгезельшафт». Каждое из обществ «Бескиден» учреждалось с капиталом в 250 тыс. зл. Управлением новых обществ руководил представитель «Петролеума» Гроссе⁶¹. Общества контролировали нефтяную промышленность в Прикарпатье и использовали в этот период около 4 тыс. рабочих⁶².

В организации новых обществ участвовал ряд крупнейших немецких монополистических объединений: концерн «Г. Геринг», «Прейсаг», «Винтерсхалль», «Дейче Петролеум» и др.

⁵⁷ «Германский империализм и вторая мировая война», стр. 148—150.

⁵⁸ H. R a d a n d t. Указ. соч., стр. 302—303.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 304.

⁶² T. B r u s t i n - B e r e n s t e i n. Указ. соч., стр. 243.

Таким образом, уже в первые месяцы оккупации немецкий монополистический капитал активно использовал завоевания гитлеровцев в целях обеспечения дальнейшего расширения гитлеровской агрессии, стал деятельно внедряться в экономику губернаторства и подготавливать почву для интенсивной эксплуатации страны.

То же самое можно сказать и о деятельности немецких банков. Польские историки Т. Беренштейн и А. Рутковский отмечали, что «вслед за немецкой армией, вместе с шефами гражданской администрации на оккупированную территорию Польши прибыли, кроме представителей немецких экономических групп, уполномоченные двух крупнейших немецких банков — „Дейче Банк“ и „Дрезднер Банк“, которые поглотили ряд банков в Польше и основали здесь свои филиалы»⁶³.

«Дрезднер Банк» организовал свой филиал в Кракове, его дочернее предприятие — «Коммерциаль Банк» был открыт с отделениями в Жешове, Новом Сонче и Тарнове⁶⁴, а «Дейче Банк» создал затем до десяти филиалов в Польше⁶⁵. Так буквально с первых дней оккупации многочисленные немецкие объединения протянули руки к ведущим и наиболее важным в военном отношении отраслям польской экономики, для того чтобы поставить ее на службу военно-политическим интересам гитлеровской Германии. Кроме крупнейших германских монополистов и банкиров, оккупированную страну наводнили мелкие и средние немецкие предприниматели. Возникла масса мелких контор и закупочных центров, разыскивавших и вывозивших, официально и через «черный рынок», сырье, полуфабрикаты, готовую продукцию, ценные металлы, произведения искусства и т. п.

Наряду с подчинением польской промышленности и финансов немецким концернам и банкам наблюдался процесс приспособления их к нуждам германской военной экономики, а в связи с этим и некоторое оживление в отдельных отраслях экономики.

Так, 15 ноября 1939 г. Франк в беседе с генералом Баркгаузеном говорил о действующих военных заводах в Польше⁶⁶. В октябре 1939 г. в Варшаве действительно работало несколько важных для обслуживания армии заводов и фабрик, в Томашове действовало предприятие по производству искусственного шелка, староховицкие заводы выпускали металл⁶⁷, работали немногочисленные продовольственные предприятия, типографии, строи-

⁶³ Т. Berenstein, A. Rutkowski. Указ. соч., стр. 71.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ «История Польши», т. 3. М., 1958, стр. 536.

⁶⁶ Т. Berenstein. Указ. соч., стр. 241—242.

⁶⁷ L. Landau. Указ. соч., т. I, стр. 39.

тельные комбинаты. За октябрь—ноябрь 1939 г. было пущено 60—80% текстильных фабрик губернаторства⁶⁸.

Уже в октябре 1939 г. в нефтяном районе губернаторства было налажено производство газа, которое постепенно стало возрастать (в м³): октябрь — 9 094 000, ноябрь — 11 877 000, декабрь — 16 175 703.

В довоенные месяцы 1939 г. в тех областях Галиции, которые вошли в состав губернаторства, ежемесячно добывалось в среднем более 20 млн. м³ газа. Цифры за октябрь—декабрь 1939 г. оказываются далеко отстающими от средней добычи газа в довоенное время⁶⁹, хотя число занятых в районе Ясло рабочих и служащих составляло тогда около 4 тыс. человек⁷⁰.

В конце 1939 г. продолжалась добыча и обработка полезных ископаемых. Уже в последних числах сентября нацисты наладили производство в добывающей промышленности, где под контролем оккупационной администрации оказались угледобывающие шахты «Тенчинек» и «Кристина» (район Кшешовиц) и «Сташиц» (в 1940 г. была передана концерну Геринга)⁷¹. В 1938 г. в Польше было добыто 38 млн. т каменного угля, 507 тыс. т нефти, 643 тыс. т каменной и поваренной соли, 872 тыс. т железной руды⁷².

В последние три месяца 1939 г. в губернаторстве было добыто: каменного угля — 1420 т, соли — 111 536 т, железной руды — 18 339 т⁷³. Таким образом, добыча полезных ископаемых в последние месяцы 1939 г. резко отставала от невысокого уровня добывающей промышленности довоенной Польши⁷⁴.

Но большинство фабрик и заводов «генерал-губернаторства» стояло или было разграблено гитлеровскими оккупантами. Л. Ландау писал в своем дневнике в октябре 1939 г.: «Однако без всякого преувеличения вообще можно сказать, что промышленность Варшавы стоит»⁷⁵. Занятость рабочих также была невелика. По немецким официальным данным, например, в Ченстохове было трудоустроено в текстильной промышленности около

⁶⁸ A. Z. H. P., sygn. 202/I—44, str. 961.

⁶⁹ Данные по материалам «Statistik des Generalreuhändlers für die Erdölwirtschaft im GG». За весь 1939 г. в Западной Галиции было добыто 225 млн. м³ газа, а в 1938 г. в Польше — 585 млн. м³.

⁷⁰ В 1938 г. в нефтяной промышленности всей Польши было занято 10,5 тыс. человек (см. «Mały rocznik statystyczny. 1939». Warszawa, 1939, str. 261).

⁷¹ T. Szreter. Указ. соч., стр. 262—274.

⁷² «Mały rocznik statystyczny. 1939», str. 128.

⁷³ T. Szreter. Указ. соч., стр. 265, 266, 268.

⁷⁴ Данные за IV квартал 1939 г. Общая добыча каменного и бурого угля в губернаторстве за весь оккупационный период составила 353 209 т (0,92% добычи угля в Польше в 1938 г.). Следует помнить, что весь Домбровский угольный бассейн был в октябре 1939 г. включен в состав Германии.

⁷⁵ L. L a n d a u. Указ. соч., т. I, стр. 35.

700 рабочих, что было в три раза меньше их довоенного числа⁷⁶, хотя текстильная промышленность пользовалась «благосклонностью» новых хозяев. На территории губернаторства в 1940 г. действовало только 40% всех довоенных фабрик и заводов, которые давали едва 30% своей довоенной продукции⁷⁷.

Распоряжения немецких властей о регистрации сырья, полуфабрикатов, ценных и цветных металлов, строительных материалов, металлического лома следовали одно за другим⁷⁸. Вся масса промышленного сырья и товаров отправлялась в Германию вместе с добывающимися полезными ископаемыми, нефтью, рудой, готовой промышленной продукцией, полуфабрикатами.

К 1940 г. стоимость сырья, вывезенного нацистами из «генерал-губернаторства», достигла 500 млн. германских марок.

Сельскохозяйственное производство оккупационной Польши в начальный период оккупации пострадало не так сильно. Вернее, оно не рассматривалось в это время нацистами как предмет столь же тотального разграбления и разрушения, как польская промышленность. Видимо, это было связано с тем, что в 1938 г. в Германии был собран рекордный урожай, в 1939 г. урожай также был хорошим и к сентябрю 1939 г. Германия имела большой запас хлеба — 8,6 млн. т⁷⁹. До урожая 1940 г. Германия была обеспечена также и картофелем⁸⁰. Необходимости в немедленных и массовых продовольственных поставках извне пока не было. Но нацистское руководство третьего рейха отлично понимало, что сельское хозяйство самой Германии не могло удовлетворить потребностей фронта и тыла. Поэтому поддержание сельскохозяйственного производства в захваченных странах, и прежде всего в губернаторстве, и затем методическое ограбление и эксплуатация его становились основным условием дальнейшего развертывания гитлеровской агрессии⁸¹.

Местные оккупационные власти деятельно готовились выполнить приказ фюрера о создании сельскохозяйственной базы третьей империи на востоке.

Уже в ноябре—декабре 1939 г. глава сельскохозяйственного отдела «правительства» Франк Кёрнер подчеркивал роль губернаторства в продовольственном снабжении армии и в поставках в Германию⁸². Постепенно нацисты сосредоточили в своих руках

⁷⁶ L. L a n d a u. Указ. соч., т. 1, стр. 117.

⁷⁷ «История Польши», т. 3, стр. 538.

⁷⁸ L. L a n d a u. Указ. соч., т. 1, стр. 62, 73.

⁷⁹ В. Г. Ф о м и н. Агрессия фашистской Германии в Европе. Рукопись дисс. М., 1963, стр. 1067.

⁸⁰ В этот период в Германии существовала карточная система на все продукты питания, кроме картофеля.

⁸¹ T. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. Walka wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939—1945. Warszawa, 1963, str. 147.

⁸² L. L a n d a u. Указ. соч., стр. 154—155.

контроль за значительной частью крупных и средних сельскохозяйственных владений⁸³, за перерабатывающими сельскохозяйственную продукцию предприятиями, а также целиком поставили под свой контроль производство, распределение и торговлю семенами⁸⁴. 29 сентября 1939 г. появилось распоряжение Франка «О введении опекунского управления для предприятий и земельных угодий в оккупированных польских областях». Л. Ландау сообщает, что «опекуны»-комиссары были назначены во все хозяйства, превышающие 10 га⁸⁵. Его сведения в данном случае, видимо, не совсем точны, потому что на присоединенных территориях, где процесс экспроприации польского землевладения был значительно сильнее, опекунство вводилось для хозяйств более 25 га⁸⁶. Созданный в «правительстве» Франка отдел продовольствия и сельского хозяйства подчинил своему контролю все предприятия и кооперативы⁸⁷, куда зачастую назначались немецкие комиссары-«опекуны».

Для того чтобы сделать продовольственные поставки из Польши в Германию более выгодными, в первых числах сентября 1939 г. нацисты приняли решение о сохранении старых польских цен на сельскохозяйственные продукты. В директиве Геринга от 29 сентября 1939 г. в гитлеровские министерства экономики, финансов и труда указывалось на необходимость держать цены на продукты сельского хозяйства в губернаторстве значительно ниже немецких, чтобы по дешевке скупать и поставлять в Германию польские продукты. Установки этой директивы были подтверждены на конференции 4 октября 1939 г. у Геринга, специально посвященной вопросу цен.

Нацистская политика в отношении цен была свидетельством того, что на первый план и здесь выступало стремление основательнее ограбить польское хозяйство. Желанием извлечь как можно больше из польского сельского хозяйства можно объяснить такое исключительное явление в немецкой оккупационной политике, как освобождение польских пленных крестьян⁸⁸. Однако уже в конце 1939 г. в связи с вербовкой поляков-крестьян на сельскохозяйственные работы на территории рейха это освобождение прекратилось. Таким образом, столь же безжалостная эксплуатация и грабеж были уготованы нацистами и польскому сельскому хозяйству. Уже в 1939 г., когда не было еще тотального ограбления польской деревни, начался вывоз продовольствия из губернаторства. 1 декабря 1939 г. на одном из заседаний «пра-

⁸³ T. Rawski, Z. Stapor, J. Zamojcki. Указ. соч., стр. 148.

⁸⁴ V. O. Bl. GG., 1939, № 12, S. 216; A. Weh. Das Recht des Generalgouvernement. 0/0, 1944, S. 198.

⁸⁵ L. Landau. Указ. соч., стр. 154.

⁸⁶ T. Berenstein, A. Rutkowski. Указ. соч., стр. 72—73.

⁸⁷ V. O. Bl. GG., 1939, № 7, S. 63—64.

⁸⁸ L. Landau. Указ. соч., т. I, стр. 93.

вительства» Франк говорил о том, что ежедневно из губернаторства в Германию отправляется 15 вагонов продовольствия⁸⁹.

В первые месяцы оккупации внимание местных властей сосредоточилось главным образом на поставках в Германию мясных продуктов. В результате многочисленных реквизиций в сельском хозяйстве, а также прикрытого и неприкрытого грабежа количество скота в стране, по нацистским данным, упало к 1940 г. на 13 %, причем свиней в 15 округах — на 50 %, а в 9 округах — более чем на 50%⁹⁰. Эти данные, видимо, занижены. По сведениям, собранным польскими патриотами, за первые три месяца оккупации Варшавский дистрикт потерял 26 % довоенного поголовья скота⁹¹. Итак, можно с уверенностью утверждать, что к концу 1939 г. польская деревня лишилась большого количества скота и запасов продовольствия. Грабеж делал невозможным расширение сельскохозяйственного производства, повышение же в дальнейшем ежегодных поставок продовольствия в Германию достигалось лишь путем безжалостного ограбления польской деревни и усиления ее эксплуатации.

Итак, период сентябрь — декабрь 1939 г. был сложным и тяжелым временем для польской экономики. Это был период захвата немецкими оккупантами всех командных высот в хозяйстве губернаторства и разрушения экономической структуры польского государства. Именно так представлял свою основную задачу Г. Франк: «15 сентября 1939 г. я получил задание принять на себя управление завоеванными восточными областями и чрезвычайный приказ беспощадно разорять эту область как территорию войны и как трофейную страну, сделать ее грудой развалин с точки зрения ее экономической, социальной, культурной и политической структуры»⁹².

Откровенный грабеж, демонтаж предприятий, вывоз сырья, полуфабрикатов, машин, готовой продукции сопровождался использованием на месте под контролем немецких оккупантов тех отраслей польской промышленности, продукция которых была необходима гитлеровцам. На одном из совещаний в феврале 1940 г. Геринг заявил: «Усиление военного потенциала империи должно являться главной целью всех мер, которые будут проводиться на Востоке»⁹³.

Современные польские историки констатируют, что «в области экономики после кратковременного периода грабежа гит-

⁸⁹ ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 1695, л. 8.

⁹⁰ P. H. Seraphim. Die Wirtschaftsstruktur des Generalgouvernement. Krakau, 1941, S. 41.

⁹¹ A. Z. H. P., sygn. 202/1—34, str. 128.

⁹² ЦГАОР, ф. 7445, оп. 1, д. 1671, л. 84об.

⁹³ Там же, д. 2001, л. 77.

леровцы перешли к целенаправленному использованию экономических возможностей генерал-губернаторства»⁹⁴.

Уже за период сентябрь — декабрь 1939 г. нацисты сумели в значительной степени разграбить польское хозяйство. К 1940 г. экономика губернаторства была лишена значительной части запасов сырья, готовой продукции, полуфабрикатов и оборудования, превратившись в экономический придаток третьего рейха.

Таким образом, в 1939 г. на территории «генерал-губернаторства» были заложены основы нацистской оккупационной политики — «режима империалистического колониализма и расизма в наиболее уродливой фашистской форме»⁹⁵.

⁹⁴ T. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. Указ. соч., стр. 147; см. также: Cz. M a d a j c z y k. Generalna Gubernia w planach hitlerowskich. Warszawa, 1961, str. 16.

⁹⁵ T. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. Указ. соч., стр. 133.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. И. Рогов

ИЗВЕСТИЕ СТРЫЙКОВСКОГО О РУССКОМ ВЛАДЕНИИ У НАРВЫ

«Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей России» известного польского историка XVI в. Мацея Стрыйковского содержит ценнейшие исторические сведения по истории трех восточноевропейских народов: русского, польского и литовского. Труд Стрыйковского основан на огромном количестве источников: польских хрониках, русских и белорусских летописях, немецких хрониках, свидетельствах западноевропейских путешественников, устных преданиях, данных археологии и многих других. Одним из важнейших аспектов Хроники являются отношения восточноевропейских стран с Ливонией. Совместной борьбе поляков, литовцев и русских с немецкими рыцарями посвящены многие страницы труда Стрыйковского. Ливонской войне, современником и участником которой был Стрыйковский, в Хронике также уделено большое внимание. К сожалению, к ней до сих пор почти не обращались историки. Известия Стрыйковского по Ливонской войне ждут еще своего исследователя.

В настоящей заметке рассматривается лишь одно частное известие Стрыйковского относительно русского торгового поселения, существовавшего в XV в. около Нарвы. Известие это связано с рассказом Стрыйковского о падении Новгорода в 1477 г. (Стрыйковский ошибочно датирует это событие 1478 г.). Говоря о богатствах Новгорода, Стрыйковский замечает: «Новгородцы владели лифляндской землей, особенно там, где есть порт у Нарвы, как об этом и московские хроники свидетельствуют, и брали в виде дани фрезы из-за моря»¹. Выше, в рассказе о покорении Витовтом Пскова, Стрыйковский сообщает, что «псковичи доставали 50 тыс. фрез из Нарвы, порта своего и лифляндского»². И, наконец, при изложении еще более раннего

¹ M. Strykowski. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi, t. II. Warszawa, 1846, str. 283.

² Там же, стр. 151.

события — приезда в Россию Софьи Витовтовны — Стрыйковский замечает, что она проделала путь по морю «до Нарвы, ливляндского и московского порта»³. Таким образом, у Стрыйковского не вызывало сомнений, что еще задолго до основания Ивангорода русские (будь то новгородцы, псковичи или москвичи) имели владения у Нарвы. Достоверно ли это известие Стрыйковского? И если это так, то о каких именно русских владениях говорил Стрыйковский, опираясь на показания московских летописей?

Ни в одной из собственно московских летописей мы не найдем упоминания о русских владениях у Нарвы, и потому на первый взгляд может показаться, что Стрыйковский говорит об этом, как бы опережая события, т. е. построение Ивангорода. Однако мы имеем ряд косвенных доказательств достоверности известия Стрыйковского. В псковских летописях не раз упоминается о существовании псковского поселения — Нового села около Нарвы. Так, под 1473 г. сообщается, что псковские посадники и бояре «были посланы для переговоров с ливонцами «в Новое село на Нарову»⁴. В это же Новое село в 1483 г. прибыли новгородские бояре «на съезд под Ругодив с немцы»⁵. Село Новое было довольно значительным по размерам: оно имело более сорока дворов; летописец называет его «великим местом»⁶.

Видимо, именно Новое село имел в виду А. М. Курбский, писавший в «Истории о великом князе Московском» о порте новгородцев как источнике их богатства: «бо мают от самого места порт к морю, сего ради и богаты зело бывают»⁷. У Стрыйковского мы находим почти такое же замечание о богатствах (конкретно — фрезях) новгородцев и псковичей, получаемых ими благодаря обладанию портом. Этот порт, вероятно, являлся началом знаменитого Лужского торгового пути новгородцев, проходившего по рекам Луге, Мшаге, Шелони, а затем по Ильменю и Волхову⁸.

Не может не возникнуть вопрос: не была ли известна Стрыйковскому «История о великом князе Московском», которую он мог принять за московскую летопись. Само по себе это вполне возможно. «История» была написана Курбским, как доказал А. Н. Ясинский, в период 1576—1578 гг.⁹, т. е. еще до завершения

³ Там же, стр. 94.

⁴ «Псковские летописи», вып. 2. М., 1955, стр. 193.

⁵ «Московский летописный свод конца XV в.» ПСРЛ, т. XXV. М., 1949, стр. 330.

⁶ В. В. Косточкин. Топография Ивангорода в XVI в. СА. 1961, № 3, стр. 262.

⁷ «Сочинения князя Курбского», т. I. СПб., 1914, стр. 320.

⁸ А. И. Никитский. Очерки экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 107.

⁹ А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889, стр. 106—107.

работы Стрыйковского над Хроникой. Однако не все сведения Стрыйковского о богатствах новгородцев и псковичей находят соответствие у Курбского. Курбский ничего не говорит о том, что этот порт расположен у Нарвы и что через порт новгородцы получали фрезы.

Относительно достоверности последнего термина — фрезы — также находим подтверждение в русском источнике. Этот термин употреблен в грамоте митрополита Киприана от 23 июня 1378 г. к Сергию Радонежскому и Федору Симоновскому по поводу притязаний архимандрита Митяя на московскую митрополию. «А ко Царюгороду еду боронитися богом и святым патриархом и великим собором; и тии (т. е. великий князь Димитрий Иванович и Митяй.— *А. Р.*) на куны надеются и на фрезы», — писал митрополит Киприан¹⁰. А. С. Павлов в комментариях к этому документу толкует термин «фрезы» как франки или как генуэзскую монету.

¹⁰ «Русская историческая библиотека», т. VI. Изд. 2, СПб., 1908, стр. 186.

К ИСТОРИИ РУССКО-НЕМЕЦКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В ряде работ, посвященных изучению творчества М. В. Ломоносова, в той или иной мере встречаются попытки обосновать представление о нем как ученике и продолжателе идеалистической философской концепции Лейбница и ученика последнего Вольфа¹.

В советской философской литературе уже дана критика этим неправильным воззрениям². Настоящая работа ставит своей задачей сравнить взгляды Ломоносова и Лейбница по вопросу довольно узкой, но важной в современной квантовой физике и философии проблемы — о делимости пространства. Такая попытка, насколько нам известно, делается впервые. Актуальность этой проблемы определяется тем, что в наши дни квантовая теория поля все настойчивее ставит вопрос о дискретности пространства и времени³.

Сама идея прерывности пространства не нова, ибо уже в V в. до н. э. с развернутым учением об атомизме материи, движения, пространства и времени выступил Демокрит⁴.

С того времени проблема делимости пространства постоянно привлекает внимание естествоиспытателей. Через Эпикура, Лукреция Кара, Николая Кузанского, Джордано Бруно и Ломоносова демокритовский атомизм, обогащенный и качественно

¹ По мнению В. Тукалевского, Ломоносов даже в большей степени придерживался учения Лейбница, чем Вольф: «Принято говорить о влиянии Вольфа на Ломоносова. Однако более основательное рассмотрение философии Лейбница, теорий Вольфа и мыслей Ломоносова показывает, что в некоторых вопросах Ломоносов ближе подходит к Лейбницу, чем популяризатор последнего Хр. Вольф, непосредственный учитель Ломоносова. Это видно хотя бы из того, что Вольф изменил истинный смысл „предустановленной гармонии“ Лейбница, тогда как Ломоносов эту основную идею немецкого философа сделал одним из главных положений своего мировоззрения» (В. Тукалевский. Главные черты мировоззрения Ломоносова (Лейбниц и Ломоносов). СПб., 1911, стр. 13).

² Г. С. Васецкий. Мировоззрение Ломоносова. Изд-во МГУ, 1961; Е. К. Азаренко. Мировоззрение Ломоносова. Минск, 1959, и др.

³ И. Е. Тамм. Элементарные частицы. Сб. «Глазами ученого». М., 1963, стр. 183—190; М. А. Марков. Гипероны и κ-мезоны. М., 1958 и др.

⁴ «Материалисты Древней Греции». М., 1955, стр. 55—178.

преобразованный, оказал определенное воздействие на формирование современной научной картины мира.

Исходным моментом для выяснения концепции Ломоносова о делимости пространства можно принять его положение о заполненности всего объективного мира телами и эфиром⁵. Соответственно делимость пространства, по Ломоносову, сводится к делимости этих двух основных видов материи.

Сущность тел, полагал Ломоносов, состоит в протяжении, т. е. в размерах по длине, ширине и глубине, а также в силе инерции, т. е. в способности тела сопротивляться другому телу. Уточняя свою мысль, он пишет, что все, имеющее протяжение и силу инерции, называется телом⁶. Из первичных качеств — протяжения и силы инерции — выводятся другие: фигура, взаимная непроницаемость, плотность.

Тела, по мнению Ломоносова, делятся на части физически и математически. Поскольку математическое деление произвольно и далеко не всегда отражает реальную возможность разделения тел, оно им не рассматривается. Физически же тела делятся на столь малые частицы, что их невозможно чувствовать, поэтому они называются «нечувствительными частицами». Как и тела, они обладают протяженностью, инерцией, фигурой и взаимной непроницаемостью.

Все частные качества, которыми тела отличаются одно от другого, как-то: вкус, цвет, удельный вес, упругость, теплота, специфические свойства (магнитные, электрические и другие силы), зависят от различия нечувствительных частиц в протяжении, фигуре, силе инерции и движении. Изменение последних приводит к изменению первых.

Отсюда Ломоносов делал вывод, что все частные качества можно объяснить законами механики⁷.

Деление нечувствительных частиц, считал Ломоносов, можно продолжать, но до известного предела. При его достижении мы получим неделимое — физическую монаду. Реальное существование физических монад Ломоносов доказывает «от противного». Допустив бесконечное число нечувствительных частиц, мы неизбежно допустим в процессе этого деления возникновение бесконечного числа частных качеств, не существовавших ранее в теле до начала деления. Это проистекает, из того, что в результате деления возникли бы частицы, бесконечно различающиеся массой и фигурой. Но, по Ломоносову, такой вывод противоречит опыту, поэтому должны существовать неделимые «физические монады».

⁵ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. М., 1950—1957, т. 1, стр. 221—223; т. 3, стр. 257.

⁶ Там же, т. 1, стр. 171.

⁷ Там же, стр. 213.

В приведенном доказательстве отражены две противоположные стороны атомизма Ломоносова — его сила и слабость. Исходя из своих представлений о строении материи, Ломоносов верно объясняет ряд физических явлений. Но уровень развития науки, эксперимента ограничивал творческое мышление, втискивал мысль в жесткие рамки: практика в то время не подтверждала образования новых качеств в процессе деления тел. Следовательно, делал вывод Ломоносов, есть абсолютный физический предел делимости материальных образований и, соответственно, пространства, занимаемого ими.

Однако если уровень материального производства в XVIII в. в конечном счете предопределил односторонний, метафизический подход Ломоносова к решению вопроса о материи и пространстве, то в то же время развитие этого производства — решающий фактор в стимулировании научных изысканий ученого в области неделимых.

В этой связи представляет большой интерес история написания диссертации Ломоносова «Опыт теории упругости воздуха», напечатанной в первом томе «Новых комментариев»⁸.

Усовершенствование артиллерии и стрелкового оружия сопровождалось опытами, ставящими цель улучшить качество пороха. Составной частью его являлась селитра. Поэтому вопросы, связанные с выяснением происхождения и свойств селитры, выдвигались наукой в число актуальнейших.

В конце 40-х годов Берлинская академия наук объявила конкурс на лучшую работу, посвященную исследованию происхождения и состава селитры. Л. Эйлер предложил Ломоносову принять участие в конкурсе. Последний в своем ответе от 5 июня 1748 г. писал, что поставленная задача его интересует, «но так как я полагаю, что, узнав настоящую причину упругости воздуха, легче можно раскрыть силу, которая сгущает воздух в селитре, то поэтому я счел целесообразным предпослать трактату о рождении селитры теорию упругости воздуха, которой начало я положил еще тогда, когда начал серьезно размышлять о мельчайших составных частях вещей...»⁹

30 сентября следующего года Ломоносов доложил на заседании конференции Академии наук свою работу «Опыт теории упругости воздуха». В этой работе впервые подробно объясняется сущность молекулярного взаимодействия и приводится обоснование кинетической теории газов. При обсуждении работы академик Рихман заметил, что в ней нет объяснения причин зависимости упругости воздуха от его плотности. Ломоносов согласился с замечанием и произвел ряд опытов. 30 февраля 1749 г.

⁸ «Novi commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae». СПб., 1750, t. 1, s. 230—244.

⁹ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 171, 173.

он «показал Конференции стеклянные бомбы с небольшой полостью, разорванные расширением замерзающей воды»¹⁰.

Спустя два дня Ломоносов ознакомил академиков с содержанием «Прибавлений» к «Опыту теории упругости воздуха», которые были также напечатаны в «Новых комментариях»¹¹.

Необходимость объяснить упругость воздуха, не прибегая к блуждающим жидкостям, весьма модным в то время, привела Ломоносова к рассмотрению природы самих частиц и той силы, благодаря которой они удаляются одна от другой.

Атомы воздуха, по Ломоносову, просты, лишены всякого физического строения, крайне прочны, имеют протяжение и неизменяемы.

Выяснив, что неделимые частицы воздуха имеют шарообразную форму с шероховатостями и отбросив идею особой упругой жидкости, он приходит к заключению, что причиной упругости воздуха является непосредственное взаимодействие атомов. Но опыт показывает, что воздух сжимается больше чем в тридцать раз, т. е. между атомами — монадами существуют довольно большие расстояния. Получалось, казалось бы, противоречие: атомы и соприкасаются между собою, и находятся в отдалении друг от друга. Противоречие это снимается мгновенным взаимодействием атомов. Вращаясь в противоположные стороны, они, столкнувшись шероховатостями, отскакивают один от другого. Причем, когда одни атомы сталкиваются, другие в данный «нечувствительный» момент времени отскакивают. Таким образом, в основе ломоносовской кинетики воздуха лежит верное представление о беспорядочных столкновениях неделимых частиц.

Теория «физических монад» явилась как бы фундаментом для построения глубоко научной для своего времени и оригинальной кинетической теории газов, которая в общих чертах верна и поныне.

Физические монады, по Ломоносову, различаются только величиной, ибо все они — шероховатые шарики. Все пространство между телами и неделимыми элементами «плотно» заполняет эфир, который состоит, как и тела, из неделимых физически шероховатых шариков. Эти шарики также обладают протяженностью, взаимной проницаемостью и силой инерции. Величина же их намного меньше физических монад.

Отрицая теорию дальнего действия, Ломоносов эфиром объяснял взаимодействие тел, а также распространение света, теплоты и электричества. Исследуя опытным путем свойства тепловых лучей, он пришел к заключению, что теплота есть распространение вращательных движений неделимых частиц эфира. В отличие от теплоты свет передается колебательным движением ча-

¹⁰ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 659.

¹¹ «Novi commentarii...», t. 1, s. 305—312.

стичек. Электричество также есть не что иное, как вращение элементов эфира в порах проводников.

Отвергая идеалистическое истолкование изучаемых явлений посредством «непонятно вбегающих и выбегающих без всякой причины противным движением чудотворных материй»¹², Ломоносов строго придерживался положения, что все существующее — материально, все материальное состоит из тел и эфира, наполняющих пространство.

Отсюда и пространство делимо до известных пределов. Эти пределы по причине неодинаковых размеров неделимых частиц различны. Так, пространство, занимаемое телами, делимо до размеров «физических монад». Но то же пространство (если тело переместилось) делимо дальше до размерностей частиц, составляющих эфир. Протяженность самой маленькой частицы эфира есть абсолютный предел делимости пространства, ибо оно плотно заполнено физически неделимыми шариками эфира.

Крайне малые пустые промежутки, образующиеся между шероховатыми шариками (наличие которых, по Ломоносову, очень сомнительно)¹³, не меняет общей картины, так как в процессе деления мы от большего переходим к меньшему. Прежде чем достичь указанных пустот, мы должны поделить более крупный объем, равный хотя бы наименьшей размерности неделимого эфира, а это невозможно.

Кроме указанных пределов, в делимости пространства у Ломоносова есть еще и другие пределы, но слабее выраженные. Воздух обладает «частным качеством» — упругостью, однако один атом воздуха этим качеством не обладает. Поэтому, если мы будем делить часть пространства, занятого воздухом, то неизбежно придем к такому положению, когда последующее деление приведет к потере упругости воздуха. Следовательно, относительно данного качества предел делимости пространства наступил гораздо раньше.

В заключение необходимо заметить, что заслуга Ломоносова в исследуемом вопросе состоит прежде всего в том, что он наиболее полно, по сравнению со своими предшественниками и современниками, возродил атомизм древних, который ему импонировал своей материалистической традицией.

Однако Ломоносов не ограничивался только последовательным применением идей Демокрита — Эпикура к конкретным физическим исследованиям, он существенно развил эти идеи. Для нас представляет первостепенный интерес преодоление Ломоносовым традиционной связи атомизма с пустым пространством.

В этой связи необходимо отметить, что если в средние века признание пустоты вело к атеистическим выводам, то после

¹² М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 330.

¹³ Там же, т. 1, стр. 221, 223.

возникновения картезианства и особенно выхода в свет «Начал» Ньютона положение резко изменилось, ибо именно из взаимодействия тел через пустоту реакционное крыло ньютоналинцев делало теологические выводы.

К середине XVIII в. борьба между картезианством и ньютоналинством по данному вопросу привела к победе последнего. В таких условиях отрицание пустоты Ломоносовым было не только проявлением научной смелости и глубокой проницательности, но и имело определенную антирелигиозную направленность.

Решительно встав на защиту идеи «близкодействия», Ломоносов первый пришел к выводу, что *все пространство дискретно*.

Оригинальность Ломоносова в исследуемой проблеме заключается в том, что он впервые после мыслителей античности обобщил богатый фактический материал, с материалистических позиций построил теорию неделимых частиц материи, пространства и времени, посредством которой строго научно для своего времени объяснил ряд сложных физических явлений.

Выяснив представления Ломоносова о делимости пространства и времени, перейдем к анализу взглядов Лейбница по этому же вопросу.

Первоначально Лейбниц был последовательным картезианцем. Однако, будучи убежденным теистом, приблизительно к 80-м годам XVII в. он пришел к убеждению, что сведение материального мира к протяженности тел и их перемещению необходимо приводит к отрицанию божественного начала.

Чтобы избежать подобных выводов, он пересмотрел основы учения Декарта и пришел к заключению о недостаточности одной протяженности как существенного свойства тел. Признание самого факта движения их ничего не меняет, ибо неизвестно, почему тела перемещаются. Лейбниц полагал, что протяженность характеризует лишь геометрические свойства тел. Но как объяснить физические свойства, такие, как движение, действие, инерция и др.?

Лейбниц вводит еще одно существенное свойство, в его представлениях более важное, чем протяженность, — силу. Основываясь на повсеместном наличии физических свойств во всех материальных образованиях, он делает вывод, что все тела есть прежде всего силы. Всякая сила выступает как духовная единица бытия, или, по-другому, монада. Таким образом, монада является источником вечного и непрерывного движения материи.

Движение как проявление деятельного начала монад есть сущность материи. Оно непрерывно, ибо покой есть разновидность движения. Этим обосновывается всеобщий принцип развития. Исходя из него, Лейбниц пришел к понятию дифференциала, объяснял образование поверхности земли, в биологии высказал верную идею о родстве между всеми животными и растениями.

Конспектируя книгу Фейербаха о философии Лейбница, Ленин выписывает следующую цитату: «Вообще в природе нет ничего абсолютно прерывного: все противоположности, все границы пространства и времени, а также своеобразия, исчезают перед абсолютной непрерывностью, перед бесконечной связью вселенной». И здесь же в связи с выписанным отмечает: «Тут своего рода диалектика и очень глубокая, несмотря на идеализм и поповщину»¹⁴.

Каждая вещь может получить реальность только через монаду — «истинную единицу». Но все материальное протяженно, т. е., по Лейбницу, делимо. Всякое делимое не просто и не может быть единицей, поэтому, «дабы найти такие реальные единицы, — пишет Лейбниц, — я был принужден прибегнуть к атому формальному, ибо что-либо материальное не может быть в одно и то же время и материальным, и совершенно неделимым, иными словами, обладать истинным единством. Таким образом, пришлось снова обратиться к субстанциальным формам и, так сказать, восстановить их репутацию, столь поколебленную в настоящее время, но это надо было сделать таким образом, чтобы они стали доступными пониманию и чтобы пользование ими было свободно от тех злоупотреблений, которые из них делали.

Итак, я нашел, что природа этих форм состоит в силе, отсюда вытекает нечто аналогичное сознанию и стремлению и, следовательно, их нужно понимать наподобие того, как мы представляем себе души»¹⁵. Монада, являясь абсолютно простой, неизбежно должна быть непротяженной, т. е. существовать вне пространства.

Лейбниц пишет, что, освободившись от влияния Аристотеля, он стал сторонником атомизма Демокрита, но после долгих раздумий оставил это учение. Демокритовские атомы не могут быть истинными единицами, так как они протяженны, следовательно, неоднородны. Физическая нераздробимость их не меняет положения.

Принципу непрерывности также противоречит метафизическое противопоставление атомов пустоте. Лейбниц отвергает пустоту, полученную в опытах Герике с Магдебургскими полушариями. Отсутствие воздуха свидетельствует, что ее место заняла другая, более тонкая материя вроде магнитных лучей. Помещенный в воду дырчатый ящик наполнен рыбой или другими крупными телами, если выберем рыбу или тела, место их займет вода. Так и в опытах с выкачиванием воздуха.

На первый взгляд здесь простое повторение декартовых положений. Однако это не так. По Декарту, отсутствие тела между стенками сосуда свидетельствует о соприкосновении стенок

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 381.

¹⁵ Г. В. Лейбниц. Избранные философские сочинения. «Труды Московского психолог. об-ва», вып. IV. М., 1890, стр. 114—115.

сосуда между собой. Лейбниц подобного не утверждает, отсутствие пустоты проистекает у него из невозможности ее получить. Всякий раз, когда мы устраним одну материю из данного объема, этот объем заполняется более тонкой материей, устранив ее, мы тем самым даем место еще более тонкой материи и так далее без конца.

Такое нескончаемое замещение определяется бесконечным соподчинением монад. В малейшей части материи, пишет Лейбниц в «Монадологии», целый мир животных душ, энтелехий. Но любая капля любого этого животного содержит опять в себе целый мир, отличающийся от первого не сложностью, а только малостью.

Здесь в идеалистической форме предвосхищается идея о бесконечности материй вглубь.

Выясняя различие между пространством и временем, Лейбниц полагает, что приведенные соображения полностью опровергают сторонников пустоты. Но опровергнуть тех, кто утверждает, что в длительности может быть «пустота», т. е. длительность без изменений, невозможно. Часть длительности, в которой наше сознание не фиксирует никаких изменений, есть мгновение. Мгновение в длительности и точка в протяженности «не являются вовсе частями времени или пространства и в свою очередь не обладают частями. Это только пределы»¹⁶. Следовательно, вне изменений время не существует, соответственно, вне протяженностей не существует пространство, которое есть отношение между существующими и возможными вещами (если бы они существовали). Но, пишет Лейбниц, реальность пространства и времени в конечном счете основана на божестве.

Из приведенного ясно, что для Лейбница пространство не существует вне движущейся материи, в отрыве от вещей и процессов оно превращается в пустую абстракцию.

Возражая противоположной, ньютоновской концепции об абсолютности пространственной и временной форм, он писал: «Я неоднократно подчеркивал, что считаю пространство и время чем-то чисто относительным: пространство — порядком сосуществований, а время — порядком последовательностей»¹⁷. Поскольку пространство — порядок сосуществований, а время — порядок последовательно существующих явлений, делимость их целиком зависит от делимости вещей и явлений.

Исходя из неделимости монад, можно было предполагать, что пространство должно иметь предел делимости, однако монады в конечном счете, порождая их, не оказывают никакого влияния на решение вопроса, ибо монады — «метафизические» (не обладающие физической реальностью) точки.

¹⁶ Г. В. Лейбниц. Новые опыты о человеческом разуме. М.—Л., 1936, стр. 135.

¹⁷ «Полемика Г. Лейбница и С. Кларка». Изд-во ЛГУ, 1960, стр. 47.

Таким образом, пространство, по Лейбницу, делимо неограниченно.

Против нематериальных монад Лейбница решительно выступает Ломоносов. «Хотя я твердо уверен, что это мистическое учение должно быть до основания уничтожено многими доказательствами, однако я боюсь огорчить старость мужу (т. е. Вольфу.— *Н. Ф.*), благодеяния которого по отношению ко мне я не могу забыть, иначе я не боялся бы раздражить по всей Германии шершней — монадистов»¹⁸. Недооценка протяженности как существеннейшего свойства тел породила, по словам Ломоносова, споры в ученом мире о частицах, лишенных размерности. Но протяжение есть необходимое свойство тел, вне его тело перестает существовать, поэтому спор о «непротяженных частицах протяженного тела» лишен содержания¹⁹.

Отвергнув существование «метафизических» точек, Ломоносов в то же время развивает сильные стороны учения Лейбница, в первую очередь идею о движении как неотъемлемом свойстве тел. Отрицая вслед за последним сведение Декартом сущности тел только к протяженности, он вместе с тем, неуклонно проводя материалистическую линию, отсекает идеализм Лейбница.

Сравнительно-историческое изучение взглядов Ломоносова и Лейбница показывает, что Ломоносов пришел к совершенно новым выводам о делимости материи и пространства по сравнению с Лейбницем.

¹⁸ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 10, стр. 503.

¹⁹ Там же, т. 3, стр. 385.

ОБОСТРЕНИЕ АНТИСЛАВЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ НЕМЕЦКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ АВСТРИИ В 1897 г.

Приведенные ниже выдержки из донесений русского посла в Вене гр. П. А. Капниста министру иностранных дел гр. М. Н. Муравьеву представляют несомненный интерес для характеристики того глубокого внутривластного кризиса, в котором оказалась Габсбургская монархия в конце XIX в.

С переходом к империализму обострились все противоречия австрийского многонационального государства, населенного различными народами, из которых ни один не составлял большинства, но в котором уже в течение многих веков власть находилась в руках немецких господствующих классов.

Классовые противоречия усиливались и осложнялись глубокими национальными противоречиями; уже с революции 1848—1849 гг. национальное движение угнетенных народов, принимавшее порой формы открытой национальной борьбы, потрясали эту, по образному выражению А. И. Герцена, «бастилию народов».

По мере развития капитализма в отдельных частях монархии росли и крепились национальные буржуазия и капитализирующееся дворянство (тут речь идет в первую очередь о чехах и поляках), которые стали во второй половине XIX в. открыто заявлять о своих правах. Они стремились разделить господство в политической и экономической жизни Австро-Венгрии с немецкой буржуазией и немецкими помещиками. Последние отчаянно сопротивлялись, не желая отступить от своего привилегированного положения. И та, и другая сторона «апеллировала» к «низам». А так как национальные требования (среди них большую роль играл так называемый языковый вопрос, т. е. вопрос об уравнении права польского, чешского, словенского и других языков с господствовавшим до тех пор в администрации, судопроизводстве и даже в школах немецким языком) затрагивали интересы широких народных масс угнетенных национальностей, то в борьбу господствующих классов многонациональной монархии втягивался народ.

Поэтому так называемые языковые распоряжения главы австрийского правительства графа Казимира Бадени, польского

помещика и крупного австрийского чиновника, опубликованные в апреле 1897 г. и устанавливавшие в суде- и делопроизводстве Чехии относительное равноправие чешского и немецкого языков (что являлось безусловной уступкой национальным требованиям чехов), явились толчком к ожесточенной национальной борьбе в Цислейтании, как называлась австрийская половина двуединой монархии. Эта борьба, переплетающаяся с социальной борьбой народных масс, и явилась причиной того внутриполитического кризиса, который характерен для Австро-Венгрии в конце XIX в. и который продолжался вплоть до ее распада в 1918 г.

В трудной политической обстановке, которая сложилась во второй половине 90-х годов, австрийскому правительству предстояло разрешить ряд сложных вопросов, из которых вопрос австро-венгерских отношений имел первостепенное значение. Дело в том, что в 1897 г. должно было быть продлено экономическое соглашение между Австрией и Венгрией, которое после 1867 г. каждые десять лет подлежало возобновлению.

Предвидя всевозможные затруднения, правительство делало попытки сколотить в рейхсрате крепкое правительственное большинство, при помощи которого оно смогло бы провести пролонгацию этого соглашения. Для этого Бадени хотел заручиться поддержкой чешской фракции рейхсрата, в которой значительную роль играла буржуазная либеральная партия младочехов. Уже в 1896 г. Бадени стал прощупывать почву для соглашения с чешской оппозицией. Результатом переговоров явились «языковые распоряжения» апреля 1897 г.

Эти распоряжения, изданные правительством в обход парламента, вызвали бурю негодования большинства немецких депутатов рейхсрата (лишь небольшая группа крупного немецкого землевладения не выступила открыто против Бадени).

Немецкая оппозиция, в которой руководство захватили самые оголтелые экстремистские немецко-шовинистические элементы (тут в первую очередь надо назвать немецкую Народную партию и группу австрийских пангерманистов, руководимую Шёнерером, так называемых шёнерианцев), подняла бешеную агитацию против языковых распоряжений, которая в ряде мест, особенно в тех районах Чехии, где было значительное немецкое население, превратилась в открытые античешские выступления. Резко шовинистическая, античешская пропаганда вызвала ответные антинемецкие выступления в чешских землях, а обструкция, которую подняли в австрийском рейхсрате немецкие депутаты, затормозила нормальное функционирование парламента, сделав его по сути недееспособным.

Все это, особенно обструкционистская политика немецких депутатов в рейхсрате, не могло не обратить на себя внимание европейских правительств и европейского общественного мнения. Австрийские дела сделались объектом пристального наблю-

дения иностранных дипломатов и прессы, в том числе, естественно, и русской.

Публикуемые ниже донесения русского посла в Вене гр. П. А. Капниста министру иностранных дел гр. М. Н. Муравьеву, хранящиеся в Архиве внешней политики России (фонд Канцелярия, 1897 г., д. 114), относятся к январю — ноябрю 1897 г. За 1897 г. Капнистом было отправлено в Петербург 93 пронумерованных донесения, из которых ниже публикуются шесть (№ 9, лл. 43—44; № 40, лл. 167—173; № 41, лл. 180—183; № 42, лл. 184—185; № 45, лл. 198—207; № 82, лл. 368—373). Донесения публикуются полностью.

Предлагая читателям некоторые донесения Капниста в Петербург, нам хотелось бы обратить внимание на следующее.

Представляют несомненный интерес те места донесений, в которых Капнист останавливается на славяно-немецких отношениях в Габсбургской монархии, особенно, когда он обращает внимание на связи, существующие между немецкими шовинистами Австрии и Германской империей.

Говоря о немецкой оппозиции, Капнист считает ее как бы однородной массой; называя ее почти всегда «немецкой партией», он мало останавливается на том, что по сути в оппозицию входили тогда различные группировки, до «языковых распоряжений» Бадени, враждебных друг другу: например, либеральная Прогрессивная партия, немецкая Народная партия и австрийские пангерманисты типа Шёнерера. Последние, вступив в коалицию, продолжали резко отрицательно относиться к членам Прогрессивной партии. Нам кажется удивительным, что Капнист мало акцентирует внимание Петербурга на деятельности самых крайних немецких шовинистов — австрийских пангерманистов.

Вместе с тем, описывая различные группы немецкой оппозиции (донесение № 82), Капнист, неодобрительно отзываясь о действиях австрийских пангерманистов, называет их «самыми революционными передовыми людьми». Очевидно, демократические лозунги социально-экономической программы австрийских пангерманистов, демагогическая сущность которых не вызывает сомнений и которые ставили своей целью привлечь на свою сторону широкие слои немецкого населения, были приняты русским послом за чистую монету.

№ 9

Вена 22 января/3 февраля 1897 г.

2 приложения

Милостивый государь граф Михаил Николаевич!

Палата представителей австрийского рейхсрата распущена 22 ноября н. ст.

Новые выборы имеются быть на основании нового избирательного закона.

Главный вопрос, который будет подлежать разрешению новой палаты представителей, будет заключаться в Ausgleich'e с Венгрией.

От успеха в этом вопросе будет главным образом зависеть судьба министерства Бадени.

Я уже имел случай в предыдущих донесениях указать на тактику графа Бадени, которая состоит в том, чтобы частными соглашениями с разными, между собой разнородными парламентскими партиями и группами составлять для министерства большинство для каждого отдельного случая, не озабочиваясь созданием постоянной однородной и сплоченной правительственной партии.

Эта тактика, которая совершенно соответствует раздробленности и многочисленности групп в рейхсрате и доказывает практическое понимание положения министром-президентом, до сих пор увенчивалась успехом.

Если есть какой-нибудь оттенок в парламентских группировках, составляемых графом Бадени, то он состоит во все большем перевесе, даваемом славянскому элементу над немецким.

Ныне министр-президент главным образом занят установлением соглашения с чехами.

Честь имею представить при сем на благоусмотрение Вашего сиятельства две записки¹, составленные по моему поручению вторым секретарем посольства Нелидовым. В одной из них изложены обстоятельства, при которых распущена палата представителей и при которых должны состояться новые выборы; другая касается положения дела относительно соглашения между министерством и чехами.

Примите, милостивый государь граф Михаил Николаевич, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Капнист

№ 40

1 приложение

Вена, 28 мая/9 июня 1897 г.

Милостивый государь граф Михаил Николаевич!

Прилагаемое при сем и составленное по моему поручению секретарем посольства Нелидовым краткое обозрение положе-

¹ Записки даны в двух приложениях к донесению: первая записка — на лл. 45—48. К ней приложена вырезка из австрийской официозной газеты «Fremden-Blatt», 26.I 1897, Wien; ко второй записке (лл. 50—53) также приложена газетная вырезка (не указано, из какой газеты) — календарь выборов в рейхсрат по отдельным землям монархии.

ния дел в рейхсрате² при закрытии сессии может дать понятие о причинах и развитии кризиса, вызванного Регламентом о языках (Sprachenverordnung).

Характерная черта этого кризиса состоит в том, что им затрагивается вопрос не только о том или другом министерстве, и не только вопрос о той или другой группировке парламентских партий; значение его гораздо глубже. Дело идет о последнем, отчаянном отпоре со стороны некогда господствовавшего немецкого элемента против постепенно установившегося за последнюю четверть столетия нового порядка вещей, давшего простор развитию славянского элемента в дислейтанской половине Габсбургской монархии.

Полное изменение прежде существовавших отношений между немецкой и славянской национальностями — ныне уже совершившийся факт. Он уже признан и освящен во многих случаях постановлениями закона и администрации; с развитием славянской культуры рядом с немецкой школа и высшее образование стали постепенно преобразовываться; в ближайшем будущем готовится еще ряд мер в этом направлении. Между тем, самая настоятельная необходимость требовала административной санкции для существующего уже на практике равенства в употреблении чешского языка рядом с немецким в Богемии.

Устранение преобладания немецкого языка составляло именно цель Регламента о языках (Sprachenverordnung), пущенного в ход графом Бадени административным порядком — помимо законодательной санкции рейхсрата.

На этой почве немецкий элемент в парламенте решился дать генеральное сражение — не одному графу Бадени, а вообще начинающему преобладать славянскому элементу.

Сражение, как хорошо знают сами немцы, проиграно вперед. Они уже не обладают в парламенте ни численным, ни моральным перевесом. Притом они разделены на несколько враждующих и непримиримых парламентских партий.

Тем не менее отпор славянству считался необходимым. Оставалось, следовательно, прибегнуть к крайним мерам, употребленным обыкновенно лишь стесненными и озлобленными меньшинствами: к обструкционизму (наподобие ирландцев), к протестам и угрозе выхода массою из рейхсрата.

Таково общее положение дела. Будут ли применены графом Бадени или же другим министром, принявшим его наследство, правительственные меры, признающие совершившийся факт развития славянства наравне с немецким элементом, такое признание последует, во всяком случае, в силу необходимости.

Граф Бадени это хорошо знает.

² Обзор дан в приложении к донесению (лл. 174—179).

Он предполагает созвать рейхсрат лишь в сентябре и хочет воспользоваться трехмесячным парламентским перерывом, чтобы сделать в Праге последнюю попытку соглашения между немцами и чехами, изыскав почву, на которой могло бы установиться мирное их сожителство. Ежели это ему не удастся, министерство Бадени падет немедленно по открытии рейхсрата.

«Введу ли я или кто-либо другой,— говорил мне на днях министр-президент,— необходимые меры, освящающие лишь существующий факт,— безразлично для самого дела, так как оно дело необходимости и, следовательно, должно совершиться».

Но я хорошо понимаю,— прибавил граф Бадени,— что дело это составляет очень горькую пилюлю для немцев. Они не могут проглотить ее без боя, тем более еще, что она преподается им «не немецким врачом». Будь я немец, им все-таки было бы легче. На это обстоятельство я не преминул привлечь внимание императора Франца-Иосифа. Как бы то ни было, я сделаю во время вакансии последнюю попытку примирения между немцами и чехами в Праге. Но дело будет трудное: немцы, сознающие свое бессилие, озлоблены, а чехи, увлеченные успехами, зазнаются».

По мнению графа Бадени, парламентская организация, ныне действующая в Австрии, вовсе не соответствует ее составу и особенностям. Он видит в реформе 1882 г. коренную ошибку, которая могла бы быть исправлена лишь возвратом к выбору членов рейхсрата провинциальными сеймами, а не разными куриями.

Расширение круга деятельности сеймов и представительство их в рейхсрате соответствовали бы гораздо лучше потребностям разноплеменной австрийской монархии, по мнению гр[афа] Бадени, чем парламентаризм по образцу государств, состоящих из одной преобладающей и сплоченной национальности.

Такая мысль министра-президента, как кажется, встречает сочувствие со стороны нового консервативного большинства, составившегося в рейхсрате. Она вошла в программу, положенную в основании проекта адреса, принятого этим большинством.

Это обстоятельство даже послужило поводом некоторым газетам дать новое имя теперешнему консервативному большинству в своей совокупности, а именно «партии автономистов».

Есть повод думать, что ежели гр[афу] Бадени удастся удержаться во власти, то вопрос реорганизации политического устройства Австрии будет им выдвинут при первой возможности на очередь.

Примите, милостивый государь граф Михаил Николаевич, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Капнист

Милостивый государь граф Михаил Николаевич!

Дело о десятилетнем возобновлении Ausgleich'a между двумя половинами Австро-Венгерской монархии находится в застое и едва ли скоро подвинется вперед. Собственно, соглашение уже состоялось, как я имел честь довести до сведения императорского министерства в предшествующих донесениях, между австрийским и венгерским министерствами. Но каждое из них должно подвергнуть это соглашение одобрению австрийского и венгерского парламентов, и тут-то встречается камень преткновения.

Препятствие заключается не столько в столкновении между интересами и в пререканиях между обеими частями монархии, сколько во внутренней борьбе партий в каждом из парламентов. В особенности в австрийском рейхсрате одобрение соглашения ставится в зависимость от тех или других уступок, которые требуются партиями от министерства.

Пока не уладится острый кризис, вызванный в австр[ийской] палате депутатов предложенным министерством Бадени Регламентом о языках в Богемии, немыслимо составление надлежащего большинства для возобновления Ausgleich'a с Венгрией.

Каждая из враждующих партий требует предварительного удовлетворения своих вождедений.

Рейхсрат распущен вследствие невозможности достигнуть соглашения между партиями и не будет, вероятно, созван до сентября месяца. До сих пор, следовательно, не может быть и речи об одобрении Ausgleich'a с Венгрией.

В этих обстоятельствах правительство придется прибегнуть к праву короны установить «Provisorium» еще на год, то есть продлить до будущего года прежде существовавшее десятилетнее соглашение между обеими частями монархии. Между тем делегациям от обоих парламентов будет предстоять осенью заняться важными вопросами, требующими неотложного разрешения с участием совокупно Австрии и Венгрии.

Первое место между этими вопросами занимает дело о преобразовании артиллерии, поставленное на очередь в Германии и во Франции.

О полном возобновлении артиллерии, требующем громадной затраты, как кажется, нет и речи, и общее для всей монархии военное министерство имеет в виду лишь некоторое приспособление существующих орудий к ускорению стрельбы.

Но и это требует затраты около тридцати миллионов флоринов.

Как дошло до моего сведения, военное министерство имеет в виду заручиться согласием венгерской делегации, предоставив Венгрии льготы и уступки, в которых оно до сих пор отказыва-

ло ввиду поддержания существующей организации армии и в особенности состава офицеров.

Ныне предполагается облегчить доступ в армию венгерским офицерам посредством расширения венгерской военной академии и увеличения числа венгерцев, принимаемых в австрийские военные школы и академию.

Таким образом достигнута была бы давно намеченная мадьярами цель иметь почти исключительно венгерских офицеров в полках, находящихся в Венгрии, что было бы первым шагом к образованию национальной армии.

Этой ценой предполагается получить согласие венгерской делегации на расход, необходимый для преобразования артиллерии.

Примите, милостивый государь граф Михаил Николаевич, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Капнист

№ 42

I приложение

Вена, 11/23 июня 1897 г.

Милостивый государь граф Михаил Николаевич!

Борьба между немецкими и славянскими элементами в австрийском рейхсрате находит отголосок в Германии.

В недавно состоявшемся в Лейпциге общегерманском собрании (Alldeutscher Verbandstag)³ участвовали многие из депутатов австрийской палаты.

Из прилагаемого при сем, в газетной вырезке⁴, краткого отчета заседаний помянутого собрания интересно усмотреть силу существующей связи между австрийскими немцами и Германией.

По мере вытеснения немецкого элемента из преобладающего положения, которым он пользовался в Австрии, тяготение его к Германии обнаруживается с большей определенностью.

Примите, милостивый государь граф Михаил Николаевич, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Капнист

³ Собрание Пангерманского союза состоялось летом 1897 г.

⁴ В приложении приводится вырезка статьи из газеты «Fremden-Blatt» (нет даты)—«Oesterreichische Abgeordnete auf dem alldeutschen Verbandstage».

Вена, 9/21 июля 1897 г.

Милостивый государь граф Михаил Николаевич!

Попытки примирения между немецкою и чешскою национальностями в Богемии, предпринятые графом Бадени во время парламентских вакансий, до сих пор не увенчались успехом.

Проповедовать в пользу взаимных уступок на практической почве Регламента о языках, собственно возбудившего бурю, является ныне действительно трудом неблагодарным и даже излишним ввиду того, что враждующие партии вовсе не ищут и не желают примирения или практической сделки, а напротив того, стремятся к борьбе до последней крайности.

Регламент о языках в Богемии (Sprachenverordnung) был лишь поводом к обострению этой борьбы.

Взятый сам по себе, этот регламент ничего особенно нового или притеснительного не содержит. Обязательность для администрации и для суда знания обоих языков служит лишь законным утверждением давно признанной на практике необходимости. Притом правительство выразило готовность в виде уступки немцам согласиться на некоторые изменения в регламенте, смягчающие его слишком крутые распоряжения, а именно правитель[ст]во предлагает значительно продлить срок, в который знание чешского языка сделалось бы обязательным в частях Богемии с немецким населением; отказаться от судебного производства исключительно на чешском языке, обусловленного лишь национальностью истца и т. д.

На все это борющиеся партии в сущности уже не обращают внимания. Дело не идет уже о тех или других пунктах Регламента о языках. Борьба расширилась и обобщилась. Она коснулась самого принципа, на котором зиждился прежний строй в Австрии, а именно преобладания немецкого элемента,— принципа, который, впрочем, постепенно расшатывался покровительствуемым за последнюю четверть столетия развитием славянского элемента. Регламент о языках стал лишь одною из подробностей обнаружившегося по его поводу общего стремления к наибольшему развитию автономии провинций в Австрийской монархии.

Слова «изменение конституции», раздавшиеся впервые в младочешском лагере, нашли отголосок во всей Австрии. Молодой князь Шварценберг, принадлежавший к партии Верных конституции крупных землевладельцев (Verfassungstreue Grossgrundbesitzer), не усомнился прямо высказаться в пользу полной автономии Богемии в речи, произнесенной перед своими избирателями. Общее собрание представителей этой партии, со-

стоявшееся недавно в Вене под председательством графа Туна, крупного богемского землевладельца, хотя и не одобрило выходы Шварценберга, на которого смотрят как на «enfant terrible» партии, однако не выразило никакой готовности поддержать правительство в его примирительных попытках.

С другой стороны, движение перешло границы Богемии и распространилось в рядах словенов.

Беспорядки в Эгере (немецком центре Богемии)⁵, причиненные запретом немецкого национального собрания, совпали со словенскими манифестациями в Клагенфурте, столице Каринтии.

Поднялись отдельные голоса даже в Галиции — провинции, наиболее удовлетворенной своею фактической автономией.

В замечательной брошюре польский депутат граф Дзедушицкий (Dzieduszyci) развил мысль, что преобразование ландтагов и рейхсрата в смысле автономии провинций могло бы быть достигнуто и без ревизии конституции в собственном смысле слова, требующей двух третей голосов в парламенте. Против этой теории с энергией восстает главный орган австрийского германизма «Neue freie Presse»⁶. Считаю не излишним приложить при сем для сведения как помянутую брошюру⁷, так и возражающую на нее газетную статью⁸. В этой полемике весьма характерно выражаются два противоположных стремления: немецкое, отстаивающее неприкосновенность конституции как свой последний оплот; славянское, усматривающее в изменении конституции необходимый залог для обеспечения фактически предоставленной почти полной автономии провинций.

Не в одних, однако, речах и газетных полемиках выражаются разыгравшиеся страсти.

Уличные беспорядки в Эгере, произведенные немецким населением, были подавлены чешской конною жандармерией, вызванной из Праги.

В этом факте немецкая партия усматривает чудовищное и пристрастное вмешательство правительства в партийную борьбу. Вопль негодования, испущенный органами австро-немецкой печати, находит отголосок в Германии.

⁵ События в Хебе имели место в июле 1897 г.

⁶ «Neue freie Presse» — очень влиятельная буржуазная газета, представлявшая интересы крупной и средней немецкой буржуазии Австрии либерального направления. Нельзя, однако, как это делает Капнист, считать ее главным рупором «австрийского германизма». Национализм немецких либералов уступал во многом другим шовинистическим группировкам австрийских немцев, объединенных в Народную партию, в группу Шёнерера и т. п.

⁷ К донесению приложена брошюра Adalbert Graf Dzieduszyci. Das Programm der Autonomisten-Partei Oesterreichs. Lemberg, 1897, 47 S.

⁸ В приложении приводится вырезка из газеты «Neue freie Presse», 15.VII 1897.

«Neue freie Presse» предаёт гласности ряд таких манифестаций, перечисленных в прилагаемой при сем газетной вырезке⁹.

Теряя почву под своими ногами в Австрии, немецкая партия обращает свои взоры к Германии.

В этих обстоятельствах граф Бадени начинает отчаиваться в успешности предпринятой им примирительной кампании и сознавать, что ему уже не по силам успокоить возбужденную им бурю.

Он убежден при том, как я уже имел случай упомянуть в предшествующих донесениях, что его личность служит также препятствием, усугубляя озлобление немецкой партии.

Министр-президент считал долгом доложить о вышеизложенном императору Францу-Иосифу, но его величество ответил графу Бадени, что не желает и не может уволить министерство в данных обстоятельствах и что, напротив того, он будет поддерживать его до конца. Император прибавил, что граф Бадени возбудил борьбу и потому должен окончить дело и не имеет права уединиться в критическую минуту.

Между тем парламентские вакансии на исходе и, вероятно, остается лишь неделя шесть до созыва палаты.

Ежели за это время страсти не успокоятся и не возникнет возможность практического примирения, министерство Бадени должно будет пасть.

Распущение рейхсрата и новые выборы при теперешнем настроении могли бы лишь обострить непримиримость партий и неприязнь к министерству, так как лозунгом для выборов служила бы борьба между немцами и славянами и устранение от дел графа Бадени.

Ввиду такого положения дел уже занимаются в политических кружках догадками о вероятном преемнике теперешнего министра-президента.

Говорят о необходимости призвать к власти родового немца, так как один лишь немец мог бы добиться соглашения с немецкой партией по поводу Регламента о языках. Но говорят и об графе Туне, бывшем штатгальтере Богемии.

Примите, милостивый государь граф Михаил Николаевич, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Капнист

Р. S. Позволяю себе приложить к сему донесению новую статью «Neue freie Presse»¹⁰, касающуюся солидарности между немецкой партией в Австрии и Германией.

⁹ В приложении приводятся следующие газетные вырезки: «Die Universitäten Deutschlands für die Deutschen in Oesterreich». — «Neue freie Presse», 16.VII 1897; «Eine Sympathie Kundgebung für Eger». — «Neue freie Presse», 1897 (без даты).

¹⁰ В приложении приводится газетная вырезка из «Neue freie Presse» (20.VII 1897) под заголовком «Wien, 19. Juli».

«Правительству, как бы оно ни называлось — Бадени или иначе,— предстоит,— сказано в этой статье,— решить принципиальный вопрос: возможна ли в Австрии политика, принимающая в соображение вожделения всех национальностей, за исключением лишь одной немецкой».

Затем помянутая статья указывает на обязанность правительства серьезно обдумать и другой вопрос, а именно: в какой степени принятое общественным мнением в Германии направление (*Stellungnahme*) по отношению к внутренней политике Австрии может повлиять на будущность австро-германского союза?

(*Ut in litteris*) *Капнист*

№ 82

Вена, 12/24 ноября 1897 г.

Милостивый государь граф Михаил Николаевич!

Парламентские неурядицы продолжают задерживать правильную деятельность сложного государственного организма Австро-Венгерской монархии.

Австрийское правительство, поставленное в необходимость отказать от своевременного заключения *Ausgleich'a* с Венгрией, хотя соглашение по этому предмету давно уже состоялось между обоими министерствами, принуждено прибегнуть к установлению так называемого *Provisorium*, и ныне все его старания клонятся к тому, чтобы провести эту меру в рейхсрате, несмотря на obstructionизм оппозиции, до истечения срока, оканчивающегося с текущим годом.

Ежели это не удастся, останется лишь прибегнуть к крайней мере — верховного декрета, на основании статьи 14-й конституции¹¹.

Между тем взаимное озлобление партий не утихает и угрожает серьезно пошатнуть парламентаризм в том виде, в котором он ныне существует в австрийской половине монархии.

Главным последствием обострившейся борьбы между немецким и славянским элементом будет изменение во взаимном их положении.

До сих пор германский элемент признавался господствующим и поэтому не составлял партии в собственном смысле. Признание равноправности за другими национальностями, и в особенности славянской, низведет немецкий элемент на степень партии, которая, как и другие, будет требовать для себя прав и ограждения.

¹¹ Параграф 14 австрийской конституции, принятой в декабре 1867 г., давал императору право между отдельными сессиями рейхсрата издавать чрезвычайные указы.

Германский посол, граф Эйленбург, с которым я имел на днях беседу об этом положении дел, очень им озабочен.

Немецкий элемент в Австрии, как известно, чрезвычайно раздроблен. Клерикалы выделились из немецкой оппозиции и прикнули к чешско-польскому большинству; умеренные сохраняют приверженность к австрийской государственной идее и династии, хотя и противятся всеми силами славянству; крайние националисты, состоящие из самых революционных, передовых людей, открыто тяготеют к Германии и угрожают усложнить отношения между двумя главными членами Тройственного союза.

Вождя этой фракции, г. Шённерер, лично ненавистен императору Францу-Иосифу, который видит в нем и в его приверженцах настоящих изменников.

Такое положение дел ставит германское правительство и германского посла в Вене в весьма затруднительное положение.

Германия не может отказать в известном сочувствии и нравственной поддержке немецкому элементу в Австрии, а между тем партия националистов, наиболее к ней приверженная, представляет весьма неудобного «protégé», будучи составлена из самых революционных личностей.

Австрийские немцы утверждают, что с потерей их привилегированного положения в государстве нарушится та связь, которая сдерживала единство в управлении и что вследствие этого Австрия Марии-Терезии и Иосифа II неминуемо исчезнет.

Но дело в том, что Австрия Марии-Терезии перестала уже существовать после наполеоновских погромов, с 1815 г.

Давно уже нет и меттерниховской Австрии 1815 г., с тех пор как она в 1866 г. была вытеснена из Германского союза.

Ныне и этой Австрии 1866 г. суждено исчезнуть или, лучше сказать, испытать новую метаморфозу.

Перенесет ли она эту новую эволюцию в своей государственной жизни и каким образом совершится эта эволюция, покажет ближайшее будущее.

Опыты прошедшего склоняют к утвердительному ответу на первый из этих двух вопросов. Что же касается до второго, то я старался почерпнуть некоторые данные в беседах со здешними государственными деятелями.

Мнение некоторых из самых выдающихся между ними, а также и теперешнего министра-президента графа Бадени, клонится к тому, что Австрии надлежит видоизмениться из парламентского государства в федеративное.

Первым шагом на этом пути было бы расширение круга действия провинциальных ландтагов и замещение выбранного населением парламента центральным собранием представителей, посылаемых ландтагами для обсуждения общих для всего государства дел.

Несостоятельность парламентаризма в Австрии, проявляющаяся столь резко в настоящем кризисе, казалось бы, должна привести в более или менее скором времени к осуществлению такого преобразования; но едва ли оно может состояться без сильных потрясений.

Как бы то ни было, славянству в Австрии предстоит при новой эволюции государственного строя занять первенствующее место, до сих пор принадлежавшее немецкому элементу.

Тогда, может быть, придется наблюдателю поставить себе вопрос: что более соответствовало интересам России — теперешняя ли Австрия, с господствующим немецким элементом и с притесненным до некоторой степени славянством, тяготеющим к нам, или же Австрия славянская, о которой, правда, мечтали некоторые из наших домашних славянофилов, но представляющая то неудобство, что в ней может возникнуть центр притяжения для южных славян и славян-католиков.

Примите, милостивый государь граф Михаил Николаевич, уверение в отличном моем почтении и совершеннейшей преданности.

Капнист

Р. S. В то самое время, как я писал настоящее донесение, происходил вчера вечером в рейхсрате невероятный скандал¹, описанием коего будут наполнены европейские газеты, почему я и воздерживаюсь от всяких подробностей. Вчерашние сцены насилия наносят новый удар австрийскому парламентаризму.

(Ut in litteris) *Капнист*

¹ Речь идет о событиях в рейхсрате 24—26.XI 1897 г., когда для наведения порядка в рейхсрат была вызвана полиция. Нарушение депутатской неприкосновенности было использовано немецкими шовинистами для раздувания античешских настроений.

**РУССКАЯ ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНАЯ
ПРЕССА 1914—1917 гг.
О ТЕОРИИ «СРЕДИННОЙ ЕВРОПЫ»**

Идея объединения стран Центральной и Юго-Восточной Европы имеет более чем вековую историю. Ее выдвинул в XIX в. немецкий экономист Ф. Лист. В дальнейшем различные государственные деятели Австрии и Германии развивали эту теорию, исходя из интересов той или иной группы господствующих классов своей страны.

Новый этап развития идеи «Срединной Европы» начинается с 90-х годов, со вступления Германии в стадию империалистического развития. Идеологи германского империализма, такие, как Ф. Ратцель с его теорией «геополитики» и другие экспансионисты, приспособливают старые проекты к новым требованиям. Они стараются теоретически обосновать агрессивную политику германских империалистов. В 1904 г. был организован «Среднеевропейский экономический союз», который по замыслу учредителей должен был изучать вопрос политического и экономического объединения стран Центральной и Юго-Восточной Европы под гегемонией Германии.

Особое развитие получила теория «Срединной Европы» в годы первой мировой войны. В Германии появился целый ряд книг по этому вопросу. В разгар войны, в 1915 г., вышла книга реакционного политического деятеля пастора Фридриха Наумана «Срединная Европа», ставшая самой популярной среди произведений идеологов германского империализма, пытавшихся обосновать захватническую политику Германии в войне. Ф. Науман в своей книге доказывал, что объединение Центральной Европы под гегемонией Германии, прежде всего объединение Германии и Австро-Венгрии, является объективной исторической необходимостью. Популярность книги объяснялась тем, что Науман путем искусной фразеологии пытался изобразить «Срединную Европу» как воплощение прогресса, самое демократическое межгосударственное образование в Европе, отвечающее якобы национальным интересам народов Центральной и Юго-Восточной Европы. В сущности же идеологи «Срединной Европы», и в первую очередь Науман, выступали за установление господства кайзеровской Германии в Европе.

В настоящее время теорию «Срединной Европы» вновь поднимают на щит «интеграторы» в странах Западной Европы, изображая ее как прообраз будущей объединенной Европы.

Русская либерально-буржуазная пресса периода первой мировой войны пристально следила за развитием событий в Центральной Европе. Журналы и газеты, выражавшие мнение и настроение русской буржуазии, защищали ее интересы и резко выступали против захватнической политики Германии и Австро-Венгрии, угрожавших интересам русского капитала на Балканах и Ближнем Востоке.

Обстановка шовинистического угара, царившая в начале войны в буржуазных кругах России, как и в остальных воюющих странах, наложила свой отпечаток на характер публиковавшихся в прессе материалов, касавшихся целей Германии в первой мировой войне, которые наиболее конкретно и наглядно проявились в теории «Срединной Европы». В самом начале войны пресса была занята главным образом гиперболизированными описаниями зверств германской военщины, и только с начала 1915 г. на страницах журналов и газет развернулась полемика о целях Германии в войне. Теория «Срединной Европы» в связи с этим стала одной из центральных тем русской прессы того времени.

Данный обзор написан на основании материалов, печатавшихся в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русские записки», «Современный мир», «Северные записки», «Голос минувшего», «Летопись», «Известия министерства иностранных дел», газетах «Русские ведомости» и «Петроградские ведомости» за 1914—1917 гг. Различные журналы и газеты в зависимости от того, чьи интересы они отражали, в разной степени уделяли внимание этой теории.

Полемика по вопросу о «Срединной Европе» занимала видное место на страницах либерально-буржуазного журнала «Вестник Европы», направление которого В. И. Ленин характеризовал как «плохое, жидкое, бездарное, но направление, служащее определенному элементу, известным слоям буржуазии...»¹. Этот журнал, формально независимый, выражал в сущности мнение крупной русской буржуазии. В нем сотрудничали известные буржуазные политические деятели, ученые, журналисты, такие, как П. Милюков, М. Ковалевский, известный русский журналист И. Шкловский (писавший под псевдонимом Дионео), меньшевистский публицист М. Лурье и др. Не удивительно, что тема «Срединной Европы», непосредственно затрагивавшая интересы крупного русского капитала, стала в журнале на протяжении войны центральной.

В такой же мере интересовала эта проблема и кадетский журнал «Русская мысль», редактором которого был лидер партии

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 48, стр. 3—4.

кадетов, в прошлом легальный марксист П. Струве, а также кадетскую газету «Русские ведомости». Все они, не исключая «народнического, народнически-кадетского»², как его назвал В. И. Ленин, журнала «Русское богатство» и меньшевистского «Современный мир», выступали в этом вопросе как верные защитники интересов русской экспансионистской буржуазии. Это был тот вопрос, в оценке которого были едины все — от официальных «Петроградских ведомостей» до меньшевистского «Современного мира». Различие было разве только в постановке вопроса отдельными публицистами.

К концу XIX в. в Центральной Европе проявились две тенденции развития. Одна из них — стремление к образованию наднационального объединения, что выразилось в Германии в возникновении теории «Срединной Европы», в Австрии — в активизации австрийских пангерманистов. Другая тенденция — кризис «дуализма» в империи Габсбургов, появление, с одной стороны, планов «триализма», а с другой — центробежных процессов в Австро-Венгрии, стремления других национальностей монархии к политическому освобождению и образованию независимых государств. Все эти процессы прямо или косвенно отражались в русской прессе того времени.

В русской буржуазной публицистике возникновение теории «Срединной Европы» обычно связывали со временем объединения Германии. Об этом, например, писали публицист С. Загорский в журнале «Вестник Европы»³, И. О. Левин в «Известиях министерства иностранных дел»⁴. При этом С. Загорский отмечал, что с ростом Германской империи, в особенности ее экономического потенциала, проект «Срединной Европы» приобретает все более ярко выраженный характер экономической экспансии: «германские промышленники видели в этом союзе (Австро-Венгрии и Германии.— *И. П.*) орудие в таможенной борьбе против Великобритании и России»⁵. Заключением долгосрочных торговых договоров 1892 г. (с Австро-Венгрией, Бельгией, Швейцарией, Румынией и некоторыми другими странами), основанных на принципе взаимного благоприятствования, Германия пыталась создать экономические и политические предпосылки объединения Средней Европы. С. Загорский считал эти договоры «началом таможенного объединения среднеевропейских государств»⁶. Уже в них русские буржуазные публицисты увидели попытку Германии установить свою гегемонию в Европе⁷.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 380.

³ С. Загорский. Происхождение идеи объединения Европы под гегемонией Германии. «Вестник Европы», 1915, № 2.

⁴ И. О. Левин. История идеи австро-германского таможенного союза. «Известия министерства иностранных дел», 1916, кн. 11.

⁵ С. Загорский. Указ. соч., стр. 132.

⁶ Там же, стр. 134.

⁷ Там же.

Такая политика насторожила общественность малых стран — соседей Германии, пугала буржуазию Бельгии, Голландии, Дании и Швейцарии. Поэтому, подчеркивали С. Загорский и И. О. Левин, несмотря на оживленное обсуждение проблемы таможенного объединения стран Центральной Европы в первое десятилетие XX в., идея организации «Среднеевропейского экономического союза» потерпела неудачу.

Первая мировая война явилась решающим толчком для окончательного оформления империалистического проекта «Срединной Европы». Необходимость обоснования захватнической политики германского империализма активизировала идеологов «Срединной Европы». В таких условиях появление книги Ф. Наумана приковало к себе всеобщее внимание.

Значительное внимание уделялось на страницах русской буржуазной прессы самому Ф. Науману. Характеризуя его, П. Милюков подчеркивал, что идеи распространения влияния Германии на Ближний Восток он проповедовал еще в книге «Азия», изданной в Германии после поездки Вильгельма II в Палестину⁸. Меншевицкий публицист В. Н. Розанов, выступавший на страницах «Современного мира» под псевдонимом «Энзис», называл книгу Ф. Наумана «Эйфелевой башней» среди литературы о «Срединной Европе». Бардом «Срединной Европы» называл Ф. Наумана Т. Богданович: «Пишут об объединении с разных точек зрения, но никто, кажется, с такой убежденностью и энтузиазмом, как он»⁹.

Т. Богданович разоблачал Ф. Наумана как идеолога германских империалистов, пытавшегося прикрыть демократическими фразами агрессивную сущность теории «Срединной Европы». Заигрывая с Венгрией, писал Т. Богданович, Науман всякий раз старательно подчеркивал ее самостоятельное государственное значение, но в то же время, не желая дразнить Австрию, он успевал сказать что-нибудь приятное и по ее адресу¹⁰.

Русские авторы указывали, что Ф. Науман был не единственным пропагандистом «Срединной Европы». Кроме него, эту теорию проповедовали в Германии проф. Кюнеман, проф. Лезиус, проф. Вольф, в Австрии — проф. Филиппович, в Венгрии — Э. Пальи, редактор «Budapesti parló» и др. Ее полностью разделяли пангерманисты, для которых планы создания «Срединной Европы» были как бы ступенью к достижению Германией мирового господства.

Русские публицисты считали пангерманистов идейными вдохновителями германского империализма. Убедительная критика

⁸ П. Милюков. Константинополь и проливы. «Вестник Европы», 1917, № 1, стр. 360.

⁹ Т. Богданович. Срединная Европа. «Русские записки», 1916, № 3, стр. 158.

¹⁰ Там же, стр. 161.

их взглядов содержалась в статье атташе русского посольства в Берлине накануне войны Ф. Я. Фан дер Флита. Пангерманистов Флит квалифицировал как вождей немецких националистических течений, видевших единственный залог дальнейшего развития Германии по пути превращения в мировую державу в образовании сильного немецкого национального центра в Средней Европе. Флит подчеркивал, что идея таможенного союза тесно связана с распространением политического влияния Германии¹¹.

Как писали русские журналисты, кроме экономического воздействия, у Германии было еще одно средство объединения. Это средство — сила, применявшаяся на протяжении войны не только по отношению к противникам, но и по отношению к союзникам. Осуществив проект «Срединной Европы», Германия превратилась бы в одно из наиболее сильных в военном и экономическом отношении государств. Это вызывало сильное беспокойство в русских буржуазных кругах. П. Милуков писал в «Вестнике Европы», что «если даже Германия не завоюет ни французских, ни русских земель, если она кончит войну «вничью», то эта «ничья» будет ее победой над своими собственными союзниками, над Австро-Венгрией, над балканскими государствами, над Турцией. Это и будет та «Срединная Европа», создать которую она поставила своей ближайшей целью»¹².

Это же вызывало беспокойство у оборончески настроенных меньшевиков. В статье «Будущее германского хозяйства» М. Лурье подчеркивал, что «даже если в итоге войны Австрия потеряла бы Триест, Хорватию, Боснию, Далмацию, Южный Тироль, Банат, Трансильванию и даже Буковину и Галицию, а Германия лишилась территорий с польским, французским и датским населением, то все же соединенные таможенно Германия, Австрия и Венгрия представляли бы собой экономический район, по численности населения почти равный Великобритании и Франции, вместе взятым»¹³. «Срединная Европа» представлялась для М. Лурье тем более опасной, что она «не ограничивается союзом Германии и Австро-Венгрии, она является только тем примером, на котором Германия собирается показать «среднеевропейским народам» — Голландии, Дании, Швеции, Швейцарии, Норвегии, Бельгии — как возможно превращение в единый экономический район без отказа от политического суверенитета в надежде, что они впоследствии добровольно примкнут к соглашению»¹⁴.

Подобные мысли были характерны для русской прессы. Исходя из опыта Северогерманского таможенного союза XIX в.,

¹¹ Ф. Я. Фан дер Флит. Всенемецкое движение как фактор европейской войны. «Известия министерства иностранных дел», 1916, кн. II, стр. 219.

¹² П. Милуков. Указ. соч., стр. 357.

¹³ М. Лурье. Будущее германского хозяйства. «Вестник Европы», 1915, № 8, стр. 275.

¹⁴ Там же, стр. 278.

В. Майский высказал опасение, что составные части «Срединной Европы» превратятся в вассалов метрополии, т. е. Германии¹⁵. Эту же мысль подчеркивал и М. Лурье¹⁶. Подобные опасения были вполне обоснованными.

Центральным моментом в плане создания «Срединной Европы» было объединение Германии и Австро-Венгрии в единый политический и экономический организм. Различные классы и группы в Германии и Австро-Венгрии по-разному относились к идее объединения этих двух государств. Германские империалисты понимали «объединение» как полное подчинение Центральной и Юго-Восточной Европы кайзеровской Германии. Только такое объединение могло стать, по их мнению, базой для дальнейшей немецкой экспансии и принесло бы наибольшую выгоду монополистической буржуазии, прежде всего германской. Анализируя отношение различных группировок в Германии и Австро-Венгрии к «Срединной Европе», Т. Богданович писал в «Русских записках», что особенно активными ее приверженцами была крупная торгово-промышленная буржуазия в обеих странах¹⁷. В ряде городов Германии и Австро-Венгрии, отмечал он, торговые палаты приняли постановления — ходатайствовать перед своими правительствами о скорейшем рассмотрении этого вопроса¹⁸. Но в то же время консервативные группировки в обеих странах, юнкера и помещики, резко выступали против, ибо понимали, что объединение принесло бы выгоду прежде всего монополиям в промышленности. Эти группировки понимали, писал В. Н. Розанов на страницах «Современного мира», что создание «Срединной Европы» грозит феодальным элементам опасностью оттеснения их на второй план, так как главная роль в новом объединении принадлежала бы финансовому капиталу, а не земельной аристократии¹⁹.

* * *

В связи с германскими планами создания «Срединной Европы» русская либерально-буржуазная пресса проявляла большой интерес к позиции Австро-Венгрии в этом вопросе. Империя Габсбургов изображалась на страницах прессы как нежизнеспособное государство, полностью потерявшее свой суверенитет и ставшее вассалом Германии. Вместе с тем ряд публицистов, среди них П. Свездич, М. Лурье в «Русских ведомостях», П. Струве в «Русской мысли», В. Н. Розанов в «Современном мире», пыта-

¹⁵ В. Майский. Германия и Ближний Восток. «Русские записки», 1916, № 1, стр. 221.

¹⁶ М. Лурье. Указ. соч., стр. 275.

¹⁷ Т. Богданович. Указ. соч., стр. 166.

¹⁸ Там же, стр. 166—167.

¹⁹ Энзис. Германия и Австро-Венгрия. «Современный мир», 1915, № 10, стр. 58.

лись определить характер и причины происходивших в Австро-Венгрии процессов.

Пресса обращала внимание на появление в Австро-Венгрии проектов реорганизации «двуединой» монархии с целью ее «спасения». Отмечалось, что автором одного из таких проектов накануне войны был эрцгерцог Франц-Фердинанд. Он и его окружение хотели путем разгрома Сербии и создания югославянского государства в составе монархии Габсбургов превратить ее из «дуалистической» в «триалистическую», укрепив таким образом позиции монархии на Балканах и создав противовес Венгрии²⁰.

Во время войны, отмечала русская пресса, в Австрии активизировали свою деятельность пангерманисты, чему немало способствовала политика правящих кругов империи, жестоко преследовавших всякое проявление национально-освободительного движения в стране. Австрийские пангерманисты, писал В. Н. Розанов, в ответ на усиление центробежных процессов в Австро-Венгрии «мечтали о том, что после войны Вильгельм II силой своей армии заставит замолчать всякую национальную оппозицию внутри двуединой монархии». Они требовали распустить после войны чешский ландтаг, ликвидировать югославянскую ирреденту²¹. Это был второй проект «спасения» Австро-Венгрии — подчинение ее полностью Германии.

Пытаясь объяснить причины появления подобных планов, русская пресса ссыалась на самые разнообразные факты, часто скользила по поверхности явлений, видя зачастую их корни в личных качествах австро-венгерских правителей. Так, например, публицист, выступавший на страницах «Петроградских ведомостей» под псевдонимом «Р-Х», писал: «Историческая ошибка престарелого монарха заключалась в том, что он с каждым годом царствования все больше и больше уклонялся в сторону Германии, пытаясь найти в ней опору для весьма трудного дела управления «лоскутной» монархией. Привычка постоянно обращаться за советами в Берлин перешла в систему, результатом которой явилось то, что Австро-Венгрией управляет собственно германское правительство»²². Дело было, конечно, не в «ошибках престарелого монарха». Основной причиной была все увеличивающаяся политическая и экономическая зависимость Австро-Венгрии от Германии. В то же время австрийский империализм преследовал свои собственные цели в первой мировой войне. Однако в ходе ее зависимость Австро-Венгрии от Германии все более усиливалась. Этот процесс проявился уже в самом

²⁰ И. О. Левин. Смерть эрцгерцога Франца-Фердинанда. «Русская мысль», 1914, № 7, стр. 12—13.

²¹ Э н з и с. Указ. соч., стр. 55.

²² Р-Х. Австрия и Германия. «Петроградские ведомости», 14(27).I 1915.

начале войны, когда Австро-Венгрия, подталкиваемая Германией, разожгла мировой пожар.

Подчеркивая эту тенденцию, журнал «Вестник Европы» указывал: «С формальной стороны на первый план выступала Австро-Венгрия, а говорить и действовать от ее имени предоставлено было Германии. С момента возникновения войны функции руководства внешней политикой Австро-Венгрии перешли в руки ее берлинских союзников. Правители Германии под видом посредничества откровенно брали на себя решение вопросов, касающихся Австро-Венгрии, венский кабинет чувствовал себя как бы неспособным осуществить задуманный план, угрожавший мировой войной»²³.

Усилившиеся в связи с военной разрухой классовые и национальные противоречия в «лоскутной» монархии расшатали и без того дряхлое здание империи Габсбургов. Германские империалисты подчинили вооруженные силы Австро-Венгрии германскому военному командованию. Они все шире использовали экономические ресурсы Австрии и Венгрии, бесцеремонно старались подчинить народы «двуединой» монархии кайзеровской Германии. Отмечая эти явления, В. Н. Розанов писал, что сама логика войны заставила Австро-Венгрию сблизиться с Германией, стать первым потенциальным членом «Среднеевропейского союза»²⁴.

В своих статьях В. Н. Розанов подчеркивал, что процесс образования «Срединной Европы» являлся процессом полного поглощения Австро-Венгрии Германией. Проявлением этого процесса, писал он, явилось установление в Австро-Венгрии диктатуры немецкого генерального штаба, а также обычай вновь назначаемых министров Австрии немедленно представляться императору Вильгельму II²⁵. Другой публицист, П. Звездич, также подчеркивал в газете «Русские ведомости» полное подчинение империи Габсбургов германскому генштабу. «Армия Австрии полностью подчинена генштабу Германии, не Вена, а Берлин указывает Австрии путь ее внешней политики»²⁶.

Либерально-буржуазная пресса внимательно следила за отношением правительственных кругов Австро-Венгрии к теории «Срединной Европы». Хотя с самого начала войны между правительствами Германии и Австро-Венгрии шли закулисные переговоры об осуществлении проекта «Срединной Европы», официально, как отмечал П. Звездич, правительство двуединой монархии запретило даже публикацию речи президента рейхсрата Сильвестра, выступавшего за таможенное объединение Австро-

²³ «Иностранное обозрение». «Вестник Европы», 1915, № 2, стр. 328—329.

²⁴ Э н з и с. Указ. соч., стр. 51.

²⁵ Э н з и с. Национализм, империализм и война. «Современный мир», 1915, № 4, стр. 89.

²⁶ П. З в е з д и ч. Австрия после войны. «Русские ведомости», 11.VII 1915.

Венгрии с Германией²⁷. Но уже весной 1915 г. появилась брошюра политического деятеля, скрывавшегося под псевдонимом «Мунин», в которой он изложил в сущности проект австрийских пангерманистов об объединении Австро-Венгрии с Германией. П. Звездич сделал из этого вывод, что «у австрийского правительства уже нет сил бороться с надвигающейся пангерманской лавиной»²⁸. Пользуясь трудным военным положением Австро-Венгрии, германские империалисты усиленно форсировали переговоры об экономическом и политическом объединении ее с Германией, что также отмечали русские публицисты. М. Лурье подчеркивал в «Русских ведомостях»: «Германия хочет навязать Австро-Венгрии договор, пока она еще находится в непосредственной военной опасности»²⁹.

Меньшевистские публицисты подвергли острой критике позицию германских и австрийских социал-демократов, выступавших за создание «Срединной Европы». В частности, В. Н. Розанов писал, что такая позиция является защитой исторического анахронизма, который представляла собой Австро-Венгрия, и называл за такую позицию австрийских социал-демократов «социал-империалистами», не замечая, что сам он выступает от имени другой воюющей империалистической страны и в защиту ее интересов³⁰.

Как видно из вышеизложенного, русская либерально-буржуазная пресса периода первой мировой войны усиленно подчеркивала потерю Австро-Венгрией суверенитета, в особенности в решении внешнеполитических вопросов.

* * *

Одним из важнейших вопросов, интересовавших русскую прессу, был вопрос о Балканах и Ближнем Востоке. Буржуазные публицисты понимали, что «Срединная Европа» не ограничится объединением Германии и Австро-Венгрии. Планы германских империалистов были гораздо обширнее. Их интересовало «великое экономическое объединение от Нордкапа до Багдада», как писал В. Волгин в статье «Война и Ближний Восток», опубликованной в журнале «Летопись»³¹. Именно в этой области, на Ближнем Востоке, в Турции, Германия «стремится получить равноценное приобретение, чтобы исправить грех своего запоздания, и, никому не наступая на ногу, в то же время открыть широкий

²⁷ П. Звездич. Австрия после войны. «Русские ведомости», 11.VII 1915.

²⁸ Там же.

²⁹ М. Лурье. Печальные перспективы. «Русские ведомости», 1.VIII 1915.

³⁰ В. Н. Розанов. Германия и Австро-Венгрия. «Современный мир», 1915, № 10; он же. Кризис немецкой социал-демократии. Там же, № 6.

³¹ В. Волгин. Война и Ближний Восток. «Летопись», 1916, № 4, стр. 247.

канал для своего культурного, политического и экономического влияния», — писал И. Брусиловский в журнале «Северные записки»³².

В. Перцев в «Голосе минувшего» отмечал, что, с тех пор как в Африке Германия наткнулась на энергичное сопротивление со стороны Англии и Франции, а в Персии — со стороны России и Англии, она обратила особое внимание на Балканский полуостров, через который шла дорога в Малую Азию, Месопотамию, Аравию³³. И. О. Левин в журнале «Русская мысль» также отмечал, что это было единственно возможное направление агрессивной политики Германии и Австро-Венгрии. «Встречая непреодолимые препятствия на своих восточных и западных границах, Германия естественно стала направляться по линии наименьшего сопротивления, т. е. на юго-восток, через Балканский полуостров в Малую Азию, до Персидского залива»³⁴.

П. Милюков акцентировал особое внимание на том, что «в борьбе за мировое господство Германия должна была пройти предварительный этап европейского конфликта из-за Африки и Марокко, чтобы, наконец, прийти к конфликту из-за «Срединной Европы» с ее продлением на Балканы и Малую Азию»³⁵. Примечательно, что русские буржуазные публицисты обращали внимание также на идеологическую экспансию Германии, призванную подготовить экспансию экономическую. А. Зурабов в статье «Германский империализм в Турции» в журнале «Летопись» напоминал, что в Берлине были организованы «Осведомительное бюро по научным немецко-турецким вопросам», «Архив научных исследований Востока», в Лейпциге — «Немецко-азиатское общество», которое издавало «Лекции для ознакомления с Востоком», журнал «Экономическая жизнь Турции» и др. В Берлине находились также немецко-болгарский союз, немецко-болгарское общество, немецко-балканский союз, в Гамбурге — «Союз друзей болгар»³⁶. Одно перечисление этих организаций, прямых предшественников Süd-Ostforschung, показывает, какое большое внимание уделялось германскими империалистами идеологической подготовке экспансии на Балканах и Ближнем Востоке. Эти организации не имели ничего общего с научным изучением Востока. За ними, писал А. Зурабов, стоял банковский трест, объединявший два крупных банковских синдиката. В первый из них входили Дрезденский, Восточный, Немецкий и Национальный

³² И. Брусиловский. Германия и Ближний Восток. «Северные записки», 1915, № 10, стр. 197.

³³ В. Перцев. Политика Гогенцоллернов. «Голос минувшего», 1917, № 5—6, стр. 230.

³⁴ И. О. Левин. Адвокат Германии в Швеции. «Русская мысль», 1916, № 11, стр. 16.

³⁵ П. Милюков. Указ. соч., стр. 373.

³⁶ А. Зурабов. Германский империализм в Турции. «Летопись», 1917, № 5—6, стр. 291.

банки. Второй — австрийского происхождения, назывался «Австро-Венгерская восточная группа»³⁷.

Все это вызывало сильное беспокойство в кругах русской экспансионистской буржуазии. Уже аннексия Боснии и Герцеговины, писал В. Перцев в журнале «Голос минувшего», «прокладывала новый путь для немецкого влияния на Балканах и наглядно демонстрировала слабость России в защите славянских интересов на Ближнем Востоке»³⁸. Дело было, конечно, не в «защите славянских интересов», а в защите интересов русской монополистической буржуазии. Другие буржуазные публицисты также подчеркивали, что своей экспансионистской политикой, направленной на подчинение немецкому капиталу Балкан и азиатских владений Турции, империя Гогенцоллернов прямо сталкивалась на Ближнем Востоке с традиционными устремлениями русской политики³⁹.

Укрепление Германии на берегах Босфора угрожало отрезать Россию от Средиземноморья. П. Струве указывал по этому поводу в журнале «Русская мысль», что все усилия Германии направлены были, начиная с миссии Лимана фон Сандерса, на «египтизацию» Оттоманской империи». С раздражением ущемленного в своих интересах русского буржуа Струве писал дальше: «Германский Египет на берегах Черного и Мраморного морей был бы совершенно нетерпим с русской точки зрения»⁴⁰.

В отношении роли Австро-Венгрии в этом районе большинство русских буржуазных публицистов придерживалось мнения, что она была лишь орудием Германии на Ближнем Востоке⁴¹, «первым наиболее важным звеном в политической системе, которая должна была соединить Германию с Востоком», — как писал И. О. Левин⁴². Антисербской же политикой Австрии, писал публицист, выступавший на страницах «Вестника Европы» под псевдонимом «Ignotus», Германия пользовалась как средством экспансии на Балканы и Ближний Восток⁴³.

Собственная империалистическая политика Австро-Венгрии на Балканах в общем-то соответствовала интересам германских империалистов. Об этом говорилось в обозрении «Вестника Европы»: «Австрийское нападение на Сербию входило в программу австро-германской политики на Балканах и должно было служить первым решительным шагом к установлению господства

³⁷ А. Зурабов. Германский империализм в Турции. «Летопись», 1917, № 5—6, стр. 295.

³⁸ В. Перцев. Указ. соч., стр. 215.

³⁹ В. Майский. Указ. соч., стр. 247—248.

⁴⁰ П. Струве. Суд истории. «Русская мысль», 1914, № 10, стр. 168.

⁴¹ А. Финн-Енотаевский. Причины мировой войны. «Современный мир», 1914, № 10, стр. 143.

⁴² И. О. Левин. Адвокат Германии в Швеции, стр. 16.

⁴³ Ignotus. Ближний Восток и война. «Вестник Европы», 1915, № 3, стр. 290.

Германии и Австро-Венгрии на Ближнем Востоке⁴⁴. Только прибавив к «среднеевропейскому блоку» еще «восточный» блок с Болгарией в качестве соединительного звена между ними,— замечал П. Милюков,— Германия будет в состоянии располагать 140—150 миллионами населения, которые положат твердый фундамент ее господству от Северного моря до Персидского залива, и тем обеспечат ее шансы в борьбе за мировое господство»⁴⁵.

* * *

Либерально-буржуазная пресса не ограничивалась только критикой теории «Срединной Европы». В некоторых статьях выдвигалась мысль о создании контрпроекта со стороны России, чтобы воспрепятствовать экспансии Германии в Юго-Восточной Европе. Ignotus полагал, что, для того чтобы воспрепятствовать осуществлению союза государств под гегемонией Германии, «между Австрией и Турцией нужно создать крепкий союз балканских государств, связанных между собой общностью интересов»⁴⁶. При этом ударение делалось на необходимость крепких экономических связей России с Балканами. «Важно создание экономической связи между Балканами и государствами тройственного согласия, а именно Россией, так как экономически балканские государства несравненно более связаны с Германией и Австрией, чем с Антантой, а связи, создаваемые на этой почве, куда солиднее тех, которые создаются на почве благодарности и всяких подобных сентиментов»⁴⁷. Официальные «Петроградские ведомости» выступали в этом вопросе более откровенно, считая необходимым захват Россией проливов, так как «для России проход в Средиземное море является задачей той внешней политики, которая должна быть противопоставлена немецкому *Drang nach Osten*»⁴⁸.

Другую возможную преграду осуществлению гегемонии Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе русская буржуазия видела в развитии центробежных сил в Австро-Венгрии. Об этом больше всего писали кадетские «Русские ведомости», «Русские записки», а также официозные «Петроградские ведомости». Особое внимание русская пресса обращала на малейшие проявления недовольства политикой Германии со стороны буржуазии Чехии и Венгрии. Так, в январе 1916 г. «Русские ведомости» сообщали, что Центральный союз торговли, промышленности и виноделия Чехии высказался против экономического соединения Австро-Венгрии с Германией, подчеркнув при этом,

⁴⁴ «Иностранное обозрение». «Вестник Европы», 1915, № 1, стр. 356.

⁴⁵ П. М и л ю к о в. Указ. соч., стр. 364.

⁴⁶ I g n o t u s. Указ. соч., стр. 279.

⁴⁷ Там же, стр. 280.

⁴⁸ «К вопросу о проливах». «Петроградские ведомости», 1(14).III 1915.

что несколько сот чешских промышленных учреждений высказались также против сближения этих двух стран⁴⁹.

Но с особенно большим вниманием следила пресса за позицией Венгрии в вопросе о «Срединной Европе». Венгерская буржуазия опасалась конкуренции германских товаров, так как слабо развитая промышленность Венгрии была неконкурентоспособной по отношению к возможному партнеру. В то же время венгерские правящие круги опасались потери своего господствующего положения в Хорватии, Трансильвании и Словакии в случае будущего объединения. М. Лурье писал в «Русских ведомостях», что «промышленники Венгрии в страхе перед конкуренцией товаров более развитой немецкой промышленности соглашались только на половинчатые меры, а именно: введение системы исключительно предпочтительных для Германии пошлин, унификацию внутреннего экономического законодательства обеих стран»⁵⁰. «Русские ведомости» квалифицировали требования Германии по отношению к Венгрии как требования, «которые могут предъявляться лишь по отношению к колониям или государствам второстепенного характера»⁵¹. Конечно, газета и автор статьи Лурье надеялись, что эти слова дойдут до нужного адресата. С удовлетворением отмечала газета понимание венгерскими оппозиционными деятелями того, что «вся центральноевропейская эпидемия имеет в виду превращение Венгрии в мост для триумфального шествия Германии на Восток... все центральноевропейские организации сводятся лишь к тому, чтобы Венгрия отказалась от своего суверенитета и признала немецкое ярмо»⁵².

Публицист Т. Богданович отмечал, что австрийская буржуазия, выступавшая за объединение с Германией, склонна была пойти на уступки венгерским промышленникам, лишь бы привлечь их на свою сторону. «Австрийские сторонники „Срединной Европы“, — писал он, — пытаются склонить венгерских буржуа к соглашению с Германией, обещали им расширение рынка сбыта венгерских товаров на Балканах и в Турции»⁵³. Примечателен также тот факт, что кадетские «Русские ведомости» обращали внимание на позицию венгерских социал-демократов в вопросе о «Срединной Европе» только потому, что те, в отличие от их германских и австрийских собратьев, выступали против планов германских империалистов⁵⁴.

Показательна в этом отношении позиция газеты «Петроградские ведомости», в которой во время войны стали обычными

⁴⁹ «Русские ведомости», 25.I 1916.

⁵⁰ М. Лурье. Печальные перспективы.

⁵¹ П. Звездич. Венгрия против Германии. «Русские ведомости», 1916.

2.VI.

⁵² Там же.

⁵³ Т. Богданович. Указ. соч., стр. 166.

⁵⁴ П. Звездич. Венгрия против Германии.

статьи под названием «Настроения Венгрии». В начале войны газета характеризовала венгерских политических деятелей как проводников политики Берлина в Австро-Венгрии⁵⁵. С распространением теории «Срединной Европы» отношение газеты к Венгрии резко меняется. Уже в середине 1915 г. газета писала, что «Венгрия берет курс в другую сторону, она мечтает о самостоятельности и независимости»⁵⁶. «Петроградские ведомости» также увидели в ней серьезного противника Германии в установлении ее гегемонии в Европе. Более того, этот рупор официальных кругов царского правительства предлагал даже Венгрии отделиться от Австрии, подписав сепаратный мир. «Заключив мир в настоящий момент, венгры, оставаясь неприкосновенными в своих границах, стали бы полными господами тех национальностей, которые живут в их стране. Было бы вполне последовательно со стороны венгров, если бы они выдвинули теперь же историческую дилемму: либо заставить Австрию вместе с ними заключить мир, либо, подобно тому как это было сделано ими в 1848 г., отколоться от нее»⁵⁷.

Резюмируя подобное мнение, П. Звездич писал в «Русских ведомостях», что «Венгрия начинает ясно чувствовать, что если победа над Германией грозит ей участью победенных, то победа Германии, простершей к ней свою увесистую длань, сулит ей не роль победителя, а роль подчиненной». Газета пустила в оборот даже специальный термин для определения позиции венгерской буржуазии, назвав ее «спасительным страхом». При этом подчеркивалось, что чем слабее сопротивление Австрии немецким планам, тем сильнее центробежные силы в Венгрии⁵⁸. Надо отметить, что либерально-буржуазная пресса тенденциозно публиковала материалы о позиции венгерской буржуазии, умалчивая, например, о том, что в Венгрии было значительное количество сторонников объединения Австро-Венгрии с Германией, о чем свидетельствует позиция венгерских буржуазных радикалов, выступавших одно время за объединение Австро-Венгрии с Германией. Такая тенденциозность свидетельствовала в свою очередь о надеждах русской буржуазии, что Венгрия может стать желанной преградой на пути к установлению гегемонии Германии в Центральной Европе.

* * *

Перспектива образования агрессивного объединения государств в Центральной Европе, как видно из вышеизложенного,

⁵⁵ «Петроградские ведомости», 25.1 (7.II) 1915.

⁵⁶ «Настроения Венгрии». «Петроградские ведомости», 21.IV (4.III) 1915.

⁵⁷ «Венгрия и четверное соглашение». «Петроградские ведомости», 16(29).VI 1915.

⁵⁸ П. Звездич. Венгрия против Германии.

сильно беспокоила русскую буржуазию. Буржуазный публицист Ф. Цеелен писал в журнале «Современный мир», что образование «Срединной Европы» «будет только началом борьбы Германии за мировое господство»⁵⁹. В. Н. Розанов считал, что эта «доктрина губительна, политически реакционна, является доведением до последней степени системы плутократии»⁶⁰. Наиболее резко оценивал теорию «Срединной Европы» В. Майский, писавший в «Русских записках», что «теория эта представляет собой чистый тип агрессивной империалистической идеи по целям, методам и формам»⁶¹.

Русская либерально-буржуазная и официальная пресса резко отрицательно оценивала теорию «Срединной Европы», подчеркивала ее агрессивный, захватнический характер и антирусскую направленность. Такая оценка была правильной. Но критика русской прессы была своекорыстной. Русская буржуазия сама планировала укрепить свое влияние на Балканах, захватить проливы. Хотя либерально-буржуазная пресса признавала Австро-Венгрию нежизнеспособным государством и квалифицировала ее не иначе, как вассала Германии, на ее страницах не нашел места вопрос о национальном освобождении народов «двуединой» монархии. Только в отношении Венгрии из тактических расчетов, из желания ослабить военного противника, буржуазные публицисты выступали в поддержку сепаратистских настроений.

Несмотря на всю тенденциозность критики, русская пресса периода мировой войны все же правильно показала сущность планов Германии в отношении объединения стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Объединение государств, создаваемое силой германского оружия, не могло быть добровольным и миролюбивым, как его хотели бы изобразить Ф. Науман и германские империалисты. Этот агрессивный характер «Срединной Европы» очень ярко отразила русская либерально-буржуазная пресса. Поэтому изучение ее представляет большой интерес при исследовании истории империалистической теории «Срединной Европы».

⁵⁹ Ф. Цеелен. Судьбы Прибалтийского края. «Современный мир», 1916, № 7—8, стр. 137.

⁶⁰ Э н з и с. Германия и Австро-Венгрия, стр. 51.

⁶¹ В. М а й с к и й. Средняя Европа. «Русские записки», 1916, № 5, стр. 219.

МОЕ ЗНАКОМСТВО С РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ И ЦАРЕУБИЙЦАМИ *

В новелле «Оловянный солдатик» Анатоль Франс создал блестящую пародию на воспоминания как литературный жанр. Его французский солдатик вспоминает битву при Фонтенуа, в которой он под знаменами маршала Морица Саксонского 10 мая 1745 г. участвовал в разгроме английской армии, а заодно и союзной с ней австрийской. В войне за австрийское наследство это сражение во многом решало судьбы императрицы Марии-Терезии и ее трона, но оловянный Фанфан-Тюльпан вспоминает из пережитых им бурных событий великого времени главным образом хорошенькую служанку, ту, что стелила ему постель...

Примерно 70 лет прошло с момента, когда Анатоль Франс написал свою новеллу, но многие мемуаристы продолжают по-неволе в своих сочинениях вспоминать мелочи, иногда бесполезные для читателя, а наиболее важные и крупные события воспроизводить по учебникам истории.

Мое поколение очень остро переживало поражение гамбургского восстания в октябре 1923 г. и долго его упоминало. Тем не менее не удается мне вспомнить хотя бы одну фразу, произнесенную в этой связи кем-либо из современников, хотя на многих собраниях приходилось слышать страстные речи ораторов, обсуждавших германские события 1923 г. Зато очень отчетливо вспоминаются те кафе в Вене, в которых происходили эти собрания.

Может быть, это объясняется еще и тем, что в жизни Вены начала и середины 20-х годов нашего века или, по крайней мере, в жизни тогдашней интеллигенции кафе играли огромную роль.

Уголь стоил дорого, и дома было холодно, неуютно и к тому же голодно. Студенты, жившие в бараках Гринцинга — тогдашнем предместье Вены, — по ночам воровали картошку на окрестных огородах. Таким путем будущие адвокаты и строгие судьи «знакомились» с некоторыми статьями уголовного кодекса. А с утра можно было весь день и вплоть до поздней ночи сидеть

* Отрывок из подготавливаемой к печати книги «Улица Коминтерна...» (Начало см. в сборнике: «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения». М., 1965).

в кафе за отдельным столиком, читать все выходявшие в Вене утренние, дневные и вечерние газеты (кроме коммунистических), болтать с приятелями, готовиться к очередным семинарам и при этом почти ничего не платить. Надо было иметь с собой лишь сумму, равную стоимости одной чашечки черного кофе по-турецки и мелкую монетку на чай кельнеру. Во всех кафе Вены — от самого бедного до самого фешенебельного — нерушимо действовал неписанный закон: после кофе посетитель имел право пить стакан за стаканом холодную воду, а «пикколо» обязан был следить, чтобы на столике немедленно снова появлялся полный стакан воды. То была чудесная на вкус родниковая вода из предгорий Альп. От неумеренного ее употребления в Вене была распространена базедова болезнь, но зато вода была бесплатной. К тому же если стакан долго оставался полным, то это воспринималось как сигнал о желании расплатиться.

В кафе назначались деловые встречи, свидания друзей, заседания, журналисты писали здесь свои фельетоны, политэмигранты обсуждали проблемы грядущей революции. Как правило, в кафе происходили также и конспиративные встречи: на людях можно было говорить о чем угодно, не возбуждая особых подозрений, тем более что не принято было присаживаться к столику с незнакомыми людьми.

В каждом кафе собирались свои постоянные посетители, у многих были постоянные столики, которые, как правило, не полагалось занимать посторонним. Имелись кафе-вертепы, кафе, в которых собирались спекулянты: то были времена экономического кризиса, инфляции и скачкообразного роста цен первых лет после мировой войны 1914—1918 гг.

Среди бесчисленных кофейных заведений главенствовало величественное здание бывшей продуктовой биржи, в нижнем этаже которого помещалось ставшее со временем легендарным кафе «Централь» на Герренгассе. В 20-е годы о прошлых посетителях этого кафе ходили самые удивительные рассказы и анекдоты, передававшиеся от поколения к поколению и при этом, конечно, разукрашивавшиеся.

Кафе «Централь» выделялось своим местоположением и оформлением. Вокруг Герренгассе, в фешенебельном торговом центральной районе Вены, располагались крупнейшие банки тогдашней Юго-Восточной Европы, названия которых внушали почтение во времена монархии. Поблизости находился и знаменитый дворец на Балльхаузплац, в залах которого заседал в 1815 г. Венский конгресс. Казалось, каждый камень на Герренгассе хранит воспоминания о былых временах монархии Габсбургов.

Соответственно выглядело и кафе «Централь» с его несколькими залами. В самом большом зале высилась колоннада и у колонн стояли священнодействующие кельнеры (женщины не

допускались в Вене на эту должность). Некоторые из кельнеров еще носили бакенбарды в подражание старому императору. Кельнеры из пожилых любили показывать в начале 20-х годов достопримечательности кафе «Централь». Гордились кельнеры тем, что до первой мировой войны постоянными посетителями кафе «Централь» были такие знаменитости, как Виктор Адлер, бургомистр Вены Карл Люэгер и др. В октябре — ноябре 1918 г., когда монархия уже распадалась и в Вене происходила революция, кафе «Централь» заполняла шумная и остроумная богема разных направлений и разных профессий.

Здесь бывал талантливый репортер бульварной прессы Антон Ку. Он прославился умением делать гонорар из ничего. В кафе со смехом вспоминали трюк, который он сыграл в конце октября 1918 г. с министром финансов последнего, уже эфемерного императорского правительства Йозефом Редлихом. Явившись к министру, ненавидевшему бульварную сенсацию, Антон Ку сообщил, что пишет для газеты фельетон-портрет и попросил сообщить биографические данные. Несмотря на всю свою расчетливость, Редлих немедленно выложил крупную по тем временам сумму в 50 крон единственно за то, что фельетон не будет написан. Со своим трофеем журналист торжественно прибыл в кафе «Централь». Не только этим известен был Антон Ку всей журналистике Вены. О нем ходили различные анекдоты. Все спрашивали, кто носит его чистые воротнички, ибо он появлялся только в грязных. И кто выкуривает первую половину его сигареты, ибо никто не видел Антона Ку иначе, как с окурком во рту.

В октябрьские — ноябрьские дни 1918 г., в дни крушения монархии и всеобщей переоценки ценностей, в кафе «Централь» собиралась также публика иного склада. То были писатели и журналисты, убежденные, что рождается новый мир свободы и счастья и что им достаточно взять в руки красное знамя, выйти на площадь перед парламентом — и вслед за ними двинутся тысячи тысяч людей. Даже такой скептик, как Стефан Цвейг, четверть века спустя выражал в своих воспоминаниях твердую уверенность, что в те дни две сотни решительных людей могли бы без труда захватить власть в Вене и в Австрии. Тем более в этом были убеждены молодые литераторы, часами обсуждавшие за чашечкой кофе из отвратительного цикория с сахарином грядущие судьбы человечества.

Некоторые из этих поэтов, писателей и журналистов вышли из ставшего знаменитым в первой четверти XX в. «Пражского кружка». Бунтарями начинали они свой жизненный путь в литературе, ненавидели мещан и обывателей, презирали жизненное благополучие и уют, давно уже остро чувствовали неизбежность крушения монархии Габсбургов, выступали против империалистической войны. Многие из них не менее остро ощущали, что капитализм ведет человечество в тупик, выходом из которого

может быть только радикальная ломка всего существующего. Но как и для чего ломать, они не знали.

Произведения и жизнь многих писателей «Пражского кружка» потому и производят страшное впечатление, что при всей силе своего таланта они могли изобразить только отрицательные стороны окружавшей их действительности и не имели положительного идеала. Они не знали, во что верить. Ныне в Западной Европе происходит своеобразный и на первый взгляд непонятный ренессанс австрийской литературы того времени. После долгих лет забвения новое поколение читателей снова увлекается произведениями писателей «Пражского кружка» и многих созвучных с ними писателей Вены. Вероятно, привлекают именно скептицизм и поразительная яркость негативной критики.

На Западе выросло поколение, которое «дерзко хохочет, насмешливо свищет, внимая заветам седых мудрецов». Это поколение отрицает и презирует идеалы отцов и дедов, ибо они привели Европу к диктатуре насилия и концлагерей, к фашизму, господству подонков и массовому истреблению инакомыслящих. В некоторых отношениях это поколение находится на том уровне социальной критики, когда ранние произведения Франца Верфеля, романы Франца Кафки, Йозефа Рота и многих других воспринимаются как остро актуальное разоблачение современной действительности.

Некоторые западногерманские литературоведы пытаются доказать, что отчужденность писателей «Пражского кружка» объясняется их национальностью. Такое «доказательство» идет от антисемитизма нацистского толка. Отнюдь не национальностью, а чисто социальными причинами объясняются отличительные особенности писателей «Пражского кружка», равно как и возрождение их популярности.

Лишь немногие из писателей этого круга приходили, хотя бы на время, к выводу о социализме как светлом будущем человечества, понимая под социализмом нечто туманное в манере социалистов-утопистов. Из посетителей кафе «Централь» к этим писателям принадлежал Франц Верфель (осенью 1918 г. подпавший под влияние социализма). Может быть, тогдашние социалистические симпатии Верфеля объясняются влиянием его постоянного собеседника по кафе «Централь», не так давно вернувшегося с фронта лейтенанта австрийской армии Эгона Эрвина Киша. Будущий «неистовый репортер», с середины 20-х годов прочно вошедший в большую литературу, сделал в ноябрьские дни 1918 г. выбор на всю жизнь: 3 ноября 1918 г. была основана Коммунистическая партия Австрии, и с этого времени Киш стал коммунистом и оставался им в течение всех 30 лет своей последующей жизни. Правда, в последние годы жизни (он умер в Праге в 1948 г.) исчезало прямолинейно ясное представление об исторических событиях, которое присуще было

произведениям молодого Киша. Во всяком случае в одном из писем 1942 г. из Мексики, куда загнала Эгона Эрвина Киша горькая судьба антифашистского эмигранта, он довольно презрительно отзывался о тех писателях, которые слепо верили в Сталина.

В ноябре 1918 г. Эгон Эрвин Киш стал председателем Совета солдатских депутатов в том 41-м батальоне новой республиканской армии, который именовал себя Красной гвардией и находился под влиянием коммунистов. В день провозглашения республики — 12 ноября 1918 г. — Киш с группой солдат этого батальона ворвался вечером в помещение газеты банкиров и крупных капиталистов — «Нейе фрейе Прессе» и выпустил уникальный экстренный номер этой газеты. На полосе с прежним названием и прежним форматом напечатан был призыв к рабочим и солдатам Вены создать социалистическую республику «по примеру немецких братьев». Увы! Она не была создана ни в Германии, ни в Австрии.

Комическая сторона эпизода с захватом редакции и типографии заключалась в том, что одним из редакторов был старший брат Эгона Эрвина Киша, Пауль. Он с поднятыми кулаками бросился к Эгону и в бессильной ярости прорычал самую страшную угрозу, какую только смог в тот момент придумать: «О твоём поведении я напишу маме в Прагу». Неизвестно, выполнил ли Пауль Киш план «адской» мести. В своих фельетонах 20-х годов Эгон Эрвин Киш с наслаждением рассказывал об этом семейном споре...

Киш был далеко не единственным представителем коммунистической интеллигенции среди постоянных посетителей кафе «Централь». В начале 20-х годов здесь проводил все свои свободные часы и дни уже немолодой Иозеф Штрассер. На мраморной доске столика оставались после его ухода набросанные карандашом сложные математические формулы, которые кельнеры долго и старательно стирали мокрой тряпкой. Математик по образованию, Иозеф Штрассер всю свою жизнь сохранил любовь к математике, а стал политиком. Старый австрийский социал-демократ, находившийся во время войны на левом крыле, группировавшемся вокруг союза «Карл Маркс», Иозеф Штрассер после войны надолго занял позиции на правом крыле Коммунистической партии Австрии. В марте 1921 г., будучи членом ЦК австрийской компартии и главным редактором венской «Роте Фане», Иозеф Штрассер солидаризировался с выступлением Пауля Леви против германской компартии и печатал в газете статьи в пользу германских правых. После бурных прений на съезде австрийской компартии Штрассер был изгнан из редакции и получил еще больше свободного времени для математических упражнений в кафе «Централь». Он еще лет десять оставался в рядах компартии, но неизменно оказывался на стороне правых группировок, по какому бы вопросу они ни выступали.

А его жена Иза Штрассер столь же неизменно выступала на стороне левых группировок. В конце концов оба были исключены из компартии. Собственно говоря, Иозеф Штрассер не был исключен: к нему просто перестали приходить за членскими взносами, а по собственной инициативе он и раньше никогда не вспоминал ни о взносах, ни о партийных собраниях своего района, и таким путем механически выбыл.

Постоянным гостем кафе «Централь» был также Арнольд Бараль, один из ветеранов коммунистического движения в Австрии и один из основателей Коммунистической партии Восточной Галиции. После второго конгресса Коммунистического Интернационала, делегатом которого он был от компартии Восточной Галиции, и после участия в гражданской войне на Украине в качестве члена Галревкома, Бараль в конце ноября 1920 г. выехал из Москвы и после четырехмесячного авантюрно-сложного путешествия прибыл в марте 1921 г. в Вену. Здесь он был немедленно арестован и месяц просидел в тюрьме, получив возможность сравнивать тюремные режимы монархии Габсбургов и австрийской демократической республики. Освободившись из тюрьмы, Бараль проводил все свое время в кафе «Централь» в спорах с украинско-польскими коммунистами из Галиции и в чтении московских «Правды» и «Известий».

Советские газеты были в 1921 г. величайшей редкостью в Вене. Среди австрийских коммунистов было много солдат, побывавших в русском плену, и они тянулись к советской прессе. Один из секретарей ЦК, Иозеф Грюн, сам бывший военнопленный, довольно хорошо говоривший по-русски, просто кипел, когда Бараль железной рукой отбирал в секретариате газеты и устраивал скандал по поводу каждого недостающего номера. Но справиться с Баралем Грюн не мог: Бараль взял обязательство регулярно снабжать «Роте Фане» информацией о Советской России, что, естественно, было очень важно в условиях, когда вся австрийская пресса, включая социал-демократическую «Арбейтер-цейтунг», сочиняла о Советской России самые немыслимые сказки. При этом коммунистической газете иногда было очень трудно их опровергать. Журналисты бульварной прессы изобрели ловкий трюк: пользуясь отсутствием московских газет, они, сочинив какую-либо небывлицу, ссылались на конкретный номер «Правды» или «Известий» в расчете на то, что проверить ссылку невозможно. Даже редакторы «Роте Фане» иногда попадались на эту удочку и не знали, что делать и чему верить. Правда, в 1921 г. в Вене уже функционировало отделение «Инораста» (так именовался тогда иностранный отдел нынешнего ТАСС), помещавшееся в трех комнатах здания полпредства РСФСР на Бельведергассе в четвертом районе Вены. Руководил отделением такой квалифицированный журналист, как Мориц Менкес. Но «Роста» не могла по каждому поводу рассылать

циркуляры с опровержениями, а кроме того, почти невозможно было при нарочито сложном австрийском законодательстве о печати заставить газету напечатать опровержение. Это можно было сделать только путем судебного решения, да и то не всегда.

Вообще быт и нравы австрийской журналистики были неопи-суемыми. За небольшую мзду можно было почти в любой бур-жуазной газете почти любого направления опубликовать любое сообщение. Республика унаследовала и даже усовершенствовала коррупцию, царившую в газетах времен монархии. Ярким при-мером был судебный процесс в мае 1923 г., на котором ответ-чиком выступал издатель крупнейшей австрийской газеты «Нейе фрейе Прессе» Эрнст Бенедикт. Суть дела заключалась в том, что редакция нарушила закон о печати, предписывавший отме-чать платную рекламу крестиком в том случае, если она поме-щена среди редакционного текста. В одном из воскресных но-меров газета опубликовала 81 страницу объявлений, из которых 43 страницы были помещены без всяких крестиков вперемежку с текстом. На этом Бенедикт нашёл полтора миллиарда крон (дело происходило в разгар инфляции). Суд вынес вердикт пра-вый и милостивый: штраф в 30 тысяч крон...

В этих условиях коммунистической газете было невероятно трудно бороться с дезинформацией о событиях в Советской Рос-сии. Роль Барала была очень велика: он собственными глазами только что видел Петроград, Москву, Харьков и Киев, читал не только советские газеты, но и немногие доходившие до Вены советские журналы, великолепно разбирался в политических событиях и мог немедленно отличить правду от лжи. «Роте Фа-не» получила как бы собственного московского корреспондента, а буржуазные газеты свою информацию черпали главным обра-зом из перелицованных лживых сообщений белоэмигрантских листков. Правда, «Роте Фане» не смогла полностью использо-вать свое преимущество. Газету заполняли многочисленные объявления о собраниях и заседаниях, отчеты о митингах, крат-кая информация о международной и внутренней жизни, длин-нейшие статьи, разоблачавшие Отто Бауэра и Фридриха Адлера, а также карикатуры на очень фотогеничное крючконосое лицо федерального канцлера австрийской республики католического прелата Игнаца Зейпеля. И все это втискивалось в четыре полосы малого формата, набранных совершенно слепым шрифтом.

Редакторы задыхались от ежедневной непосильной работы. Делали газету всего несколько человек: главный редактор, ре-дакторы иностранного отдела, внутренней жизни и хроники. Кроме того, существовал еще так называемый «зицредактор» (от слова «сидеть»). Если на основании закона о печати проку-ратуре удавалось добиться нескольких недель тюрьмы для лица,

ответственного за газету, то это не должно было мешать выходу газеты в свет. Поэтому в качестве ответственного редактора подписывал газету сотрудник, который меньше всего нужен был для работы. В штате редакции была единственная машинистка, и при этом каждый редактор норовил ей диктовать, а не писать от руки. Метранпажем был венгерский политэмигрант Кирали, он же Кэниг, он же Караван. По совместительству он, после переезда в Вену президиума Балканской коммунистической федерации, был секретарем Балканского объединения революционных профсоюзов, входивших в Профинтерн. Набор был в основном ручным.

Задыхалась редакция также от недостатка в газете места для самых важных сообщений, от отсутствия денег для платежа сотрудникам, от постоянных угроз владельца типографии задержать выпуск номера впредь до погашения долга, от нежелания владельцев газетных киосков принимать в продажу коммунистическую газету и т. д. И тем не менее слово правды о Советской России пробивалось к рабочим Австрии. В этой благородной роли газеты была, несомненно, большая заслуга Баралья.

Через год или полтора после своего возвращения из Москвы в Вену Бараль перестал бывать в кафе «Централь»: он поселился в 19-м загородном районе Вены, Дэблинге, окончательно перестал заниматься прежними интернационально-галицийскими делами и стал активным членом районной организации Коммунистической партии Австрии в Дэблинге, а затем и председателем райкома. Из 19-го района до кафе «Централь» было не меньше часа езды на трамвае, и Бараль перебазировавшись в кафе «Спорт», по соседству со студенческими бараками, где получил крошечную комнатку в пять-шесть квадратных метров. Кафе «Спорт» на длительное время превратилось в подобие клуба для актива районной организации компартии. Бараль сидел здесь каждый вечер до закрытия кафе, а закрывалось оно часа в три ночи. Он читал и цветными карандашами отчеркивал груды австрийских газет: с некоторого времени ему было поручено составлять еженедельные обзоры печати о внутренней и внешней политике Австрии, и его обзоры считались первоклассными, хотя случалось, что вместо очередной субботы Бараль заканчивал обзор в следующий вторник или среду. В промежутке между чтением газет Бараль ругал присутствующих за то, что они не могли подсказать ему недостающее слово для кроссворда, или же давал советы и указания, как привлечь на собрание рабочих самого крупного предприятия района, автомобильного завода «Грэф унд Штифт», на котором никак не удавалось создать производственную ячейку компартии. А присутствовали в кафе «Спорт» обычно два-три австрийских коммуниста, немецкие политэмигранты Вернер Гирш («Петер»), в будущем секретарь Эрнста Тельмана, вместе с ним схваченный

в марте 1933 г. нацистами, и Германа Ионигкейт, веселая светловолосая толстушка, которую немецкая полиция после подавления гамбургского восстания тщетно разыскивала на территории Германии. Присутствовали польские коммунисты — Итка Волинская, Шпиц и др. Часто заглядывал в кафе «Спорт» также оргсекретарь австрийского ЦК Густав Вегерер. Небольшое и не очень уютное кафе сразу стало шумным.

Почти одновременно кафе «Централь» потеряло еще одного клиента. Ближайший многолетний друг Баралья, Бриллер, перешел из безнадежно безработной богемы без определенных занятий в редакторы «Роте Фане» по международному отделу и на время потерял интерес к кафе «Централь»: слишком много было работы в редакции и приходилось забегать уже в кафе поближе. В течение последующих трех десятилетий Бриллер был активным и безупречным коммунистом. И никто не подозревал, что, став редактором центрального органа компартии, Бриллер пришел в отчаяние. Причина для огорчения была: у Бриллера никогда не было партбилета, тем не менее для всех, в том числе и для себя самого, он давно был коммунистом. В те далекие времена в редакции не существовало отдела кадров и никто даже не подумал проверять документы нового редактора, а у Бриллера не хватило духу признаться в том, что он только еще собирается вступить в ряды компартии. Назревал грандиозный скандал. Бриллера спас Бараль: как председатель районной организации, он выдал Бриллеру партбилет, поставив дату задним числом. Только после смерти Бриллера (он умер в Вене через несколько лет после второй мировой войны) Бараль как-то рассказал об этом случае и ничуть не раскаивался в подлоге: он был уверен в честности Бриллера.

* * *

На Альзерштрассе, в десяти минутах ходьбы от Герренгассе, но в совершенно ином по характеру 9-м районе Вены, находилось кафе «Шлэссельхоф». Оно было попроще и поменьше. Обычно здесь было полупустынно. В этом кафе собирались югославские коммунисты. В Вене их насчитывалось человек 50—60, в большинстве студентов.

Австрийская столица еще не потеряла в начале 20-х годов своего значения как научного и университетского центра бывшей великой державы. Среди профессуры были крупные ученые с европейским именем. В числе примерно десяти тысяч учащихся высших учебных заведений Вены (университет, политехникум, Высшая экспортная академия, Высшая школа земледелия и др.) не менее четверти прибывало из стран Юго-Восточной Европы, главным образом из государств — наследников Австро-Венгрии. Это была молодежь, преимущественно из угнетенных национальных меньшинств: украинцы и евреи — из Восточной

Галиции, Буковины, Бессарабии, мадьяры из Трансильвании. Им легче было получить высшее образование за границей, чем в своей стране, где буржуазия правящей нации превращала их в бесправных иностранцев. Многие юноши приезжали из прежних южнославянских земель Австро-Венгрии. Но приезжали также поляки, болгары, сербы, греки, итальянцы и студенты из Германии.

Жизнь в Вене при падающей австрийской кроне обходилась гораздо дешевле, чем во многих других столицах Западной Европы. Австрия была территориально ближе других западных стран, а для приема иностранцев на большинстве факультетов не существовало тогда иных существенных формальностей, кроме того, что при выдаче в деканате студенческого удостоверения его пробивали перфоратором, чтобы, поймав какого-либо студента при беспорядках, жандарм мог сразу же отделить иностранца и представить его в полицейский комиссариат на предмет высылки из Австрии.

Правда, действовало и другое, более важное ограничение: иностранцы должны были вносить повышенную оплату за право обучения по сравнению с австрийскими подданными. Но это препятствие сравнительно легко было преодолеть, ибо для снижения оплаты достаточно было предъявить в деканат официальную справку о бедности, которую выдавал в Вене так называемой «Арменрат», т. е. как бы консультант по вопросам о нищих при районном муниципалитете. Обычно на этой общественной должности состоял благодушный старичок, который проявлял строгость к подлинным нищим, но при слове «студент» расплывался в улыбку, вспоминал, сколько пльзенского пива он сам выпил в молодости, и ни о чем не спрашивая, выдавал справку с печатью о крайне бедственном положении. А печать оказывала магическое действие на деканат.

Кроме того, «менза», т. е. студенческая столовая, кормила обедами бесплатно или за грошовую плату. От одного воспоминания об этих обедах можно нажить хронический гастрит, но студенческая молодежь происходила отнюдь не из княжеских семей и видала у себя дома еще и не такие обеды. А если студенту удавалось к этому добиться места в общежитии, то он мог почитать себя счастливым и материально почти обеспеченным.

Правда, получить койку в двухместной, как правило, комнате, а тем более в одноместной было колоссально трудно. Но студентов-коммунистов спасал священный закон международного братства революционеров. Дело в том, что после окончания первой мировой войны в распоряжении венского магистрата остались несколько десятков барачков в Гринцинге, в 19-м районе Вены. Сам по себе район был великолепен: много зелени, виллы, кабачки, в которых пили молодое вино. А бараки были не так

уж плохи. Во время войны в них размещали раненых, а к тому времени, когда здесь устроили студенческие общежития, это были добротные и еще не успевшие обветшать одноэтажные деревянные здания, в каждом из которых было по 20—30 небольших комнат с огромными окнами. Зимой было, конечно, холодно, но железные печки типа «буржук» очень украшали студенческую жизнь. Каждым баракком управляли студенты, в нем проживавшие, и сами принимали новых жильцов на освобожденные места.

В трех бараках постепенно поселились коммунисты, и в бараках 33 и 43 они получили большинство (барак 43 так и именовали «коммунистическим»). Общее собрание барака 43 представляло редкостную в Вене картину, когда коммунисты имели абсолютное большинство: в бараке, кажется, оставался только один социал-демократ, да и то особого рода: это был Мэннер, бывший народный комиссар Баварской советской республики.

Попадались в бараке и провокаторы. Одного из них описал в повелле «Револьвер» венгерский политэмигрант Бела Иллеш, который после поражения Венгерской советской республики жил до 1922 г. в бараке 43, а затем уехал в Советскую Россию и здесь в приложении к «Огоньку» опубликовал свое первое произведение на русском языке. «Револьвер» был посвящен быту и нравам именно этого студенческого общежития.

Коммунистический коллектив общежития старался по мере возможности избавиться от подозрительных личностей. Постепенно барак превратился не только в общежитие для студентов-коммунистов, но и в некоторое подобие бесплатного отеля для балканских коммунистов, проезжавших через Вену. В этом отношении важную роль играли две комнаты, которые занимали сербские студенты, братья Вуйовичи.

В Вене находились два брата и их сестра Живка. Грегор формально состоял студентом факультета государственных наук, который был создан в Венском университете в начале 20-х годов путем разделения юридического факультета на два: собственно юридический и факультет государственных наук. Этот последний несколько напоминал существовавший когда-то в Московском университете факультет общественных наук (ФОН) и давал широкое гуманитарное образование. Грегор Вуйович не столько учился в университете, сколько занимался партийно-политической работой в югославской партии. Его брат — маленький, круглый и всегда любезный и улыбающийся Радо Вуйович — также числился студентом, но, кажется, уже никто не помнил, какого факультета: все свое время он посвящал работе в югославском комсомоле и в 1921—1922 гг. был интернирован югославской полицией по месту своего рождения — в город Пожаревац.

Полиция Государства Сербов, Хорватов и Словенцев, как называлась тогда Югославия, часто применяла такой метод преследования коммунистов: в тех случаях, когда даже самые зверски реакционные законы не давали юридического повода для судебного преследования, полиция в административном порядке предписывала лицу, подозреваемому в антигосударственной деятельности, вернуться в город своего рождения с запрещением выезда и обязательством регулярно регистрироваться в полиции. Это указанное беззаконие называлось интернированием.

Родным городом Вуйовичей был Пожаревац, небольшой город вблизи Белграда. Как Радо, так и Грегор с Живкой явно гордились тем, что они настоящие «сербиянцы» и происходят из коренной Сербии, а не с какой-нибудь окраины. Но в родном городе им абсолютно нечего было делать.

По приглашению Живки польская студентка-коммунистка Итка Волинская из того же барака 43 летом 1923 г. провела каникулы в гостях у семейства Вуйовичей и потом рассказывала о жизни в этом городе с его примерно десятью тысячами жителей. Старые Вуйовичи были простыми сербскими полукрестьянами, немислимо гостеприимными. Они, конечно, не приходили в восторг от того, что их дети занимаются какой-то непонятной политической деятельностью и время от времени попадают в тюрьму, а остальное время проводят за границей.

Вырвавшись, наконец, из пожаревацкого «интерната», Радо Вуйович вернулся в Вену уже после переезда туда президиума Коммунистической балканской федерации и стал секретарем Балканской федерации коммунистической молодежи. Для технической помощи ему австрийский комсомол выделил члена ЦК Фридриха Хексмана. Летом часто можно было видеть, как оба в трусах лежат на узкой полоске травы перед бараком и Хексман (все для краткости называли его «Хекс») старательно записывает поручения и письма, которые ему диктовал Радо на неплохом немецком языке для рассылки комсомольским организациям балканских стран. Поскольку Гринцинг фактически находился за городом, студенты летом обычно носили только трусы. Магистрат Вены считал это нарушением общественного порядка, особенно когда, по примеру мальчиков, студентки также начали появляться в купальных костюмах. Полиция получила приказание задерживать и штрафовать всех, кто появится на аллеях в неблагопристойном виде, но по траве можно было ходить по-прежнему в трусиках. Добротный, хорошо откормленный дежурный полицейский с утра до вечера топтался вокруг барачков и следил, чтобы чья-либо голая нога не переступила заповедную черту. Жить в бараках стало веселее...

Комната Радо в бараке оставалась теперь фактически свободной, так как он женился на итало-венгерской студентке из

Фиуме Лизе Арвале-Блю и перебрался к ней в комнату. А комнату Радо Грегор Вуйович, занятый в то время организационно-технической подпольной работой, использовал для транзитных политэмигрантов и подпольщиков. Как-то, приблизительно летом 1924 г., в барак вломилась шумная компания югославской молодежи, направлявшаяся в Москву для поступления в «Свердловку» (так именовался Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова на Малой Дмитровке). В этой группе молодежи были младший брат видного деятеля югославской компартии Дюки Цвиича-Владетича, дочь другого деятеля Македонии Малина Поп-Иванова, Марганович и еще около десяти юношей. Молодой Цвиич увидел в комнате советские издания, принадлежавшие одному из барачных студентов. Это были отдельные тома из печатавшегося тогда собрания сочинений Плеханова в картонных желтых переплетах, книга одного из советских востоковедов первого поколения Ходорова о гражданской войне в Китае и еще какие-то московские издания, являвшиеся в Западной Европе величайшей редкостью. Эти книги привез в Вену директор Госиздата Отто Юльевич Шмидт на первую выставку советской книги на Международной венской ярмарке в марте 1924 г. Посетителей выставки поражали и интересовали как книги, так и окладистая черная борода О. Ю. Шмидта. После закрытия ярмарки книги были проданы желающим. Цвиич резонно решил, что советская литература нужнее в Югославии, чем в бараке 43. К тому же он полагал, что раз книги находятся в комнате Вуйовича, то они, очевидно, и предназначались для посылки в Югославию. Поэтому он немедленно начал их упаковывать и уже наклеил адреса. Владелец книжных редкостей прибежал как раз вовремя, чтобы отнять пачки. В этот день в бараке стоял страшный шум.

Баракы находились под подозрением, и полиция, конечно, за ними наблюдала, но молодости свойственна лазурная надежда на «авось», а среди балканских и австрийских коммунистов того времени почти не встречалось пожилых, не говоря уже о стариках: они остались у социал-демократов. Революционная молодежь была жизнерадостной и оптимистичной. Она, кажется, была похожа на «Оптимистов» с картины шведского художника Хегфельда: вниз по реке плывет глубокой ночью на лодочке группа веселых юношей. Они поют и играют на гитаре. Вдоль левого берега крадутся пантеры, а вдоль правого — волки. Рано или поздно лодка пристанет к тому или другому берегу... К тому времени, когда мне попала на глаза репродукция этой картины, пантеры и волки уже уничтожили почти все поколение, которое вступало в революционное движение в самом начале 20-х годов. Почти всем этим юношам было отпущено с того времени не больше 15 лет жизни, а некоторым и меньше. Даже имена многих из них не сохранились...

Помню одного великолепного словенца. Он запомнился уже потому, что в Вене встречались главным образом хорваты и сербы, а словенцы приезжали гораздо реже. Молодой, здоровый и удивительно крепко скроенный, он проездом на курсы пробыл в комнате Вуйовича недели три. Через год он снова появился на обратном пути в Югославию и очень огорчился, когда некоторые, видевшие его год назад, немедленно его узнали. Он сокрушался, что для нелегальной работы его физиономия мало подходит: слишком запоминается. Действительно, у него было примечательное лицо. Осенью 1925 г. я зашел в Москве к Грегору Вуйовичу в общежитие Коминтерна в бывшей гостинице «Люкс» на Тверской (ныне гостиница «Центральная» на улице Горького). На стене висела фотография словенца. Грегор с сожалением посмотрел на фотографию и сказал только: «Его убили».

Не столь быстро промелькнули в Вене два других словенца. Один из них — Густинчич (партийное имя «Анин») казался нам тогда стариком: ему было не меньше 40 лет. Густинчич занимался журналистикой, сотрудничал в Балканской федерации. Хотя он и принимал деятельное участие в работе югославской студенческой группы, но все же держался несколько в стороне от студентов: слишком велика была возрастная разница. К тому же он не любил Вуйовичей и говорил о них не иначе как с добавлением: «династия Вуйовичей». А Вуйовичи играли большую роль в студенческой группе.

Много лет спустя, когда Густинчич находился в СССР и готовился к поездке в республиканскую Испанию для защиты демократии, на его жизненном пути снова появился второй словенец венского периода. Это был Владимир Мартелянц, молодой и довольно симпатичный студент Венского университета, кажется с факультета государственных наук. Приехал он в Вену из Триеста, и его связывали с Густинчичем общие интересы, поскольку Густинчич несколько лет работал в Триесте.

Мартелянц часто выступал в студенческой группе и один раз сделал доклад о национальном вопросе в Словении, но слушали его плохо, потому что первые несколько фраз он произносил по-сербохорватски, а затем переходил на словенский и понимали его с трудом. В разговоре, не на собраниях, он говорил по-сербохорватски так, что объясняться с ним было можно...

В югославской группе в Вене руководящую роль играл студент-медик Крка Станиславлевич. Кажется, он и представлял группу в правлении общеавстрийского объединения коммунистических студентов. Впоследствии Крка стал видным деятелем югославской компартии. Его неразлучным другом был тогда Милош Аранички, высокий светловолосый студент медицинского факультета. На многочисленных веселых вечеринках югославских студентов Милош был незаменим: у него был неплохой голос. Особенно часто пел он свою любимую песню «Зашто шиеш, стара

майка, црвен сарафан, зашто морешь, старе руке, кад е изаман». Это турецкое «изаман» в сочетании с унылым мотивом ассоциировалось с янычарами времен турецкого ига и вообще создавало мрачный колорит глубоко мусульманского Востока. Лишь гораздо позже я вдруг догадался, что Милош пел старый русский романс «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».

Активно участвовал в работе группы и в австрийской компартии также медик Леви, совершенно лысый, несмотря на студенческий возраст, и довольно мрачный, и студент-медик из Загреба Франц (Пишта) Полицер. Над бедным Пиштой всегда смеялись потому, что нос у него был совершенно багровый, как у заправского пьяницы, хотя он пил сливовицы не больше, а даже меньше, чем Милош.

Югославская студенческая группа вела двойное членство: как и остальные иностранные группы, она считалась югославской секцией студенческого объединения Коммунистической партии Австрии, и поэтому каждый член группы обязан был входить по месту жительства в районную организацию австрийской компартии. С другой стороны, группа являлась частью коммунистического движения в Югославии. Большинство членов группы были комсомольцами, а основное ядро (Крка Станиславлевич, Милош Аранички, Леви, Вуйовичи и др.) составляли члены КПЮ. Все находившиеся в Вене или проезжавшие через Австрию деятели и функционеры югославской компартии неизменно вступали в контакт со студенческой группой, посещали ее собрания, выступали с докладами и т. д. Студенты выполняли важные поручения ЦК КПЮ, в частности в связи с написанием и изданием нелегальной литературы для распространения в Югославии. Выполняла группа и различные организационно-технические поручения. Наличие и деятельность студенческой группы в Вене имели большое значение для Коммунистической партии Югославии в обстановке тяжелого разгрома рабочего движения реакцией. Достаточно сказать, что вскоре после издания в августе 1921 г. «Закона о защите государства» загнанная в глубокое подполье компартия временами насчитывала не больше тысячи членов. Группа в 50—60 коммунистов и комсомольцев в этих условиях была массовой организацией.

У студентов был самый непосредственный и непрерывный контакт с руководством партии не только потому, что в Вене находила убежище коммунистическая эмиграция из Югославии, но и потому, что Вена стала со второй половины 1923 г. центром революционного движения на Балканах, поскольку здесь находился президиум Балканской федерации. И все пути из Югославии в Москву или Западную Европу вели через Вену. Поэтому почти все руководящие деятели КПЮ и комсомола побывали на собраниях студенческой группы. Контакт и товарищеское

взаимопонимание облегчались тем, что студенты и руководители были во многих случаях людьми почти одного возраста, не говоря уже о комсомольских работниках. Члены ЦК комсомола тех лет по возрасту не отличались от студентов, а, например, Горкич (Чижинский), представляющий югославский комсомол в Исполкоме КИМ, был моложе любого студента и, вероятно, был самым молодым членом Исполкома.

Кроме студентов, в Вене были и взрослые югославские коммунисты, постоянно здесь жившие уже несколько лет, например немец из Осиека Адольф Штумпф. Его партийное имя «Игнатович» принесло ему немалую пользу гораздо позднее, в Москве во время Великой Отечественной войны, когда немецкая фамилия, да еще с таким именем, не пользовалась большой популярностью.

Наиболее колоритными фигурами среди взрослых югославских коммунистов были Мустафа Голубич и Пая Бастаич. Обоим было уже за тридцать, но высокий и худощавый Мустафа казался моложе. А мрачный Пая Бастаич по внешности походил на типичного разбойника из «Тысячи и одной ночи». Оба уже несколько лет жили в Вене и проводили свободное время главным образом в кафе «Шлэссельхоф». В юности Мустафа Голубич и Пая Бастаич имели отношение к организации, известной под романтическим названием «Черная рука» (Црна рука). Эта террористическая организация подготовила убийство австрийского эрцгерцога — престолонаследника Франца-Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 г. Сараевское убийство, как известно, послужило поводом к первой мировой войне, и вокруг «Черной руки» возникало в то время множество легенд. Ореол героизма и бесстрашия окружал Голубича и Бастаича и, действительно, оба они отдали свою жизнь борьбе за национальное и социальное освобождение балканских народов. Имена Голубича и Бастаича постоянно упоминаются во всех работах, посвященных сараевскому убийству и возникновению первой мировой войны. В частности, упоминаются они в книге советского историка Николая Павловича Полетики «Сараевское убийство» (Л., 1930).

В начале 20-х годов Мустафа Голубич и Пая Бастаич стали членами Коммунистической партии Югославии, но хотя компартия отрицала индивидуальный террор, оба продолжали гордиться тем, что были причастны к «Черной руке» и к убийству «надвоеводы» Франца-Фердинанда, и пользовались среди югославских коммунистов явным уважением. Оба они, как и окружавшие их студенты, считали, что «Черная рука» была национально-освободительной организацией и что убийство Франца-Фердинанда было справедливым и необходимым актом. Обычно спокойный и даже несколько флегматичный герцоговинец Мустафа забывал о своей вечной трубке и загорался ненавистью, когда начинал говорить о придворной белградской клике, о банде убийц из создан-

ной королем Александром «Белой руки» и о самом Александре Карагеоргиевиче, вероломном предателе сербского народа. Для Мустафы Голубича король Александр и его генерал Петар Живкович были отнюдь не абстрактными социальными продуктами, а личными врагами, развратниками, убийцами и подонками без морали и совести.

Мустафа Голубич и Пая Бастаич были не единственными бывшими террористами среди находившихся в Вене югославы. Представитель компартии в Балканской федерации, хорватский коммунист Дюка Цвнич в 1912 г. был осужден на судебном процессе по делу о покушении на хорватского бана (губернатора). Террористом был когда-то и часто появлявшийся в Вене подпольщик из загребской организации компартии, добродушный с виду Камилло Хорватин («Петровский»), которому один из австрийских коммунистов не без основания дал прозвище «Толстяк».

На первый взгляд могло показаться, что основным занятием Голубича и Бастаича было чтение газет в кафе «Шлэссельхоф», где они часами сидели за чашечкой черного кофе, запивая стаканами воды, а потом ждали, не появится ли кто-либо из студентов побогаче, или же говорили кельнеру, чтобы он прибавил счет к сумме прежнего долга. Нелегка была эмигрантская жизнь в чужом и враждебном буржуазном обществе. Но за этой внешней бездеятельностью скрывалась бурная и активная работа по поручениям югославской компартии. Особенно усилилась их активность после переезда в Вену Президиума Балканской федерации. В 1924 г. в Вене появились два новых журнала. Один из них назывался «Бюллетень Балканской коммунистической федерации» и печатал на немецком языке официальный материал Президиума, резолюции, воззвания и т. п. В продажу бюллетень не поступал, а рассылался балканским компартиям, конечно, по нелегальным каналам. Другой журнал издавался два раза в месяц и назывался «Федерасьон балканик» с подзаголовком «Орган угнетенных народов». Официально журнал не был связан с Коммунистической балканской федерацией и Коминтерном, а непосредственным организатором редакционной работы был Димитр Влахов, старый социал-демократ, а затем коммунист из Македонии, бывший когда-то еще депутатом турецкого междлиса.

Главная задача «Федерасьон балканик» заключалась в привлечении самого широкого общественного мнения Западной Европы и балканских стран к борьбе против белого террора, царившего повсеместно на Балканах, и за право наций на самоопределение. Поэтому часть материала публиковалась в журнале на всех балканских языках, включая турецкий и греческий, а наибольшая часть печаталась по-немецки и по-французски. В связи с десятилетием сараевского убийства и возникновением империа-

листической войны 1914—1918 гг. редакция «Федерасьон» начала широкую и длительную кампанию пропаганды против опасности новой империалистической войны. В этой связи в журнале публиковались многочисленные статьи против преступлений югославской придворной камарильи и самого короля Александра, в частности статьи, разоблачавшие закулисные стороны Салоникского процесса 1917 г., когда по приказу Александра были расстреляны по ложному обвинению в национальной измене полковник Драгутин Дмитриевич — Апис и его друзья и была разгромлена «Черная рука».

В этой кампании большую роль играли Мустафа Голубич и Пая Бастаич. Из номера в номер они выступали (иногда под псевдонимами, а иногда под своей фамилией) со статьями, в которых очень конкретно, с неопровержимыми подробностями показывали подлую антинациональную роль правящей верхушки сербской буржуазии и королевского двора Карагеоргиевичей. Некоторые из этих статей произвели в то время сенсацию и обратили на себя всеобщее внимание. Бешенство югославского правительства было настолько велико, что, по некоторым сведениям, оно несколько раз добивалось от Австрии запрещения журнала и высылки югославских эмигрантов. Но выполнить это требование австрийское правительство не могло: не было юридических к тому возможностей. Журнал не нарушал австрийских законов, и не к чему было придаться. Конечно, австрийские реакционеры не очень-то считались с юридическими тонкостями, и австрийский министр иностранных дел Матайя, представлявший в правительстве крайне правое крыло христианско-социальной партии, выступил на заседании парламента с громовой речью о заговорах иностранных коммунистов в Вене. Но Матайя встретил резкое возражение со стороны социал-демократической оппозиции и вызвал недовольство даже внутри своей партии. Слишком великим был бы скандал, связанный с попыткой выполнить требование югославского правительства. На страницах «Федерасьон» выступали известные политические и государственные деятели Западной Европы и самой Австрии, очень далекие от коммунизма, например Франтишек Соукуп, французский историк Альфонс Олар, австрийские социал-демократы, депутаты парламента Вильгельм Элленбоген и Юлиус Дейч, бывший и будущий австрийский министр финансов Иозеф Редлих, французские социалисты Жан Лонге, Жан Жиромский, Компер-Морель, Поль Луи, профессор Ланжевен и многие другие. Слишком лживой и грубой была и выдумка о коммунистических заговорах и слишком очевидным было, что заговоры организуют не балканские коммунисты, а балканские реакционеры. Так, например, весной 1925 г. в самом крупном театре Вены во время представления прозвучал выстрел: был убит македонский воевода Тодор Паница. Судебный процесс, проис-

ходивший в Вене уже в октябре 1925 г., показал, что вдохновителями убийцы были чиновники болгарской миссии в Вене. Единственным результатом речи Матайи был уход его в отставку «по состоянию здоровья».

Осенью 1924 г. Анри Барбюс, издававший в Париже популярный среди французской интеллигенции журнал «Клартэ», созвал конференцию, посвященную десятилетию империалистической войны. По приглашению Барбюса Пая Бастаич и Мустафа Голубич приехали в Париж, участвовали в конференции, выступали на собраниях и митингах и затем вернулись в Вену. Сотрудник Барбюса в журнале Виктор Серж опубликовал в мае 1925 г. в «Клартэ» рассказ Голубича и Бастаича о предыстории Сараевского убийства. Их рассказ, а также некоторые другие материалы дали Виктору Сержу возможность назвать югославского премьера Николу Пашича «старым бандитом» и высказать столь же «лестные» замечания в адрес короля Александра. Югославские коммунисты в Вене с наслаждением читали эту статью...

Таким образом, в своей молодости я увидел двух цареубийц. Своей внешностью и поведением они отвечали самым романтическим требованиям. Третьего цареубийцу я встретил значительно позже, уже в Москве. Было это в Крестинтерне, по-видимому, в начале 1931 г. Этот цареубийца выглядел значительно прозаичнее. Лысый и невзрачный, он ничем не походил на героя криминального романа. Некий Миронов, сотрудник иностранного отдела ВСНХ СССР на Солянке, еженедельно приходил к нам в Крестинтерн на Никольскую улицу за югославскими газетами. Ему было поручено президиумом Крестинтерна за небольшой гонорар писать еженедельные обзоры югославской печати. У нас было несколько внештатных сотрудников. Ян Граше читал «Венков» и еще какие-то аграрные и крестьянские чехословацкие газеты, Миронов составлял обзоры о крестьянском движении в Югославии, Владимир Устинович занимался редакционной работой и переводами.

Миронов был по национальности хорват, говорил по-русски довольно хорошо, но с небольшим неуловимо балканским акцентом. Было ему тогда лет примерно 35. В разговоре он случайно упомянул, что не так давно вышла книга Полетики «Сараевское убийство». Он эту книгу с интересом прочитал. Эта книга особенно интересна для него тем, что там упоминается его настоящее имя. На вопрос, как же его звали, он не захотел ответить, но при этом рассказал, что его имя упоминается в перечне фактов, которые не вполне точно изложены в книге, и что он намерен поехать в Ленинград или написать автору и указать на эту неточность. Кроме того, Миронов говорил, что в СССР находятся еще один или два участника Сараевских событий. Видимо, он имел в виду Мустафу Голубича, который в это время жил в

Советском Союзе. Вообще книга Н. П. Полетики вызвала интерес у югославских коммунистов, и ее читали в «Люксе».

Много лет спустя, в конце 1957 или начале 1958 г., я познакомился с Полетикой, к этому времени уже доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой всеобщей истории Белорусского государственного университета в Минске. Он рассказал, что в 1930 или 1931 г. к нему на квартиру (а жил он тогда в Ленинграде на Васильевском острове, на 5-й линии) позвонил по телефону неизвестный ему человек и попросил разрешения прийти и переговорить с ним. Через полчаса этот человек появился, не назвал свое имя, был очень возбужден и сказал, что он хочет выяснить, почему Полетика в своей книге о сараевском убийстве очень неточно изложил процесс Герцигоньи, одного из участников националистических сербских организаций. Речь шла в данном случае об организации «Омладины». Эта организация примыкала к «Черной руке» и проповедовала также индивидуальные террористические акты. Процесс Герцигоньи происходил еще за несколько лет до Сараева, в связи с убийством хорватского бана. На это Полетика сообщил незнакомцу, что он данную часть книги написал по мемуарам Герцигоньи, и показал ему эти мемуары. Неизвестный попросил разрешения взять с собой книгу на один день. И действительно, на следующий день он принес книгу, сказал, что Полетика прав и все изложено правильно: у Герцигоньи говорится именно то самое, что написано в книге о сараевском убийстве, и что он просто не помнил некоторых обстоятельств.

Когда он в первый раз уходил, то был в страшном нервном возбуждении, и потом жена Полетики сказала мужу, что в кармане гостя она заметила пистолет. Она была просто в ужасе от такого странного визита. Кто это был, Н. П. Полетика так и не знает до сих пор. Очень похоже, что посетителем и был тот самый Миронов, который работал в ВСНХ. У меня есть основания полагать, что под именем Миронова жил и работал Рудольф Герцигонья.

Фамилию Миронова Полетика никогда до разговора со мною не слышал и вообще не знал, что некоторые из участников сараевских событий находились когда-либо в СССР. Кстати, одна из слабостей книги «Сараевское убийство» в том и заключалась, что для Н. П. Полетики участники этих событий оставались историко-литературными персонажами, а не живыми людьми, которые были его современниками и иногда жили в нескольких часах езды от его профессорской квартиры. А в самом Ленинграде жил Виктор Серж, опубликовавший в 1925 г. беседу с Бастаичем и Голубичем...

Мустафа Голубич и Пая Бастаич погибли в застенках гестапо, которое схватило их в Югославии во время второй мировой войны. Гитлеровцы знали, кого уничтожали...

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Л. П. Лаптева

ПРОБЛЕМА ГЕРМАНИЗАЦИИ ПОЛАБСКИХ И БАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Полабские и балтийские славяне, некогда занимавшие обширную территорию Центральной Европы, еще в средние века исчезли из истории как активно действующие народы. Некоторая их часть (кашубы и словенцы в Восточном Поморье) сохранила свой основной этнический признак — национальный язык — еще до второй половины XVIII в.¹, а самая южная группа — лужицкие сербы — в небольшом количестве существуют и до настоящего времени в Германской Демократической Республике.

Вопрос об исторических судьбах полабского и балтийского славянства породил на протяжении целого столетия его изучения много разнообразных теорий, авторами которых были немецкие, польские, чешские, русские историки. Понимая важность сравнения трудов русских историков полабско-балтийского славянства с работами ученых других стран, мы все же вынуждены отказаться в данной статье от попытки такого сравнения, поскольку это увеличило бы объем исследования во много раз.

Русские дореволюционные историки сделали серьезный вклад в изучение судеб полабско-балтийского славянства. Они внесли много нового и полезного в изучение социальной истории этих народов², подробно рассмотрели их правовые нормы³,

¹ См. А. Ф. Гильфердинг. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. СПб., 1864; Ф. Лоренц. Славяне в Померании. ЖМНП, январь 1903; И. Рябинин. Кашубы и младокашубское движение. «Сборник статей в честь проф. М. И. Соколова» [б. г.].

² См., например: Д. Егоров. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. 2. М., 1915; М. В. Бречкевич. Очерки из социальной и государственной истории княжества Славии, или Западного Поморья за первые полтора века со времени принятия христианства (1128—1278). Юрьев, 1911. См. также другие работы этого автора.

³ См., например: А. А. Котляревский. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Прага, 1874.

существо и значение языческой религии⁴, особенности их языка⁵. и другие стороны их жизни. Русские историки превосходно знали источники о балтийском и полабском славянстве и неоднократно в специальных трудах давали их подробный источниковедческий анализ⁶. Однако наиболее важным вопросом в русской историографии полабско-балтийских славян был все же вопрос их германизации. Анализ именно этой проблемы дает возможность проследить достижения и промахи русской дореволюционной исторической мысли в области славистики. Попытку такого анализа и представляет собой настоящая статья.

Русская историография полабско-балтийского славянства является, естественно, частью русской славистики вообще. Она прошла те же основные этапы, подвергалась тем же веяниям, что и историография по другим проблемам и разделам славянской истории. Историография по интересующей нас теме укладывается в хронологические рамки от середины XIX в. до Великой Октябрьской революции. Это в высшей степени знаменательный период в развитии русской исторической науки в области славяноведения. Середина XIX в.— эпоха интенсивного развития славянофильских идей. Естественно поэтому, что и начало изучения полабско-балтийского славянства проходит под знаком славянофильства.

Наиболее крупным представителем славянофильского направления в истории являлся в середине XIX в. А. Ф. Гильфердинг. Отличный знаток исторических судеб и современной ему жизни западных и южных славян, находившихся под гнетом Пруссии и Австрии, А. Ф. Гильфердинг сочувствовал их тяжелому положению и был убежден, что воскрешение национальной жизни славян возможно только под эгидой России. Общеизвестно, что идеи А. Гильфердинга использовались, разумеется наряду с другими концепциями, в качестве идеологического обоснования политики проникновения царизма на Балканы во второй половине XIX в.

Основой методологии А. Ф. Гильфердинга является его теория германской и славянской «стихий». «Германскую стихию» отличает, по А. Ф. Гильфердингу, ряд признаков: католическая вера, твердая феодальная организация, отсутствие демократизма. В противоположность этому «славянская стихия» характеризуется неприятием католичества и широкой демократией. На основании этой теории А. Ф. Гильфердинг не причислял даже поляков к собственно славянскому миру, поскольку они

⁴ А. Фамилицын. Божества древних славян, т. 1—2. М., 1884.

⁵ С. Микуцкий. Остатки языка полабских славян. Варшава, 1873.

⁶ И. А. Лебедев. Обзор источников истории балтийских славян с 1131 по 1170 г. М., 1876; А. А. Котляревский. Книга о древностях и истории поморских славян в XII в. Сказания об Оттоне Бамбергском. Прага, 1874; Ф. Фортинский. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872.

были католиками. С точки зрения А. Ф. Гильфердинга, многовековая борьба германцев и славян была столкновением «христианско-теократической империи романо-германской и языческо-теократического племенного союза балтийских славян»⁷. Народ может успешно развиваться лишь в рамках своей собственной стихии, не примешивая к ней чужеродные элементы. Нарушение этой заповеди, по мнению А. Ф. Гильфердинга, губительно для народа. Отсюда и понятна гибель балтийского славянства: «По причине большого развития связей с иностранцами (главным образом, немцами) у славян Поморья уже с древних времен выработался и вполне определился полуславянский, полужужой быт, тот неестественный быт, который своими противоречиями и помешал историческому развитию балтийских славян и так много способствовал их падению»⁸. Аналогичная мысль выражается и в другой форме: «Не одна только внешняя сила и случайность погубила их (балтийских славян — Л. Л.); сильнее оружия германцев действовало внутреннее зло, искажение коренных начал славянской жизни»⁹. Поскольку одним из этих начал является исконный славянский демократизм, то и феодализация общества должна была погубить славянское племя: «Через аристократию, ту именно стихию, которую балтийские славяне внесли к себе от чужеземцев, вошла гибель к народу поморскому»¹⁰.

Таким образом, взгляд А. Ф. Гильфердинга на развитие общества крайне идеалистичен. Его концепция предполагает, что феодальные порядки привнесены извне, а не являются результатом внутреннего развития общества. В то же время, с точки зрения А. Ф. Гильфердинга, отсутствие государственности и христианства, приведшее в конечном счете к гибели балтийских славян, явилось следствием целого ряда «роковых» обстоятельств. Одно из них — это сама возможность вмешательства немецкого мира в славянскую жизнь. А. Ф. Гильфердинг считал, что полабские и балтийские славяне поселились на территориях, некогда занятых германскими племенами, восприняв в той или иной мере их духовное наследство. Это как раз и привело к нарушению основ славянского быта, препятствовало развитию государственности, будь то на славянской или на германской основе. Другая «роковая» причина заключается в том, что поморяне не приняли христианства на славянской основе, как это имело место у других славянских народов благодаря деятельности Кирилла и Мефодия. Сохранив язычество, сопротивляясь христианству, не

⁷ А. Ф. Гильфердинг. История балтийских славян, ч. 2. Собр. соч., т. 4. СПб., 1874, стр. 258.

⁸ А. Ф. Гильфердинг. История балтийских славян, ч. 1. М., 1855, стр. 87.

⁹ Там же, предисловие, стр. III.

¹⁰ Там же, стр. 127.

создав собственного государства, славяне погибли: «Немецкий народ явился на поле битвы, вдохновленный христианством, обогащенный наследием римской государственности, направляемый одной волей к общей цели, а балтийские славяне противопоставили ему свои языческие верования и междоусобия»¹¹.

Социальными и экономическими проблемами истории балтийских славян А. Ф. Гильфердинг по существу не занимался. Тем не менее собранный им фактический материал не потерял своего значения и до наших дней, что признавал и крупнейший советский славист академик В. И. Пичета¹².

Тех же методологических позиций, что А. Гильфердинг, придерживался в основном и А. Павинский. Правда, теория вмешательства германской стихии в развитие славянства уже не фигурирует в его работах. Однако и с точки зрения А. Павинского, главной причиной гибели полабско-балтийского славянства является отсутствие государственного и религиозного единства. Причины же неприятия славянами христианства заключаются в «неправильных» методах его распространения. По мнению А. Павинского, христианская религия могла бы сыграть положительную роль в жизни славян, если бы была правильно им преподнесена. Некоторые социально-экономические моменты истории славянства, на которых останавливается в своей работе А. Павинский, также рассматриваются им с точки зрения христианской идеи: «Учение о братской любви, вводимое чужеземным священником, не знавшим местного наречия, употреблявшим при богослужении непонятный для народа язык, — священником, которого сопровождал сборщик церковной десятины и феодальный рыцарь, приносящий с собой иго данничества, такое учение должно было внушать отвращение и глубокую ненависть в народе, любившем страстно свою страну, свою независимость»¹³. В целом работы А. Павинского не вносят существенного вклада в наши знания о балтийских славянах. Они не вводили в оборот новый фактический материал, освещение фактов в них отличается тенденциозностью, германофобским характером, обусловленным политической обстановкой. В использовании источников имеется ряд неточностей. Интересно, что современная изданию рецензия¹⁴, отрицательно оценивая работу А. Павинского с точки зрения ее научности, тем не менее признавала ее политическую актуальность. На неточности, допущенные А. Павинским при использовании источников, не-

¹¹ А. Ф. Гильфердинг. История балтийских славян, ч. 2, стр. 264.

¹² В. И. Пичета. К истории славяноведения в СССР. «Историк-марксист», 1941, № 3, стр. 43.

¹³ А. Павинский. Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII—XIII вв. СПб., 1871, стр. 96.

¹⁴ «Беседа», 1871, № 9.

сколько позже указывал И. А. Лебедев¹⁵, на тенденциозность освещения исторических фактов и германофобскую тенденцию — Д. Н. Егоров¹⁶.

В 1876 г. вышел двухтомный труд И. А. Лебедева «Последняя борьба балтийских славян против онемечения». В этой работе ощущался более реалистический подход к истории балтийских славян, чем в работах А. Ф. Гильфердинга. И. А. Лебедев начисто отвергал теорию «германских остатков» в полабско-прибалтийской области и вообще стремился подвести прочную историко-ведическую базу под свои исследования. Целый том своей работы он посвятил анализу источников¹⁷, привлекая, впрочем, к разбору и такие, которые не имеют непосредственного отношения к предмету¹⁸. И. А. Лебедев очень подробно разработал историю крестового похода 1147 г., но не создал никакой новой методологической концепции, не свел выводы своей работы ни в какую новую теорию. Заслугой И. А. Лебедева следует признать то, что он первым из русских славистов пошел по пути, правда, довольно наивной, но все же критики источников, а также тот факт, что история балтийских славян освещается им в тесной связи с историей Германии и Дании.

И. Первольф в общем не вышел за рамки славянофильских концепций хотя в его интерпретации истории балтийских славян и имеются значительные новые факторы. Они состоят прежде всего в отходе И. Первольфа от свойственного раннему славянофильству романтизма, в более реалистичной и объективной оценке отдельных моментов славяно-германских отношений. И. Первольф стремился объективно оценить в сравнительном плане уровень славянской и германской культуры. Если для романтически-славянофильских концепций типичной была идея исконного превосходства славян над германцами, И. Первольф утверждал лишь принципиальное равенство обеих этнических групп: «Балтийские славяне, конечно, не были дикари, земледелие, ремесла, военное дело и прочее у них процветали не меньше, чем в Северной Германии, так что это поражало самих немецких миссионеров. Языческие славяне нисколько не стояли ниже языческих немцев»¹⁹.

Не возвышая славян над немцами, И. Первольф в то же время критиковал концепции ряда немецких историков об

¹⁵ И. А. Лебедев. Крестовый поход немцев на славян в 1147 г. «Русский вестник», 1873, т. 108.

¹⁶ Д. Н. Егоров. Указ. соч., т. 1, стр. 251—253.

¹⁷ И. А. Лебедев. Обзор источников истории балтийских славян с 1131 по 1170 г. М., 1876.

¹⁸ Ср. отзыв Ф. Фортинского в «Киевских университетских известиях» (1878, № 2), где рецензент упрекает И. Лебедева в засорении его работы «ненужным хламом».

¹⁹ И. Первольф. Германизация балтийских славян. СПб., 1876, стр. 19—20.

извечном «превосходстве германского духа» над славянским. Немецкую культуру Й. Первольф понимает не как продукт какого-то особого немецкого национального духа, а лишь как наследие общей западной образованности, к восприятию которой славяне в принципе способны точно так же, как и германские народы: «Немцы, приняв крещение раньше, чем славяне, раньше вошли в круг тогдашнего образованного мира, между тем как славяне продолжали жить по-старому; высшая духовная сторона их культуры была слабее принесенной к ним немцами римско-христианской образованности и, следовательно, должна была уступить последней. Славяне покорились римско-христианской культуре, как это сделали раньше и все германцы и остальные славяне. Немцы были относительно западных славян только ближайшие представители этой христианско-европейской цивилизации, а не ее виновники или изобретатели и, следовательно, не могли и распространять между западными славянами какой-то особой немецкой культуры»²⁰.

Таким образом, мировоззрение Й. Первольфа отличается некоторыми чертами, отделяющими его от предшественников, как, впрочем, и от современников. Выросший на чешской почве, Й. Первольф был сторонником теории «славянской взаимности», предполагавшей объединение славянских народов в некую федерацию равноправных частей, в то время как многие другие русские слависты склонялись скорее к идее объединения славянского мира под эгидой России²¹.

Как и его предшественники, Й. Первольф не анализировал экономических факторов и их роль в истории общества. Не поднялся он до понимания роли этих факторов и при освещении проблем германизации балтийских славян. Й. Первольф был в России одним из первых ученых, привлечших к историческому исследованию материалы, ранее ускользавшие от внимания историков, например данные топономастики и некоторые другие. В целом следует констатировать, что Й. Первольф как историк-славист стоял на уровне европейской науки своего времени.

Итог русским славянофильским и близким им по духу исследованиям истории полабско-балтийского славянства в XIX в. подвел в небольшой по объему, но важной по методологическому значению работе А. С. Будилович²²: «Многочисленность балтийского славянства, обширность занятой им территории, его громкая известность, боевая слава, торговое развитие и вообще

²⁰ Й. Первольф. Указ. соч., стр. 20.

²¹ Ср. Ladislav Dvořák. Ruská činnost J. Perwolfa a jeho názor na Slovanstvo. «Kapitoly z dějin vzájemných vztahů narodů CSR a SSSR», sv. II, Praha, 1960.

²² А. С. Будилович. О причинах гибели балтийского славянства. Публичная лекция 13 февраля 1898 г. «Сборник учено-литературного об-ва при Юрьевском ун-те», вып. 1, Юрьев, 1898.

известная культурность не могли быть плодом кратковременного развития. Наоборот, уже для IX в. мы должны предполагать века более или менее культурной обстановки и жизни этого племени... Германизация этих областей была постепенно подготовлена и проведена политикой немецких императоров, маркграфов, герцогов при содействии пап, монастырей, немецкого рыцарства, бюргерства и крестьян-колонистов. Борьба продолжалась более 400 лет и закончилась в общих чертах к концу XII и началу XIII в. Закончившись в XII в. на почве политической, она продолжалась еще несколько столетий в области социально-экономической, причем остатки балтославянских населений все более превращались в париев и нищих, все более оттесняемы были из городов в захолустья, леса и болота, пока, наконец, они не исчезли в нужде и не всосались привилегированным немецким элементом... Причины столь глубокого падения балтийских славян с высоты, какую они занимали еще в XI—XII вв., заключались в племенных особенностях балтийских славян: 1) страсти их к местным центрам мешало объединиться в одно государственное целое; 2) значение монархической власти всегда парализовалось жречеством; 3) страсть к чужеродному (чужебесие), непостоянство, валленродизм... Указанными недостатками в характере балтославянских князей объясняется и шаткость их политики. Отдельные ветви постоянно враждовали друг с другом и нередко помогали немцам или датчанам в разгроме соседних славянских колен... Приходится лишь удивляться, как эта ветвь славян могла в течение 400 лет выдерживать борьбу со всем почти латино-германским миром».

А. С. Будилович был ближайшим учеником и последователем В. И. Ламанского, которого академик В. И. Пичета с полным правом характеризовал как реакционного ученого, поклонника русификации окраин²³. Вслед за В. И. Ламанским А. С. Будилович рассматривал славянские народы как некий «единый организм», считая, что судьбы каждого из них отражаются на всем комплексе в целом. Понятно поэтому, что, с точки зрения А. С. Будиловича, «гибель балтийских славян отразилась на дальнейших судьбах не только соседних с ними славян серболоужичских и польских, но и отдаленного племени русского, следовательно, катастрофа имела общеславянский характер»²⁴. Рассматривая весь славянский мир в целом как антипод германского мира, А. С. Будилович заявляет: «Дальнейший разлив германизма не пошел, потому что... был задержан победами гуситской Чехии, с одной стороны, и польско-литовским союзом, с другой, разгромом ордена под Танненбергом и вообще возвышением в XV—XVI в. государства Польского или, вернее, федерации польско-литовско-западнорусской... Важным фактором в

²³ В. И. Пичета. Указ. соч., стр. 46.

²⁴ А. С. Будилович. Указ. соч., стр. 12.

этой борьбе за господство на побережьях Балтики было постепенное выступление на мировую сцену России»²⁵.

Таким образом, у А. С. Будиловича нашел наиболее ясное свое выражение тезис о взаимозависимости славянских народов и влияния России на их судьбы.

Русское славяноведение XIX в., хотя и имело определенные достижения, все же отставало в своем развитии от изучения всеобщей истории и истории России, поскольку оно замыкалось, за небольшим исключением, в кругу чисто славянских проблем, редко рассматривая их на общеисторическом фоне, испытывая на себе в большей мере, чем другие отрасли исторической науки, влияние политических условий.

Определенный перелом произошел на рубеже XIX и XX вв., когда к проблемам славяноведения было привлечено внимание специалистов по всеобщей истории. Во всеобщей истории к этому времени ясно чувствовалось влияние новых условий развития общества. Было бы неправильным считать, что марксизм оказал прямое и непосредственное влияние на буржуазную историографию того периода. Более того, эта историография вступала в полемику с марксизмом, подчас весьма ожесточенную. Но уже сам факт этой полемики вызывал необходимость в той или иной плоскости рассматривать экономические проблемы и вообще заставлял буржуазных историков входить в круг рассматриваемых марксизмом вопросов. В результате менялся сам способ исторического мышления. Передовые буржуазные историки уже считали необходимым ознакомление с марксистской теорией и стремились в той или иной мере объяснять исторические явления материальными факторами.

Ярким примером историка, испытавшего на себе воздействие марксизма и в то же время пришедшего к славяноведению от общей медиевистики, является А. Н. Ясинский. Но сам он не занимался непосредственно историей полабско-балтийских славян. Мы здесь упоминаем его имя потому, что А. Н. Ясинский направил на исследование интересующих нас проблем одного из своих учеников — М. В. Бречкевича. Чрезвычайно интересным представляется, на наш взгляд, тот факт, что руководя научными занятиями магистранта М. Бречкевича, А. Н. Ясинский рекомендовал ему для изучения экономических воззрений К. Маркса прочесть первый том «Капитала» и что М. В. Бречкевич воспользовался этим советом²⁶.

К сожалению, приходится констатировать, что М. В. Бречкевич отнюдь не воспринял марксистские идеи, не вышел из круга идеалистических представлений об истории балтийских славян.

²⁵ А. С. Будилович. Указ. соч., стр. 13—14.

²⁶ См. «Отчет М. В. Бречкевича о занятиях во втором полугодии 1903 г.». Центральный гос. историч. архив Эстонской ССР в Тарту, оп. 3, д. 174, лл. 70—73.

Его заслуга состоит лишь в том, что он обратил внимание на социальную историю этих народов, рассмотрев ее на материале одной узкой проблемы — истории социальных отношений в Поморье XII в.²⁷ Что же касается общего взгляда на историю балтийских славян и их отношений с германским миром, то, повторив все основные положения своих предшественников, М. В. Бречкевич добавил к ним лишь частные замечания²⁸, сформулировав, например, теорию «беспомощности» славян.

Заключительным звеном в русской дореволюционной историографии полабско-балтийского славянства является колоссальный труд Д. Н. Егорова «Колонизация Мекленбурга в XIII в.» (т. I, II). Д. Н. Егоров не поднялся до марксистского понимания истории, но общее развитие исторической науки к началу XX в. и объективное влияние на нее марксистских идей, по-видимому, сказались на методе его исследования, на широте привлекаемого материала. Сам Д. Н. Егоров указывал лишь на свое стремление, следуя новейшим достижениям исторической науки, подвергнуть переоценке весь накопленный до него материал на основании собственного исследования, построенного на базе новейшей методики²⁹.

Д. Н. Егоров касается общих вопросов истории балтийского славянства, несмотря на то, что монография его посвящена лишь одной из областей расселения славян и лишь одному веку их истории. В этом смысле материал работы шире ее названия. К заслугам Д. Н. Егорова следует отнести то, что он проштудировал всю литературу, хоть в какой-то мере относящуюся к вопросу, и дал ее подробный, хотя и несколько деструктивный анализ. В целом труд Д. Н. Егорова был серьезным достижением не только русской славистики, но и медиэвистики. Свидетельством его высокой оценки за пределами России является, в частности, и тот факт, что спустя полтора десятка лет труд был целиком переведен на немецкий язык.

Однако в своем стремлении переоценить все сделанное до него Д. Н. Егоров часто допускал очень серьезные ошибки. Так, например, поскольку данные Гельмольда не укладывались в созданную Д. Н. Егоровым концепцию, он попытался доказать, что хроника отражает не реальные события, а лишь подгоняет эти события под схему священного писания. Несмотря на то, что элемент подражания священному писанию, безусловно, присут-

²⁷ М. В. Бречкевич. Первые поморские монастыри. Очерк из истории балтийского Поморья в XII в. Юрьев, 1905; он же. Очерки...; он же. Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья (1128—1178). Юрьев, 1911; он же. Высший класс славянского населения в Западно-Поморском княжестве XII—XIII вв. Харьков, 1914.

²⁸ М. В. Бречкевич. О славянах и их соседях в древнейшее время. Казань, 1913, стр. 10.

²⁹ Д. Н. Егоров. Новый источник по истории прибалтийского славянства. «Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому». М., 1909, стр. 332.

ствуется в хронике, нет оснований выражать полное недоверие источнику в целом. Далее, попытка привлечь к исследованию данные чуть ли не всех вспомогательных исторических наук, филологии и т. д. должна была повести и действительно повела к ряду фактических ошибок, поскольку ни один ученый не в состоянии быть серьезным специалистом по столь широкому кругу вопросов одновременно³⁰. Для методологии Д. Н. Егорова характерна попытка подняться над националистическим освещением истории полабско-балтийских славян как со стороны историков-немцев, так и со стороны историков-славян. Заслуживает внимания, что в обстановке первой мировой войны, при разгуле германофобства Д. Н. Егоров пытался внушить читателю, что историческая наука должна быть объективной независимо от политической ситуации момента. И все же весь труд Д. Н. Егорова показывает, что сам он так и не смог преодолеть известной тенденциозности в освещении поставленных проблем в пользу славянства, хотя, конечно, его подход не идет ни в какое сравнение с воззрениями его предшественников.

Отвергнув идеалистическое толкование истории полабско-балтийского славянства («теорию «стихий», «национального характера» и т. п.), сам Д. Н. Егоров, однако, не поднялся до ясного понимания роли экономических факторов в истории общества вообще и в судьбах балтийского славянства в частности. А не объяснив колонизацию экономическими причинами, Д. Н. Егоров не мог выйти на правильный путь. Избежав ошибок своих предшественников, он при освещении проблемы колонизации впал в другую крайность: отбросил все полезное, что было сделано до него, сбросил со счетов важнейшие источники в угоду своей концепции, жертвой которой в конечном итоге и стал.

Нам представляется, что сказанное в достаточной мере характеризует те основные установки, ту методологию, на которой строили свои исследования русские дореволюционные историки полабско-балтийского славянства. Но работы их, естественно, не ограничивались одними лишь методологическими рассуждениями. Из множества вопросов, затрагиваемых в русской историографии полабско-балтийского славянства, на наш взгляд, целесообразно в рамках настоящей статьи выделить следующие проблемы: 1) начало германизации; 2) пути и методы германизации — завоевание, христианизация, колонизация; 3) продолжительность процесса германизации.

По вопросу о времени начала германизации в рассматриваемой литературе существует два принципиально противоположных мнения.

³⁰ Н. Witte. Jegerovs Kolonisation von Mecklenburg im XIII. Jahrhundert. Breslau, 1932 (эта обширная рецензия-книга приложена в качестве 3-го тома к немецкому изданию труда Д. Н. Егорова).

А. Ф. Гильфердинг, базируясь на своей «теории стихий», приходил к выводу, что начало германизации относится еще к древнейшему периоду истории славян и германцев: «Немецкие дружины подчинили балтийских славян, но во II в. германцы уходят с Балтийского моря и на их место выступают племена славянские... Славяне на Балтийском поморье были проникнуты чужим влиянием и примесью чужих народов уже с той самой поры, как они, избавившись от германских дружин, стали жить жизнью независимой»³¹.

Разумеется, «влияние» еще не равносильно германизации, но является как бы его предтечей. По мнению А. Ф. Гильфердинга, это влияние славяне пронесли через столетия вплоть до начала планомерного немецкого завоевания. Правда, источники не дают никаких сколько-нибудь достоверных данных, которые бы подтверждали этот тезис. Но А. Ф. Гильфердингу такая трактовка была необходима, чтобы сделать вывод, будто полабско-балтийские славяне «сбились» со своего естественного пути развития, в результате чего и были обречены на гибель.

Другие русские исследователи относят начало германизации к гораздо более поздней эпохе. Так, А. Павинский считает главным фактом, способствовавшим онемечиванию полабско-балтийских славян, завоевание их земель германцами. Эпоха Карла Великого, по мнению А. Павинского, еще не характеризуется онемечиванием полабско-балтийских славян³². Подчинение отдельных племен (например, лютичей) еще не означало начало онемечивания, тем более, что с другими племенами Карл Великий находился в союзе³³. Поэтому процесс онемечивания начался, по мнению А. Павинского, с завоеваний Генриха Птицелова и Оттона I, но был прерван внешними условиями: «Два обстоятельства спасли полабских славян на одно столетие от онемечивающего их завоевания...— поворот во внешней императорской политике и появление на историческом поприще могущественной польской державы»³⁴. Начало же необратимого процесса германизации датируется в книге А. Павинского 1160 г.: «Генрих Лев роздал славянскую землю в ленное владение своим вассалам... с тех пор история полабской земли получает другой характер: существенным мотивом, ее определяющим и обуславливающим дальнейший ход событий, является факт водворения немецкого господства. Процесс онемечивания или истребления славянского населения, продолжавшийся несколько

³¹ А. Ф. Гильфердинг. История балтийских славян, ч. 1, стр. 19 и 25.

³² А. Павинский. Указ. соч., гл. II и IV.

³³ Аналогичную мысль высказывал уже в советское время Н. П. Грацианский (см. его статью «Карл Великий и славяне». — «Исторический журнал», 1945, № 3, стр. 26).

³⁴ А. Павинский. Указ. соч., стр. 102.

веков, объясняется только историей новых герцогств и графств, возникших на славянской почве»³⁵.

Если для А. Павинского германизация является, таким образом, прежде всего следствием завоевания, то И. Первольф видит начало этого процесса в христианизации славян: «Главным двигателем упорной борьбы между немцами и балтийскими славянами был, кроме национального антагонизма, религиозный фанатизм. Религия стояла на первом, а национальность — на втором плане... Как только исчез этот главный фактор непримиримой вражды между немцами и славянами, как только у последних христианство восторжествовало, то изменилось и отношение между обоими племенами... Как только пала преграда, отделяющая немцев и славян, то есть религия, то последние, так сказать, торопятся воспользоваться новыми отношениями и примкнуть к неметчине. Начинается онемечивание славян»³⁶. В связи с такой трактовкой понятия германизации И. Первольф отодвигает начало обозначаемого этим термином процесса на середину XIII в.³⁷

А. С. Будилович в своей упомянутой выше работе фактически присоединяется в данном случае к мнению А. Павинского, но видит в этом процессе два аспекта — политический и социально-экономический. В социально-экономическом смысле германизация, с точки зрения А. С. Будиловича, начинается после XII в.³⁸

Другие русские исследователи не касаются этого вопроса непосредственно, так как их работы посвящены частным проблемам. Исключение составляет одна из работ М. В. Бречкевича³⁹, но и в ней мы не находим ясных высказываний о сроках начала германизации полабско-балтийских славян.

Нам представляется, что если исключить А. Ф. Гильфердинга, то расхождения между остальными русскими учеными по рассматриваемому вопросу не очень существенны. Они сводятся лишь к различной трактовке самого термина «германизация». Это свидетельствует о том, что исследователи истории полабско-славянства в XIX в. еще не осознали необходимости строгого определения терминов, которыми они оперировали. На наш взгляд, наиболее правильно подошел к трактовке понятия «германизация» А. С. Будилович. Действительно, не всякое завоевание представляет собой германизацию, хотя и создает для нее предпосылки. Точно так же не равнозначны понятия «германизация» и «христианизация», так как христианизация сама по себе несет обычно латинское влияние. Однако в данном конкрет-

³⁵ А. Павинский. Указ. соч., стр. 163.

³⁶ И. Первольф. Указ. соч., стр. 17.

³⁷ Там же, стр. 19.

³⁸ А. С. Будилович. Указ. соч., стр. 5.

³⁹ М. В. Бречкевич. Полабские славяне. Казань, 1915.

ном случае христианизация расчищала дорогу для онемечивания, поскольку являлась по существу лишь поводом для захвата и колонизации славянских земель немцами.

Тем самым мы подходим ко второй из намеченных нами проблем. Процесс проникновения немцев в земли полабско-балтийских славян и последующего их онемечивания проходил в общем три этапа: завоевание — христианизация — колонизация.

По первому из этих этапов в литературе практически нет разногласий. Итог изучения этого вопроса подвел М. В. Бречкевич, который писал: «Во внешней истории полабских славян на протяжении... четырех веков можно различать три периода соответственно трем наиболее сильным ударам, нанесенным в разные времена полабскому славянству. Первый такой удар был нанесен Карлом Великим... Но после Карла Великого наступило облегчение. Франкская империя распалась, и некому было посягать на свободу полабских славян. Второй, более сильный удар был нанесен при Генрихе I и Оттоне I. Погибло еще большее количество славян, и значительная часть их территории вместе с уцелевшим населением отошла к немецкому королевству. Ущерб, нанесенный полабскому славянству, был велик; но после Оттона I немецкое королевство стало несколько ослабевать, и потому полабские славяне старались вернуть себе свободу. В сравнительном покое от внешних нападений они прожили около полутора столетия... В первой половине XII в. был нанесен им еще более глубокий удар... Таким образом, полабское славянство с 800 по 1200 г. испытало три удара, один другого серьезнее»⁴⁰.

При освещении христианизации полабско-балтийского славянства русские историки встретились с довольно сложной для них проблемой. Как известно, русское славянофильство было тесно связано с православием, проникнуто религиозным духом. В данном же случае русским историкам-славянофилам, симпатизировавшим балтийскому славянству, приходилось выступать против христианизации, оправдывая язычников. Историки нашли выход в утверждении, что христианство было бы вообще для балтийских славян благотворным и спасительным, но надлежало его проповедовать в духе братской любви и на понятном народу языке, т. е. в его греко-православном варианте. Те из славян, которым было суждено увидеть «свет христианства» благодаря Кириллу и Мефодию, спаслись от уничтожения: «Скорому и легкому признанию христианства лабские сербы преимущественно были обязаны тем, что они избегли полного истребления, которому подверглись племена прибалтийские»⁴¹. Аналогичную мысль высказывают и другие историки: А. Павинский, Й. Первольф, М. В. Бречкевич.

⁴⁰ М. В. Бречкевич. Полабские славяне, стр. 15—16.

⁴¹ А. Ф. Гильфердинг. История балтийских славян, ч. 2, стр. 306.

Христианизацию полабско-балтийских славян немецким духовенством русские историки оценивают вполне реалистично, подчеркивая, что она нужна была немецким завоевателям не во имя идеи, а лишь как повод для обогащения. Этот факт был исследователям совершенно ясен, несмотря на их собственное религиозное мировоззрение. Так, И. А. Лебедев не сомневается в том, что крестовый поход 1147 г. был предпринят не столько с религиозной целью, сколько «в видах наживы»⁴², что «саксонцы шли (в крестовый поход.— *Л. Л.*) не для распространения христианства, а для увеличения своих владений и только прикрывались усердием к религии»⁴³. Отлично понимал и А. Павинский, что «первоначальное воодушевление (крестоносцев.— *Л. Л.*) лишено было возвышенных побуждений, оно родилось из корыстолюбивых видов, чтобы воспользоваться благами, обещанными церковью; стремление к завоеваниям прикрывалось религиозным предлогом»⁴⁴.

В обобщенном виде выразил эту же мысль А. А. Котляревский: «Призвание языческих народов в христианское общество ставяло духовную и политическую потребность времени. На севере Европы миссия приобретала тем большее значение, что под ее покровом шло исполнение политических расчетов и предприятий: религиозные цели, так сказать, освящали практические стремления. Вот почему в эту новую обетованную землю стремились не только скромные подвижники со знаменами мира и любви, но и целые полчища крестоносного воинства, огнем и мечом распространявшего духовную свободу и политическое порабощение. Нередко христианская идея совершенно заслонялась корыстными побуждениями и становилась лишь благовидным официальным предлогом»⁴⁵. Даже об одном из наиболее известных проповедников христианства у балтийских славян Оттоне Бамбергском, которого немецкая и отчасти русская литература изображали как «бескорыстного деятеля, совершившего подвиги нравственного величия»⁴⁶, А. А. Котляревский писал: «Он действовал с ясным сознанием конечной цели, к которой должна была привести насажденная его рукой новая религия, а именно к приобретению благодатной страны не только для христианства вообще, но и для немецкой церкви и народности»⁴⁷. В общем для русских историков было ясно, что «дей-

⁴² И. А. Лебедев. Последняя борьба балтийских славян против онемечения, ч. 1, стр. 86.

⁴³ И. А. Лебедев. Крестовый поход немцев на славян в 1147 г., стр. 406.

⁴⁴ А. Павинский. Указ. соч., стр. 161.

⁴⁵ А. А. Котляревский. Книга о древностях и истории поморских славян в XII в., стр. 323.

⁴⁶ В. А. Францев. Славянские древности. Варшава, 1912, стр. 32.

⁴⁷ А. А. Котляревский. Указ. соч., стр. 408.

ствия христианизаторов, духовных и светских, имели целью приобретение новых земель, новых доходов»⁴⁸.

Естественно, что при таких целях христианство внедрялось отнюдь не мирными средствами, не считая, конечно, миссионерства, которое, как известно, не дало никаких сколько-нибудь ощутительных результатов. Высказывалось даже мнение, что «кончить успешно дело христианской проповеди значило истребить дотла все славянское население»⁴⁹. Еще А. Ф. Гильфердинг констатировал, что христианская церковь несла полабско-балтийским славянам «самую обидную из всех аристократий — аристократию народности»⁵⁰, т. е. угнетение славян немцами.

Выше уже было отмечено, что русские историки непосредственно не занимались экономическими вопросами. Однако экономические последствия христианизации были для них ясны. А. Павинский указывал, что «кроме общей дани, взимаемой с подчиненных императорскими сборщиками, народу приходилось платить церковную десятину — подать, одну из самых обременительных. В пользу епископа новых славянских епархий поступала церковная десятина, взимаемая со всех жителей епископской области... С известного количества земли, называемого плугом, то есть такого, которое возделывалось парюю быков или одной лошадей, поселянин должен был в пользу церкви отдавать одну мерку хлеба, сорок мотков льна и тридцать марок чистого серебра, из которых одну получал церковный сборщик»⁵¹. Сведения о церковных податях и повинностях имеются почти во всей рассматриваемой литературе.

Решающим фактором онемечивания могла быть только колонизация славянских земель. Проблема колонизации — одна из наиболее дискуссионных в истории полабского славянства и балтославянских племен. С этой проблемой связаны вопросы: национальный состав колонистов, их социально-классовая структура, роль церкви в процессе колонизации, продолжительность колонизации и ее последствия (один из наиболее важных вопросов).

Что касается вопроса о национальном составе колонистов, то он непосредственно связан с другой проблемой, а именно: были ли славяне уже истреблены на колонизуемых территориях. Если земля была опустошена, то, естественно, колонистами могли быть лишь пришельцы, а славяне в колонизации не участвовали. Такой концепции придерживаются А. Ф. Гильфердинг, А. Павинский и особенно И. Лебедев. Последний писал: «Началась колонизация опустошенных славянских земель нидерланд-

⁴⁸ М. В. Бречкевич. Полабские славяне, стр. 10.

⁴⁹ А. Павинский. Указ. соч., стр. 161.

⁵⁰ А. Ф. Гильфердинг. История балтийских славян, ч. 2, стр. 362.

⁵¹ А. Павинский. Указ. соч., стр. 95.

цами, которых приглашали немцы»⁵². Историки же, которые не разделяли мнения о полном истреблении славянства перед колонизацией или в ее процессе, признавали, что в составе колонистов было большее или меньшее количество славян. Так, у И. Первольфа читаем: «В селе немцы обосновывались либо на новых землях, либо в уже существующих славянских. Славяне не были исключены из колонизации: монастырям предоставлялось заселять свои земли людьми разных народностей»⁵³.

Совершенно противоположного прежним представлениям взгляда придерживался по этому вопросу Д. Н. Егоров. С его точки зрения, славяне не только участвовали в колонизации, но даже преобладали в ней, а сама колонизация носила скорее внутренний, чем внешний характер. Доказательству этого тезиса Д. Н. Егоров посвящает весь второй том своей монографии, приходя в конце концов к выводу, что главным, «почти единственным носителем всего колонизационного процесса было славянское рыцарство», что «колонизация была внутренняя, проведенная местными силами»⁵⁴.

Весьма дискуссионным является также вопрос о социальном составе колонистов. У И. А. Лебедева прямых указаний на крестьянскую колонизацию нет, но говорится о «громадном количестве» голландцев, которые поселились в основном на левом берегу Эльбы, распространившись до пределов Чехии. «Они также заняли города и села славян в их дедовской земле у правого берега Эльбы и по Гавелю»⁵⁵. Таким образом, колонизация носила, по И. А. Лебедеву, массовый характер, из чего напрашивается вывод о широком участии в ней крестьянства и горожан.

И. Первольф говорит об участии в колонизации рыцарства, духовенства, горожан и об «огромном переселении крестьянства, в основном саксонского и нидерландского; их приглашали светские землевладельцы и особенно монастыри»⁵⁶. А. С. Будилович указывает на участие в колонизации представителей всех слоев немецкого общества, не выделяя ни один из слоев особо⁵⁷.

Д. Н. Егоров приходит к выводу о решающей роли в колонизации славянского дворянства, рыцарства. Что же касается «тех значительных кадров земледельцев, которые понадобились землевладельцам для заселения новозахваченных земель», то, по мнению Д. Н. Егорова, вполне удовлетворительный ответ на этот вопрос «навряд ли когда-нибудь будет дан: ведь крестья-

⁵² И. А. Лебедев. Последняя борьба..., стр. 68.

⁵³ И. Первольф. Указ. соч., стр. 220.

⁵⁴ Д. Н. Егоров. Славяно-германские отношения..., т. 2, стр. 585, 594.

⁵⁵ И. А. Лебедев. Последняя борьба..., стр. 166.

⁵⁶ И. Первольф. Указ. соч., стр. 15.

⁵⁷ А. С. Будилович. Указ. соч., стр. 1.

нин почти неуловим в доступной нам традиции»⁵⁸. Тем не менее, исходя из общих соображений, Д. Н. Егоров приходит к выводу, что «славянское крестьянство принимало деятельное участие в колонизационном процессе»⁵⁹.

В вопросе о социальной структуре колонизаторов есть еще одна сторона. Если решающий удельный вес крестьянства в среде земледельцев не может вызывать сомнения, то далеко не так ясен вопрос об организаторах колонизационного процесса, т. е. о том, кто преобладал в составе землевладельцев, привлекавших колонистов на новые земли. Большинство авторов склоняется к тому, что главную роль в привлечении колонистов играло дворянство. Однако М. В. Бречкевич указывает на главенствующую роль монастырей⁶⁰. Все же русские историки, за исключением Д. Н. Егорова, сходятся в одном: кто бы ни был главным организатором переселения, осуществлялось оно непосредственно через локаторов, поскольку речь шла о переселении массы немецкого крестьянства на новые земли. И в этом вопросе принципиально противоположную точку зрения высказывает Д. Н. Егоров: для внутренней колонизации нет никакой необходимости в локаторах. Сведения о локаторах Д. Н. Егоров считает «ученым мифом»⁶¹, пытаясь опровергнуть всю предшествующую литературу: «Где, спрашивается, локатор, наиболее излюбленная фигура всех историков колонизации, тот безымянный разночинец с мозолистыми руками, которому историография в меру его необыкновенных заслуг уготовила необычайную карьеру: крестьянский предприниматель, быстро превращающийся в главного администратора деревни, а затем и в ее владельца... Без локатора нет и колонизации — так, без преувеличения, можно бы формулировать общие убеждения; и все-таки она протекала без него»⁶².

Нужно сказать, что колонизационная теория Д. Н. Егорова, несмотря на внешнюю привлекательность, имеет много огрехов. Внутренний характер колонизации Д. Н. Егоров пытается доказать на основе анализа национальной принадлежности всех имен, упомянутых в так называемом «Десятинном регистре Рацебургской епархии». Однако многие из этих имен причисляются Д. Н. Егоровым к славянским с явной натяжкой. Поэтому выводы его о славянской, т. е. внутренней колонизации представляются мало обоснованными. Как совершенно справедливо отметил в своей рецензии А. Савин, XIII век есть «классический век немецкой экспансии и восточной тяги, больших успехов немецкой колонизации в Чехии, Силезии, Польше, век утверждения

⁵⁸ Д. Н. Егоров. Славяно-германские отношения..., т. 2, стр. 594.

⁵⁹ Там же, стр. 599.

⁶⁰ М. В. Бречкевич. Первые поморские монастыри.

⁶¹ Д. Н. Егоров. Славяно-германские отношения..., т. 2, стр. 565.

⁶² Там же, стр. 563.

двух немецких духовно-рыцарских орденов на восточном Балтийском побережье. Априори трудно было бы предположить, чтобы волны немецкого прилива совсем обошли тихий Мекленбург»⁶³. И далее А. Савин выражает законное сомнение в выводе Д. Н. Егорова об отсутствии в Мекленбурге XIII в. немецких дворян-поселенцев.

Важным вопросом в проблеме колонизации, затрагиваемым русской историографией полабско-балтийского славянства, является вопрос о причинах колонизации. Правда, он рассматривается лишь вскользь и немногими авторами, но имеет принципиальное значение. И. А. Лебедев объясняет стремление к колонизации стихийными бедствиями, сгонявшими германцев с насиженных мест⁶⁴. Д. Н. Егоров с этим тезисом не соглашается, поскольку, с его точки зрения, почти никакой немецкой колонизации и не было. Ни один из русских историков балтийского славянства не учел того обстоятельства, что к концу XII в. в германских землях уже сложились прочные феодальные отношения и что, следовательно, тяга крестьян на новые земли может объясняться их стремлением уйти из-под крепостной зависимости, улучшить свои жизненные условия: ведь колонисты селились на немецком праве, предоставлявшем определенные перспективы для развития крестьянского хозяйства и личную свободу основному производителю.

В тесной связи с разобранными проблемами стоит вопрос о полном онемечении или истреблении полабско-балтийских славян. Собственно, речь идет о том, как долго славяне еще существовали в Поморье и Полабье в неассимилированном состоянии.

Выше отмечалось, что те ученые, которые отстаивают тезис о чисто немецкой колонизации, считают, что славяне были полностью или почти полностью уничтожены еще до немецкого переселения. О «мирном истреблении» славян сразу после завоевания говорит А. Ф. Гильфердинг⁶⁵; «славяне были уничтожены и изгнаны», — резюмирует И. А. Лебедев⁶⁶. Это, конечно, не значит, что указанным историкам не было известно о существовании кашубов еще в XVIII в. и лужицких сербов в то самое время, когда русские историки писали свои труды. Однако сохранение остатков полабско-балтийских славян они объясняли особыми причинами (раннее принятие христианства, включение в состав славянских государств, географическое положение). Что же касается всех остальных славян, то их полное исчезновение датируется не позднее чем XIV—XV вв. Несомненно, на всех этих историков большое влияние оказала «Славянская хроника» Гель-

⁶³ «Исторические известия», 1916, № 1, стр. 92.

⁶⁴ И. А. Лебедев. Последняя борьба..., стр. 69.

⁶⁵ А. Ф. Гильфердинг. История балтийских славян, ч. 1, стр. 316.

⁶⁶ И. А. Лебедев. Последняя борьба..., стр. 166.

мольда. На ее противоречия они не обратили достаточного внимания⁶⁷.

Первым из русских историков полабско-балтийского славянства, отказавшимся разделить веру в свидетельства Гельмольда о полном истреблении славян, был И. Первольф. Он констатирует: «Ошибается Гельмольд, житель отдаленной Варрии, что призванные Альбрехтом колонисты повсеместно поразили и изгнали славян. Славяне продолжали жить рядом с немецкими колонистами еще много веков»⁶⁸. Примечательно, что свое мнение И. Первольф обосновывает некоторыми экономическими соображениями: «При громадной немецкой колонизации полабско-балтийских стран, поддерживаемой не только господами немецкими, но и славянскими, случались некоторые несправедливости, например славянские поселяне должны были часто уступать новым колонистам. Но повальное изгнание славянских подданных из не очень густо заселенных стран не могло нисколько лежать в интересах господ даже немецких или онемеченных. Немецкая колонизация в селах и городах приносила господам больше доходов; но не всегда можно было производить такую колонизацию, и надо было довольствоваться доходами от славян. Немецкие или онемеченные господа, конечно, предпочитали немецких колонистов, руководясь не только финансовыми видами, но также национальными симпатиями, но национальные антипатии не повели еще к пренебрежению славянскими колонистами. Мнение о повальном изгнании славян не соответствует исторической истине»⁶⁹. И. Первольф подробно останавливается на процессах колонизации в деревне и в городе. Он отдает себе отчет в том, что и деревни, и города онемечивались, но, по его мнению, «преобразование славянских селений в селения по немецкому праву нельзя... себе представлять как полное вытеснение, изгнание славянских жителей и замену их немецкими колонистами. Такое преобразование не лишало еще славянских крестьян права пользоваться новым немецким правом, и шульц, приглашая немецких колонистов в славянское село, вероятно, оставлял в нем тех коренных жителей, которые приняли новые условия, да, пожалуй, и вовсе не приглашал туда немцев. Даже шульцы не были исключительно немцы»⁷⁰.

Онемечивание городов И. Первольф представляет себе тоже как весьма длительный процесс. Он говорит о «вековом антагонизме» между немцами и славянами в городах, об исключении славян из некоторых цехов и городского представительства, однако подчеркивает, что такого рода дискриминация возникает

⁶⁷ О противоречиях в хронике Гельмольда см. предисловие Л. В. Разумовской к русскому изданию (М., 1963), стр. 21.

⁶⁸ И. Первольф. Указ. соч., стр. 67.

⁶⁹ Там же, стр. 23.

⁷⁰ Там же, стр. 92—93.

«не ранее XV в.» И. Первольф приводит также свидетельства из правовых документов XV в., доказывающие, что еще и в это время славяне могли быть членами некоторых городских цехов и вообще горожанами, хотя и не могли участвовать в городском управлении⁷¹.

Эти мысли И. Первольфа не потеряли значения и до настоящего времени. Еще и в 1943 г. Н. П. Грацианский, признавая факт вытеснения славян с некоторых земель, высказывал мысль о неправомерности концепции массового искоренения славянства. П. Н. Грацианский подвергает критике хроника Гельмольда, отмечая, что «часто немцы селились в одной и той же деревне со славянами», что «такое же смешение наблюдалось и в городах, где славяне пополняли собой и ряды бюргерства, и ряды патрициата», что «часто монастыри, знать и князья (немецкие и местные) приглашали в качестве колонистов на пустые земли не только немцев, но и славян»⁷².

Разумная критика Гельмольда и выводы из этой критики составляют, таким образом, определенное достижение русской историографии. Однако в работе Д. Н. Егорова критика Гельмольда приобретает характер полного отрицания всех его данных, важнейший источник сводится им до уровня житийной литературы⁷³. Совершенно не доверяя Гельмольду, Д. Н. Егоров считает неправомерным тезис о «немецкой стихийной колонизации, все сметавшей перед собой вследствие численного или культурного превосходства». По мнению Д. Н. Егорова, «бок о бок, тихо и мирно, насколько это возможно было в средние века, жили славяне и немцы»⁷⁴. После всего сказанного Д. Н. Егоров, естественно, задается вопросом: «Но, спрашивается, когда же, при каких условиях произошла германизация?» Ответ звучит так: «Из всего, что удалось установить относительно колонизации XIII в., явствует, как мало германизация идентична с процессом заселения, насколько неприемлема и примитивна датировка «с XIII в.», и упрощена формула — пришел, заселил, онемечил. Германизация создавалась исподволь, в течение очень долгого времени, по сложным весьма причинам. Не только вследствие существования или „преобладания“ немцев в стране, но и как результат вступления Мекленбурга в более тесное общение с Западом... Окончательный же удар был нанесен тем колоссальным разрежением населения, которое сопутствовало великой разрухе Тридцатилетней войны, после которой, действительно, terra in vas-

⁷¹ И. Первольф. Указ. соч., стр. 75.

⁷² Н. П. Грацианский. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943, стр. 42.

⁷³ Д. Н. Егоров. Славяно-германские отношения, т. 1, стр. 75 и 90.

⁷⁴ Там же, стр. 541.

tam solitudinem redacta нуждалась в новой колонизации, на этот раз уже совпадавшей с германизацией»⁷⁵.

Эта концепция Д. Н. Егорова не нашла подтверждения в дальнейших исследованиях. К сожалению, отбросив ее, некоторые из более поздних исследователей не приняли и наиболее правдоподобную точку зрения И. Первольфа и Н. П. Грацианского на продолжительность процесса онемечивания полабско-балтийских славян и вернулись к позициям 50—70-х годов XIX в. Так, в книге З. М. Черниловского вновь идет речь о «совершенном вымирании... ассимиляции, онемечивании славянства к XV столетию, если не раньше»⁷⁶.

На основании всего изложенного мы можем сделать определенные выводы о сильных и слабых сторонах русской дореволюционной историографии полабско-балтийского славянства. К заслугам ее следует отнести создание общей широкой картины развития и гибели этой ветви славянства, обработку практически всех имеющих отношение к рассматриваемым проблемам источников, выявление массы фактических данных, критический анализ литературы на многих языках, выработку ряда реалистических концепций, не утративших своего значения и до настоящего времени.

Слабости же этой историографии — идеалистический подход к методологическим проблемам, славянофильская тенденциозность, нигилистическое отношение к источникам и предшествующей литературе (Д. Н. Егоров), игнорирование экономических факторов истории полабско-балтийского славянства или явно недостаточное внимание к ним. Эти слабости были порождены в основном исторической обстановкой, в которой работали упомянутые историки.

⁷⁵ Там же, т. 2, стр. 601.

⁷⁶ З. М. Черниловский. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959, стр. 126.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ XIV—XVI вв.¹

В истории Восточной Европы (как и феодальной Европы в целом) XIV—XVI века занимают особое место прежде всего потому, что в это время происходит оформление ее главных политических сил: России, Великого княжества Литовского и Польши. Выяснение взаимоотношений между восточноевропейскими странами в этот период уже давно стало важной научной проблемой. В настоящее время в качестве одной из первоочередных задач советской историографии выдвигается разоблачение утверждений буржуазных историков об «исконной агрессивности» России и их попыток исключить восточное славянство или хотя бы одну его часть — Россию — из истории Европы, представить историю восточноевропейских стран в виде борьбы «европейской цивилизации» с «азиатским варварством»².

В работах историков, как советских, так и стран социалистического лагеря (особенно Польской Народной Республики), опровергаются эти надуманные и тенденциозные построения и раскрываются во всей своей сложности и значимости различные аспекты истории народов Восточной Европы. Однако в этой обширной литературе отсутствуют обобщающие исследования дипломатической истории, а имеющиеся работы далеко не охватывают всех вопросов. В советской историографии политическая история Восточной Европы XIV—XVI вв. в целом не была предметом специального монографического изучения. В результате международная проблематика восточноевропейского средневековья у нас изучена слабее, чем, скажем, социально-экономическая история, интерес к которой закономерно возрастал в последние годы. В настоящее время внешняя политика России ста-

¹ В связи с выходом книги И. Б. Грекова «Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв.». М., 1963, 374 стр. (Далее — И. Б. Греков. Очерки).

² И. Б. Греков. Очерки, стр. 5—10; «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962; В. П. Шушарин. Западно-германская историография русского феодализма. «Славяно-германские исследования». М., 1963; В. Т. Пашуто, В. И. Салов, А. Д. Хорошкевич. Против фальсификации истории нашей Родины немецкими реваншистами. М., 1961; А. Л. Гольдберг. Дитер Гро отлучает Россию от Европы. «История СССР», 1963, № 5, стр. 208—212 и др.

ла разрабатываться больше, чем раньше. Международные связи России периода раннего и развитого феодализма сделались объектом пристального внимания ученых Советского Союза и историков зарубежных стран³. Но все это не меняет вывода о недостаточной изученности дипломатических отношений.

Тем больший интерес представляют работы, в которых намечены контуры дипломатической истории в ее наиболее важных направлениях и связях. Так, крупнейшие проблемы отечественной истории были рассмотрены в связи с подготовкой многотомной истории СССР⁴. Серьезным вкладом в разработку дипломатической истории явился сборник статей «Международные связи России до XVII в.»⁵

Интересный опыт детального изучения внешней политики Русского государства второй половины XV в. представляет капитальное исследование (к сожалению, не завершенное) К. В. Базилевича⁶.

Л. В. Черепнин в своей монографии «Образование Русского централизованного государства» (М., 1960) в связи с анализом внешнеторговых связей русских земель по-новому рассматривает вопрос о внешнеполитическом факторе как моменте, ускорившем политическую централизацию на Руси⁷.

Новым шагом вперед в разработке вопросов внешней политики России XVI в. и международных отношений Восточной Европы явилась книга В. Д. Королюка «Ливонская война», в которой исследуется одно из наиболее значительных событий военно-дипломатической истории средневековья⁸.

Много интересного для понимания международной политики XVI в. и места России в ней дают работы по дипломатической истории (преимущественно русско-английских отношений) Я. С. Лурье⁹.

³ «Международные связи России до XVII в.». Сборник статей. М., 1961, стр. 3.

⁴ О. В. Орлик. Обсуждение проблем истории внешней политики России. (Обсуждение доклада А. В. Фадеева и И. В. Бестужева «Об эволюции внешней политики царизма и международных отношений XVI—XIX вв.»). «История СССР», 1962, № 2, стр. 227—228.

⁵ Оценку этого сборника см. в рецензии В. А. Голобуцкого («Вопросы истории», 1963, № 5, стр. 118—120).

⁶ К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. Изд-во МГУ, 1952.

⁷ Рецензию на книгу Л. В. Черепнина автора данной статьи см.: «Преподавание истории в школе», 1961, № 6, стр. 97—98.

⁸ В. Д. Королюк. Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954. См. также написанные В. Д. Королюком разделы в «Очерках истории СССР» (М., 1955, гл. 2, стр. 369—393) и во «Всемирной истории» (т. IV. М., 1958, стр. 430, 450, 488—496 и др.).

⁹ Я. С. Лурье. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. «Международные связи России до XVII в.» М., 1961, стр. 419—443 и др.

Не потеряли, на наш взгляд, своего значения также работы Р. Ю. Виппера¹⁰ и И. И. Полосина¹¹. Особенно ценны новые документы, введенные в научный оборот И. И. Полосиным. Они расширяют существующие представления о международном положении России, ее внешней политике и дипломатии во второй половине XVI в.¹²

Исследования последних десятилетий, по мнению С. О. Шмидта, свидетельствуют об отходе советских историков от традиционных воззрений, когда главное внимание уделялось взаимоотношениям России с западноевропейскими странами¹³. Внешняя политика России на Востоке и на Юге стала разрабатываться полнее. Но по-прежнему важнейшей задачей остается изучение внешней политики и отношений России как с европейскими странами, так и странами Востока в «широкой перспективе международной политики»¹⁴. Необходимы и исследования, «где бы учитывалось взаимодействие факторов внутренней и внешней политики Российского государства XVI в.»¹⁵, взаимоотношения между государствами в сфере культуры¹⁶, разрабатывались бы проблемы о соотношении «истории стран» со «всемирной историей»¹⁷.

В свете этого краткого обзора литературы и задач, которые встают в изучении дипломатической истории и внешней политики России и других восточноевропейских стран, следует приветствовать появление работы И. Б. Грекова. Эта монография не вводит в научный оборот новых материалов. Она основана на критическом пересмотре опубликованных источников и литературы, как русской, так и иностранной, при этом довольно обширной. Но и в таком виде выход ее в свет на современном этапе разработки темы вполне оправдан, поскольку эта одна из первых серьезных

¹⁰ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М.—Л., 1944.

¹¹ И. И. Полосин. Западная Европа и Московия в XVI в. Вступительная статья к кн.: Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. М., 1925, стр. 9—52; И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. Сб. статей. М., 1963, стр. 67—71, 187—188 и др.

¹² И. И. Полосин. Из истории блокады Русского государства. (Перевод и вводная статья И. И. Полосина). «Материалы по истории СССР», т. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955, стр. 249—271.

¹³ С. О. Шмидт. Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». «История СССР». М., 1962, стр. 129.

¹⁴ Там же, стр. 134.

¹⁵ Там же, стр. 128.

¹⁶ Л. В. Данилова. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России. «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС», стр. 77.

¹⁷ «Вопросы истории», 1963, № 3, стр. 49 (выступление Б. Ф. Поршнева на заседании Секции общественных наук АН СССР 3—6 января 1964 г.).

попыток широкого обобщения накопленного материала по актуальному сюжету¹⁸.

Само собой разумеется, что в широком охвате событий почти трехвековой продолжительности не все одинаково равноценно, не все вопросы рассматриваются с одинаковой полнотой, в целом ряде случаев встречаются упущения, недоработки, спорные положения и ошибочные толкования. Рассмотрим, какое отражение получили в книге наиболее важные сюжеты истории международных отношений Восточной Европы XIV—XV вв.

1. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ГОСУДАРСТВ

Определяя свои исходные методологические позиции, И. Б. Греков исходит из известного марксистского положения о связи внешней политики с социально-экономическим и политическим развитием. Однако внутривнутриполитический фон дипломатических событий очерчен недостаточно, схематично, иногда неточно. В известной мере это объясняется тем, что пока нет исследований, в которых бы в полной мере учитывалось взаимодействие факторов внутренней и внешней политики восточноевропейских государств, в частности России¹⁹.

В работе И. Б. Грекова не всегда ясны мотивы, обстоятельства, причины тех или иных внешнеполитических акций феодальных государств. Правда, порой автор считает их само собой разумеющимися, понятными и не нуждающимися в широком обосновании (например, причины Ливонской войны)²⁰.

Раскрывая характер турецко-крымских отношений, И. Б. Греков не ушел той более углубленной постановки вопроса о причинах татарских нападений на Русь и Украину, которая была сделана в литературе. И. П. Петрушевский показал, что особый интерес военно-феодальной знати Крыма к захвату полона вызывался как потребностями экономики Крымского ханства (и здесь он особо выделил существование пережиточного рабовладельческого уклада с применением рабов в садоводстве, ремесле и особенно в полукочевом скотоводстве), так и главным образом потребностями невольничьего рынка Турции. В плане международного характера крымской работорговли становятся особенно понятными постоянные нападения татар²¹.

¹⁸ Рецензию В. В. Мавродина на книгу И. Б. Грекова см.: «Вопросы истории», 1964, № 7.

¹⁹ С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 128.

²⁰ И. Б. Греков. Очерки, стр. 313—314.

²¹ И. П. Петрушевский. Рец. на кн.: А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948. «Ученые записки ЛГУ», № 123. История и филология стран Востока, вып. 3, 1952, стр. 229—236.

При чтении монографии И. Б. Грекова создается впечатление, что характером, манерой изложения (а подчас самим материалом и выводами) персонифицируется внешняя политика и военная история. Само собой разумеется, когда освещается дипломатическая или военная история, в глаза прежде всего бросаются лица, которые стоят во главе посольств и миссий, ведут переговоры, заключают договора и союзы. Но если ограничиться всем этим, то значит абсолютизировать военно-дипломатическую историю. К сожалению, в известной мере это присуще и работе И. Б. Грекова. Такие формулировки, как «поход Грозного на Крым»²², «вынужденный уход войск Магнуса и Ивана IV из-под Ревеля»²³ и др., дают неправильную картину событий, помимо всего прочего, и потому, что Иван IV в указанных операциях лично не участвовал.

Автору следовало усилить классовый анализ внешней политики, резче подчеркнуть роль народных масс в борьбе за независимость (особенно когда речь идет о совместной борьбе ряда народов), в защите городов и т. д. Так, например, не учитываются особенности ряда городских и крестьянских восстаний в России в XIV—XV вв., которые были направлены и против феодального гнета, и против иноземных захватчиков. О роли москвичей в защите русской столицы от Тохтамыша в 1382 г. И. Б. Греков говорит вскользь.

И. Б. Грековым совершенно не отмечается роль народных масс в освобождении Руси от татаро-монгольского ига в 1480 г. Да и вообще это «величайшее событие конца XV в., с которого собственно и начинается история России как могущественного независимого государства»²⁴, в книге оценивается лишь попутно, в связи с русско-польскими отношениями и «заговором князей» (русско-украинских феодалов в Поднепровье в 1480—1481 гг.)²⁵.

Между тем в советской исторической литературе (М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин) есть интересные решения проблемы о роли народных масс в борьбе с иноземными нашествиями 1382, 1445 и 1480 гг. Л. В. Черепнин считает возможным в связи с активной ролью народа в обороне русской земли ставить вопрос о месте народа в политической жизни средневековой Руси. В исследованиях М. Н. Тихомирова и Л. В. Черепнина показано, что во время московских восстаний 1382 и 1445 гг., в обстановке нашествия татарских захватчиков, когда представители господствующего класса обнаружили страх и растерянность перед врагом, на авансцену выступает народ. К нему и перешла инициати-

²² И. Б. Греков. Очерки, стр. 318.

²³ Там же, стр. 337.

²⁴ М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV вв. Изд. МГУ, 1957, стр. 231.

²⁵ И. Б. Греков. Очерки, стр. 191—194.

ва в обороне Москвы²⁶. При этом «чернь» действовала более решительно и более дальновидно, чем феодалы, и в конце, в ходе антифеодального восстания, путем применения суровых мер заставила своих классовых врагов принять участие в подготовке города к обороне. В народной программе защиты Москвы обращает на себя внимание выдвигание на первый план общих интересов (реставрация городских укреплений²⁷).

Значительной была роль народных масс в борьбе с ханом Большой Орды Ахмедом (Ахматом) в 1480 г. В литературе главными героями в победе над этим грозным врагом часто делали Ивана III, архиепископа Вассиана и даже Софью Палеолог, будто бы уговаривавшую великого князя бороться с татарами²⁸. Известия о волнениях посадских людей Москвы в 1480 г. считал тенденциозными К. В. Базилевич²⁹. Не поставил вопроса о роли московского восстания 1480 г. П. Н. Павлов, автор специальной статьи о роли народа в борьбе Руси с Ордой³⁰. В другой своей статье этот исследователь отмечает, что Вассиан не играл той роли, которая ему приписывается в литературе³¹.

Анализируя летописные источники, М. Н. Тихомиров приходит к выводу о том, что свидетельства летописи о роли восставшего народа вполне достоверны. М. Н. Тихомиров убедительно показал, что в комплексе причин, вызвавших отступление Ахмед-хана, было и активное выступление московского посада, который дважды заявил свои требования и заставил Ивана III отказаться от пассивного сопротивления татарам³². «Одинаково тенденциозно,— пишет М. Н. Тихомиров,— говорить об Иване III или Иване Молодом как победителе, хвалить или порицать Вассиана и т. д. Истинным героем был русский народ, а московские черные люди в частности»³³.

В плане показа роли народа недостаточно полно раскрыто также значение героической обороны Пскова в 1581 г. Возможно, недооценивая роли Пскова, И. Б. Греков в какой-то мере испытал влияние С. М. Соловьева, который не оценил должным образом это событие для исхода Ливонской войны³⁴. Твердость

²⁶ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 227.

²⁷ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 635—645, 781—784.

²⁸ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 235.

²⁹ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 141—147.

³⁰ П. Н. Павлов. Решающая роль вооруженной борьбы русского народа в 1472—1480 гг. в окончательном освобождении Руси от татарского ига. «Ученые записки Красноярского пед. ин-та», т. IV, вып. 1, 1955, стр. 182—195.

³¹ П. Н. Павлов. Действительная роль архиепископа Вассиана в событиях 1480 г. Там же.

³² М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 235—237; Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 879—882.

³³ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 237.

³⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III, т. 5—6, 1960, стр. 663—665, 759 (комментарий А. М. Сахарова).

позиции московского правительства не «в какой-то мере» определялась упорным сопротивлением русских войск натиску польской армии³⁵. Гораздо ближе к истине В. Д. Королюк, который считает неудачу осады Пскова и истощение Речи Посполитой «главной причиной, побудившей Батория пойти на заключение мирного договора»³⁶ и заставившей польско-литовских феодалов умерить их претензии к Русскому государству³⁷. К тому же известно, что гарнизон Пскова должен был противостоять превосходящим силам врага. В изложении И. Б. Грекова выступает как бы иное соотношение сил, внимание читателя переключается на восприятие событий глазами наступающих, на то, что польско-литовская армия организовала осаду «сильно укрепленной крепости, защищавшейся многочисленным гарнизоном»³⁸. При освещении этого вопроса И. Б. Греков оставляет в стороне важнейший русский источник — «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков».

Не отказывая автору в праве отбора источников и их интерпретации, мы не можем не заметить, что задача сопоставления материалов по истории событий, развивавшихся в результате соприкосновения ряда государств, и всестороннего выявления их сущности до конца не решена в монографии.

2. ДИПЛОМАТИЯ И ЦЕРКОВЬ

Как отметил Е. Винтер, «внимательное изучение истории церкви дает ценные указания для понимания всего исторического процесса, в особенности истории Восточной Европы»³⁹.

В советской исторической литературе исследуются различные аспекты этого вопроса, выясняется положение православной церковной организации, этой важной составной части феодального общества, в экономической, политической и идеологической жизни Русского государства⁴⁰. Коренным образом пересмотрена традиционная версия зарубежной буржуазной историографии о якобы миролюбивом характере внешней политики папства, поновому поставлены вопросы взаимоотношений папства и Руси⁴¹.

³⁵ И. Б. Греков. Очерки, стр. 368.

³⁶ В. Д. Королюк. Ливонская война, стр. 105.

³⁷ «История Польши», т. I. М., 1954, стр. 220.

³⁸ И. Б. Греков. Очерки, стр. 367.

³⁹ Е. Винтер. Россия в политике римской курии в XIV в. «Вопросы истории религии и атеизма», 6, М., 1958, стр. 298; он же. *Rusland und das Papstum*, t. I. Berlin, 1960.

⁴⁰ И. У. Будовниц. Русское духовенство в первое столетие монголо-татарского ига. «Вопросы истории религии и атеизма», 7, М., 1959, стр. 284—302; В. И. Корецкий. Борьба крестьян с монастырями в России XVI — начала XVII в. «Вопросы истории религии и атеизма», 6, М., 1958, стр. 169—215.

⁴¹ С. А. Асиновская, В. И. Буганов. К изучению истории папской политики на Руси X—XV вв. Рец. на книгу: Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959. «Средние века», вып. XVIII, 1960, стр. 250—251.

В связи с дипломатической историей эти вопросы освещены в книге И. Б. Грекова. Автор прав, когда говорит о «весьма важной роли» церкви в сложной борьбе феодальных государств Восточной Европы⁴². Интерес И. Б. Грекова к выяснению роли церкви в плане международных отношений понятен и закономерен. Он определяется и задачей раскрытия специфики межгосударственных отношений, когда религиозные противоречия становились политическими противоречиями, а политическое соперничество довольно часто приобретало религиозный характер⁴³. Раскрыть и объяснить эти проблемы особенно важно и потому, что это позволяет на внешнеполитическом материале разоблачить миф об отрешенности церковных организаций от мирских дел.

Однако в правильной постановке и интересном разрешении ряда вопросов этой темы в монографии И. Б. Грекова имеются упущения. Московская церковная организация, пишет автор, выступала союзником великокняжеской власти «во всех ее международных и внутривнутриполитических начинаниях, была ее опорой в политике собирания русских „православных“ земель вокруг Москвы и создания централизованного Русского феодального государства⁴⁴». Акцентируя связь светской и духовной власти, И. Б. Греков считает, что «трудно согласиться с тезисом А. И. Клибанова о том, что „в целом церковь, ее феодалы, ее идеология были во второй половине XV в. силой, тормозившей процесс государственного объединения“»⁴⁵.

При освещении роли церкви выступает тот недостаток книги, что И. Б. Греков целый ряд сложных внутривнутриполитических явлений непосредственно выводит из внешней политики, а не учитывает связь внутренних и международных событий. Вследствие этого переоценивается роль внешнеполитических факторов во внутривнутриполитической жизни, преувеличивается роль церкви в области внешней политики. Мобилизованный автором чрезмерно обильный «церковный» материал трактуется следующим образом. Прочно став на путь превращения в церковь «национальную» (в связи с разрывом во второй половине XV в. иерархической зависимости от константинопольской патриархии), русская церковь «все же иногда становилась объектом воздействия извне»⁴⁶. Однако в конкретном изложении эта сторона вопроса явно гиперболлизирована. Соперничество западного и восточного христианства И. Б. Греков постоянно связывает с враждой политических сил: Турции, с одной стороны, Рима, Венеции и Габсбургов — с другой. Понятно, что Турция стремилась «широко использовать

⁴² И. Б. Греков. Очерки, стр. 205.

⁴³ Там же, стр. 311.

⁴⁴ Там же, стр. 264.

⁴⁵ Там же, прим. 126.

⁴⁶ Там же, стр. 265.

находившийся под ее контролем константинопольский патриархат в качестве своеобразного подспорья в осуществлении своих внешнеполитических замыслов на Балканах и в Восточной Европе»⁴⁷.

Но бесспорно ли выдвигаемое в книге положение, будто константинопольский патриархат выступал чуть ли не непосредственным исполнителем планов и замыслов турецкого правительства, прямым орудием в его руках?

И. Б. Греков преувеличивает связь между определенными внешнеполитическими событиями и идеологической борьбой в Русском государстве в конце XV — начале XVI в., в частности с таким ярким проявлением реформационного движения, как новгородско-московская ересь. «Под религиозной оболочкой борьбы ереси с ортодоксальным православием скрывалось ожесточенное соперничество Рима и Константинополя»⁴⁸. И. Б. Греков не удовлетворяется теми объяснениями, которые даются в литературе (А. И. Клибанов, А. А. Зимин, Я. С. Лурье, Н. А. Смирнов) отношениям между Иваном III и верхами еретического движения. Объяснение причин вначале терпимого отношения к ним главы государства, а потом разрыва между ними он ищет в характеристике более широкого фона внутривосточных событий и международной жизни, в связи ереси с «международными силами»⁴⁹.

По мнению И. Б. Грекова, Иван III тайно поддерживал обе конкурировавшие группировки при московском дворе (более того, был создателем такой ситуации), из которых одна ориентировалась на Рим, другая — на Константинополь. По утверждению автора, Иван III «заигрывал» с еретиками для того, чтобы «заигрывать» с константинопольским патриархом и этим доказать ему «свою готовность сблизиться с греческой церковью, а следовательно, находиться в политическом союзе с Портой и Крымом»⁵⁰. В конечном счете речь шла о том, чтобы использовать взаимную борьбу двух группировок господствующего класса для нейтрализации антимосковской активности двух важнейших политических и религиозных центров. В результате Москве удалось обеспечить «благожелательный нейтралитет (если не союз) Рима и Константинополя в годы решающих схваток Ивана III с Польско-Литовским государством»⁵¹.

В плане выявления специфики действий турецко-крымской дипломатии в монографии говорится о стараниях Константинополя и Крыма, направленных на усиление православной церкви в Великом княжестве Литовском, с одной стороны, и ослабление

⁴⁷ И. Б. Греков. Очерки, стр. 255.

⁴⁸ Там же, стр. 265.

⁴⁹ Там же, стр. 222.

⁵⁰ Там же, стр. 216.

⁵¹ Там же, стр. 232.

экономических и политических позиций церкви в Русском государстве, с другой. С такой точки зрения И. Б. Греков квалифицирует внешнюю ориентацию «нестяжательства» и деятельность известного богослова и философа, писателя Максима Грека, объясняя все его протурецкой направленностью.

Вопрос этот не нов. Историки не раз задавались вопросом, насколько справедливы выдвинутые против Максима Грека обвинения в государственной измене, в связях с турецким правительством (Макарий, Филарет, В. Иконников, В. Ржига, Б. И. Дунаев, С. Чернов, Е. Голубинский). Большинство исследователей оценивало эти обвинения как клевету.

Противоположная точка зрения до сих пор наиболее полно была развернута И. И. Смирновым. Конечные выводы автора сводились к тому, что наличие связей Максима Грека «с турецким правительством представляется несомненным» и что, «конечно, эти связи могли быть только враждебного характера»⁵². На этих же позициях И. И. Смирнов остается и в своей новейшей работе по истории России XVI в.⁵³

Правда, И. И. Смирнов также отмечал, что вышеуказанное «отнюдь не означает, что вся деятельность Максима Грека должна рассматриваться в плане выполнения им тайных поручений турецкого правительства». Деятельность Максима Грека может быть понятна лишь «на фоне политической борьбы внутри русского общества XVI в., и в частности борьбы идеологической»⁵⁴.

В трактовке суда над Максимом Греком и его деятельности И. Б. Греков солидарен с основными положениями И. И. Смирнова о самых тесных связях афонского монаха с турецким правительством. Больше того, И. Б. Греков идет еще дальше И. И. Смирнова в заострении этого вопроса; он решает его более прямолинейно и в конечном счете также не убедительно. Автор не учитывает тех замечаний, которые свидетельствуют об известной осторожности И. И. Смирнова в освещении этого сюжета.

В монографии утверждается, что Максим Грек выступал против церковно-монастырского землевладения с целью «ликвидировать материальную базу политического могущества монастырей на Руси, упразднить основу сотрудничества феодальной церкви с феодальным централизованным государством, превратить монастыри в орудие политики бояр и княжат ...ослабить союз церкви и самодержавной власти в Московском государ-

⁵² И. И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком. «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 124.

⁵³ И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.—Л., 1958, стр. 20.

⁵⁴ И. И. Смирнов. К вопросу о суде над Максимом Греком, стр. 126, прим. 2.

стве»⁵⁵. Все эти действия Максима Грека, как убежден автор, направлены на ослабление политической роли церкви и в то же время на восстановление зависимости московского митрополита всея Руси от константинопольского патриарха, а «*вместе с ним и от константинопольского правительства*»⁵⁶.

Но и этим И. Б. Греков не ограничивается. Он пытается убедить читателя, что за религиозной деятельностью Максима Грека «скрывалась вполне определенная программа, предложенная ему не столько константинопольским патриархом, сколько константинопольским правительством»⁵⁷. По утверждению автора, Максим Грек «был не столько переводчиком-богословом, сколько политическим деятелем протурецкой ориентации», и его «протурецкая деятельность» является якобы «фактом бесспорным»⁵⁸. Смысл действий Максима Грека и его «московских коллег» (Берсень-Беклемишев, Вассиан Косой) определяется в монографии следующим образом: «Влиятельная церковно-боярская группировка, которая формально выступала в защиту „истинного“ христианства, боярской старины и т. д., по существу старалась в интересах Османской империи затормозить процесс дальнейшего развития русского централизованного государства, подготовить благоприятные условия для последующих вторжений крымско-турецких войск на территорию Московской Руси»⁵⁹.

По непонятным для нас причинам монография не знакомит читателя с взглядами Максима Грека на вопросы внешней политики. Между тем известно, что он выступает как борец против Турции и ее вассалов. В 1521 г., после разорительного нападения крымского хана Махмед Гирея, Максим Грек обращается к Василию III со специальным посланием, в котором в качестве главной внешнеполитической задачи выдвигает борьбу с Казанским ханством⁶⁰. С этим призывом Максима Грека к активной политике против Казанского ханства трудно согласуются утверждения автора, будто в 1524 г. Максим Грек и Берсень-Беклемишев «вошли в тесный контакт с турецким послом Скиндером, чтобы закрепить за Портой Казань» и подготовить условия для нового вторжения крымско-турецких войск на Русь⁶¹.

Известно также, что Максим Грек выступал поборником освобождения греков от турецкого владычества. Он постоянно стремился представить всех «измаилтян» врагами православия и славянских народов. В связи с этим он осуждает политику болр-

⁵⁵ И. Б. Греков. Очерки, стр. 277, прим. 171.

⁵⁶ Там же, стр. 277 (курсив мой.— Г. Б.).

⁵⁷ Там же, стр. 280 (курсив мой.— Г. Б.).

⁵⁸ Там же, стр. 280.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. «Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в.». М., 1958, стр. 419.

⁶¹ И. Б. Греков. Очерки, стр. 283.

ского правительства, развертывавшего активные действия на западе с целью расширения территории государства и не боровшегося с «измаилтянами»⁶². Он призывал (в отличие от И. Пересветова) не прельщаться победами, «добросчастьем» и «исправлениями» (т. е. порядками турок). Одной из важных задач России он считал освобождение греков от «безбожных агарян»⁶³. Правда, вскоре Максим Грек убедился в безнадежности этой задачи, и эта мысль не находит у него дальнейшего развития, подобно другим⁶⁴.

И. Б. Греков считает (вслед за Е. Голубинским), что «Максим Грек, проходя курс наук в Италии, был далек от увлечения римско-католической церковью», что, остро критикуя сложившуюся на Руси практику монастырского землевладения, он приводил в качестве образца «какие-то монашеские ордена Италии»⁶⁵. Исследованиями И. Денисова, известными автору, но не учтенными им, значительно продвинуто вперед изучение жизни и творчества Максима Грека⁶⁶. И. Денисовым выявлено гражданское имя Максима Грека (показом идентичности Максима Грека и Михаила Триволиса, Максима Триволиса), что уже учитывается советскими исследователями⁶⁷, установлена принадлежность Михаила Триволиса к доминиканцам, убедительно обоснована дата его рождения — 1470 г., а не 1475 г., как указано в книге⁶⁸, показано, что его юность прошла в ближайшем окружении итальянских гуманистов.

И. Б. Греков справедливо (вслед за А. И. Клибановым и С. М. Каштановым) выступает против главного тезиса И. Денисова о «западничестве» Максима Грека. Однако известные теперь новые факты биографии Максима Грека (особенно принадлежность к доминиканцам) необходимо иметь в виду. Тогда станет понятнее, например, интерес к его судьбе римской церкви, что автор рассматривает в плане протурецкой деятельности Максима Грека⁶⁹.

⁶² А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 419.

⁶³ Там же.

⁶⁴ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 161—162.

⁶⁵ И. Б. Греков. Очерки, стр. 273, 276.

⁶⁶ Elie Denisoff. Maxime le grec et l'Occident. Contribution a l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris—Louvain, 1943; А. И. Клибанов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. «Византийский временник», т. XVI, 1958, стр. 148—174; С. М. Каштанов. Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографиях. Там же, стр. 284—295.

⁶⁷ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962, стр. 284; А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 49, 393; Д. С. Лихачев. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). М.—Л., 1962, стр. 323—324.

⁶⁸ И. Б. Греков. Очерки, стр. 273.

⁶⁹ Там же, стр. 287.

Решающим доказательством в пользу версии о туркофильстве Максима Грека автор считает летописный отрывок, опубликованный в свое время М. Н. Тихомировым. Однако неясно, почему И. Б. Греков опустил оценку этого источника и критику мнения о протурецкой деятельности Максима Грека, которая дается в советской литературе⁷⁰. Критику И. У. Будовница поддержал в последнее время А. А. Зимин, который также считает, что «крайне неудачна попытка И. И. Смирнова рассматривать Максима Грека как турецкого эмиссара»⁷¹.

Характерно также, что М. Н. Тихомиров, вводя в научный оборот вышеупомянутый источник, не делает из него таких выводов, как И. И. Смирнов и И. Б. Греков⁷².

Возражения И. У. Будовница можно расширить и продолжить. Нельзя, например, считать аргументированным взгляд на встречу Максима Грека с турецким послом Скиндером как на встречу двух агентов турецкого правительства, а не просто грека с греком. Следует иметь также в виду, что вопрос об отношении современников к грекам, в частности к греческим иерархам, подданным султана, вызывал горячие споры в русской письменности XVI в. Наряду с резко отрицательным отношением к грекам, находившимся под властью турок, были и защитники авторитета константинопольского патриарха⁷³. Очень велик в XVI и XVII вв. был авторитет Максима Грека как писателя, переводчика и публициста⁷⁴. Понятно, что феодальные правительства в достижении своих целей не брезговали никакими средствами, в частности широко разветвленной системой разведки. Но И. Б. Греков не привел достаточных данных для широкого обобщения о константинопольском патриархе как орудии в руках султанов.

Что касается летописного отрывка, о котором выше шла речь, то это, несомненно, интересный и важный источник. Но значимость его определяется иначе, чем полагают И. И. Смирнов и И. Б. Греков. Это одно из свидетельств официальной трактовки событий, один из тех путей, по которым она проникла на страницы летописей и других памятников русской письменности⁷⁵. Это один из примеров того, как санкционировались и узаконивались необходимые оценки и характеристики, как в

⁷⁰ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 142—144.

⁷¹ А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 419, прим. 93.

⁷² См., например: М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. «Славянский сборник», М., 1947, стр. 187. В его последних работах внешнеполитическая ориентация Максима Грека не затрагивалась.

⁷³ «Сочинения И. Пересветова». Подготовил текст А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1956, стр. 293—294 (комментарии Я. С. Лурье).

⁷⁴ О. А. Белоброва. К вопросу об иконографии Максима Грека. «Труды отделения древнерусской литературы», 1958, т. 15, стр. 303.

⁷⁵ На это любезно обратил наше внимание А. А. Зимин.

определенных внутри- и внешнеполитических интересах «сочинялась» история. Такие факты были частыми в истории феодально-крепостнической России.

3. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Исходя из того, что «темпы, масштабы, активность» процессов формирования восточноевропейских государств зависели и от соотношения сил на международной арене»⁷⁶, И. Б. Греков не ограничивается «национальными масштабами», показом взаимоотношений только двух стран, как это часто имеет место в литературе. Он дает сравнительно широкий охват событий, пытаясь при этом раскрыть их взаимосвязь и взаимодействие. Отношения между Россией и Речью Посполитой (а до ее образования — с Польшей и Литвой) автор стремится показать в связи (в различной мере) с политикой Золотой Орды, Крымского ханства, Османской Турции, Священной Римской империи, Немецкого ордена, папского Рима, Швеции, Дании.

В известной степени учитываются также и внутренние связи и взаимодействие различных политических явлений, прослеживается влияние дипломатического фактора на внутреннюю жизнь государств. В той или иной мере показано положение и роль каждой из стран-контрагентов. В центре внимания монографии находятся также наиболее важные изменения в расстановке сил на международной арене, возникновение и судьба различных политических и дипломатических комбинаций.

Однако по многим этим вопросам работа не доведена до конца. Хотя внешнеполитическая история и должна быть доминантой в книге, это не оправдывает переоценки ее роли и относительной самостоятельности в жизни восточноевропейских стран. Преимущественное внимание в книге уделяется собственно дипломатической истории, перипетиям политических отношений, дипломатическим и военным мероприятиям государств, анализу переговоров, соглашений, договоров, союзов и всевозможных дипломатических комбинаций. Значительно слабее показывается и раскрывается сущность тех вопросов и объектов, вокруг которых развевывалась борьба.

При изучении международных отношений необходимым является выделение основных проблем взаимосвязи и конфликтов, а также определение главных линий внешней политики государств. Однако в книге нет четкости и полноты в постановке этих вопросов. Анализируя события общеевропейского характера, И. Б. Греков не всегда одинаково полно показывает интересы, цели всех государств, недостаточно выясняет все линии, по которым развивались отношения между ними. Так, мало представлены в книге русско-польские отношения с точки зрения

⁷⁶ И. Б. Греков. Очерки, стр. 3.

балтийских интересов обеих стран, хотя по этому вопросу имеется специальное новейшее исследование⁷⁷. Рассмотрение этого вопроса необходимо и потому, что в современной польской литературе не преодолено ошибочное положение буржуазных историков Польши о решающей роли «проблемы Балтики» в русско-польских отношениях XVI—XVII вв.⁷⁸

В работе И. Б. Грекова очень мало показано, какое место в международных отношениях занимала Молдавия, хотя известно, что борьба за нее протекала весьма ожесточенно⁷⁹. Не всегда фиксируются исходные моменты в установлении дипломатических отношений (Россия и Турция, Россия и Англия), что нельзя считать правомерным в монографии по истории международных отношений.

Если говорить о пропорциях распределения материала в хронологическом плане, то второй половине XVI в. явно не повезло. Изложение событий обрывается на конце ливонской войны, что само по себе может быть взято в качестве конечной границы исследования, но не может являться концом трехвекового процесса «складывания новой политической карты Восточной Европы»⁸⁰. О XVI в. можно говорить как об очередном, новом этапе в расстановке сил на международной арене. Формирование же политической карты Восточной Европы в XVI в. не завершается: оно происходит позднее, тогда же речь шла о складывании многих ее элементов. Это объясняется тем, например, что балтийская проблема во внешней политике России разрешается лишь в первой четверти XVIII в. Значительно позже в XVI в. была решена и задача воссоединения с Россией украинских и белорусских земель. Не решался до конца XVI в. и вопрос образования Габсбургской империи и т. д.

4. ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ РУСИ. МОСКВА ИЛИ ВИЛЬНО?

Одним из важнейших событий истории Восточной Европы XIV—XVI вв. был процесс постепенного объединения русских земель в рамках централизованного государства, борьба Руси

⁷⁷ А. С. Кан, Вл. Чаплинский. Балтийский вопрос в XVI—XVII вв. «Средние века», вып. XX, 1961, стр. 301—302.

⁷⁸ О. Л. Вайнштейн. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море. «Ученые записки ЛГУ», 1951, № 130. Серия ист. наук, вып. 18, стр. 170, прим. 2.

⁷⁹ «История Молдавской ССР», т. I. Кишинев, 1951; Н. А. Мохов. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев, 1961; Н. А. Мохов, К. В. Стратиевский. Роль русского и украинского народов, в исторических судьбах Молдавии. Кишинев, 1963; И. Шлаен. К вопросу о характере внешней политики Придунайских княжеств в конце XVI в. «Ученые записки Молдавского гос. пед. ин-та», 1949, г. 1, стр. 46—70.

⁸⁰ И. Б. Греков. Очерки, стр. 3, 372.

за воссоединение западнорусских, украинских и белорусских земель. Правильное освещение этих вопросов приобретает особое значение в связи с необходимостью разоблачения буржуазной историографии (Г. Раух, Г. Вернадский). Особенно тенденциозны в изучении этой проблемы украинские, белорусские и польские буржуазные националисты, находящиеся ныне в США (О. Галецкий, Н. Вэкар, Х. Яблоновский). Они стремятся показать в отрыве историю трех братских народов — русского, украинского и белорусского, игнорируют объективный характер процесса объединения русских земель. Борьбу России за воссоединение западнорусских и украинских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, они оценивают как экспансионистскую, агрессивную политику⁸¹. Показательно и то, что эта беззастенчивая фальсификация вызывает осуждение и со стороны части буржуазных ученых США (Н. В. Рязановский, П. Бакус)⁸².

В монографии И. Б. Грекова политическому объединению Руси уделяется значительное внимание. Автор отмечает постепенное усиление различных объединительных центров Северо-Восточной, Южной и Западной Руси.

Однако не все в показе этой борьбы равноценно и правильно. Бросается в глаза то, что порой сбивчиво, путано определяются основные политические силы Восточной Европы. Нельзя согласиться с И. Б. Грековым, когда он противопоставляет «Польско-Литовское государство» как многонациональное Московской Руси XV в. как государству национальному⁸³. В советской исторической литературе получило права гражданства достаточно аргументированное положение о том, что с самого начала Русское централизованное государство было смешанным, многонациональным. Возражение автора в адрес одного из сторонников этой точки зрения — А. М. Сахарова бьет мимо цели еще и потому, что последний в своей статье, на которую ссылается И. Б. Греков, оба вышеуказанных государства и не сопоставлял⁸⁴. Верно замечая, что в состав Русского централизованного государства уже в XV в. входили земли с нерусским населением, И. Б. Греков пишет только о Поволжье и опускает многие нерусские народности Европейского Севера, вошедшие в состав России с присоединением Новгородской земли.

⁸¹ Л. В. Данилова. Русское централизованное государство в освещении буржуазных историков США. «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма», стр. 241—242, 260—262; В. П. Шушарин. Указ. соч., стр. 347, 356—357.

⁸² Л. В. Данилова. Указ. соч., стр. 262—263.

⁸³ И. Б. Греков. Очерки, стр. 22.

⁸⁴ А. М. Сахаров. Проблема образования Русского централизованного государства в советской историографии. «Вопросы истории», 1961, № 3. стр. 70—88.

Несомненным просчетом монографии является то, что И. Б. Греков настолько увлекся показом борьбы различных центров «концентрации» древнерусских земель, что в нарисованной им картине по существу исчез объект борьбы. В книге отсутствуют как таковые Украина и Белоруссия. За ее пределами оказался и соответствующий материал, имеющийся как в общих, так и в специальных работах по истории России, Украины и Белоруссии⁸⁵.

При описании событий начиная уже с XIV в. И. Б. Греков оперирует термином «Польско-Литовское государство», когда ведет речь о Польше и Литве, объединенных унией. Однако применение этого термина для периода вплоть до Люблинской унии 1569 г. вряд ли правомерно. Сам автор отмечает наличие противоречивых тенденций во взаимоотношениях Польши и Литвы: с одной стороны, продолжавшееся самостоятельное развитие этих государств, с другой — попытки польских феодалов «инкорпорировать» Литву в состав Польского государства⁸⁶. Недоучитывать значительную самостоятельность Литвы (даже после Люблинской унии) — значит преуменьшать (вольно или невольно) ту действительно большую роль, которую играло Великое княжество Литовское в истории Восточной Европы.

Больше четкости и полноты хотелось бы видеть в характеристике политики Великого княжества Литовского в «русском» вопросе. И. Б. Греков пишет, что в процессе образования Великого княжества Литовского «были случаи как прямой вооруженной экспансии литовских феодалов на русские земли, так и «мирного» подчинения русских княжеств литовским князьям»⁸⁷, причем акцент делается на обстоятельствах мирного порядка. При этом недостаточно раскрывается и классовый характер внешней политики Великого княжества Литовского. Политикой «собрания» русских земель в Восточной Европе, отмечает автор, «великие князья литовские, русские и жемайтійские» «выражали интересы огромной массы русских феодалов, горожан и всего православного населения княжества»⁸⁸. Правда, в другом месте работы, характеризуя новый этап в отношениях между Литвой и Московией (после договора 1449 г., зафиксировавшего своеобразное равновесие сил двух центров объединения русских земель), И. Б. Греков указывает, что «отныне Великое княжество Литовское уже не „собирало“ русские земли, а удерживало

⁸⁵ «История Украинской ССР», т. I. Киев, 1956; «История Белорусской ССР», т. I. Минск, 1961; Д. У. Мишкo. Українсько-російські зв'язки в XIV—XVI ст. Київ, 1959; «Вопросы формирования русской народности и нации». Сб. статей. М.—Л., 1958; «Русско-белорусские связи». Сб. документов (1570—1667 гг.). Минск, 1963 и др.

⁸⁶ И. Б. Греков. Очерки, стр. 136.

⁸⁷ Там же, стр. 181.

⁸⁸ Там же, стр. 137.

силой часть их ради дальнейшего освоения польско-литовскими феодалами и католической церковью»⁸⁹.

В действительности же имели место не «случаи», а систематическая завоевательная политика литовских феодалов в отношении белорусского, украинского и русского народов. В связи с этим необходимо учитывать критическое замечание М. Н. Тихомирова по поводу существующего в литературе мнения о том, что захват древнерусских земель литовскими феодалами для белорусского и украинского народов был меньшим злом в условиях татаро-монгольского нашествия. М. Н. Тихомиров подчеркивает, что источники свидетельствуют не о мирном включении украинских и белорусских земель в состав Литовского государства, а о насильственном их захвате литовскими феодалами. Агрессия литовских феодалов наряду с венгерскими, польскими, немецкими ухудшила положение украинских и белорусских земель в XIII в., а отнюдь не способствовала их борьбе с татарами⁹⁰. Наряду с этим очень важно полнее раскрыть и положение о том, что «в условиях татаро-монгольского ига некоторые феодалы Руси видели в лице Литовского государства силу, которая не только сможет дать отпор татарам и немецким захватчикам, но вместе с тем будет содействовать дальнейшему укреплению их господства над крестьянскими массами»⁹¹.

Нуждается в уточнении и та характеристика, которая дается в книге борьбе за русские земли между великим княжением Владимирским и Великим княжеством Литовским. Правоммерно устанавливая определенную преемственность между киевским периодом и эпохой XIV—XV вв., И. Б. Греков связывает с этим и оформление политической концепции подчинения всех русских земель одному центру⁹². Но при этом традиции общерусского единства аккумулируются в двух центрах, поскольку, как показывает далее автор, политика «концентрации» русских земель проводилась как московскими, так и литовскими князьями, особенно Витовтом. Последние не только формально выдвинули программу восстановления целостности Руси, но и практически старались осуществить ее⁹³. И. Б. Греков пишет о совпадении внешнеполитических, а отчасти и идеологических программ обоих этих центров⁹⁴.

Различие «двух путей сложения русской феодальной государственности»⁹⁵ он видит в разной основе собирания (в одном

⁸⁹ Там же, стр. 156.

⁹⁰ М. Н. Тихомиров. Значение древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов. «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 22—23.

⁹¹ «История Белорусской ССР», т. I, стр. 66.

⁹² И. Б. Греков. Очерки, стр. 39.

⁹³ Там же, стр. 39.

⁹⁴ Там же, стр. 79.

⁹⁵ Там же, стр. 41.

случае — Московское княжество, в другом — Литовское)⁹⁶ и в факторах, связанных с внутренней жизнью двух восточноевропейских государств. Московской программе консолидации русских земель в одно целое — «последовательной», «четкой» и «целенаправленной» — И. Б. Греков противопоставляет не всегда последовательную политику Витовта и связывает это со спецификой польско-литовских отношений после Кревской унии. Если вначале «общерусская программа» Витовта опиралась на русских и литовских феодалов⁹⁷, то по мере усиления влияния Польши на Литву она приобретала новое содержание: прямого подчинения русских земель польскому королю, что, впрочем, не исключало ожесточенного соперничества между Польшей и Литвой в борьбе за русские земли⁹⁸. Витовт осуществлял «общерусскую» политику то самостоятельно, то в тесном сотрудничестве с польским королем. С этой программой должны были считаться и преемники Витовта⁹⁹, но с преобладанием польских феодалов она «начала если не забываться, то внутренне перерождаться»¹⁰⁰.

В конечном счете «в течение первой половины XV в. западно-русские земли Великого княжества Литовского превратились из базы грандиозных замыслов Витовта, стремившегося стать „королем литовским и русским“, в окраину Польско-Литовского государства, в „русские воеводства“ Польши и Литвы». Вопрос о восстановлении «русского княжества» в Поднепровье поднимался и во второй половине XV в., и позднее. Силой обстоятельств «местные» феодалы должны были «либо встать на путь колонизации и окатоличивания, либо идти на сближение с великим Владимирским княжением», ибо «средний путь, путь создания литовско-русской автономии, защитником которого был Витовт, в середине и второй половине XV в. стал уже нереальным»¹⁰¹.

Эти наблюдения и выводы И. Б. Грекова далеко не бесспорны. Они оставляют открытыми важные вопросы, связанные с борьбой за объединение русских земель. Остается непроясненным до конца вопрос о том, проходил ли этот процесс только в плане восстановления киевского «наследства», т. е. «восстановления былой целостности Руси»¹⁰², или на какой-то иной основе? Понятно, что нельзя противопоставлять воссоединение русских земель и образование централизованного государства, поскольку оно создавало наиболее благоприятные условия и перспективы

⁹⁶ И. Б. Греков. Очерки, стр. 79.

⁹⁷ Там же, стр. 82.

⁹⁸ Там же, стр. 83.

⁹⁹ Там же, стр. 137.

¹⁰⁰ Там же, стр. 139.

¹⁰¹ Там же, стр. 141.

¹⁰² Там же, стр. 39.

для решения первой проблемы. Но именно поэтому следовало полнее раскрыть эту во многом ведущую и определяющую линию. Тогда легче оценить борьбу Москвы и Вильно за русские земли. И. Б. Греков справедливо отмечает, что «закономерная тенденция становления Русского централизованного государства после присоединения Новгорода выдвигала задачу присоединения древнерусского Поднепровья»¹⁰³. Но можно ли согласиться с автором, что «исторический путь самостоятельного развития Великого княжества Литовского был связан с программой объединения русских земель, *закономерно* возникшем еще при князьях Гедимине и Ольгерде»¹⁰⁴?

На наш взгляд, такие положения книги и настойчивые попытки утвердить правомерность «общерусской программы» Витовта мало проясняют существо вопроса. Да и существовала ли она, эта «общерусская программа» Витовта? Не исчезает ли за многочисленными рассуждениями о Вильно как важном центре собирания русских земель агрессивная политика литовских князей и действительно грандиозные завоевательные антирусские планы Витовта?

Подведем итог. Наличие в составе Великого княжества Литовского русских земель и завоевательная политика литовских феодалов на востоке не дают основания ставить знак равенства между княжествами Московским и Литовским, определять их как два равнозначных центра объединения русских земель и соответственно ставить вопрос о «двух путях сложения русской феодальной государственности» в Восточной Европе в XIV—XV вв., как это получается у И. Б. Грекова. Существенно не изменяет этого общего представления и указание на Московскую Русь как на «основной центр объединения русских земель»¹⁰⁵.

Бесспорно прав Б. Ф. Поршнев, когда он пишет, что внешняя политика Московского государства в конце XVI — начале XVII в. (и тем более XIV—XVI вв. — Г. Б.) «не была агрессией, а являлась борьбой за возвращение земель, утерянных в эпоху исторического ослабления Руси под монгольским игом»¹⁰⁶. В одном случае мы имеем дело с действительным центром объединения русских земель и тесно связанным с этим процессом образования Российского централизованного государства. В другом — также с центром, но с центром экспансии, завоевания и порабощения русских, украинских и белорусских земель.

Есть еще один аспект проблемы, который заслуживает особого внимания. Речь идет о расстановке общественных сил в

¹⁰³ Там же, стр. 136—137.

¹⁰⁴ Там же (курсив мой. — Г. Б.).

¹⁰⁵ Там же, стр. 181.

¹⁰⁶ Б. Ф. Поршнев. Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны. «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 59.

процессе объединения русских земель и образования Русского централизованного государства. И. Б. Греков останавливается на этом вопросе в связи с событиями в Новгороде 1470—1471 гг. Он пишет, что «если низы новгородские выступали за соединение с Москвой», то «отдельные группировки боярства и купечества готовы были передаться литовскому князю»¹⁰⁷. Однако позиция «низов» была более сложной, чем об этом говорится в монографии. Московская великокняжеская власть была властью феодальной и победа ее в общерусском масштабе несла населению новоприсоединенных земель тяготы. В свете этого становятся понятными известия (Устюжский летописный свод, Псковская летопись) о выступлениях новгородской «черни» в 1478 г. против присоединения к Москве¹⁰⁸. Однако феодальная раздробленность уже изжила себя, и даже последний новгородский летописный свод, составленный в Новгороде до его присоединения к Москве, сообщает об острой социальной борьбе и нежелании «меньших людей» вести войну с великим князем Московским¹⁰⁹.

Другими словами, нельзя придерживаться однолинейного подхода к вопросу об отношении общественных слоев или тех или иных лиц к московской великокняжеской власти и к ее политике централизации. Нельзя признать убедительным представление о непосредственной связи между демократическими настроениями и ориентацией на Москву, а также мнение о последовательной поддержке горожанами уже с начала XIV в. объединительной политики московских князей. Столь же недоказуем тезис о том, что политические противники московских князей всегда были выразителями реакции. Отношение представителей различных слоев общества к вопросу о союзе с Московским княжеством на разных этапах определялось многими причинами (соотношение классовых и внутриклассовых сил, внешнеполитическая обстановка и т. д.).

¹⁰⁷ И. Б. Греков. Очерки, стр. 177.

¹⁰⁸ Я. С. Лурье. Рец. на книгу Д. Ж. Феннела «Иван Великий московский» (Лондон, 1961). «История СССР», 1962, № 4, стр. 209; Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 873—874.

¹⁰⁹ Я. С. Лурье. Указ. рец., стр. 209.

**ПЕРВЫЕ ГОДЫ
ПОЛЬСКО-РУССКОГО СОЮЗА 1704—1709 гг.**

(В связи с работами В. Конопчиньского и Ю. Фельдмана)

В 1936 г. В. Конопчиньский, изучая польскую библиографию истории саксонского периода, обратил внимание на отсутствие крупных исследований, касающихся отношений между Россией и Польшей в период Северной войны¹. Положение не изменилось до сих пор². Отсутствие глубоких исследований по этим вопросам, а также то обстоятельство, что работы В. Конопчиньского и Ю. Фельдмана содержали отрицательную оценку тогдашнего польско-русского союза, привело, как отмечал В. Д. Королюк, к распространению в межвоенный период точки зрения о вечном антагонизме между Польшей и Россией³.

Период 1704—1709 гг. был знаменателен в истории Польши и России. Тогда взаимоотношения этих государств оформились в союзный договор, заключенный в Нарве. Этот период, как бы разделенный на две части миром в Альтранштадте (1706 г.), который лишил Польшу короля, а Россию — саксонского союзника, закончился битвой под Полтавой.

Основные шведские войска перешли границу Речи Посполитой в 1702 г. Уже первые военные действия показали решительное превосходство шведов над польскими и саксонскими вооруженными силами, которые были не в состоянии сдержать продвижение неприятеля в глубь страны. Кроме того, Речь Посполитая была разделена на два лагеря, так как Карл XII, стремясь к низвержению Августа II, посадил на польский трон с явным нарушением принципа свободного избрания своего ставленника Станислава Лещиньского, вокруг которого собралась весьма незначительная группа сторонников. Большая часть Польши сплотилась тогда вокруг Августа II, входя в генеральную Сандо-

¹ W. Kończak. Dzieje Polski Nowożytnej, t. 2. Warszawa, 1936, str. 143.

² Польско-русские отношения между 1696—1704 гг. были отражены в следующих работах В. Д. Королюка, основанных на большом количестве русских источников: «Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну» (УЗИС, 1953, т. 7), «Polska i Rosja a wojna Rólpnospa» (Warszawa, 1954); «Вступление Речи Посполитой в Северную войну» (УЗИС, 1954, т. 7).

³ W. D. Koroluk. Polska i Rosja..., str. 242.

мирскую конфедерацию, а влияние Лещиньского не простира-лось дальше границ размещения шведских гарнизонов.

Очень быстро оказалось, что для ведения тяжелой борьбы с новым шведским «потопом» необходимы союзники. Естествен-ным союзником Польши в этом положении была Россия, которая с 1699 г. входила в саксонско-датский союз, направленный про-тив Швеции, и уже с 1700 г. вела с ней войну.

Между тем заключение союза между Польшей и Россией относится лишь к 1704 г., т. е. несколько лет спустя после начала военных действий. Ю. Фельдман объясняет это неприязнью, кото-рая господствовала в шляхетском обществе по отношению к Москве⁴. Такое утверждение не опирается, однако, на какие-либо убедительные доказательства. Фельдман ссылается на ли-товского вице-канцлера Станислава Шуку как на одного из тех просвещенных людей, которые правильно оценивали возмож-ность нападения со стороны России и умели напомнить о Киеве⁵. Однако тот же Шука, с 1706 г. сторонник С. Лещиньского, в своей работе (изданной перед Полтавской битвой) о путях воз-рождения Польши писал: «Дал бы бог, чтобы сарматское и мос-ковское государства срослись в одно целое, чтобы таким образом уменьшить притязания и сохранить по крайней мере в этих остатках святую славу славянского имени, так как если бы и это княжество чужим оружием целиком было порабощено, и нам угрожала бы немедленная гибель»⁶. Из следующей фразы видно, кому С. Шука желал победы: «Швед уже почти совсем отступил из Польши, и при столкновении с Москвой его силы будут уменьшены или (дай бог) разгромлены»⁷. Если России желали победы люди, которые совсем не были ее друзьями, то, естественно, нельзя говорить о какой-либо всеобщей ненависти к этому государству в Польше.

Можно предположить, что Польша не вступала в решитель-ную борьбу со Швецией и так долго не шла на союз с Россией потому, что всеми силами стремилась сохранить мир и нейтра-литет⁸. В пользу этого предположения говорят решения сейма

⁴ «С отвращением отталкивали они от себя мысль о союзе с Москвой, которую пыталась внушить им царская дипломатия» (J. Feldman. Stanisław Leszczyński. Kraków, 1948, str. 26).

⁵ J. Feldman. Polska w dobie wielkiej wojny Północnej. Kraków, 1925, str. 38.

⁶ Candido Veronensi St. Szczuka. Eclipsis Poloniae Orbi Publice Demonstrata. Kraków, 1902, str. 119; предполагают, что первое издание «Eclipsis Poloniae» вышло в Варшаве в 1709 г. (K. Estreicher. Bibliografia Polska, t. 30. Kraków, 1934, str. 227).

⁷ St. Szczuka. Eclipsis Poloniae..., str. 151.

⁸ Восстание казаков под руководством С. Палея на Правобережной Украине тоже затягивало вступление Польши в войну со Швецией (см. J. Janczuk. Der Palej Aufstand von 1702 bis 1704 in der Ukraine und die Haltung der Rzeczypospolita zum Nordischen Krieg um die Polnische Krone. Sachsen und Polen während des Nordischen Krieges 1700—1721. Berlin, 1962).

от 1699 г.⁹ и требования сеймиков 1701 г.¹⁰, решения сената¹¹ (с 1706 г.), а также тот факт, что наглое посягательство курфюрства Бранденбургского на целостность Речи Посполитой, а затем и его коронация не вызвали резкого отпора¹². Наконец, лучшим доказательством стремления Польши во что бы то ни стало сохранить нейтралитет являлись попытки прийти к соглашению с агрессором. Навстречу захватчикам спешат одна за другой делегации сената с миролюбивыми уверениями и просьбами отвести шведские войска; в ответ раздается твердое и неслыханное требование свержения короля¹³. Следует также обратить пристальное внимание на то большое недоверие, которое питала к королю шляхта, ревностно охраняющая свои свободы. Война означала, что саксонские войска могли бы послужить орудием для осуществления государственного переворота в пользу установления в Польше абсолютной монархии. Боялись не столько России, сколько собственного короля, который мог, опираясь на русского царя, угрожать «золотой вольности». В этом плане очень характерной являлась просьба сандомирских конфедератов Петру I о его согласии быть хранителем прав и вольностей шляхты. За это шляхта обещала обеспечить в будущем союз Августа с царем¹⁴. Несмотря на все усилия сохранить нейтралитет, Польша оказалась втянутой в войну. В создавшейся ситуации было два выхода: либо начать решительную борьбу с агрессором, либо быть пассивным. Большая часть Польши в это время объединилась вокруг короля, которого Карл XII хотел лишить трона. Наконец, было решено заключить союз с Россией. После долгих переговоров хельминский воевода Тадеуш Дзялыньский заключил союзный договор в лагере недалеко от Нарвы. Позднее, после вынужденного отречения Августа II, руководители Сандомирской конфедерации, не признавая королем С. Лещиньского, сохранили союз с Россией.

Ю. Фельдман и В. Конопчинский, оценивая эти события, по-видимому, не заметили той громадной опасности, которую таила

⁹ «Constitutione sejmiku walnego Pacyfikationis». Warszawa, 1699, str. 45—47.

¹⁰ «Lauda sejmików ziemi dobrzyńskiej». Wyd. F. Kluczycki. Kraków, 1887, str. 187. Вишневская шляхта наказала послам описать королю те разрушения, которые принесла стране турецкая война, «и что со шведом войны не допустят», и «предложить при этом его величеству королю, чтобы соизволил лучше сохранить со шведами мир, который нам дороже всего» («Lauda sejmików wiszęńskich». Wyd. A. Prochaska, Lwów, 1914, str. 125).

¹¹ Biblioteka Muzeum Czartoryskich: рукопись 192, стр. 243; рукопись 820, стр. 48; рукопись 866, стр. 61 (далее — В. Czart.).

¹² E. Hassinger. Brandenburg — Preussen, Russland und Schweden, 1700—1713. München, 1953, S. 65; K. Piwarski. Dzieje polityczne Prus wschodnich. Gdańsk — Bydgoszcz, 1946, str. 220—221.

¹³ K. Jarochowski. Dzieje panowania Augusta II od wstąpienia Karola XII na ziemię polską aż do elekcji Stanisława Leszczyńskiego. Poznań, 1874, str. 34—38, 42—46, 48—49; E. Otwinowski. Pamiętniki do panowania Augusta II. Wyd. E. Raczyński. Poznań, 1838, str. 37, 39, 46—49.

¹⁴ ЦГАДА, Польские дела, 1709, г. д. 27, л. 41—42а.

в себе захватническая политика шведского короля. Напротив, единственную угрозу независимости Польши они усматривали в политике Петра. Именно в Нарвском договоре, по их мнению, скрыты были причины, которые впоследствии привели к разделам Польши¹⁵. Оба автора сетуют на отсутствие договора между Швецией, Турцией и Польшей против России¹⁶.

Думается, что эти точки зрения не были результатом научного анализа источников, а скорее отображали политическую ситуацию межвоенного польского государства¹⁷.

Какой политики требовали государственные интересы Речи Посполитой в этот сложный период Северной войны? Ставя такой вопрос, необходимо рассмотреть и сравнить договоры, заключенные Польшей с Россией и со Швецией. Именно эти договоры следует признать основным источником, дающим возможность исследователю определить потенциальные возможности воюющих сторон.

Нарвский договор состоял из восьми пунктов¹⁸. Первый пункт предусматривал совместную борьбу обоих государств со Швецией; две следующие статьи — согласование военных действий, совместное заключение мира и запрещение сепаратных переговоров с противником. В четвертом пункте Россия обязывалась вернуть Польше территории, занятые Палеем; в пятом — царь обещал вернуть полякам те инфляндские города и крепости, которые его армия захватит во время войны; шестая и седьмая статьи обязывали Россию прислать польской стороне вспомогательный корпус в 12 тыс. человек и, кроме того, ежегодную субсидию в 200 тыс. руб. на армию; последний пункт договора предусматривал участие Польши в войне и после того, как шведские войска покинут ее территорию.

¹⁵ J. Feldman. Polska w dobie..., str. 2—3; W. Koporscyński. Указ. соч., стр. 158.

¹⁶ В. Конопчинский жалеет, что польские политики не пошли на встречу Карлу XII и не сумели направить Августа II «на правильный путь либо совместной борьбы с Россией, либо, по меньшей мере, нейтралитета» (W. Koporscyński. Polska a Szwecja. Warszawa, 1924, str. 34). Ю. Фельдман писал: «1707 год должен был окончательно открыть этим слесам (речь идет о сторонниках Сандомирской конфедерации.— А. К.) глаза на то, откуда придет истинная угроза вольности». И дальше: «Ослепительные успехи Карла XII показали, наконец, его полякам в новом свете. Начала складываться о нем легенда, зарождалось сознание того, что в этой войне, которая неожиданно и, казалось бы, без всякой причины охватила Речь Посполитую, в конечном итоге речь идет и о ее существовании, что антирусская политика Карла XII была и для Польши государственной необходимостью» (J. Feldman a p. Polska w dobie..., str. 208).

¹⁷ Изданная в 1956 г. «История Польши» отчасти корректирует эту точку зрения. Ю. Геровский, автор раздела книги, посвященного Северной войне, пишет о тех временных выполах, которые давало Польше сотрудничество с Россией, позволившее избежать зависимости от Швеции («Historia Polski», t. 1, cz. 2. Warszawa, 1956, str. 727). Ю. Геровский, разумеется, не мог рассматривать подробнее этот вопрос в учебном издании.

¹⁸ «Volumina», t. 6. SPb., str. 82—84.

Безусловно, этот договор не был столь выгодным, как тот, который могла бы заключить Польша, вступая в союз с Россией в начале Северной войны¹⁹, однако теперь, когда война со Швецией стала неизбежной, этот договор был, несомненно, полезным для Польши.

Варшавский договор со Швецией, подписанный группой С. Лещиньского, состоял из огромного количества статей и параграфов²⁰. Обе стороны обязались сохранять между собой мир и жить в дружбе (ст. 1). Предусматривалось, что Оливский договор остается в силе с возможными поправками, внесенными Варшавским договором (ст. 2). Статья 12 запрещала оказывать помощь врагам договаривающихся сторон; в статье 13 Польша обязывалась запретить на своей территории антишведские выступления и строго наказывать за них. Оба государства договорились объединить силы против Петра I и не заключать с ним никаких сепаратных договоров (ст. 6), причем Речь Посполитая могла путем «справедливого» возмещения убытков получить утраченные восточные земли (ст. 8). Шведский король получал право не выводить войска из Польши вплоть до заключения мира (ст. 7).

«Польский король и Речь Посполитая Польская,— говорилось в договоре,— осуждают и признают недействительными все союзы и договоры с другими государями и государствами, заключенные до этого (до Варшавского договора.— А. К.), если шведский король и Швеция найдут их для себя вредными» (ст. 5)²¹. Речь Посполитая отменила решения местных сеймов и Люблинского сейма (ст. 6). Статья 3 договора давала амнистию всем перешедшим в лагерь С. Лещиньского и тем, кто «спомнится» в ближайшие три месяца. Амнистия не распространялась на Августа и его ближайших сторонников, которых продолжали считать врагами обоих государств. Сапегам гарантировалось возвращение их прежних «почестей, уважения, чинов, ведомств и владений»²². Швеция получила право оккупации польских городов и крепостей (ст. 9), проведения в Польше рекрутского

¹⁹ V. D. Koroluk. Polska i Rosja..., str. 203—204.

²⁰ St. Szczuka. Eclipsis Poloniae..., str. 15—17; J. Lechicka. Rola dziejowa Stanisława Leszczyńskiego oraz wybór jego pism. Toruń, 1951, str. 16. Польская исследовательница И. Лехицкая приписывает Лещиньскому главную роль в редактировании этого договора. Оценка, которую И. Лехицкая дает С. Лещиньскому, значительно «мягче», чем оценка Ю. Фельдмана.

²¹ St. Szczuka. Eclipsis Poloniae..., str. 27.

²² Там же, стр. 35. Сапегы в последней четверти XVII столетия обладали в Литве почти абсолютной властью, жестоко подавляя своих противников — шляхтичей и не слишком считаясь с королем (см. K. Piwarski. Opozycja Litewska pod koniec XVII wieku. Pamiętnik V Powszechnego zjazdu historyków polskich w Warszawie. Referaty. Lwów, 1930, str. 262—265). На этой почве в Литве накануне шведской интервенции вспыхнула гражданская война, в результате которой терпевшие поражение Сапегы перешли на сторону Карла XII.

набора и использования не только всех польских портов, но также всех средств транспорта, необходимых для переброски войск (ст. 11). Польские иноверцы получили гарантию своих прав (ст. 18).

Большое внимание в договоре было уделено экономическим вопросам. Торговля Литвы, Пруссии и Курляндии должна была происходить только через шведский порт Ригу (ст. 19). Польская гавань Полонга была закрыта для торговли, и ни там, ни в другом месте новая гавань не могла быть построена²³. Товары тех, кто попытался бы вывезти их не через шведский порт, подлежали конфискации вместе с кораблем (ст. 22). Все шведские торговцы получали привилегии свободного проживания во всех городах Польши и Литвы, свои товары они могли вывозить, оплатив только польскую таможенную пошлину (ст. 23). Польская монетная система приводилась в соответствие со шведской (ст. 26). Шведы могли арендовать королевскую и частную собственность (ст. 24). Все эти пункты договора должны были каждый раз подтверждаться в «Пактах конвентов» протендентов на польский престол. Речь Посполитая должна была наблюдать, чтобы польские короли точно исполняли эти статьи договора.

Итак, Варшавский договор был юридической гарантией добытой шведским оружием власти над Речью Посполитой; последняя низводилась до роли вассального государства, попавшего в экономическую эксплуатацию Швеции, что наносило тяжелый удар и без того ослабленной экономике Польши.

Для России, очень заинтересованной в союзе с Польшей или по крайней мере в ее нейтралитете, Нарвский договор гарантировал совместные польско-русские военные действия, что заставляло Карла XII заниматься польскими делами.

Нарвский договор был заключен на равных основаниях, и Россия даже соглашалась заплатить за него некоторыми территориальными уступками²⁴. Из восьми статей договора ни одна не затрагивала польской суверенности и не содержала каких-либо экономических или территориальных притязаний со стороны России.

Кроме этих ярких различий между Нарвским и Варшавским договорами, следует еще обратить внимание на разницу в политике России и Швеции по отношению к Польше, что не было отмечено в основательной для своего времени работе Ю. Фельдмана²⁵. Различие это видно не только в вопросе о суверенности Польши, но и в отношении к таким проблемам, как избрание короля, объединение страны, внутренние реформы, аннексии, пребывание чужих войск на польской территории. К наиболее

²³ St. Szczyka. *Eclipsis Poloniae...*, str. 45.

²⁴ V. D. Koroluk. *Polska i Rosja...*, str. 203—204.

²⁵ J. Feldman. *Polska w dobie...*

проблемным вопросам относится пребывание русского вспомогательного корпуса на территории Польши.

Ю. Фельдман с похвалой отзываясь о Шукке и Залусском, которые в проекте договора с Россией требовали, чтобы русские войска не были введены на территорию Польши и чтобы они действовали лишь «диверсионно»²⁶. Ю. Фельдман в отчаянии от того, что русская армия вошла на польские земли²⁷, но тогдашние руководители польского государства придерживались противоположного мнения. Они всеми силами старались склонить Петра I к тому, чтобы он ввел свои войска в Речь Посполитую и начал решительные военные действия или, в крайнем случае, прислал вспомогательные корпуса. Мы должны помнить, что польская армия была устаревшей, ей особенно не хватало хорошо вооруженной пехоты²⁸. Вот почему гетманы непрерывно посылали русскому царю просьбы о помощи²⁹.

Русские войска, присланные Петром I, состояли не только из отрядов хорошо вооруженной пехоты, но также из отрядов калмыков и казаков, которые приносили мало пользы в борьбе со шведами, но подвергали разорению польские края, где они располагались. Однако никогда русские военачальники не выступали с такими приказами по армии, какие исходили от Карла XII: «Вешать за малейшее подозрение! Пусть узнают страх. Они должны знать, что если мы начнем, то не пощадим и младенца в колыбели»³⁰. Напротив, в личных приказах царя запрещались всякие грабежи, и если поведение русских войск далеко не было идеальным, то все-таки за грабежи наказывались даже полковники и генералы, которые допускали нарушение указов³¹.

Разница в экономической политике тоже очевидна: никогда русская сторона не навязывала Польше условий, ослабляющих польскую торговлю, а ограничение хлебной торговли было вызвано военным положением.

Иначе выглядела проблема аннексий. Известно, что шведы с помощью С. Лещинского стремились захватить Курляндию. Можно рискнуть утверждать, что русские старались удержать Белую Церковь, Немиров и другие крепости, из которых был изгнан Палей. Но в трудной обстановке, сложившейся после неудачного Прутского похода, а также в связи с решительной

²⁶ Там же, стр. 40.

²⁷ Там же, стр. 35.

²⁸ J. Wimmer. Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny Północnej. Warszawa, 1956, str. 144, 492.

²⁹ ЦГАДА, Польские дела, 1708 г., д. 7, лл. 6, 21, 61, 71, 91.

³⁰ F. Carlsson. Karl XII-s egenhändig bref. Цит. по кн.: W. Korporszyński. Polska a Szwecja..., str. 46.

³¹ E. Otwiński. Указ. соч., стр. 101. ASAD (Архив древних актов в Варшаве), Archiwum Radziwiłłów, II, teka 15. Nr. 2109.

позицией Польши Россия была вынуждена уступить ей Белую Церковь.

В вопросе об избрании короля после встречи Августа II Россия также не занимала какой-либо крайней позиции, что позволяет не согласиться с Ю. Фельдманом, который пишет: «От Днепра до Варты и от Гданьска до Каменца простиралась воля царя»³². Петр I не навязывал Речи Посполитой своего кандидата на трон³³, не распоряжался булавами и печатями, как делал шведский король. После отречения Августа II не принимались даже во внимание кандидатуры царевича Алексея и князя А. Д. Меншикова³⁴. Сохранение союза с Польшей было делом столь существенным для России, что царская дипломатия не могла ставить его под удар излишним вмешательством во внутренние дела Речи Посполитой. Правда, Петр I хотел бы видеть на престоле Евгения Савойского или князя Ракочи. Избранием князя Евгения на польский престол царская дипломатия пыталась открыть себе дорогу к Великому союзу и тем самым получить новых сторонников для борьбы со Швецией³⁵. Выдвижение князя Ракочи открывало дорогу к французскому посредничеству³⁶. До выборов последнего дело не дошло, и не столько из-за политики оттягивания переговоров и лавирования, которую проводили Вена и Париж, сколько из-за сопротивления сторонников Сандомирской конфедерации, которые непрерывно поддерживали связи с Августом³⁷.

Как Швеция, так и Россия настояли в договорах, что Речь Посполитая не отступит от союзов и не будет договариваться с противной стороной. В этом вопросе шведская политика была чрезвычайно прямолинейна и губительна для С. Лещиньского. Карл XII решительно запрещал ему входить в переговоры с противником³⁸. Иначе поступали русские дипломаты, которые, считаясь с возможностью объединения двух лагерей, торопились обеспечить собственные интересы. Уже в июле 1708 г. русский канцлер Г. И. Головкин писал русскому резиденту при Сандомирской конфедерации Е. И. Украинцеву, что если конфедераты будут вынуждены признать С. Лещиньского, то пусть они стараются сохранить «нейтральство в настоящей войне» его царско-

³² J. F e l d m a n. Polska w dobre..., str. 208.

³³ Однако, без сомнения, Петр I оказал решительное влияние на объявление interregnum. См. H. O l s z e w s k i. Doktryny prawno-ustrojowe..., str. 91.

³⁴ Об этом свидетельствует дипломатическая переписка резидентов в Польше (см. Гербальски. Петро I на Західній Україні. Львів, 1948).

³⁵ Т. К. Крылова. Внешняя политика Петра I (1700—1714). Докт. дисс. М., 1948, стр. 98.

³⁶ Я. И. Штернберг. Освободительная война в Венгрии и русско-венгерские отношения в начале XVIII в. Канд. дисс. Ужгород, 1955, стр. 158.

³⁷ В. Czart., гкп. 199, стр. 529; гкп. 452, стр. 255, 287; ЦГАДА, Польские дела, 1707 г., д. 7, лл. 60—66; д. 30, л. 55; 1708 г., д. 16, лл. 27, 29; «Archiwum tajne Augusta II», Wyd. E. Raczynski. Wrocław, 1843, Nr. 192—199.

³⁸ J. F e l d m a n. Polska w dobre..., str. 270—272.

го величества со шведом³⁹. Подобное письмо получил также А. Сенявский⁴⁰. Объединение Польши становилось возможным, и не «сандомирцев» следует винить в том, что оно не состоялось.

В статье, гарантирующей Польше русские субсидии на создание войска, Ю. Фельдман усматривает тайные «уловки»⁴¹. Действительно, военные субсидии были поставлены в зависимость от создания и введения в строй 48-тысячной польской армии. В том случае, если бы это число не было достигнуто, Россия автоматически освобождалась от уплаты денег. Эта статья договора предрасматривала не только увеличение численности армии, но и ее реорганизацию⁴², не говоря уже о том, что складывались конкретные условия, в которых могла бы быть создана нужная Польше новейшая армия⁴³.

Несмотря на то, что Ю. Фельдман и В. Конопчинский не заметили весьма существенных различий в политике России и Швеции по отношению к Польше, они все-таки отметили жесткие условия Варшавского договора. Однако, исходя из своего основного тезиса, по которому все, что связано с Россией, губительно для Польши, они хотели бы полного сплочения Речи Посполитой вокруг С. Лещиньского и совместных польско-шведских военных действий против России.

Посмотрим на их аргументы. В. Конопчинский пишет: «Как бы то ни было, со времени отречения Веттыньчика (т. е. Августа II.— А. К.) страна имела одного главу и можно было в лучшем случае желать, чтобы этот глава был узаконен новыми формальными выборами. А если его зависимость от шведов угрожала потерей самостоятельности страны или отдельной провинции и если царь, утвердившись над Финским заливом, перебрасывал свои главные силы в оставленную шведами Польшу, то тем более необходима была сплоченность народа перед лицом друзей и врагов, а не поиски защиты за рубежом. Такой победы над личными интересами, предубеждением и страстями не одержали сандомирские господа, вельможи, обязанные своей властью Августу, авторы союза с Россией»⁴⁴. Немного далее этот же автор пишет: «О собственно национальной политике Лещиньскому было трудно думать в тогдашних условиях. Он не смел собирать сейм без разрешения и поддержки протектора, не сумел спасти своих подданных от тягот войны и разорения. С охотой принял бы он приверженцев Августа, являвшихся к нему с предложениями о

³⁹ ЦГАДА, Польские дела, 1708 г., д. 16, л. 51.

⁴⁰ Там же, д. 6, л. 41.

⁴¹ J. F e l d m a n. Polska w dobie..., str. 53.

⁴² Петр I требовал, чтобы численность пехоты была увеличена до 21 800 человек (ст. 7 Нарвского договора). «Volumina Legum», t. 6, str. 83; ASAD, Archiwum Radziwiłłów, II, teka 19, Nr. 2047.

⁴³ Сумма, выплаченная с 1707 г. до середины 1708 г., составила 125 тыс. руб. (ЦГАДА, Польские дела, 1708 г., д. 16, л. 31).

⁴⁴ W. K o n o p c z y Ń s k i. Dzieje Polski..., str. 161.

содействии, но этого не разрешал ему Карл»⁴⁵. Таким образом, В. Конопчинский, обвиняя Сандомирскую конфедерацию в том, что она способствовала национальному разделению, сам доказывает невозможность союза между конфедератами и С. Лещинским, полностью зависившим от Карла XII, который совсем не хотел этого объединения.

Непоследователен и Ю. Фельдман, который, осудив Нарвский договор как один из истиннейших и первостепенных источников разделов Польши⁴⁶, одновременно указал на причины, которые делали невозможным объединение народа вокруг С. Лещинского. Однако Ю. Фельдман не добавил, что объединение вокруг С. Лещинского не совпадало с интересами польского государства. Он не осудил вельможу, который, став оружием шведской политики, поставил Польшу в зависимость от Швеции. Как бы стараясь оправдать Лещинского, Ю. Фельдман ему, а не Карлу XII приписывает «великий» план коалиции Польши, Турции, Швеции, казаков и татар против России⁴⁷. «Успех этих планов,— пишет он,— должен был дать Польше могучих союзников на Востоке. Увы, в момент, когда Станислав рисовал план будущего, настоящее нанесло им смертельный удар»⁴⁸.

Как мы видим, отсутствие аргументов в пользу союза со Швецией заменяется упреками в адрес истории.

Названные авторы обвиняют членов Сандомирской конфедерации в том, что они не приняли сторону С. Лещинского. Однако в своих трудах они сами доказали, что «сандомирцы» не могли рассчитывать на радушный прием в лагере противников. Следует спросить: а зачем они должны были переходить на противоположную сторону? Ведь они знали статьи обеих договоров, Варшавского и Нарвского. Могли ли быть сомнения в выборе с государственной точки зрения? Ведь сам Ю. Фельдман признает, что в случае проведения в жизнь Варшавского договора «история должна была бы вынести приговор Лещинскому как первому, кто добровольно продал Речь Посполитую в неволю иностранной державе»⁴⁹.

* * *

Государством, которое имело решающее влияние на судьбу Польши в XVIII—XIX вв., была Россия, а не Швеция. Ю. Фельдман и В. Конопчинский не хотят признать, что растущая зависимость Польши от России в XVIII—XIX вв. не вытекала из букв и духа Нарвского договора. Следует добавить, что события

⁴⁵ W. Kończyszki. Dzieje Polski..., str. 162.

⁴⁶ J. Feldman. Polska w dobie..., str. 3.

⁴⁷ J. Feldman. Stanisław Leszczyński..., str. 59—60.

⁴⁸ Там же, стр. 61.

⁴⁹ О том, что «сандомирцы» правильно оценивали Варшавский договор, говорит письмо вице-канцлера Шембека к воеводе подляшскому Гуменецкому (В. Czart., крп. 199, str. 590—591).

ближайших лет, такие, как неудачная Прутская кампания, анти-русский альянс Англии, Австрии и Саксонии 1719 г., показывают, что Польша имела некоторые возможности остановить вмешательство России, действительно сильное после Полтавской победы, и упрочить свой суверенитет, который был сохранен именно благодаря Нарвскому договору. Направленный против Швеции, оставшийся в силе даже после отречения Августа II, этот договор принес пользу обоим заключившим его государствам. Польша, борясь вместе с Россией против шведской агрессии, защищала свой суверенитет, вела национально-освободительную войну и одновременно связывала руки Карлу XII, давала Петру I время на подготовку к решительному бою. Когда наступила Полтава, Карл не дождался никакой поддержки от Польши. Шедшие на Восток войска С. Лещиньского и генерала Красау были задержаны и отеснены за Вислу объединенными польско-русскими силами.

Россия в начальный период Северной войны не сыграла и не могла сыграть по отношению к Польше той роли, которую взял на себя царизм в конце XVIII и XIX в. Союз Польши и России против Швеции отвечал интересам Польского государства, не угрожал Польше потерей суверенитета и создал почву для некоторых внутренних реформ.

KÁROLY IRINYI. A NAUMANN-FÉLE
«MITTELEUROPA» — TERVEZET ÉS A MAGYAR POLITIKAI
KÖZVÉLEMÉNY. BUDAPEST, 1963, 127 old.

(К. Ириньи. План «Срединной Европы» Ф. Наумана и венгерское общественное мнение. Будапешт, 1963)

В последнее время буржуазные идеологи живо интересуются проектом «Срединной Европы» Ф. Наумана, явившимся в начале этого века идеологическим обоснованием агрессивных устремлений германского империализма. Современные «интеграторы» стремятся использовать этот проект в своих планах объединения Западной Европы.

До сих пор историки-марксисты рассматривали теорию «Срединной Европы» главным образом в плане изучения захватнических целей германского империализма в первой мировой войне¹. Венгерский историк К. Ириньи трактует проблему в несколько ином аспекте: он анализирует отношение венгерской общественности к проекту «Срединной Европы», к пангерманским устремлениям в период первой мировой войны.

К. Ириньи подчеркивает, что отношение к теории «Срединной Европы» не было единым не только внутри одного класса в Венгрии, но даже отдельные группировки в политических партиях по-разному относились к этой теории.

Часть промышленной и торговой буржуазии боялась таможенной унии с Германией, опасаясь конкуренции со стороны более развитой германской промышленности. Венгерская торговая палата и ее орган «Magyar Kereskedők Lapja» еще в 1914 г. резко выступили против экономического союза Австро-Венгрии и Германии (стр. 144). Другая же часть этой буржуазии, связанная с немецким капиталом, отмечает Ириньи, считала, что таможенная уния при условии победы Германии в войне откроет венгерскому экспорту восточный рынок, где господствовали Англия и Франция. Однако собственные цели венгерской буржуазии в первой мировой войне определяли, как отмечает Ириньи, ее враждебность к проекту «Срединной Европы» в целом (стр. 48).

Аграрные круги Венгрии, в особенности крупные помещики, пишет автор, также резко выступили против проекта «Срединной

¹ См. J. Pajewski. Mitteleuropa. Studia z dziejów imperializmu niemieckiego w dobie pierwszej wojny światowej. Poznań, 1959; Theodor Gertrud. Friedrich Naumann oder der Prophet des Profits. Ein biografischer Beitrag zur Geschichte des frühen deutschen Imperialismus. Berlin, 1957.

Европы». Если вначале кажущиеся благоприятные условия в связи с расширением рынков сбыта для продукции сельского хозяйства Венгрии привлекли некоторую часть помещиков на сторону проекта Наумана, то вскоре аграрные круги единым фронтом выступили против концепции «Срединной Европы», опасаясь немецкой конкуренции на австрийском и чешском рынках, потреблявших 94 % венгерского сельскохозяйственного экспорта (стр. 77).

Интересы господствующих классов нашли свое отражение в позиции основных буржуазно-дворянских партий Венгрии. Крупные землевладельцы, представители правящей реакционной «Партии труда», также выступили против осуществления плана «Срединной Европы». Отрицательно к нему относились и оппозиционеры из «Партии 48-го года и независимости». Наиболее последовательными противниками проекта «Срединной Европы» здесь была, как указывает К. Ириньи, группа М. Кароли, проводившая курс на укрепление власти венгерской буржуазии в стране. Примечательно, что отрицательное отношение «Партии 48-го года и независимости» к идее «Срединной Европы» приветствовала русская либеральная пресса, считавшая Венгрию серьезным препятствием для германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе².

Противоречивыми, как отмечает автор, в отношении «Срединной Европы» были взгляды венгерских буржуазных радикалов. Эта партия представляла в основном буржуазную интеллигенцию. Идеологи буржуазных радикалов, пишет Ириньи, считали «Срединную Европу» закономерной и целесообразной вследствие того, что политическая и экономическая интеграция, по их мнению, уже сама по себе является положительным результатом обществу-экономического развития. Исходя из такого понимания «Срединной Европы», Оскар Яси, идеолог радикалов, считал, что в «срединноевропейском» объединении в Венгрии окончательно исчезнут остатки феодализма, будет проведена аграрная реформа, решен национальный вопрос. В таком объединении, считали радикалы, кончится немецкая и венгерская гегемония над другими народами и в то же время тесное экономическое и политическое сотрудничество исключит возможность проявления центральных процессов (стр. 77).

Однако другая группа радикалов (П. Сенде, Й. Ваго и др.) выступала против осуществления идей Наумана, подчеркивая, что объединение с Германией невыгодно для Венгрии в экономическом отношении, и выражала сомнение в либеральном и демократическом характере «Срединной Европы».

Автор книги отмечает, что по мере того, как немецкие экспансионисты все более откровенно заявляли о своих притязаниях, сторонники плана «Срединной Европы» среди радикалов начина-

² «Русские ведомости», 2.VI 1916; «Петроградские ведомости», 16.VI 1915.

ли осознавать всю опасность германского империализма. К. Ириньи считает заслугой радикалов, что они признали собственную ошибку и впоследствии резко выступили против теории Ф. Наумана. На наш взгляд, венгерский историк недостаточно глубоко вскрыл социальные причины их взглядов. Следовало бы подчеркнуть, что страх перед германской экспансией, отчетливо проявившейся в бесцеремонном вмешательстве германских империалистов во внутренние дела Австро-Венгрии в период войны, захвате ими ключевых позиций в экономике страны, привел обе группы радикалов к единому мнению относительно проекта «Срединной Европы». Поэтому-то Оскар Яси в 1917 г. заявил, что «Срединная Европа» может быть только агрессивным объединением (стр. 97).

Отдельная глава посвящена позиции социал-демократов. Автор книги отмечает, что значительная часть социал-демократов восприняла теорию Ф. Наумана в интерпретации буржуазных радикалов. В то же время большое влияние на их позиции оказывали Каутский, Реннер, Гильфердинг, которые сами не были последовательны в этом вопросе. Все это вносило большую путаницу в отношении социал-демократов к проекту «Срединной Европы». Под влиянием радикалов находился один из виднейших деятелей венгерского рабочего движения Эрвин Сабо. Исходя из ошибочного положения, что перед Венгрией стоит задача проведения только буржуазных преобразований, он считал «Срединную Европу» закономерным и прогрессивным явлением. Он надеялся, что в «Срединной Европе» будет ликвидировано господство помещиков в Венгрии и юнкеров в Германии, а вследствие этого ослабеет прусский милитаризм (стр. 103).

Ириньи отмечает также позицию правых деятелей венгерской социал-демократии, которые демагогически заявляли, что рабочий класс Венгрии заинтересован в создании «Срединной Европы», так как этим путем он сможет добиться таких же условий труда, как и рабочий класс Германии. Их позиция полностью соответствовала установкам оппортунистического II Интернационала о Соединенных Штатах Европы. Против такого положения резко выступил Ронаи, считавший, что организаторы «Срединной Европы» преследуют милитаристские цели (стр. 119). На это же указывал Е. Варга.

Автор правильно отмечает, что отсутствие марксистского понимания общественного развития, отказ реформистских деятелей венгерской социал-демократии от революционной теории ярко отразились на понимании ими сущности реакционной, империалистической теории Ф. Наумана.

Книга К. Ириньи показывает яркую картину идеологической и политической борьбы в Венгрии во время первой мировой войны вокруг плана «Срединной Европы».

**«PROBLEM POLSKO-NIEMIECKI W TRAKTACIE
WERSALSKIM». PRACA ZBIOROWA POD RED.
J. PAJEWSKIEGO. POZNAN, INSTYTUT ZACHODNI,
1963, str. 652**

(«Польско-германские проблемы
в Версальском мирном договоре». Познань, Западный институт,
1963)

Книга «Польско-германские проблемы в Версальском мирном договоре» вышла в серии «История западной польской границы», издаваемой Западным институтом в Познани. В ее написании принял участие большой коллектив авторов — историков, экономистов, юристов, географов. Редактор издания — один из ведущих ученых Западного института Я. Паевский, в редактировании книги принимали также участие другие ученые этого института: Е. Красуский, Г. Лабуда и К. Пиварский.

Авторский коллектив считает, что территориальные постановления Версальского мирного договора имели для Польши огромное значение и, несмотря ни на что, представляли наиболее позитивную часть Версальского договора, поскольку в границах Польши, установленных им, оказалось подавляющее большинство поляков (стр. 11). Тем не менее авторы сборника подвергли Версальский договор обстоятельной критике, основанной на детальном, а местами даже скрупулезном исследовании различных аспектов и проблем версальских решений.

Сборнику предпослана статья К. Лаптера «Версальский мирный договор и версальская система в историографии и публицистике», которая с первых же страниц придает всему сборнику полемическую заостренность. Автор подчеркивает, что страны Антанты, отводя и Польше, и Германии роль антибольшевистского барьера, в то же время заботились и об увековечении польско-немецкого конфликта, о создании предпосылок для усиления зависимости обеих сторон от Антанты. Руководствуясь этим, страны Антанты навязали Польше такое решение польско-немецкой границы, которое не удовлетворяло ни Польшу, ни германский империализм. Тем самым сознательно достигалась и вторая цель союзников — усиление национализма как в Германии, так и в Польше в качестве «целительного средства» против классовой борьбы (стр. 32). Автор приходит к выводу, что правительство Пилсудского не желало идти на обострение отношений с Германией и поэтому не выдвигало далеко идущих территориальных требований к Германии. Для марксистской историографии, считает автор, необходим более углубленный подход к версальской

системе и проблемам ее развала. При обсуждении версальской системы не всегда учитывались правильные, хотя и недостаточные территориальные решения на востоке Германии, обусловленные в первую очередь освободительной борьбой народов, а не доброй волей Антанты.

Большой научный и политический интерес представляет первая часть сборника — «Польский вопрос в период первой мировой войны». В статье А. Карлицкого и Е. Мыслинского «Политические течения в Польше в период первой мировой войны» показывается, что характерная черта политических концепций польской буржуазии и ее партий на различных этапах войны заключалась в отказе от национальной независимости и в поисках союзников среди воюющих сторон. Политические партии и группировки Галиции выступили за объединение Царства Польского и Галиции в составе Австрийской империи. Круги польской буржуазии из Царства Польского выступали за объединение всех трех частей Польши, но под скипетром российского императора. Авторы показывают, как в ходе войны укреплялись пронемецкие взгляды среди польской буржуазии Царства Польского и Галиции. Они получили наибольшее распространение к концу 1916 — началу 1917 г., после декларации о создании немцами марионеточного Королевства Польского. После Февральской революции в России в политике ведущих политических партий польской буржуазии начинается поворот, который завершился вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции. Очень серьезное влияние на польское общественное мнение оказала перепечатанная в польской прессе 14 января 1918 г. статья «Известий», излагавшая мнение советского правительства по польскому вопросу: создание единой свободной независимой Польши на основе права на самоопределение польского народа всех трех частей Польши. Авторы показывают, как в этих условиях польские буржуазные партии и ППС начинают выступать за создание независимой Польши в ее этнических границах. Усиливается их переориентация на Антанту.

В статье Е. Марчевского «Политика центральных держав в польском вопросе в годы первой мировой войны» разоблачаются империалистические планы и маневры Германии и Австрии в польском вопросе, их грабительская политика в Царстве Польском. Автор убедительно раскрывает империалистический характер плана польско-австро-венгерской унии в рамках «Срединной Европы» с установлением полной экономической зависимости польских земель от германского капитала.

Для советского читателя несомненный интерес представляют статьи Ирены Спустек «Польский вопрос в русской политике в период первой мировой войны» и «Отношение русского общественного мнения к польскому вопросу». Царское правительство, пишет автор, не могло игнорировать существование польского

вопроса и в борьбе с германским и австрийским империализмом пыталось использовать стремления польского народа к объединению. Однако все обещания реформ при неизменности практической политики царизма и обещание создать единую самоуправляющуюся Польшу в составе Российской империи преследовали чисто антинемецкие цели. Автор правильно отмечает, что ни одна из буржуазных партий России «не выдвигала лозунга самоопределения. Главная партия русской буржуазии — кадеты — занимала в этом вопросе решительно империалистические позиции, считая польский вопрос внутрirosсийским вопросом и допуская в качестве самого максимального решения только автономию» (стр. 152). Временное правительство также пыталось продолжать великодержавную политику, заняв намеренно туманную позицию по вопросу о польской независимости (стр. 138—140). Только Ленин и его партия, говорится в статье, заняли последовательную позицию по вопросу о независимости Польши. Советское правительство в своей декларации в Брест-Литовске потребовало вывода немецких войск с оккупированных польских территорий и создания условий для свободного волеизъявления польского народа. 29 августа 1918 г. советское правительство аннулировало все соглашения царского правительства с прусским и австрийским правительствами о разделах Польши, заявив, что «русский народ признал неотъемлемое право польского народа на единство и независимость» (стр. 142).

Одной из наиболее интересных в этом разделе является статья Е. Красуского «Польский вопрос в политике Великобритании, Франции и США в период первой мировой войны». Автор доказывает, что ни Англия, ни Франция не желали занимать какой-либо позиции по польскому вопросу, не соответствующей интересам российского царизма. Министр иностранных дел Великобритании Бальфур еще в ноябре 1916 г. писал в официальном документе: «... я прихожу к заключению, что нашим интересам в наибольшей степени соответствовало бы такое разрешение польского вопроса, которое привело бы к созданию Польши с предоставлением ей широкой автономии и в то же время остающейся составной частью российской империи, т. е. к созданию нового государства или провинции, охватывающей не только всю польскую территорию, принадлежащую России, но также и части старого королевства, принадлежащие Австрии и Пруссии (по крайней мере, часть их)» (стр. 162). В статье раскрывается, как после Февральской революции в России некоторые английские и французские круги, близкие к правительственным, разрабатывали планы отдачи Польши в границах 1772 г. под скипетр Габсбургов в случае сепаратного мира с Австрией (стр. 163—164). Только после Октябрьской революции в России в политике стран Антанты и США появилась определенность. Автор цитирует те места из заявления британского премьера Ллойд-Джорджа от

5 января 1918 г., где говорится о необходимости создания «независимой Польши, включающей в себя все действительно польские элементы» (стр. 174), а также пункт XIII из послания В. Вильсона от 8 января 1918 г. В последнем говорилось о необходимости создания «независимого польского государства, охватывающего территории, населенные бесспорно польским населением, государства с обеспеченным свободным и безопасным доступом к морю, государства, политическая и экономическая независимость которого, так же как и территориальная целостность, должны быть гарантированы международным договором» (стр. 174). Автор считает, что пункт XIII заявления В. Вильсона, в котором нет упоминания об «объединенной» Польше, имеет прямую связь с докладом американской комиссии экспертов В. Вильсону от 22 декабря 1917 г. В докладе прямо говорилось, что вопрос об отделении Восточной Пруссии от Германии «находится за пределами практической политики» и что в состав Польши должны войти «главным образом польские территории, принадлежащие России, и, возможно, территории, принадлежащие Австрии». Доступ же к морю может быть обеспечен Польше через немецкие каналы и через Вислу (стр. 175). Таким образом, за фразой Вильсона о свободном доступе Польши к морю, как показано в статье, на деле скрывалось нежелание американского правительства включать в состав Польши польские земли на Балтике.

В статье «Взгляды польских политических группировок по вопросу о Западных землях и польско-германской границе (1914—1919)» Г. Зелинский на богатом документальном материале показывает, что политические партии и деятели польской буржуазии также несут историческую ответственность за несправедливое решение вопроса о польской границе на Западе. Аннексионистские планы и авантюристическая политика польской буржуазии и ее партий на востоке, пишет автор, заслоняли вопрос о справедливой границе на западе. Принципы этой политики были намечены еще в конце сентября 1914 г. в переговорах пилсудчиков с представителем министерства внутренних дел Германии Левальдом. В ходе этих переговоров обсуждались планы включения в будущую Польшу литовских и белорусских земель, переселения поляков из Германии в районы Минска и Гродно, а также расширения Германии за счет Августовской губернии и Домбровского бассейна (стр. 183—184). Автор показывает, что пилсудчики не отказались от этих принципов и в дальнейшем. Так, 31 октября 1918 г., т. е. в канун поражения Германии, Пилсудский заявил графу Кесслеру, немецкому представителю в Варшаве: «Нынешнее поколение поляков не будет воевать ни за Познань, ни за Поморье. Если Антанта подарит им [т. е. полякам] обе эти провинции, то они не откажутся; но само нынешнее поколение не будет воевать за это» (стр. 198). Пилсудский,

исходя из антикоммунистических и аннексионистских позиций, сам противопоставлял свой пассивный подход к проблемам западной границы активной и авантюрной политике на востоке (стр. 199).

Политические взгляды другой главной политической группировки польской буржуазии — эндеков — по вопросу о западной границе были, говорится в статье, «в общих чертах правильными и соответствовали политической ситуации того времени» (стр. 215), поскольку они исходили из необходимости возвращения польскому народу Познани, Гданьска, Мазур, Вармии и Верхней Силезии. И тем не менее, пишет автор, «классовые интересы буржуазии и польских помещиков определяли крайнюю осторожность и ограниченность обоих направлений» в вопросе о западной границе. Дилемма «восток — запад» решалась всеми группировками, в том числе и эндеками, «в духе признания примата наступательных усилий в восточном направлении над борьбой — строго оборонительной — в защиту прав Польши на севере и на западе» (стр. 216).

Центральной частью коллективного исследования польских историков является, несомненно, его вторая часть — «Постановления мирного договора».

В статье З. Вроняка «Роль польской делегации в установлении западной польской границы на Парижской конференции», открывающей этот раздел, подвергнута анализу не только деятельность польской делегации, но и позиции держав-победительниц по польскому вопросу на Парижской конференции. Автор приходит к выводу, что «победившая коалиция, имея собственные политические цели, мало считалась с делегатами возрождающегося государства, и поэтому их роль, так же как и успехи, были несоизмеримо малы по сравнению с их программой» (стр. 270). Территориальные претензии польского государства защищал Р. Дмовский, выдвинув идею о восстановлении несколько исправленных границ 1772 г. Но Дмовский в страхе перед революционным движением польского народа прямо заявил, что «будет намного лучше», если союзники в согласии с немцами, а не поляки оккупируют часть западных земель в районе Гданьска (стр. 240). Автор показывает, как державы-победительницы шаг за шагом делали уступки в пользу германского империализма за счет Польши, считая необходимым укрепить реакционную империалистическую Германию как форпост против революционной волны, идущей с Востока. Антипольскую сущность английской политики характеризует меморандум в Фонтенебло от 25 марта 1919 г., в котором Ллойд-Джордж писал: «Предложение Польской комиссии, чтобы мы отдали 2 100 000 немцев под господство народа с иной религией, который на протяжении всей своей истории ни разу не сумел проявить способности к сохранению устойчивой самостоятельности, должно, с моей точки зрения, рано или

поздно привести к новой войне в Восточной Европе» (стр. 248). Ллойд-Джордж и В. Вильсон при слабом сопротивлении, а затем и с согласия Клемансо выдвинули идею создания «Свободного города Данцига». Вслед за тем они отказались включить в состав Польши Верхнюю Силезию, выдвинув идею плебисцита. Польша расплачивалась своими западными землями за антисоветские планы Антанты и США, рассчитанные на превращение Германии в антикоммунистический бастион.

В статье В. Печа «Национальные проблемы польско-германской границы» приводятся демографические данные, характеризующие национальный состав населения и тенденции его развития на западных польских землях на протяжении всего XIX в. В результате усиленной германизации западных польских земель количество поляков в Восточной Пруссии сократилось с 306 тыс. в 1858 г. до 277 тыс. в 1910 г. В Верхней Силезии число поляков хотя и увеличилось с 818 тыс. в 1890 г. до 1169 тыс. в 1910 г., их процент уменьшился с 58,23 до 52,96 (стр. 280—282). В Познани же количество поляков увеличилось с 1048 тыс. (59,84%) в 1890 г. до 1279 тыс. (60,91%) в 1910 г., точно так же как и в Западной Пруссии — с 484 тыс. человек (33,75%) до 583 тыс. человек (34,24%) (стр. 284). В статье приводятся цифры, свидетельствующие о том, что на территориях, которые польская делегация в Париже требовала включить в состав Польши, проживало 3791 тыс. поляков и 2596 тыс. немцев, причем около 36,2% немцев зависели непосредственно от германских властей (колонисты, чиновники, военнослужащие) и около 33% немцев зависели от властей косвенно (стр. 285—286). По постановлениям Версальской конференции к Польше отошли от Германии территории с населением 3933 тыс. человек, из которых поляков было 2749 тыс., а немцев — 1134 тыс. (стр. 292—293).

В статье Ст. Зайховской «Вопросы демаркации версальской границы. Историко-географический очерк» дается скрупулезно аргументированная критика польской западной и северной границ. Автор показывает, что новые границы, установленные на основании Версальского договора, были извилистыми и искусственными, пересекали коммуникации, нарушали хозяйственные связи районов, предоставляли Польше только 140 км береговой линии (из них 68 км приходилось на Луцкий залив) и нарушали этнические, исторические, экономические, политические и стратегические принципы, выдвинутые в Версале в обоснование новых границ.

В статье К. Скубишевского «Правовой аспект польско-немецких проблем в Версальском мирном договоре» содержится глубокий анализ противоречий, вытекающих из статей договора.

Заканчивается второй раздел двумя статьями, одна из которых посвящена анализу так называемого Договора о меньшинствах, а другая — экономическим проблемам, вытекающим из Сен-

Жерменского мирного договора. Автор первой статьи — Е. Красуский — показывает, как договор о меньшинствах стал юридическим обоснованием для постоянного немецкого вмешательства во внутренние дела Польши. В другой статье — «Экономические последствия Версальского мирного договора для Польши», принадлежащей перу Ю. Зайды, автор приходит к заключению, что Версальский мирный договор оказал на развитие польской национальной экономики в 20—30-х годах отрицательное воздействие. Версальский договор низводил Польшу до позиции экономического сателлита Германии. В отношении экономического развития Польши западноевропейский и американский капитал «занимал безразличные или недоброжелательные позиции» (стр. 552).

Сборник заканчивается большой статьей Е. Красуского «Роль Лиги Наций в формировании польско-германских отношений в 1919—1939 гг.», в которой рассматриваются главным образом проблемы, связанные с немецким меньшинством в Польше.

Отличительной чертой рецензируемого исследования является его направленность не только против реваншистской идеологии немецкого империализма, но и против творцов Версальской системы, против фальшивых друзей Польши, которые в течение первой мировой войны и в период между двумя войнами меньше всего думали об интересах польского народа и польского государства. В решающие моменты становления польского государства они поддержали позиции немецкого империализма против Польши. Создав между Польшей и Германией границу споров и вражды, они поддержали немецкий реваншизм. Полемическая направленность большинства статей сборника против политики английского, французского и американского империализма в исследуемый период является одним из достоинств книги.

Советский читатель, интересующийся историей Польши и международных отношений, с удовлетворением прочтет этот сборник. Отдельные части и статьи, помещенные в нем, являются по существу серьезными самостоятельными исследованиями. Вместе с тем нельзя не согласиться с редакцией сборника, что дальнейшее исследование дипломатической истории, а также внутренней истории Польши и Германии способствовало бы более углубленному пониманию роли Версальского мирного договора в формировании польско-немецких отношений и установлении польско-германской границы.

Так называется изданная в 1964 г. Карловым университетом на чешском, русском, французском, английском и немецком языках брошюра¹. Она написана литературоведом, профессором Пражского университета Франтишеком Бурианеком, участником антифашистских выступлений чешских студентов в 1939 г., и напоминает о событиях того времени.

28 октября 1939 г., в годовщину образования Чехословацкой республики, в Праге, как и в других городах страны, состоялась многолюдная антифашистская демонстрация. Ее участники шли по улицам города с пением национального гимна, революционных песен, провозглашая антифашистские лозунги. Полиция и гестаповские отряды пытались помешать демонстрантам. В схватке на Житной улице был смертельно ранен студент медицинского факультета Ян Оплетал. Он умер в больнице 11 ноября. Студенческое самоуправление решило воздать почести героически погибшему товарищу при перевозе его останков в Моравию, где он родился в бедной многодетной семье.

15 ноября за гробом Оплетала по улицам Праги в скорбной тишине шла тысячная процессия студентов. Только при прощании прозвучал национальный гимн. Затем группы взволнованных и возмущенных студентов растеклись по городу. Возникли импровизированные митинги протеста, зазвучали революционные песни. Отряды эсесовцев начали разгонять студентов и присоединившихся к ним горожан. Появившаяся на улицах машина нациста Франка, руководившего действиями оккупантов, подверглась нападению со стороны студентов. Крупное столкновение студентов с эсесовцами произошло перед зданием юридического факультета.

Все эти события предшествовали 17 ноября. Они показали готовность чешского народа к борьбе и сопротивлению, его нежелание подчиниться оккупантам.

На выступления студентов оккупационные власти решили ответить репрессиями, организацией так называемой «Sonderaktion 17 November», вдохновителем которой был Франк.

¹ Франтишек Бурианек. «17 ноября». Прага, 1964.

В ночь на 17 ноября оккупанты окружили все пражские студенческие общежития и арестовали около 1850 студентов. 1200 из них (те, кому было 20 и больше лет) были отправлены в находившийся неподалеку от Берлина концлагерь Заксенхаузен, а девять — расстреляны. Утром 17 ноября пражане увидели на улицах кроваво-красные объявления, в которых сообщалось об аресте и расстреле студентов и закрытии всех чешских высших учебных заведений. Так хотели оккупанты задуть жившие среди студентов и интеллигенции свободолюбивые патриотические традиции. Но это им не удалось.

В Заксенхаузене чешские студенты встретились с коллегами из краковского Ягеллонского университета, французскими шахтерами, участниками боев в Испании, с немецкими антифашистами и чешскими коммунистами. «Задачей концлагеря,— пишет Ф. Бурианек,— было перевоспитание чешских студентов. Это удалось полностью. Он воспитал в них непримиримую ненависть к фашизму, политическую сознательность, политическую активность, интернациональную солидарность» (стр. 21).

События 17 ноября получили широкий резонанс далеко за пределами Чехословакии. В 1941 г. Международный студенческий совет объявил 17 ноября Международным днем студентов.

После окончания войны, в 1945 г. в ноябре, в Праге состоялся первый Всемирный конгресс студентов, на котором был основан Международный союз студентов, объединивший все прогрессивные студенческие организации и призвавший их к борьбе за мир и дружбу народов. Память о событиях 17 ноября 1939 г. явилась одним из стимулов активизации международной солидарности студенчества в новой исторической обстановке.

Мы сообщили лишь немного из того, о чем говорится в брошюре, содержание которой обращено не только к прошлому, но и к настоящему. Она заканчивается словами: «Дата 17 ноября не является лишь датой исторических событий, происходивших четверть века тому назад. Эта дата является призывом к активному гуманизму в настоящем и будущем» (стр. 24).

**Z. DULCZEWSKI. SPOŁECZNE ASPEKTY MIGRACJI
NA ZIEMIACH ZACHODNICH.
POZNAŃ, INSTYTUT ZACHODNI, 1964**

(З. Дульчевский. Общественные аспекты миграции на Западных землях. Познань, Западный институт, 1964)

Опубликованная Западным институтом в Познани работа З. Дульчевского посвящена важной и политически актуальной теме — исследованию демографических изменений на землях, возвращенных Польше после второй мировой войны. Автор книги — руководитель социографической секции Западного института, организатор социологических исследований, проведенных институтом в западных воеводствах Польши в 1957—1958 гг. При работе над книгой З. Дульчевский использовал результаты этих исследований, записи личных бесед, наблюдений периода 1957—1958 гг., а также труды польских ученых: С. Новаковского, В. Маркевича, К. Жигульского и др.¹ Хронологическими рамками исследования З. Дульчевского являются 1945—1947 гг. — время массового возвращения поляков на Западные земли. В первых разделах книги автор касается вопросов миграции населения на Западных землях во время второй мировой войны и в период, ей предшествовавший.

Раздел второй «Миграции на Западных землях перед второй мировой войной» написан в основном как историография немецкого «Drang nach Osten» и «Ostflucht». Здесь анализируются работы немецких нацистских историков, писавших до второй мировой войны, современных польских и западногерманских ученых. Особое внимание Дульчевский уделяет проблеме немецкого «Ostflucht», прослеживая его причины, характер и размеры.

Интересен третий раздел книги, где автор останавливается на вопросах массового и в основном принудительного переселения больших групп населения в период второй мировой войны. З. Дульчевский пришел к выводу, что это передвижение было направлено главным образом на запад: во время войны несколько миллионов человек было принудительно вывезено в Германию из Советского Союза, Польши и других стран Восточной Европы. Когда же начался разгром гитлеровской Германии, то отступлению нацистских войск предшествовала эвакуация немецких оккупационных властей, коллаборационистов, немецких по-

¹ В книге имеется большая библиография.

селенцев, прибывших на территорию поработанных стран в годы войны. К моменту окончания войны 6 млн. человек немецких беженцев покинуло восточные территории. Это составляло 60% населения, проживавшего на Западных землях в 1939 г. (стр. 41).

К сожалению, автор лишь бегло останавливается на интересной и исключительно важной проблеме «натиска немцев на Восток» в годы второй мировой войны.

В этом же разделе поднимаются вопросы, которые до сих пор почти не исследовались в научной литературе, а именно взаимоотношение польского народа с немецкими группами населения в Польше в 1945 г.

Четвертый и пятый разделы книги З. Дульчевского посвящены важнейшему событию в истории Народной Польши — истории заселения и освоения возвращенных Польше исконно польских земель. Здесь автор подчеркивает, что отличительной чертой этой миграции от всех ей предшествовавших было то, что теперь происходило заселение территории заново, а не расселение среди постоянного уже живущего там населения. Из книги мы узнаем об энтузиазме польского народа, об усилиях Польской рабочей партии и народной власти в деле создания административно-поселенческой сети, о роли населения Великопольских земель (Познань), которое выступило наиболее активным участником освоения и заселения новых территорий, о том, как оживали города и деревни, как возникал новый состав их жителей, формировались коллективы заводов и фабрик, создавались новые общественные, научные, культурные организации, оформлялась жизнь польского общества на Западных землях.

Работа З. Дульчевского «Общественные аспекты миграции на Западных землях» несомненно оставит заметный след в польской научной литературе. В условиях, когда в ФРГ вновь и вновь раздаются требования реванша, а лозунги «союза изгнанных» становятся официальной политикой Бонна, книга об исконно польских Западных землях — нужное, политически актуальное и ценное научное издание.

ХРОНИКА

О РАБОТЕ СЕКТОРА СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

в 1965 г.

В 1965 г. сектор славяно-германских отношений по-прежнему много внимания уделял публикаторской работе. Вышел из печати сборник «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения», был подготовлен к печати данный сборник «Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография», готовится следующий сборник — «Славяно-германские культурные и революционные связи».

В этом году коллектив сектора начал работу над коллективной монографией «„Дранг нах Остен“ и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». Это будет синтетический коллективный труд, посвященный истории германской экспансии на Восток.

Важным событием в жизни сектора было окончание сотрудниками группы А. И. Роговым и В. К. Волковым работы над монографиями. Монографии А. И. Рогова «Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения» и В. К. Волкова «Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты (1933—1938 гг.)» обсуждены на заседаниях сектора и сданы в печать.

Продолжают развиваться ставшие уже традиционными связи сектора с Западным институтом в Познани. В феврале 1965 г. было проведено два заседания сектора при участии представителей Западного института Я. Рахоцкого и З. Новака. Сектор заслушал сообщение Я. Рахоцкого о деятельности института и его задачах. Затем З. Новаком был прочитан доклад «Послевоенное экономическое развитие ФРГ и вопросы европейской интеграции».

Сектор продолжает свою работу в тесном контакте с другими секторами и группами института, заслушивает и обсуждает на своих заседаниях доклады сотрудников различных научных организаций. Например, на совместных заседаниях с сектором социализма был заслушан и обсужден доклад Я. Б. Шмерала «Некоторые вопросы образования Чехословакии», была рекомендована к защите книга Л. Б. Валева «Болгарский народ в борьбе против фашизма». На совместном заседании с группой межславянских связей и группой культуры славянских народов обсуждалась диссертация М. В. Щепкиной (Исторический музей) «Болгарская миниатюра XIV в.», доклад Л. П. Лалтевой (МГУ) «Германизация полабоприбалтийского славянства в русской дореволюционной историографии».

С начала 1965 г. часть сотрудников сектора занимается библиографической работой — составлением ретроспективной библиографии для коллективного труда «Дранг нах Остен». 4 января 1965 г. был заслушан первый отчет сотрудников о работе в этой области.

Весной 1966 г. сектор предполагает провести научную конференцию по истории «Дранг нах Остен». Подготовка к ней уже начата. К участию в кон-

ференции предполагается привлечь сотрудников других секторов и групп института, а также различных научных учреждений Москвы, Ленинграда, Воронежа и других городов. Проблематика конференции охватывает большой период времени и предполагает всестороннее изучение этого вопроса.

Большое внимание сектор уделяет работе с аспирантами. На его заседаниях были обсуждены отчеты о работе Т. Ю. Григорьянц, И. И. Попа, доклад Л. Заборовского «Русско-пруссские дипломатические отношения во второй половине XVII в.».

Кроме того, на заседаниях сектора обсуждаются проспекты сборников, планы работы сектора, отчеты сотрудников о работе (например, Г. Э. Санчука, В. М. Турока, А. И. Рогова) и доклады сотрудников сектора (А. Ф. Носковой и др.).

Н. С. Захарьина

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. М. Пашаева

АВСТРИЯ И АВСТРО-СЛАВЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (X в. — 1918 г.)

Задача настоящей библиографии — ознакомить советских и зарубежных историков с основной исторической литературой по истории Австрии и австро-славянских отношений с X в. по 1918 г., вышедшей на русском языке с XVIII в. до 1964 г. Огромный объем работы и сжатые сроки не позволили сделать эту библиографию исчерпывающей. Мы ставили своей задачей лишь ориентировать исследователя в огромном количестве материала.

Базой для составления библиографии послужили книжные и журнальные фонды и каталоги Государственной публичной исторической библиотеки. В дополнение были просмотрены систематические и предметные каталоги Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, Научной библиотеки МГУ и ленинградских библиотек: Ленинградского государственного университета, Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и Библиотеки Академии наук. Параллельно просмотрены библиографии Ламбиных, учитывающие русскую литературу с 1855 по 1864 г. библиография Межева, охватывающая литературу 1865—1876 гг., а также составленная в Государственной публичной исторической библиотеке так называемая «Центральная справочная картотека», являющаяся продолжением двух первых библиографий и учитывающая литературу (книжную и журнальную) с 1877 по 1951 г. Ряд журналов и периодических изданий просмотрен сплошь («Журнал министерства народного просвещения», «Русская старина», «Вестник Европы», «Военный сборник», «Исторический вестник», «Вопросы истории», «Славянский архив», «Новая и новейшая история», «Ученые записки Института славяноведения», «Краткие сообщения Института славяноведения»). Газетные статьи в библиографию не включались. Не включены также исключительно интересные подборки журнальных и газетных статей из коллекции Хмырова, хранящиеся в ГПИБ, поскольку этот материал носит полуархивный характер.

Весь материал, включенный в библиографию, просмотрен де-визу.

Библиография открывается подборкой высказываний классиков марксизма-ленинизма об Австрии. В задачу составителя не входило дать полную подборку высказываний, это должно явиться предметом самостоятельного исследования. В библиографии приведены лишь наиболее важные статьи и заметки, ориентирующие исследователя. Дальнейшие разделы содержат книжный и журнальный материал по историческим периодам и внутри их, где это нужно, по тематическим подразделам. В каждом подразделе материал расположен в алфавитном порядке. В библиографию включены как оригинальные, так и переводные книги и журнальные статьи на русском, а также на украинском языках. Материалы, изданные на Западной Украине до 1939 г., не включались.

По истории австро-славянских отношений не брались материалы по внутренней истории славянских стран, хотя бы они и находились в свое время в составе Австрии или Австро-Венгрии. Материалы по истории Священной Римской империи брались также выборочно в той мере, в какой они непосредственно относятся к Австрии. В библиографию не включены хроникальные заметки по текущей политике за исключением отдельных важных сообщений. Исследователю, однако, надо помнить, что по истории XIX — начала XX в. политическая хроника и материал по текущей политике представляет большой интерес. Такова, например, политическая хроника «Журнала министерства народного просвещения», «Русского вестника», «Киевской старины», «Военного сборника», «Наблюдателя», «Славянского обозрения», «Отечественных записок» и особенно «Современника». Из последнего в библиографии приведены лишь обзоры Чернышевского.

Огромный интерес представляют материалы, опубликованные в «Колоколе» Герцена, однако они не включены в библиографию, поскольку полную их роспись читатель найдет в XI выпуске фототипического издания «Колокола». М., 1964.

Авторефераты включены в библиографию с возможной полнотой. Следует учесть, что под таким же заглавием в Библиотеке им. Ленина в Москве хранятся диссертации, представляющие значительный интерес для историка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БЧ — Библиотека для чтения	РВ — Русский вестник
ВЕ — Вестник Европы	РГО — Русское географическое общество
ВЖ — Военный журнал	РМ — Русская мысль
ВС — Военный сборник	РС — Русская старина
ВИ — Вопросы истории	РСл — Русское слово
ГМ — Голос минувшего	С — Современник
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения	СА — Славянский архив
ИВ — Исторический вестник	Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
ИЖ — Исторический журнал	СМ — Современный мир
ИМ — Историк-марксист	СО — Сын отечества
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения	СС — Советское славяноведение
МБ — Мир божий	УЗИС — Ученые записки Института славяноведения
НиНи — Новая и новейшая история	ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете
ОЗ — Отечественные записки	
РА — Русский архив	
РБ — Русское богатство	

I. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ОБ АВСТРИИ

- Энгельс Ф. Начало конца Австрии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 471—478.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Neue Rheinische Zeitung» 1 июня — 7 ноября 1848. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, с. 83—85, 160—162, 212—215, 391—393, 401—402, 488—489, 490—491, 492—494.
- Сообщение Маркса о событиях в Вене. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, с. 552.
- Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Neue Rheinische Zeitung» 9 ноября 1848 — 19 мая 1849. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 175—180, 208—209, 289—306, 357—359, 409—412, 550—560.
- Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 3—113.

- Маркс К.** Покушение на Франца-Иосифа. Миланское восстание. Британская политика. Речь Дизраэли. Завещание Наполеона. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 550—558.
- Маркс К.** Кошут и Мадзини. Происки прусского правительства. Торговый договор между Австрией и Пруссией. «Times» и эмигранты. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 572—578.
- Маркс К.** Мадзини. Швейцария и Австрия. Турецкий вопрос. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, с. 112—116.
- Маркс К. и Энгельс Ф.** [Статьи и корреспонденции в периодической прессе по вопросам международных отношений. Январь 1854—апрель 1856]. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10—11.
- Маркс К.** Морская торговля Австрии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 86—97.
- Маркс К. и Энгельс Ф.** [Статьи и корреспонденции в периодической прессе по вопросам международных отношений. Австро-итало-французская война. Январь 1859—февраль 1860]. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 168—636.
- Энгельс Ф.** Буда. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, с. 268—271.
- Энгельс Ф.** Больной человек Австрии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, с. 132—135.
- Маркс К.** Россия использует Австрию. Варшавский конгресс. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, с. 183—186.
- Маркс К.** Приготовление к войне в Пруссии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, с. 197—200.
- Энгельс Ф.** Австрия. Развитие революции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, с. 242—245.
- Энгельс Ф.** Движение в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, с. 246—249.
- Энгельс Ф.** Заметки о войне в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 169—193.
- Энгельс Ф.** Роль насилия в истории. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 419—483.
- Энгельс Ф.** Приветствие второму австрийскому партийному съезду. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 226.
- Энгельс Ф.** Третьему австрийскому партийному съезду. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 321.
- Энгельс Ф.** Приветствие австрийским рабочим к Первому мая 1893 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 418—419.
- Энгельс Ф.** Приветствие австрийским рабочим по случаю ежедневного выхода «Arbeiter-Zeitung». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 528.
- Ленин В. И.** События на Балканах и в Персии. Полн. собр. соч., т. 17, с. 221—232.
- Ленин В. И.** Азартная игра. Полн. собр. соч., т. 22, с. 115—116.
- Ленин В. И.** О лисе и курятнике. Полн. собр. соч., т. 22, с. 146—150.
- Ленин В. И.** Новая глава всемирной истории. Полн. собр. соч., т. 22, с. 155—156.
- Ленин В. И.** В мире Азефов. Полн. собр. соч., т. 22, с. 312—313.
- Ленин В. И.** Мелкое производство в земледелии. Полн. собр. соч., т. 23, с. 280—283.
- Ленин В. И.** Тезисы по национальному вопросу. Полн. собр. соч., т. 23, с. 314—322.
- Ленин В. И.** Критические заметки по национальному вопросу. Полн. собр. соч., т. 24, с. 113—150.
- Ленин В. И.** О «культурно-национальной» автономии. Полн. собр. соч., т. 24, с. 174—178.
- Ленин В. И.** К вопросу о национальной политике. Полн. собр. соч., т. 25, с. 64—72.
- Ленин В. И.** О праве нации на самоопределение. Полн. собр. соч., т. 25, с. 255—320.

- Ленин В. И.** [Статьи, касающиеся первого периода первой мировой войны, июль 1914 — август 1915]. Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И.** Социалистическая революция и право наций на самоопределение. Полн. собр. соч., т. 27, с. 252—266.
- Ленин В. И.** О «программе мира». Полн. собр. соч., т. 27, с. 267—274.
- Ленин В. И.** Итоги дискуссии о самоопределении. Полн. собр. соч., т. 30, с. 17—58.
- Ленин В. И.** Речь на демонстрации в честь австро-венгерской революции 3 ноября 1918 г. Полн. собр. соч., т. 37, с. 131.

II. ОБЩИЕ РАБОТЫ

- Авербух Р. А.** [Рец.] Гуго Ханч. «История Австрии», т. I и II. ВИ, 1956, № 7, с. 166—169.
- Австро-Венгрия** и славяно-германские отношения. М., 1965, 283 с.
- Актуальные проблемы славяноведения.** Материалы первого координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения. КСИС, 1961, № 33—34.
- Базилевич К. В.** Победа славянских народов в вековой борьбе против немецких захватчиков и немецкой тирании. Стеногр. публич. лекции. М., 1945, 20 с.
- Бахрушин С. В.** Героическое прошлое славян. М., 1941, 15 с.
- Белокуров С. А.** Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе. С начала сношений по 1800 г. В кн.: Россия. Министерство иностранных дел. Московский главный архив. Сборник, вып. 5. М., 1893, с. 219—314.
- Березин Л. В.** Политические отношения Триединого королевства к Венгрии. ЖМНП, 1873, ч. 169, отд. 2, сент., с. 82—112; окт., с. 260—301.
- Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии.** Под ред. З. Р. Неудлы. М., 1944, 221 с.
- Виноградов К. Б.** Рец. на кн.: Образ Австрии. Вена, 1957.— НиНИ, 1959, № 1, с. 196—198.
- Габсбурги** и Бурбоны Испании и Неаполя. СПб., 1862, 35 с.
- Герман И. Е.** Кадастр, межевание и земельные книги в Австрии. В кн.: Топографо-геодезическая комиссия. Труды, вып. 7. М., 1897, с. 1—80.
- Гильфердинг А. Ф.** Собрание сочинений, т. 1—4. СПб., 1868—1874.
- Густинич Д.** Национально-освободительная война хорватского народа. ИЖ, 1942, кн. 7, с. 86—92.
- Державин Н. С.** Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943, 95 с.
- Державин Н. С.** Героическая борьба народов Чехословакии с немецкими варварами. М.—Л., 1942, 39 с.
- Ефимова Я.** К истории австро-германской агрессии на Балканах. «Славяне», 1944, № 9, с. 12—16.
- Зинич С.** Вековая борьба хорватского народа против немецких, итальянских и венгерских угнетателей. «Славяне», 1942, № 5-6, с. 48—52.
- Калоева И. А.** Славяно-германские отношения. (Библиографический обзор литературы на русском языке за 1918—1962 гг.). В кн.: Славяно-германские отношения. М., 1964, с. 201—237.
- Капелюш Ф. Д.** Австрия. М.—Л., 1929, 231 с. с карт.
- Кауфман И. И.** Бумажные деньги в Австрии. 1762—1911. СПб., 1913, 197 с.
- Кожевников П. А.** Обзор архивов Пруссии, Баварии и Австрии. В кн.: Труды археогр. комиссии Моск. археолог. об-ва, 1898, т. 1, вып. 2, с. 201—230.
- Кудрявцев А.** Церковный вопрос в Австрии. «Христианское чтение», 1870, № 4, с. 709—740; № 11, с. 849—878; 1871, № 1, с. 150—158; № 4, с. 736—755.
- Листовский И. С.** Исторические итоги. СПб., 1892, 397 с.
- Майлат.** История Австрии. Пер. с нем. М., 1858, VII, 405 с. Рец.: С, 1859, т. 75, отд. III, с. 325—331.

- Мартенс Ф.** Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 1—3. СПб., 1874—1876.
- Митрофанов П.** История Австрии, ч. 1. (С древнейших времен до 1792 г.). СПб., 1910, 158 с.
- Мишельс А.** Секретная история австрийского правительства. Первая история Австрии, написанная по достоверным документам. СПб., 1861, 2, VI, 424 с.; то же: «Светоч», 1861, кн. V, с. 1—144; кн. VI, с. 1—152; кн. VII, с. 1—132. Рец.: С, 1861, т. 89, № 10, с. 251—258.
- Морской А.** Судьбы Галичины. Ч. I. Далекое прошлое Галичины. Ч. II. Австрия в XIX столетии и борьба центристского начала в ее политике. Пг., 1918, 324, 11 с. с табл.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с империей Римскою.** Т. 1—10. СПб., 1851—1871.
- Первольт И.** Магьяры и восточный вопрос. ВЕ, 1877, кн. 9, с. 398—417; кн. 10, с. 780—804.
- Перцев В. Н.** Германия и Австрия в XIX в. Исторический очерк. М., 1917, 93 с.
- Пичета В. И.** Наступление Австрии и Пруссии на славянские народы в XVI, XVII и XVIII вв. В кн.: Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М., 1944, с. 80—94.
- Пичета В. И.** Русский народ в борьбе с германской агрессией и освободительное движение западных и южных славян. В кн.: Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии, с. 6—31.
- Попов Н. А.** Военные поселения сербов в Австрии и России. ВЕ, 1870, кн. 6, с. 584—614.
- Пристер Е.** Краткая история Австрии. Сокр. пер. с нем. М., 1952, XX, 511 с. Рец. на подлинник: Р. А в е р б у х.—ВИ, 1950, № 9, с. 150—152.
- Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единовременных и единоплеменных,** т. 1. М., 1845.
- Селезнев К.** Освещение вопросов истории Австрии теоретическим органом Коммунистической партии Австрии. ВИ, 1950, № 4, с. 103—117.
- Славяно-германские исследования.** М., 1963.
- Славяно-германские отношения.** М., 1964, 295 с.
- Советское славяноведение.** Краткий обзор литературы 1945—1963. М., 1963, 84 с.
- Советское славяноведение.** Литература о зарубежных славянских странах на русск. яз. 1918—1960. Сост. И. А. Калоева. М., 1963, 402 с.
- Советское славяноведение.** Литература о зарубежных славянских странах на русск. яз. 1961—1962. Сост. И. А. Калоева. М., 1963, 261 с.
- Спасович В. Д.** Новейшая история Австрии. ВЕ, 1866, т. I, отд. 2, с. 393—468; т. II, с. 237—324; т. IV, с. 325—390.
- Турок В. М.** Многонациональная монархия Габсбургов в освещении современной западной историографии. В кн.: Славяно-германские отношения. М., 1964, с. 24—36.
- Тэл Г.** Россия и Австрия в Румынии. Политич.-ист. этюд. Пер. с рум. Кишинев, 1884, 32 с.
- Феоктистов Е.** Пьемонт и Австрия с исхода XVIII в. РВ, 1858, янв., кн. 2, с. 217—240; февр., кн. 1, с. 401—454.
- Христов Х.** Изучение проблем австро-болгарских отношений после Девятого сентября 1944 г. В кн.: Славяно-германские исследования. М., 1963, с. 391—401.
- Штейнер Г.** Историческая комиссия при ЦК Компартии Австрии. «Вопросы ист. КПСС», 1958, № 3, с. 232—233.
- Эпштейн Е.** Бумажные деньги в Австрии. «Юрид. вестник», 1888, № 2, с. 256—276.

Х в. — 1526 г.

Бауэр В. В. Сношения России с германскими императорами в конце XV и начале XVI столетия. ЖМНП, 1870, ч. 148, март, отд. 2, с. 55—93.

- Бауэр В. В. Сношения России с германскими императорами в конце XV — начале XVI столетия. В кн.: В. В. Бауэр. Лекции по новой истории, т. 2. СПб., 1886, с. 483—531.
- Выхристюк-Андреева И. С. Положение зависимого крестьянства в юго-восточной Германии XIII—XIV вв. Автореф. М., 1952, 14 с.
- Грот К. [Рец.] Кеммель «Начатки немецкой жизни в Австрии до исхода каролингского периода». ЖМНП, 1880, ч. 280, апр., отд. 2, с. 301—326.
- Липатникова Г. И. Пражский университет и общественная жизнь Чехии во второй половине XIV и начале XV в. (1348—1419). Автореф. Воронеж, 1953, 19 с.
- Мацек И. Крестьянский сейм в Иннсбруке. (12 июня — 21 июля 1525). В кн.: Средние века, вып. 21. М., 1962, с. 81—96; вып. 22, с. 65—85.
- Неусыхин А. И. Из истории земельной собственности в Боцене и его окрестностях в X—XII вв. (До превращения Боцена в город). В кн.: Средние века, вып. 23. М., 1963, с. 20—39.
- Предложение чешским государственным чинам, собравшимся в XV столетии для избрания себе короля. (С древнего чешского подлинника). Б. м., б. г.
- Тоскин Л. Ф. Борьба за господство в Дунайском бассейне во второй половине XV в. (К истории образования многонационального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе). Автореф. М., 1954, 17 с.
- Ясинский А. Н. Характеристика средневековой немецкой колонизации на юге Чехии. В кн.: Новый сборник статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905, с. 385—394.
- Ястребов Н. В. Лекции по истории западных славян. (Студенческие записки, просмотренные лектором). Изд. 11. Пг., 1916, 400 с.

1526—1740

- Австро-цесарский трактат 1737 г. марта 18(29) Декларация, учиненная в С.-Петербурге между российскими министрами и цесарским посланником графом Остейном, каким образом общую против турок вести войну. В кн.: М. М. Семевский й. Исторические и юридические акты XVII и XVIII столетий. М., 1870, с. 100—102.
- Алексеев В. М. Тридцатилетняя война. Пособие для учителей. Л., 1961, 182 с.
- Брикнер А. Австрийские дипломаты в России. По документам венского архива. ВЕ, 1893, кн. 12, с. 506—558.
- Брикнер А. Новые монографии об истории Тридцатилетней войны. ЖМНП, 1871, ч. 158, дек., отд. 2, с. 315—346.
- Будилевич А. С. Заговор графов Петра Зринского и Франца Франкопана. Эпизод из хорватской истории. В кн.: Ист.-филол. ин-т им. Безбородко. Известия за 1879 г., ч. 4, вып. 1, с. 1—12.
- Вержбовский Ф. Ф. Две кандидатуры на польский престол: Вильгельма из Розенберга и эрцгерцога Фердинанда. 1574—1575. По неизданным источникам. Варшава, 1889, 4, 238, 322 с.
- Вратислав. Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжкой неволе у турок, с австрийским посольством в 1591 г. Пер. с чешск. СПб., 1877, XX, 252 с.; то же: М., 1904.
- Гейл Ф. Визвольна боротьба українського народу в першій половині XVII ст. Політика Ватікану та Габсбургів. В кн.: Інститут історії. Наукові записки, т. 7. Київ, 1956, с. 238—251.
- Гейс С. Описание путешествия в Москву посла римского императора Никола Варкоча с 22 июля 1593 г. М., 1875. (2)XII, 36, VIII с.
- Грамота Бориса Годунова ко императору австрийскому Рудольфу 1604 г. Латинский текст. В кн.: Старина и новизна. Историч. сборник, кн. 14. М., 1911, с. 291—292.
- Грамота, жалованная императором римско-германским Леопольдом I Австрийским фамилии фон-Крузе в 1664 г. Пер. с нем. М., 1909, 15 с. с илл.

- Дюмениль А.** История Дон Жуана Австрийского. Пер. со 2-го изд. М., 1928, 172 с.
- Кобенцель И.** Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI в. ЖМНП, 1842, ч. 35, отд. 2, № 9, с. 127—153.
- Лавровский П. А.** Падение Чехии в XVII в. М., 1868, 2, 77 с.
- Лаптева Л. П.** Acta consultatoria bohemia. СА, 1958, с. 19—30.
- Лаптева Л. П.** Борьба чешского народа против реакционной политики Габсбургов во второй половине XVI и начале XVII в. Автореф. М., 1952, 11 с.
- Лаптева Л. П.** Борьба чешского народа против реакционной политики Габсбургов в XVI — начале XVII в. КСИС, 1955, № 17, с. 88—92.
- Лизек А.** Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. Пер. с лат. СПб., 1837, 68 с.; то же: ЖМНП, 1837, ч. 16, отд. 2, № 11, с. 327—394.
- Лилуашвили К. С.** Из истории национально-освободительной борьбы чешского народа в XVII в. Автореф. Тбилиси, 1954, 19 с.
- Лукияненко А. М.** Политическая и литературная деятельность братьев Зринских и Франца Франкопана. Киев, 1911, X, 861 с.
- Лурье Я. С.** Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 г. (По материалам Венского архива). В кн.: Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1953, с. 451—466.
- Лучицкий И. В.** Максимилиан I и его реформы в австрийских землях. Киев, 1887, 48 с.
- Матвеев.** Римско-императорского посла Никласа фон Варкоча путешествия в Москву в 1589, 1593 и 1594 гг. «Маяк», 1842, т. 3, кн. 5, к. 3, с. 1—19.
- Махатка О.** Взаимоотношения России, Австрии и Польши в связи с антитурецкой войной в 1683—1699 гг. Автореф. Л., 1958, 20 с.
- Махатка О.** Дипломатическая деятельность «Священной лиги» среди казачества и калмыков в 1683—1686 гг. «Вест. ЛГУ», 1958, № 14, серия ист., яз. и лит-ры, вып. 3, с. 35—45.
- Мейерберг А.** Донесения Августина Мейерберга императору Леопольду I о своем посольстве в Московию. Пер. с лат. М., 1882, 2, II, 54 с.
- Монтекукули Р.** Записки Раймунда графа Монтекукули, генералиссима царских войск. Пер. с фр. М., 1760, 452 с.
- Никифоров Л. А.** Русско-австрийские отношения в конце Северной войны. В кн.: УЗ Ин-та междунар. отношений, вып. 1, 1958, с. 65—116.
- Об иностранных посланниках в России.** ВЕ, 1829, ч. 168, № 21, с. 3—26.
- Озолин А. И.** Национально-освободительное движение чешского народа и восстание 1547 г. УЗИС, 1955, XI, с. 302—321.
- Пашаева Н. М.** Рукопись Сикста из Оттерсдорфа — источник по истории восстания чешских городов 1547 г. СА, 1961, с. 64—73.
- Празднование** двухсотлетней годовщины освобождения Вены. ИВ, 1883, ноябрь, с. 460—461.
- Самохина Н. Н.** Крестьянские восстания в Австрии в конце XVI — середине XVII в. Автореф. М., 1952, 15 с.
- Самохина Н. Н.** Феодалная реакция в Австрии во второй половине XVI в. и крестьянское восстание 1595—1597 гг. В кн.: Средние века, вып. 5. М., 1954, с. 86—110.
- Семенов В. Н.** Польско-габсбургские отношения в первой четверти XVI в. Автореф. М., 1953, 20 с.
- Семенова В. Н.** Польско-габсбургские отношения в первой четверти XVI в. КСИС, 1955, № 17, с. 78—87.
- Темная** глава из австрийской истории. «Записки для чтения», 1867, кн. 8—9, с. 1—23.
- Флоровский А. В.** Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955, 43 с.
- Шереметев С. Д.** Документ, присланный в Москву из Вены от правительства императора Рудольфа. В кн.: Старина и новизна, кн. 14, М., 1911, с. 454—455.

- Бантыш-Каменский Н. Н.** Обзор внешних сношений России, ч. 1. Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания и Испания. М., 1894, X, 303 с. Рец.: ЖМНП, 1894, ч. 292, апрель, отд. II, с. 450.
- Брикнер А. Г.** Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel... Wien, 1869. Рец.: ЖМНП, 1870, ч. 150, июль, отд. II, с. 82—139.
- Брикнер А. Г.** Новые издания по вопросу о начале Семилетней войны. ЖМНП, 1872, ч. 163, сент., отд. II, с. 125—193.
- В. А.** Поселения запорожцев в Банате. «Киевская старина», 1882, т. 11, июнь, с. 549—552.
- Винтер Э.** Иозефинизм и современность (к вопросу о церковной реформе в Австрии). В кн.: Вопросы истории религии и атеизма, вып. 12. М., 1964, с. 71—78.
- Гендель Г. М.** Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. «УЗ Саратовского гос. ун-та», т. 17, 1947, с. 187—220.
- Дипломатическая переписка австрийских послов и посланников при русском дворе, ч. 1—4.** «Сборник русск. ист. об-ва», т. 18, 46, 109, 125. СПб., 1876—1906.
- Дипломатические акты** из архива князя Н. В. Репнина, относящиеся до Тешенского конгресса 1779 г., изданные Ф. Ф. Мартенсом. «Сборник русск. ист. об-ва», т. 65. СПб., 1888, с. 1—508.
- Жизнь императрицы австрийской Марии-Терезии, матери царствующего ныне императора Иосифа II.** СПб., 1789, 38 с.
- И. Н. Габсбургская семейная переписка в XVIII в.** ВЕ, 1868, т. 2, с. 763—787; т. 3, с. 271—297.
- Иосиф II, император германский.** ОЗ, 1843, т. 30, отд. 2, с. 39—70.
- Левин И. О.** Присоединение Буковины к Австрии в 1775 г. 17 с. Б. м., б. г.
- Любопытные сказания об Иосифе Втором, императоре Римском.** Пер. с нем. СПб., 1790, 191 с.
- Манн А. Т.** История государствования Марии-Терезии. Пер. с фр. М., 1791, 567 с.
- Маркевич А. И.** Приписываемое императору Иосифу II сочинение «О началах, коим государственный служитель в поступках своих следовать должен». «Зап. Имп. Одесского об-ва ист. и древн.», 1906, т. 26, отд. 5, с. 14—24.
- Масловский Д. Ф.** Русско-австрийский союз 1759 г. Документы. М., 1887, 258 с.
- Мервел Г.** Исторические этюды. СПб., 1868, 37 с.; то же: «Записки для чтения», 1867, кн. 10—11, с. 380—414.
- Мерси д'Аржанто.** Донесения графа Мерси д'Аржанто императрице Марии-Терезии и государственному канцлеру графу Кауницу-Ритбергу. Сб. РИО, 1876, т. 18, VIII, 518 с.
- Митрофанов П.** Леопольд II Австрийский. Внешняя политика, т. I, ч. 1. Пг., 1916, 464 с.; то же: отт. из «Записок ист.-филолог. ф-та Петроградского ун-та», 1916, ч. 131. Рец.: Н. И. Кареев. ЖМНП, 1917, ч. 70, июль-авг. Крит. и библи., с. 107—109.
- Митрофанов П.** Леопольд II Австрийский и Кауниц. В кн.: Николаю Ивановичу Карееву. СПб., 1914, с. 1—12.
- Митрофанов П.** Маркиз Эммануил де Ноайль, французский посол при Венском дворе (1783—1792). ЖМНП, 1910, ч. 29, окт., отд. II, с. 251—271.
- Митрофанов П.** Материалы к истории Иосифа II. ЖМНП, 1903, ч. 346, март, отд. II, с. 41—120.
- Митрофанов П.** Оппозиция реформе Иосифа II в Венгрии. СПб., 1905, 35 с.
- Митрофанов П.** Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги. (1780—1790). СПб., 1907, 3, IV, 784 с. Рец.: Н. И. Кареев. ЖМНП, нов. сер., 1907, ч. 12, ноябрь, отд. II, с. 134—187.
- Начертание жизни Иосифа II, императора римского...** СПб., 1792, 235 с.
- Нересов Г. А.** Политика России на Тешенском конгрессе 1778—1779 гг. Автореф. Горький, 1950, 21 с.

- Нолькен.** Император Иосиф II в России. Донесения шведского посланника Нолькена. Сообщ. Я. К. Грот. РС, 1883, ноябрь, с. 309—328.
- Ону А.** Иосиф II и «философия» XVIII в. «Историческое обозрение». СПб., 1891, т. 2, отд. 1, с. 1—36.
- Описание** жтния принца Эвгения герцога Савойского и генералиссимуса над армиями его римского цесарского величества и всея империи. СПб., 1770, 22, 394 с.
- Пеццель И.** Жизнь австрийского генералиссимуса барона Лаудона, славнейшего в нынешнем веке полководца..., ч. 1. М., 1793, 38 с.
- Портрет** Иосифа II. ИВ, 1885, сент., 481 с.
- Сбоев Н.** Император Иосиф II и его восточная политика. М., 1884, 97 с.
- Сбоев Н.** Император Иосиф II и его восточная политика. РВ, 1884, т. 172, № 8, с. 435—477; т. 173, № 9, с. 49—101.
- Сказкин С. Д.** Абсолютизм во Франции, Австрии и Пруссии в XVII—XVIII вв. Стеногр. лекции ВПШ. М., 1941, 23 с.
- Соколов П.** Церковная реформа императора Иосифа II. Опыт церковно-исторического исследования истории западных исповеданий. Саратов, 1892, 2, VI, XXXVIII, 393 с. Рец.: А. М. Ону. ЖМНП, 1893, ч. 290, дек., отд. II, с. 397—410.
- Соловьев С. П.** Политика России во время войны за австрийское наследство. СПб., 1867, 45 с.; то же: ЖМНП, 1867, ч. 135, сент., отд. II, с. 561—605.
- Судиенко И. М.** Император Иосиф II в России. Письмо П. Б. Пассека к гр. П. А. Румянцеву. 1780 г. РС, 1882, янв., т. 33, с. 189—190.
- Трачевский А.** Немецкий вопрос во Франции при Людовике XVI. Одесса, 1880, 76 с.
- Трачевский А.** Немецкий вопрос во Франции при Людовике XVI. (С приложением оправдательных документов.). «Зап. Новороссийского ун-та», 1880, т. 31, ч. «Ученая», с. 1—174.
- Трачевский А.** Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II, 1780—1790 гг. СПб., 1877, IV, 527 с. Рец.: ЖМНП, 1878, ч. 200, ноябрь, отд. IV, с. 12—13.
- Фромажо.** История государственования Марии-Терезии, императрицы германской, королевы венгерской... М., 1791, 567 с.
- Штендман Г. Ф.** Отзыв об историческом исследовании профессора А. Трачевского «Союз князей и немецкая политика». СПб., 1880, 101 с.
- Щепкин Е.** Положения, извлеченные из диссертации «Русско-австрийский союз во время Семилетней войны 1746—1758 гг.» М., 1902, 16 с.
- Щепкин Е.** Русско-австрийский союз во время Семилетней войны 1746—1758 гг. Исследование по данным Венского и Копенгагенского архивов. СПб., 1902. IX, 852 с.; гл. 1—3 см. также: ЖМНП, 1897, ч. 312, авг., отд. II, с. 243—301; 1899, ч. 326, дек., с. 253—270; 1900, ч. 327, янв., с. 88—114; ч. 328, апр., с. 247—279; ч. 330, июль, с. 79—104; ч. 331, сент., с. 22—57; ч. 332, ноябрь, с. 1—63; 1901, ч. 333, янв., с. 136—201; ч. 334, апр., с. 287—327; ч. 335, июнь, с. 277—306; ч. 336, июль, с. 93—137.

1790—1847

- Австрия.** Законы. Общее гражданское уложение Австрийской империи 1811 г. СПб., 1884, 118, III с.
- Австро-русские** отношения накануне и в период Отечественной войны 1812 г. «Ист. архив», 1962, № 4, с. 95—120.
- Акт** уступки и трактат разграничения между его вел. имп. Всеросс. и его вел. имп. Австрийским... заключенный марта 17/19 дня 1810 г. СПб., 1810, 11 с.
- Арато Э.** Венгерское общественное мнение и национальный вопрос в 40-х годах прошлого века. Budapest, 1960, 49 с.
- Архив** князя М. И. Голенищева-Кутузова Смоленского. II. Письма императора

- австрийского Франца I. 1805 г. Сообщ. Ф. К. Опочнин. РС, 1870, апр., с. 325—344.
- Басардин В.** (Мечников Л. И.). Мемуары Меттерниха. «Дело», 1880, № 1, отд. 3, с. 32—55.
- Бонапарте** и французы в Австрии. Пер. с нем. СПб., 1807, 82 с.
- Брун М.** Об Австрийской монархии. Пер. с дат. ВЕ, 1806, № 1, с. 55—67.
- В. Т.** Переписка русских иностранок с иностранными знаменитостями. ИВ, 1889, окт., с. 268—288.
- Васютинский А. М.** Тайная политика во Франции и Австрии в эпоху реставрации. Мемуары графа Аппоньи. «Голос минувшего», 1913, № 3, с. 245—247.
- Велепольский.** Польша после восстания 1831 г. Письмо маркиза Велепольского к князю Меттерниху о галицийской резне по поводу его циркуляра от 7 марта 1846 г. «Древняя и новая Россия», 1880, т. 18, № 10, с. 245—258.
- Веселовский Г.** Финансовое положение Австрийской империи. «Журн. мин. гос. имуществ», 1843, № 6, с. 285—316. Краткое содержание: ЖМНП, 1844, ч. 42, отд. VI, с. 39—45.
- Взгляд** на новейшую статистику Австрийской империи. «Ист., статистич. и географич. журнал», 1828, кн. 1, с. 123—124.
- Вигель-Панчулидзев П.** Свидание двух императоров в Черновицах в 1823 г. РС, 1901, т. 104, май, с. 225—233; 1903, т. 116, ноябрь, с. 307—315; 1904, т. 118, апр., с. 125—135; 1905, т. 121, февр., с. 433—446.
- Военная статистика** Австрийской империи. ВЖ, 1841, № 6, с. 21—140. Краткое содержание: ЖМНП, 1842, ч. 34, VI, с. 142—146.
- Возвращение** Тарнопольской области Австрии. РС, 1904, т. 117, янв., 206 с.
- Гейм И. А.** Опыт начертания статистики главнейших государств по нынешнему их состоянию, ч. 1. М., 1921, V, 465 с.
- Герсеванов Б.** Дорожные записки 1817 г. М., 1819, 83 с.
- Градовский А. Д.** Система Меттерниха по его письмам. ВЕ, 1884, янв., с. 125—149; февр., с. 566—613.
- Греция, Турция** и сопредельные с нею области Российской и Австрийской империй 1822 г. (карта).
- Дживелегов А. К.** Меттерних. В кн.: Отечественная война и русское общество, т. VII, М., 1912, с. 28—46.
- Дополнительные** статьи к конвенции о выдаче беглых, заключенной между Россией и Австрией июня 5/17 дня 1815 г., подписанные в Вене июля 14/26 дня 1822 г. на русск. и фр. яз., 11 с.
- Дополнительный** трактат относительно Кракова, области его и конституции, между Дворами Российским, Австрийским и Прусским заключенный. 1815, 8 с.
- Зак Л. А.** Англо-австрийские отношения во время войны за освобождение Германии от господства Наполеона. НиНИ, 1963, № 4, с. 91—102.
- Зеленин В. В.** Восстание сербских крестьян в Среме в 1807 г. КСИС, 1955, № 14, с. 3—12.
- Зеленин В. В.** Первое сербское восстание в 1804—1807 гг. и Австрия. В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957, с. 345—358.
- З-ъ Вл.** (Зотов В. Р.). Записки Меттерниха. ИВ, 1880, февр., с. 374—392, 1881, май, с. 100—113; июнь, с. 321—336.
- Иванов В. М.** Записки, веденные во время путешествия императрицы Елисаветы Алексеевны по Германии в 1813 и 1815 гг., ч. 2. СПб., 1833, 4, 95, V с.
- Исаров Х. Г.** Князь Меттерних. Его жизнь и политическая деятельность. Биографический очерк. СПб., 1905, 112 с.
- Исаров Х. Г.** Меттерних и его время. МБ, 1902, отд. 1, окт., с. 64—100; ноябрь, с. 102—142.
- Иосиф Австрийский.** Письма к императору Павлу Петровичу от эрцгерцога Иосифа Австрийского, палатина Венгерского, супруга великого кн. Александры Павловны. 1801 г. РС, 1879, т. 26, окт., с. 329—335.

- История** Российско-австрийской кампании 1799 г. под предводительством генералиссимуса кн. Итальянского, графа Суворова-Рымнического, изданная Е. Фуксом, ч. 2—3. СПб., 1826.
- К. Т. Князь** Меттерних и политика Австрии с 1805 по 1848 г. «Атеней», 1859, ч. II, № 5, с. 85—102; № 6, с. 177—189; № 7, с. 353—362; № 8, с. 538—564.
- Калова И. А.** Изучение южных славян в России в конце XVIII—начале XIX в. (библиогр. обзор). «Труды Б-ки АН СССР и Фунд. б-ки обществ. наук АН СССР», 1963, т. 7, с. 170—210.
- Княпина Н. С.** Русско-австрийские отношения в 1830—1833 гг. Автореф. М., 1949, 19 с.
- Княпина Н. С.** Русско-австрийские противоречия накануне и во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. УЗ МГУ, вып. 156, 1952, с. 194—224.
- Князь** Меттерних в Брюсселе. «Москвитянин», 1851, ч. IV, № 14, кн. 2, с. 85—91.
- Копитар.** ЖМНП, 1852, т. 73, № 1, отд. V, с. 1—14.
- Краткое** точное историческое описание народного мятежа, произведенного в Вене выставленным трицветным знаменем от французского посольства. В апреле 1798 г. писанное очевидным свидетелем. Пер. с фр. М., 1799, 36 с.
- Ланге Н.** Обзорение Австрийской империи. СПб., 1854. 2, 156 с.
- Левин И. О.** Восточная политика Меттерниха. РМ, 1914, кн. VII, отд. 3, с. 37—40.
- Лещиловская И. И.** О социальных основах иллиризма. УЗИС, т. 28, 1964, с. 122—142.
- Линь К. И.** Письма и мысли маршала принца де Линь, изд. баронессою Стаэль, ч. 1—4. Пер. с фр. М., 1809; то же: М., 1809.
- Лубяновский.** Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 гг., ч. 1—3. СПб., 1805.
- М.** Канцлер былых времен (дипломатическое господство князя Меттерниха). РМ, 1889, отд. 2, кн. VIII, авг., с. 43—83; кн. IX, сент., с. 91—132.
- Марион.** Военная статистика Австрийской империи в отношении к артиллерии. ВЖ, 1840, № 1, с. 131—147.
- Матула В. А.** Из истории словацкого национального движения 40-х годов XIX в. УЗИС, XII, 1956, с. 211—263.
- Меттерних.** Записка князя Меттерниха о состоянии умов в Европе и об обязанностях правительства. 1848. Пер. с фр. РС, 1873, т. 8, ноябрь, с. 782—799.
- Меттерних.** Император Александр I. Из записок кн. Меттерниха. ИВ, 1880, т. 1, янв., с. 168—180.
- Молок А. И.** Германия и Австрия в 1815—1847 гг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Возникновение научного социализма. Революция 1848 г. в Германии и Австрийской империи. Стеногр. лекции ВПШ, 1949, 71 с.
- Н. М.** Прославленный реакционер. «Наблюдатель», 1901, № 9, с. 137—155.
- Надлер В. К.** Меттерних и европейская реакция. Харьков, 1882. XVI, 286 с.
- Нефедов И. М.** К вопросу о позиции австрийского правительства и галицийских властей накануне польского национально-освободительного восстания 1846 г. в Галиции. КСИС, 1957, № 21, с. 73—79.
- Народонаселение** Австрийской монархии в 1826 г. «Сев. архив», 1827, № 5, с. 94—95.
- Николай** Михайлович, вел. князь (изд.). Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816—1826 гг. СПб., 1913, XXII 477 с. с илл. Тексты на фр. и нем. яз. Рец.: 1. В. Анд.-ъ. «Русск. библиофил», 1914, № 2, с. 98—102; 2. К. А. Военский. ЖМНП, 1914, ч. 50, апр., Крит. и библи., с. 356—369; 3. Т. [В. Тимошук]. РС, 1913, дек., с. 616—623; 1914, янв., с. 84—94; февр. с. 368—377.
- Новые сведения** о народонаселении в австрийских владениях (по данным 1824 г.). «Сев. архив», 1825, № 9, с. 88.

- Новый почтовый тариф в Австрии.** «Москвитянин», 1842, ч. V, № 9, с. 260—262.
- Оборонительный союзный договор между императрицею всероссийскою и... королем венгерским и богемским, заключенный в С.-Петербурге 3/14 июля 1792 г.** Б. м., б. г.
- Писарев Д. И.** Меттерних. РС, 1861, № 11, с. 1—40; № 12, с. 1—44.
- Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861),** вып. 1—3. М., 1880. XVIII, 744 с.; то же: ЧОИДР, 1879, кн. 1, 4; 1880, кн. 1.
- Погодин М. П.** Отрывки из писем о положении славян в Европе М. П. Погодина к министру народного просвещения по возвращении из путешествия в 1839—1842 гг. «Русская беседа», 1859, № 1, кн. 13, отд. V, с. 53—88.
- Погодин М. П.** Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1878, 166 с.
- Пограничная славянская линия Австрийской империи.** ЖМНП, 1844, ч. 42, отд. II, с. 116—132, 173—190.
- Потепалов С. Г.** Путешествие П. И. Кеплена по славянским землям. В кн.: Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.—Л., 1963, с. 5—22.
- Редкин А. П.** Меттерних и его внешняя политика. РС, 1900, сент., с. 523—540; окт., с. 169—192; ноябрь, с. 379—397; дек., с. 665—683; 1901, янв., с. 217—236; февр., с. 409—435.
- Ригельман Н. А.** Письмо из Вены. (О славянских новостях). «Москвитянин», 1845, ч. VI, № 11, с. 37—46.
- Ригельман Н. А.** Два письма из Вены. М., 1846, 32 с.
- Ригельман Н. А.** Продолжение писем из Вены (письма 3—4). М., 1847.
- Россия.** Договоры. Дополнительный акт между их вел. имп. всероссийским и имп. австрийским, заключенный в С.-Петербурге 5/17 августа 1818 г. СПб., 1818, 17, 35 с.
- Серебrenников В.** Дипломатические переговоры относительно предполагавшегося брака великой княжны Ольги Николаевны с австрийским эрцгерцогом Стефаном (1839—1845 гг.). ИВ, 1917, т. 148, с. 78—114.
- Славянские периодические издания в Австрии, Пруссии и Сербии.** ЖМНП, 1839, ч. 23, отд. VI, с. 213—218.
- Соловьев С.** Восточный вопрос в 1827, 1828 и 1829 гг. «Древняя и новая Россия», 1876, т. 3, № 10, с. 105—119.
- Соловьев С.** Восточный вопрос 50 лет тому назад. «Древняя и новая Россия», 1876, т. 1, № 2, с. 129—141.
- Сухотин Н. Н.** Наполеон. Австро-французская война 1809 г. Лекции по истории военного искусства, читанные в Николаевской академии ген. штаба. СПб., 1885. IV, 222 с.
- Татищев С. С.** Император Николай I и австрийский двор. ИВ, 1887, т. 27, янв., с. 82—109; февр., с. 364—401.
- Таубе М. А.** Восточный вопрос и австро-русская политика в первой половине XIX столетия. Пг., 1916. 2, 38 с.
- Тимошук В.** Александр I и польский вопрос на Венском конгрессе (по документам венской тайной полиции). РС, 1914, февр., с. 386—395.
- Тимошук В.** Император Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов венской тайной полиции. РС, 1914, янв., с. 135—145.
- Тимошук В.** Тайная полиция на Венском конгрессе. РС, 1913, дек., с. 558—574.
- Трактат дружбы, заключенный в Вене 21 апреля—3 мая 1815 г. между е. вел. императором всеросс. и е. вел. императором австрийским, королем венгерским и богемским.** 11 с. Б. м., б. г.
- Французы в Вене.** Пер. с нем. СПб., 1807, 77 с.
- Фрейганг В. И.** Австрия и будущее Европы. Из записок В. И. Фрейганга. 1844 г. РС, 1873, т. 7, май, с. 720—725.
- Хевеши М. А.** Мироззрение венгерских революционных демократов в 40-е годы XIX в. Автореф. М., 1960, 18 с.
- Хевеши М. А.** Мироззрение венгерских революционных демократов (40-е годы XIX в.). М., 1962, 206 с.

- Ч-ков А.** (Чумиков А. А.). Князь Меттерних об императоре Александре Павловиче. РА, 1892, вып. 6, с. 197—201.
- Чумиков А. А.** Вызов на дуэль кн. Меттерниха императором Александром I. Эпизод Венского конгресса. РС, 1887, т. 54, июнь, с. 639—642.
- Шатобриан.** Из переписки Шатобриана с герцогиней Дюрас. РА, 1899, вып. 2, с. 365—366.
- Шашков С. С.** Австрия после Венского конгресса. «Дело», 1882, № 2, отд. 2, с. 172—204.
- Шевченко Ф. П.** Лукьян Кобилиця. «Вісник АН УРСР», Київ, 1951, № 10, с. 52—63.
- Шильдер Н.** Записки графа М. Н. Муравьева об Австрии. 1839—1840. РВ, 1891, т. 216, № 10, с. 3—21; т. 217, № 12, с. 193—210.
- Шолоков И. И.** Аустерлиц (1805 г.) и Ваграм (1809 г.). Конспект. М., 1932, III, IV, 51 с.
- Юность и воспитание австрийского императора (Франца-Иосифа).** РВ, 1872, т. 97, № 2, с. 774—778.

Революция 1848—1849 гг.

- Авербух Р. А.** Борьба венской демократии против аристократической конституции (май 1848 г.). «Изв. АН СССР», сер. ист. и филос., 1947, № 4, с. 331—342.
- Авербух Р. А.** К столетию венгерской революции 1848 г. ВИ, 1948, № 6, с. 115—117.
- Авербух Р. А.** Маркс и Октябрьское восстание в Вене. ИМ, 1933, т. 3 (31), с. 79—89.
- Авербух Р. А.** Октябрьское восстание в Вене в 1848 г. ВИ, 1948, № 10, с. 93—106.
- Авербух Р. А.** Предпосылки и начало революции 1848—1849 гг. в Венгрии. В кн.: Революционное движение и строительство социализма в Венгрии. М., 1963, с. 214—277.
- Авербух Р. А.** Рабочее движение в Вене в августе 1848 г. В кн.: К столетию революции 1848 г. М., 1948, с. 97—132.
- Авербух Р. А.** Серия: Zu Beiträgen für die Geschichte der Jahre 1848—1849. Hrsg. Prince F. Windischgrätz. ИМ, 1933, т. 6(34), с. 157—158.
- Авербух Р. А.** Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией. М., 1935, 331 с.
- Авсеенко В. Г.** Борьба Венеции с Австрией в 1848—1849 гг. ВЕ, 1866, т. III, с. 285—326; т. IV, с. 255—302.
- Альпер Р. С.** Політика австрійського рейхстагу в питанні про ландштурм у жовтні 1848 року. «УЗ Харьк. ун-та», т. 43. Труды ист. ф-та, т. 2, 1952, с. 131—141.
- Альпер Р. С.** Ставлення М. Г. Чернишевського до революції 1848 року в Австрії. «УЗ Харьк. ун-та», т. 69, 1956, с. 175—188.
- Базаров-Руднев В. А. и Степанов И.** Очерки по истории Германии в XIX в. Происхождение современной Германии. Изд. 2. СПб., 1906. VIII, 568 с.
- Бакунин М.** Воззвание к славянам. Берлин, 1904, 52 с.
- Барабой А.** Розыски Кошута в России в 1849 г. ИМ, 1941, кн. 6 (94), с. 100—102.
- Баскаков В. И.** Состояние вооруженных сил Австрии в эпоху революционных войн. По лекциям, читанным в Николаевской акад. ген. штаба. СПб., 1898, 93 с.
- Бах М.** Австрия в первую половину XIX в. Пер. с нем. Вып. 1—2. СПб., 1906. VII, 670 с.
- Бах М.** История австрийской революции 1848 г. Изд. 2. Пер. с нем. М.—Пг., 1923, 576 с.
- Блос В.** История германской революции 1848 г. Пер. с нем. под ред. А. Луначарского. СПб., 1906, 491 с.

- Богданович М. И.** Описание походов графа Радецкого в Италии 1848 и 1849 гг. СПб., 1849, 55 с.
- Борис В. А.** Крестьянский вопрос в революции 1848 г. в Галиции. Автореф. Львов, 1959, 20 с.
- Варакомский А.** Смелый ответ русского офицера австрийскому главнокомандующему в 1849 г. РС, 1896, т. 85, февр., с. 264—265.
- Венская Академия наук** (открыта 2 февр. 1848 г.). «Москвитянин», 1849, т. IV, № 14, кн. 2, отд. V, с. 9—13.
- [Воронов П.]** Из записной книжки «Русской старины». РС, 1914, сент., с. VI—VII.
- Де-Воллан Гр.** Годы восстания в Венгрии. ВЕ, 1883, апр., с. 613—640.
- Дживелегов А. К.** Артур Гергей. ГМ, 1913, № 1, с. 282—283.
- Документы** о венгерской революции и освободительной борьбе 1848—1849 гг. Будапешт, 1948, 80 с.
- Долгопольская-Кершнер С. А.** Австро-прусская борьба за гегемонию в Германии в 1848—1850 гг. и позиция русского царизма. Автореф. Л., 1956, 16 с.
- Из истории** разочарований австрийских славян. Посольство угорских русских в Вене в 1849 г. РВ, 1872, т. ХСVIII, № 4, с. 377—407.
- К... ин М. И.** Славянский съезд в Праге в 1848 г. СПб., 1860, 49 с.; то же: ОЗ, 1860, окт., с. 483—522.
- Кан С. Б.** Революция 1848 г. в Австрии и Германии. М., 1948.
- Клима А.** 1848 год в Чехии. Начало чешского рабочего движения. Пер. с чешск. М., 1949, 240 с. Рец.: И. И. Удальцов. ВИ, 1948, № 7, с. 123—127.
- Ковалев Ю. В.** Статья о Петефи в чартистском журнале «Друг народа». «Вест. ЛГУ», 1951, № 1, с. 199—203.
- Краткое историческое обозрение** походов австрийцев в Пьемонт. «Москвитянин», 1849, т. IV, № 12, кн. 2, отд. 5, с. 101—107.
- Ландор Б. Л.** Венгерская революция 1848—1849 гг. и царская интервенция. «Ист. записки», 1940, № 9, с. 243—291.
- Лебедев П. С.** Граф Радецкий и его походы в Италии в 1848 и 1849 гг. СПб., 1850. 2, XII, 320, 87 с.
- Лозинский С. Г.** Революция 1848 г. в Австрии. Пг., 1917, 39 с.
- Мелешко Е. П.** Русские революционные демократы о доктрине невмешательства. «Сов. гос. и право», 1949, № 9, с. 23—3.
- Мельникова И. Н.** Закарпатская Украина в революции 1848 г. ВИ, 1948, № 8, с. 70—86.
- Мельникова И. Н.** Закарпатская Украина в революции 1848 г. УЗИС, 1949, т. 1, с. 241—292.
- Мориц Иокай** на празднике венгерских журналистов. МБ, 1900, № 4, отд. 2, с. 49—50.
- Никитин С. А.** К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 г. УЗИС, 1949, т. 1, с. 85—118.
- Никитин С. А.** Славянские народы в революции 1848 г. ВИ, 1948, № 7, с. 27—43.
- Орлик И. И.** Рец. на кн.: Э. Андич. Союз Габсбургов и Романовых. Дипломатическая предыстория царской интервенции в Венгрии в 1849 г. ВИ, 1863, № 1, с. 158—160.
- Первольф И. И.** Австрийские славяне в 1848—1849 гг. ВЕ, 1879, кн. 4, апр., с. 491—542.
- Перцев В.** Из писем баронессы Штурмфедер об австрийской революции 1848 г. ГМ, 1914, № 3, с. 283—287.
- Петефи.** Листки из дневника Александра Петефи. Пер. с венг. ВЕ, 1910, кн. 4, с. 177—186.
- Пименова Э. К.** Борьба за свободу в Австрии и Венгрии. СПб., 1907, 128 с.; то же: Пг., 1920, 64 с.
- Революция 1848 г.**, т. 1—2. М., 1952.
- Революция 1848 г. в Вене.** Ростов н/Д., 1906 32 с.

- Революция 1848 г. в Вене. Женева, 1902, 32 с.
- Ровинский П. А. Чехи в 1848 и 1849 гг. ВЕ, 1870, янв., с. 86—123; февр., с. 652—690.
- С. З. Император Николай I и европейские революции. РС, 1904, март, с. 517—551; апр., с. 35—63; май, с. 265—289.
- С. Ш. [Некролог Кошута]. «Русское обозрение», 1894, кн. 4, с. 977—979.
- Селезнев К. Южнославянские народы в революции 1848 г. «Борьба классов», 1936, № 10, с. 36—50
- Смерть Кошута. ИВ, 1894, апр., с. 284—289.
- Соколовский Л. Роль печати во время австрийской революции 1848 г. МБ, 1905, № 12, отд. 2, с. 1—21.
- Соловьев С. М. Россия, Австрия и Англия во время движения 1848 и 1849 гг. РС, 1877, ноябрь, с. 407—426.
- Тот З. Кошут и национальный вопрос в 1848—1849 гг. Budapest, 1954, 122 с. Рец.: Р. А. А в е р б у х. ВИ, 1955, № 6, с. 161—163.
- Удальцов И. И. Из истории Пражского восстания 1848 г. ВИ, 1948, № 12, с. 97—114.
- Удальцов И. И. Из истории славянского съезда в Праге в 1848 г. УЗИС, 1949, т. 1, с. 57—84.
- Удальцов И. И. К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 г. ВИ, 1947, № 5, с. 23—47.
- Удальцов И. И. Национально-политическая борьба в Чехии в 1848 г. и Ф. Палачкий. Автореф. М., 1949, 24 с.
- Удальцов И. И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951, 252 с. Рец.: А. М о л о к. ВИ, 1951, № 10, с. 136—141.
- Ханак П. Угнетенные народы Австрийской империи и Венгерская революция 1848—1849 гг. Budapest, 1953, 81 с. Рец.: Р. А. А в е р б у х. ВИ, 1955, № 6, с. 161—163.
- Цыпкина З. М. Крестьянство Ломбардии накануне революции 1848 г. УЗ МГПИ им. Ленина, 1957, т. 109, вып. 6, с. 3—31.
- Шукин П. И. Заметка о двух памятниках в г. Шесбурге: генералу Скарятину и поэту Петефи. РА, 1899, вып. 8, с. 633—634.

1849—1867

- А. Вопрос о национальности и панславизм. С, 1864, отд. 1, № 1, с. 185—214; № 2, с. 479—510.
- А. Процессы о печати в Австрии. С, 1863, отд. 1, № 1, 2, с. 413—440; № 4, с. 588—625; № 5, с. 229, 240.
- Австрийский государственный совет. БЧ, 1861, т. 165, № 5, с. 1—11.
- Австрия, ее военное положение в Италии. БЧ, 1859, т. 155, № 5, с. 1—17.
- Австрия и ее военное могущество в Италии. ОЗ, 1859, т. 124, отд. 1, № 5, с. 213—236.
- Австрия, министерство графа Белькреди. ОЗ, 1865, т. 162, отд. 2, № 9, с. 86—94.
- Арсеньев К. К. Германия накануне разрыва между Пруссией и Австрией. ВЕ, 1866, т. II, ист. хроника, с. 83—111.
- Бейст. Из мемуаров графа Бейста. «Соврем. мир», 1915, № 5, отд. 2, с. 1—42.
- Бушен фон. Обзор административной статистики Австрии. «Журн. мин. внутр. дел», 1860, ч. 44, кн. 10, с. 19—68.
- Внутренние дела Австрии. С, 1865, т. 109, № 7, с. 129—165.
- Г-в Н. (пер.). Австрия и Италия перед лицом Европы. СО, 1859, № 19, с. 510—516; № 20, с. 544—546.
- Гакстаузен А. фон. Об отменении и выкупе помещичьих господских прав в Австрии. РВ, 1857, т. 12, дек., с. 571—582.
- Генерал-фельдмаршал граф Радецкий. Некролог. ВЖ, 1858, ч. 1, отд. III, с. 28—34.

- Гильфердинг А. Ф.** Историческое право хорватского народа. М., 1860, 14 с.; то же: «Русск. беседа», 1860, кн. 1, Смесь, с. 1—14.
- Горн.** Последние средства Австрии. СО, 1859, № 23, с. 614—616; № 25, с. 675—676.
- Горяинов С.** Австрия и Россия после Крымской войны. РС, 1907, т. 136, окт., с. 227—244.
- Громека С.** Воспоминание о поездке в Австрию. ОЗ, 1858, т. 120, отд. 1, № 9, с. 89—104.
- Дипломатическая война между Австрией и Пруссией.** С, 1866, т. 113, № 4, с. 272—279.
- Драгомиров М. И.** Очерки австро-прусской войны в 1866 г. СПб., 1867, 2, 238 с.
- Дюнан А.** Воспоминание о битве при Сольферино. Пер. с фр. СПб., 1903, 64 с.; то же: «Всемирный вестник», 1803, окт., прил.
- Исаков П. Н.** Из воспоминаний прусского военного агента в Вене в 1853—1854 гг. РС, 1914, март, с. 559—576.
- Итальянская война 1859 г.** По выс. повелению с нем. сочинения, составленного при Военно-историческом отделении Прусского ген. штаба, перевод. СПб., 1862. II, 162 с.
- К. Признания журналиста.** РВ, 1894, т. 230, февр., с. 265—285.
- Кирирм А.** Начала нового проекта устава судоустройства в Австрии. «Журн. мин. юстиции», 1861, сент., с. 593—612.
- Кондратьева В. Н.** Записки М. Ф. Раевского о положении подвластных Австрий народов. В кн.: Славяно-германские отношения. М., 1964, с. 181—196.
- Конституционные учреждения Австрии и движения как в Венгрии, так и в других областях империи.** БЧ, 1861, т. 163, № 1, с. 7—17.
- Конституция Австрийской империи.** БЧ, 1861, т. 164, № 3, с. 24—32.
- Куломзин А.** Финансы Австрии в эпоху министерства фон Шмерлинга. РВ, 1867, т. 69, № 5, с. 235—265; т. 70, с. 135—168.
- Ламанский Е. И.** Барон Брук и финансовая реформа в Австрии. «Экономический указатель», 1857, № 12, с. 265—272; № 13, с. 300—305; № 15, с. 337—342.
- Левин И.** Из истории австрийской реакции. РМ, 1908, кн. 9, отд. 2, с. 26—41.
- Левин И. О.** Из истории контрреволюционного периода в Австрии. РМ, 1913, кн. 7, отд. 3, с. 24—33.
- Лялин В.** Возрождение Австрии в последние десять лет. ОЗ, 1859, т. 124, № 6, отд. 4, с. 89—112.
- Митрофанов П. П.** Австрийская историография и книга проф. Вертгеймера о графе Андраши. ЖМНП, 1913, ч. 46, авг. Крит. и библиограф., с. 343—349.
- Н. А.** Для чего в Австрии введена конституция и кто ею пользуется? ОЗ, 1863, т. 148, май, № 5, отд. 3, с. 68—120.
- Назарьев В.** За Австрию и против нее. (Из военных воспоминаний. 1850—1858 гг.). РС, 1894, т. 82, авг., с. 168—186.
- Об управлении сельских обществ в полицейском отношении по новейшим законодательствам германских государств.** 1860, 60 с.
- Палаузов С. Н.** Австрия со времени революции 1848 г. СПб., 1860. 4, 113 с.; то же: РСл, 1859, № 11, с. 369—426; № 12, с. 459—514.
- Палаузов С. Н.** Венгрия в современных ее отношениях к Австрии. СПб., 1861, 46 с.; то же: РСл, 1861, № 2, с. 1—43.
- Палаузов С. Н.** Одно из средств австрийской политики. СПб., 1861; то же: РСл, 1861, № 5, с. 1—15.
- Палаузов С. Н.** Политическое и этнографическое состояние народностей Австрии. СПб., 1861, 28 с.; то же: РСл, 1861, № 4, с. 23—50.
- Петров А. Н.** Русские дипломаты на венских конференциях 1855 г. ИВ, 1890, т. XI, апр., с. 22—50; май, с. 265—289; июнь, с. 514—534.
- Погодин М. П.** Австрия. (Писано в августе 1854 г.). РВ, 1859, № 4, кн. 16, отд. V, с. 107—114.
- Политическое обозрение.** ОЗ, 1861, т. 134, отд. 2, № 2, с. 56—70; т. 135, отд. 2, № 3, с. 30—42; № 4, с. 78—85; т. 136, отд. 2, № 5, с. 28—53; № 6, с. 100—

103; т. 137, отд. 2, № 8, с. 69—70; т. 138, отд. 2, № 9, с. 33—40; № 10, с. 52—54.

Попов Н. А. Австрийская публицистика перед введением дуализма (1865—1866). Киев, 1878, 51 с.; то же: Славянский ежегодник. Киев, 1878, с. 1—51.

Преобразование австрийского государственного совета. РВ, 1860, май, XXVII, кн. II, № 10, с. 120—144.

Путилов Н. 1866 год. Австрия и ее союзники в войне против Пруссии и Италии, кн. 1—2. СПб., 1889—1891.

Р-н Н. Об устройстве земледельческого сословия в Австрии. РВ, 1857, кн. 5, отд. II, с. 105—136.

Ратнер Н. Д. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг. УЗИС, 1956, т. XIV, с. 83—178.

Спасович В. Д. Новейшая история Австрии. ВЕ, 1873, май, кн. 5, с. 122—157; июль, кн. 7, с. 148—189; дек., кн. 12, с. 632—688.

Сражение при Лиссе. (Между австрийским и итальянским флотами 20 июля 1866 г.). «Морской сборник», 1867, № 2, неоф. отд., с. 1—43. Рец.: ОЗ, 1867, т. 170, отд. 2, № 2, кн. 4, с. 235—244.

Торнау Ф. Ф. Воспоминания барона Ф. Ф. Торнау. ИВ, 1897, янв., с. 50—82; февр., с. 419—447.

Финансы Австрии. «Вест. промышл.», 1860, т. X, № 11, отд. III, с. 105—126.

Фогель К. Об улучшении быта сельского населения в Австрии. СО, 1858, № 22, с. 635—639; № 29, с. 830—833.

Фрейдзон В. И. О белградском «комитете» М. Бана (1860—1861). СА, 1963, с. 100—115.

Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений, т. VIII. М., 1950, 700 с.

Шлиффен фон А. Канны. С прил. избр. статей и речей. Пер. с нем. М., 1936, 417 с.

Шнеерсон Л. М. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав. (Из истории германского вопроса). Минск, 1962, 351 с. Рец.: И. С. Г а л к и н. НиНИ, 1965, № 2, с. 155—156.

Шнеерсон Л. М. Австро-прусская война 1866 г. и политика великих европейских держав. (Из истории германского вопроса). Автореф. Минск, 1963, 42 с.

1867—1914

Общие вопросы

Абрамовский В. Среди мадьяр. ВС, 1911, № 11, с. 141—160.

Австрийский вопрос. РВ, 1866, т. 182, № 3, с. 467—470.

Австрийский государственный совет. РВ, 1860, т. 28, кн. 1, № 15, с. 345—360.

Австрия. ОЗ, 1871, т. 195, отд. 2, № 4, с. 346—384.

Австро-венгерские дела. ВЕ, 1879, кн. 9, с. 438—448.

Австро-Венгрия. В кн.: Год «Вестника Европы». Ист.-политич. обозрение. 1873—1874. II. СПб., 1874, с. 344—374.

Австро-Венгрия у себя дома. РВ, 1886, т. 186, № 12, с. 928—931.

Альбрехт Фридрих Рудольф, эрцгерцог австрийский. Ответственность за войну. СПб., 1887. 2, 40 с.

Арсеньев К. Министерство и журналистика в Австрии. ОЗ, 1868, т. 142, отд. III, № 6, с. 258—284.

Б-ов Д. Закон и ростовщичество. РВ, 1888, т. 198, сент., с. 244—262.

Бауер О. Борьба за землю. Очерки по аграрной истории и аграрной политике Австрии. Л., 1926, 211 с.

Башмаков А. А. Избирательная реформа в Австрии и выборы в рейхсрат по новому закону о всенародном голосовании. СПб., 1907, 48 с.

Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М., 1961, 406 с.

- Брусиловский И. К.** Некоторые итоги австрийской избирательной статистики. РБ, 1907, № 7, с. 150—160.
- Будучность Австрийской империи.** РВ, 1898, т. 256, № 8, с. 293—297.
- В Австрии.** МБ, 1902, № 10, отд. 2, с. 48—51.
- Василевский Л. М.** (Плохоцкий). Австро-Венгрия. Политический строй и национальные вопросы. Изд. 2. СПб., 1906, 63 с.
- Василевский Л. М.** Итоги парламентских выборов. (Письмо из Австрии). РБ, 1911, № 7, отд. 2, с. 30—61.
- Василевский Л. М.** Накануне новых выборов в парламент. (Письмо из Австрии). РБ, 1911, № 5, отд. 2, с. 67—84.
- Василевский Л. М.** Обновленный рейхсрат. (Письмо из Австрии). РБ, 1907, № 11, с. 67—77.
- Василевский Л. М.** Торжество абсолютизма в Венгрии. МБ, 1906, № 3, отд. 2, с. 68—75.
- Вейдемюллер К.** Австрийские выборы. «Соврем. мир», 1911, № 6, с. 318—330.
- Вейдемюллер К.** Внешняя и внутренняя политика Австро-Венгрии. «Соврем. мир», 1909, № 3, отд. 2, с. 91—107.
- Веселовский А.** Онемеченное славянское поселение в Тироле. ЖМНП, 1879, т. 206, ноябрь, отд. 2, с. 71—83.
- Виноградов К. Б.** Новые зарубежные работы по истории Австро-Венгрии. (Обзор). «Вест. ЛГУ», 1956, № 14, с. 123—129.
- Винтер Ф. Ф.** Национальность и профессиональные союзы. Киев — СПб., 1906.
- Витте Е. де.** Вена. Ее владетели и немецкое население. (Из книги Г. Бара «Вена»). Шамордино, 1913, 26 с.
- Водозов В. В.** Политические партии Австрии. Статистический очерк. РБ, 1898, кн. 9, отд. 2, с. 142—160.
- Галкин И. С.** Австро-Венгрия (1867—1914). Стеногр. лекции ВПШ. М., 1940, 22 с.
- Галкин И. С.** Австро-Венгрия. 1870—1914 гг. Италия. 1870—1914 гг. Стеногр. лекций. М., 1949, 36 с.
- Галкин И. С.** Австро-Венгрия и Италия в 1870—1914 гг. Лекции. М., 1952, 40 с.
- Гейликман Э.** Реформа Таафе. «УЗ Саратовского ун-та», 1939, т. 1(14). Серия ист. ф-та, вып. 1, с. 141—166.
- Гейсман П. А.** Национальная борьба в Австрии и значение нового избирательного закона для славян вообще и для русских в частности. «Славянские известия», 1906, № 1, с. 70—72.
- Глебов А.** Новый парламент. Письмо из Австрии. РМ, 1911, кн. 10, отд. 2, с. 62—79.
- Дворец Габсбургов.** ИВ, 1882, апр., с. 238—239.
- Демков Я. А.** Австро-Венгрия в 1867—1914 гг. Лекция, прочит. в Военно-полит. академии. М., 1952, 56 с.
- 3-д. Письмо из Вены. СВ, 1898, № 6-7, отд. 2, с. 137—145.
- 3-д. Письмо из Вены. Положение дел в Австро-Венгрии. СВ, 1898, № 8-9, отд. 1, с. 226—234.
- 3-д. Письмо из Вены. Скандалы в венском рейхсрате. СВ, 1897, № 12, с. 54—60.
- Залізняк М.** Нариси про національне питання. Київ, 1918, 144 с.
- Замок Мирамар.** (Резиденция австрийского императорского дома). РВ, 1900, т. 267, № 5, с. 263—266.
- Звездич П.** (Ротенштерн П. И.). «Историческая миссия» Австрии. (Письмо из Австрии). РБ, 1897, кн. 12, отд. 2, с. 120—139.
- Звездич П.** (Ротенштерн П. И.). На западе. Избирательная реформа на австрийском парламенте. «Образование», 1906, № 2, отд. 2, с. 131—152.
- Звездич П.** (Ротенштерн П. И.). Налоговая реформа в Австрии. «Жизнь», 1898, № 22, с. 98—115.
- Звездич П.** (Ротенштерн П. И.). Парламентский кризис в Австрии. «Жизнь», 1901, т. II, февр., с. 232—260.

- Звездич П.** (Ротенштерн П. И.). Результаты выборов в Австрии. «Жизнь», 1901, т. IV, апр., с. 363—390.
- Звездич П.** (Ротенштерн П. И.). Реформа избирательного права в Австрии. В кн.: Вопросы момента. М., 1906, с. 173—200.
- Иностранные** политические процессы. ОЗ, 1871, т. 1(194), № 1, янв., с. 75—122.
- Капелюш Ф.** На Западе. Выборы в Австрии. «Образование», 1907, № 7, отд. 3, с. 92—108.
- Карнович Е. П.** Очерки Вены. «Наблюдатель», 1882, № 12, отд. 1, с. 44—70.
- Коляри В.** Вильгельм Обердан. (Из истории итальянского ирредентизма). ГМ, 1916, № 1, с. 61—74.
- Кондратьева В. Н.** К истории восстания в Боке Которской в 1869 г. УЗИС, 1958, т. 16, с. 151—173.
- Корф Н. А.** Новая Вена и ее самоуправление. СПб., 1873. II, 46 с.; то же: ВЕ, 1873, янв., с. 155—194.
- Котляревский С.** Иностранная политика. Австрия. РМ, 1907, кн. 6, отд. 2, с. 195—207.
- Кульчицкий В. С.** Вплив російської революції 1905 року на реформу виборного права в Австро-Угорщині. В кн.: 50 років першої російської революції. Львів, 1955, с. 308—318.
- Кульчицкий В. С.** Галицкий сейм в системе колониального аппарата Австро-Венгрии. Автореф. М., 1953, 16 с.
- Купчанко Г. И.** Русский путеводитель по Вене и Австро-Венгрии. Вена, 1899, 96 с.
- Л-ва С. В.** Мадьяр о положении Венгрии. РМ, 1897, кн. IV, отд. 2, с. 130—140.
- Л-ес К.** Результаты выборов в австрийский рейхсрат. СМ, 1907, № 7—8, стл. 2, с. 89—101.
- Лагов Н.** Агония Австрии. РВ, 1901, т. 272, № 4, с. 560—564.
- Лашин.** Письмо из Вены. РВ, 1901, т. 273, № 6, с. 591—595; т. 274, № 7, с. 284—291.
- Левин И. О.** Австрийские дела. РМ, 1913, кн. 9, отд. 3, с. 5—12.
- Левин И. О.** Смерть Франца-Иосифа. РМ, 1916, кн. XI, с. 8—13.
- Левин И. О.** Смерть эрцгерцога Франца-Фердинанда. РМ, 1914, кн. 7, отд. 3, с. 11—14.
- Лесков Н. С.** Император Франц-Иосиф без этикета. ИВ, 1881, янв., с. 139—146.
- Литературно-судебный** процесс по поводу диффамации графа Бейста. (Вена, 6 марта 1871 г.). ОЗ, 1871, т. 195, отд. 2, № 4, с. 385—418.
- Лозинский С. Г.** Национальный вопрос и политические партии в Австрии. М., 1907, 83 с.
- Лук'янович Д.** Перші жертви. (Спогади про вибори 1897 року). Львів, 1947, 20 с.
- Люблинский П. И.** Идея права и европейская война. ВЕ, 1915, кн. 11, с. 85—107.
- Майков А. А.** Заметка по внешним делам. РМ, 1882, кн. 3, отд. 2, с. 159—162.
- Майков А. А.** Заметки по внешним делам. РМ, 1883, кн. 3, отд. 2, с. 95—116.
- Майков А. А.** Заметки по внешним делам. РМ, 1885, кн. 1, отд. 2, с. 158—170.
- Майлат Георг фон.** ИВ, 1883, май, с. 487.
- Мнухина Р. С.** Борьба за всеобщее избирательное право в Австрии в 1905 г. УЗ ЛГУ, № 130, серия ист. наук, вып. 18, 1951, с. 36—69.
- Молчанов А. Н.** Мемуары Бейста. ИВ, 1887, июнь, с. 665—685.
- Новая конституция** Австрийской монархии. РВ, 1860, т. 30, кн. 1, № 21, с. 51—82.
- Нольде А.** Порядки австрийского парламента. СПб., 1906, 30 с.; то же: «Журн. мин. юстиции», 1906, № 3, с. 197—224.
- П. Т.** Антисемитское движение в Австрии. «Новое слово», 1896, № 8, с. 53—67; № 9, июнь, с. 31—47.
- П. Т.** Из Австрии. «Новый курс» и железнодорожники. «Новое слово», 1897, кн. 12, сент., с. 196—216.
- П. Т.** Избирательная борьба в Вене. «Новое слово», 1897, кн. 8, май, с. 179—206.

- Петцольд А.** Суровая жизнь. Из записок рабочего подростка. Пер. с нем. М.—Л., 1926, 199 с.
- Письма графа П. Василия.** Лондонское общество. Венское общество. Пер. с фр. СПб., 1886, VII, 486 с.
- Политическая хроника.** «Наблюдатель», 1889, № 2, отд. 2, с. 12—27.
- Предисловие** к нынешним австрийским делам. С., 1861, т. 85, № 2, с. 581—618.
- Ратнер М.** Национальные и политические моменты в парламентской жизни Австрии. ВЕ, 1911, кн. 1, с. 142—157.
- Ратнер М.** Парламентские выборы в Австрии. Письмо из Вены. ВЕ, 1911, июль, с. 318—326.
- Редкин А.** Австро-Венгрия. В кн.: А. Р е д к и н. Политический сборник, вып. 1. СПб., 1872, с. 49—101.
- Ржевский О.** Франц-Иосиф — Австрия — Россия. «Жизнь», 1897, № 11, с. 246—255.
- С. К.** Корреспонденция из Вены 12/24 июня 1882. Три года управления гр. Таафе. ВЕ, 1882, кн. 7, с. 332—355.
- Слонимский Л. З.** Иностранное обозрение. ВЕ, 1916, кн. 11, с. 354—368.
- Т-ский Е.** Вооруженные столкновения полиции с обывателями в Австрии. «Юрид. вестник», 1889, № 3, с. 543—544.
- Тарновский Е. Н.** Изменения преступности в различных общественных группах. «Юрид. вестник», 1889, № 5, с. 47—71.
- Тейфен Т.** Имущие и обездоленные классы в Австрии. Пер. с нем. СПб., 1907, 207 с.
- Тейфен Т.** Черная сотня (клерикально-социальная партия) в Австрии. Одесса, 1905, 31 с.
- Тексты важнейших конституций** с историч. введениями. Серия 3. М., 1907.
- Теплов П.** Крупное землевладение в Австрии. (Корреспонденция из Вены). «Научное обозрение», 1898, № 8, с. 1413—1428.
- Теплов П.** Политическая жизнь Австрии в 1897 г. (Письмо из Австрии). «Жизнь», 1898, т. XVII, май, № 14, кн. 2, с. 178—197; № 15, кн. 3, с. 322—342.
- Теплов П.** Положение женского труда в Вене. (Корреспонденция из Вены). «Научное обозрение», 1898, № 11, с. 1918—1931.
- Трубецкой Г.** Громкий процесс в Австрии. «Моск. еженедельник», 1909, № 50, с. 13—20.
- Туполев Б. М.** Австро-Венгрия в планах пангерманцев в конце XIX — начале XX в. В кн.: Славяно-германские отношения. М., 1964, с. 95—134.
- Тур Н. А.** Австрийские законы: 1) об отправлении суда и о подсудности дела общим судам (1 авг. 1895 г.) и 2) об учреждении судов (27 ноября 1896 г.) с указанием соответствующих постановлений нашего устава гражданского судопроизводства. «Журн. мин. юстиции», 1897, № 4, апр., VII, 85 с. (прил.).
- Тур Н. А.** Австрийский закон 27 мая 1896 г. о порядке взыскания и обеспечения. С указанием соответствующих постановлений нашего устава гражданского судопроизводства. «Журн. мин. юстиции», 1897, № 2, февр., VI, 168 с. (прил.).
- Турок В. М.** Некоторые проблемы истории Австро-Венгрии. СС, 1965, № 4, с. 17—27.
- Хренов И. А.** Влияние русской революции 1905—1907 гг. на славянские страны. КСИС, 1956, № 20, с. 3—12.
- Хренов И. А.** Первая русская революция 1905—1907 гг. и зарубежные славянские народы. КСИС, 1963, № 39, с. 39—50.
- Черниг.** Характеристика различных народностей Австрийской империи. «Вест. РГО», 1959, ч. 26, отд. V, с. 72—82.
- Шоффель И.** Парламентаризм. Пер. с нем. М., 1907, 31 с.
- Эмиграция** из Австрии. «Киевская старина», 1904, т. 84, янв., отд. II, с. 24.
- Юбилей** одного ферейна. МБ, 1901, № 12, отд. 2, с. 52—53.

- А. В.** Домашняя промышленность в Австрии. СВ., 1898, № 10—12, отд. 2, с. 173—182.
- Бок И.** Об оборотах почтово-сберегательных касс в Австрии за последнее время. «Изв. РГО», 1896, вып. 3, с. 220—225.
- Васильев А.** Как живут и работают женщины в Вене. (Статистическо-социологический очерк). «Начало», 1899, апр., с. 175—184.
- Виноградов К. Б.** Некоторые особенности экономического развития Австро-Венгрии накануне первой мировой войны. УЗ ЛГУ, № 194, серия ист. наук, вып. 23, 1955, с. 67—91.
- Гаттенбергер К. К.** Венский кризис 1873 г. СПб., 1877, 190 с.
- Государственное страхование рабочих.** Австрийское законодательство по страхованию рабочих от несчастных случаев и от болезней. СПб., 1905, 15 с.
- Несколько замечаний о финансах Австрии.** РВ, 1865, т. 8, № 5, с. 5—51.
- Ипотечный кредит в Австро-Венгрии.** СПб., 1896.
- Иславин Л.** Новый личный подоходный налог в Австрии. В кн.: Сборник консульских донесений. Год 1, вып. 1. СПб., 1898, с. 38—45.
- Иславин Л.** Новый сельскохозяйственный и промышленный совет в Австрии. Донесение вице-консула в Вене. В кн.: Сборник консульских донесений. Год 1, вып. 6. СПб., 1898, с. 465—468.
- Иславин Л.** Сокращение рабочего дня для железнодорожных служащих в Австрии. Донесение вице-консула в Вене. В кн.: Сборник консульских донесений. Год 1, вып. 3. СПб., 1898, с. 244—245.
- Иславин С. С.** Экономический обзор Австро-Венгрии за 1910 г. Донесение генерального консула в Вене С. С. Иславина. «Изв. мин. иностр. дел», 1912, кн. 1, с. 174—178.
- Исследование женского труда в Вене.** МБ, 1897, № 4, отд. 2, с. 37—39.
- Крамарж К.** Денежная реформа в Австрии. «Русск. эконо. обзор», 1897, № 1, май, с. 58—85.
- Кудрявцев А.** Отзыв Пражского торгово-промышленного съезда о состоянии австрийской промышленности. Донесение генерального консула в Вене. В кн.: Сборник консульских донесений. Год 1, вып. 4. СПб., 1898, с. 300—303.
- Новый австрийский закон о страховании рабочих от несчастных случаев.** «Юрид. вестник», 1888, № 2, с. 349—350.
- Окольский А.** Меры, предпринимаемые государством и обществом в Верхней Австрии для улучшения сельского хозяйства. «Варшавские универс. известия», 1897, кн. III, с. 1—23.
- П. Т.** Положение сельских рабочих в Австрии. «Новое слово», 1896, № 12, сент., с. 17—33.
- Силин Н. Д.** Австро-венгерский банк. Исследование по вопросу об отношениях между центральным эмиссионным банком и государством. М., 1913, XIII, 651 с.
- Силин Н. Д.** Кредитная политика эмиссионного банка и устойчивая валюта. (Австро-венгерский банк). Изд. 2. М., 1928, 289 с.
- Str.** [Струве П. Б.]. Австрийское крестьянство и его бытописатель. ВЕ, 1893, июнь, с. 539.
- Струве П. Б.** Немцы в Австрии и крестьянство. ВЕ, 1894, кн. 2, с. 796—828.
- Янжуд И. И.** Австрийская торгово-промышленная экспедиция в Россию. «Русск. эконо. обзор», 1900, № 7, с. 1—30.
- Фаас В. В., Рогер Ю. А.** Леса и лесная торговля Австро-Венгрии. Отчет по заграничной командировке. Пг., 1915, V, 299 с.

Международные отношения

- Амфитеатров А.** Славянская горе. М., 1912. 4, 268 с.
- Астафьев И. И.** Балканская политика царизма и русско-германские отношения накануне боснийского кризиса 1908—1909 гг. «Вест. МГУ». История. 1965, № 3, с. 34—51.
- Болгарин.** Торговые сношения России с государствами Балканского полуострова. «Русск. эконом. обозрение», 1902, № 11, с. 105—125.
- Бутковский Я. И.** Сто лет австрийской политики в восточном вопросе, т. 1—2. СПб., 1888.
- Бушуев С.** [Рец.]. Рапп Дж. Колебания в русско-австрийской дружбе 1876—1878. ВИ, 1946, № 4, с. 140—143.
- Веселовский М. П.** Обзорение законодательных постановлений Австрии и Италии о взимании таможенных пошлин звонкою монетою. СПб., 1868. II, 114, 18 с.
- Викторов-Топоров В.** Из истории балканских соглашений и союзов. Тайная конвенция между Болгарией и Австро-Венгрией 1898 г. ВЕ, 1916, кн. 8, с. 292—313.
- Виноградов К. Б.** Внешняя политика и дипломатия Австро-Венгрии в начале Балканских войн (октябрь 1912 — январь 1913 г.). Автореф. Л., 1953, 22 с.
- Виноградов К. Б.** Дипломатия Австро-Венгрии и первая Балканская война. «Науч. докл. высш. школы». Ист. науки, 1958, № 3, с. 177—196.
- Владов [Пашков И. А.].** Славянские княжества. Гусиньский вопрос и Австро-Сербская железнодорожная конвенция. РМ, 1880, кн. 5, отд. 5, с. 91—113.
- Восточная политика Австрии и финансовый кризис в Константинополе.** ВЕ, 1881, кн. 12, с. 891—906.
- Галкин И. С.** Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905—1912 гг. М., 1960, 266 с. Рец.: 1. С. Д. Сказкин. НиНИ, 1961, № 2, с. 150—152; 2. Н. Д. Смирнов а. ВИ, 1961, № 5, с. 139—142.
- Галкин И. С.** Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав. «Вест. МГУ», 1956, № 4, с. 9—40.
- Гальберштадт Л.** Иностранная политика. Россия, Австрия, Балканские государства. РМ, 1910, кн. 4, отд. 2, с. 184—200.
- Гольцев В. А.** Иностранное обозрение. РМ, 1886, кн. 11, отд. 2, с. 177—185.
- Горяинов С. М.** Конец союза императоров. (1881—1900 гг.). «Изв. мин. иностр. дел», 1915, кн. 2, с. 152—163.
Рец.: Б. Э. Нольде. РМ, 1915, кн. 6, с. 1—5.
- Договор** о выдаче между Австро-Венгрией и Болгарией от 18/31 мая 1911 г. «Изв. мин. иностр. дел», 1912, кн. 1, с. 79—87.
- Договор** по вопросам гражданского судопроизводства между Австро-Венгрией и Болгарией 18/31 мая 1911 г. «Изв. мин. иностр. дел», 1912, кн. 1, с. 88—98.
- Ерусалимский А.** Борьба держав за Балканы и проливы в конце XIX в. (Германская дипломатия и антирусская политика Австро-Венгрии и Англии на Балканах). ВИ, 1947, № 9, с. 83—104.
- Козьменко И. В.** Болгарский вопрос в международных отношениях 1876—1878 гг. КСИС, 1964, № 40, с. 61—75.
- Кондратьева В. Н.** К истории австрийской экспансии на Балканском полуострове в XIX в. СА, 1962, с. 207—214.
- Кондратьева В. Н.** Сговор Австрии и Турции с целью подавления национально-освободительного движения на Балканах в 60-е годы XIX в. (По коясульским донесениям). КСИС, 1963, вып. 36, с. 44—60.
- Кравченко Н. Н.** Очерки из истории международных отношений конца XIX и начала XX в., т. 1. Саратов, 1925.
- Лавелэ Э де.** Балканский полуостров. Пер. с фр. М., 1889, VII, 488 с.
- Ламанский В.** Сербия и южнославянские провинции Австрии. Из записок о славянских землях. СПб., 1864, 81 с.
- Левин И. О.** Балканская политика Австрии. РМ, 1915, кн. VI, с. 12—18.

- Левин И. О.** Заключение австро-германского союза. РМ, 1915, кн. IX, с. 71—81.
- Левин И. О.** История идеи австро-германского таможенного союза. Пг., 1916, 75 с.; то же: «Изв. мин. иностр. дел», 1916, кн. 2, с. 169—243.
- Левин И. О.** Некоторые политические итоги и перспективы. РМ, 1913, кн. 2, отд. 3, с. 1—7.
- Леонард П. С.** Тройственный Союз и Англия. Объединение и разъединение Европы. СПб., 1876, 96 с.
- Лесников М. П.** Русско-австрийские отношения во время восточного кризиса 1875—1878 гг. в освещении американского историка. «Изв. АН СССР». Серия ист. и филос., 1946, т. III, № 5, с. 473—479.
- Майков А. А.** Раздел Турции. РМ, 1884, кн. 5, отд. 2, с. 125—143.
- Никитин С. А.** Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50—70-е годы XIX в. В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 159—186.
- Нольде Б. Э.** На старом рубеже: Италия и Австрия. РМ, 1915, кн. XII, с. 121—133.
- П-ский Н., А-ов П.** К грядущей борьбе на Балканском полуострове. Натиск немцев. План вторжения австрийцев в Сербию и Черногорию. Краткий обзор вооруженных сил Австро-Венгрии, Сербии и Черногории. Одесса, 1909, 23 с.
- Погодин А. Л.** Австро-Венгрия и Сербия. Вопрос о войне в рейхсрате. «Моск. еженедельник», 1909, № 12, март, с. 33—44.
- Политическая хроника.** «Наблюдатель», т. 3, 1884, № 10, с. 32—49.
- Пуцкович В. Ф.** Разделение Европы на два лагеря. (По дипломатическим и другим источникам). ИВ, 1909, янв., с. 199—205.
- Пуцкович В. Ф.** Виновники разделения Европы на два лагеря. ИВ, 1909, апр., с. 399—400.
- Ротштейн Ф. А.** Две прусские войны. Австро-прусская (1866) и франко-пруская (1870—1871). Пражский (1866), Версальский и Франкфуртский (1871) мирные договоры. М.—Л., 1945, 183 с.; то же: Ф. А. Ротштейн. Из истории прусско-германской империи. М.—Л., 1948, 210 с. Рец.: А. Молок. ВИ, 1946, № 5—6, с. 129—133.
- Сборник дипломатических документов, касающихся событий на Балканском полуострове** (август 1912 г.—июль 1913 г.). РС, 1915, май, с. 231—263; июнь, с. 419—452; июль, с. 5—36; авг., с. 209—240; сент., с. 371—402; окт., с. 5—24; ноябрь, с. 185—202; дек., с. 379—401.
- Сементковский Р.** Тройственный союз или раздел Австрии. «Сев. вестник». 1891, № 8, с. 103—116.
- Сигрист С.** У порога великой войны. Балканы как очаг европейских столкновений. Пг., 1924, 123 с.
- Силин А. С.** Германия и переговоры об австро-турецкой военной конвенции в 1909—1910 гг. (Из истории экспансионистской политики германского империализма на Ближнем Востоке). «УЗ Кишиневского ун-та», т. 65, 1963, с. 87—97.
- Сказкин С. Д.** Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. т. 1. М., 1928. XI, 355, 1 с.
- Слонимский Л. З.** Фатальный союз. ВЕ, 1914, кн. 8, с. 340—348.
- Теплов В.** Обзор внешних событий. Австро-сербский конфликт. РВ, 1906, т. 302, март, с. 326—344; апр., с. 681—704.
- Трухнов Г. М.** Политика германо-австрийского империализма на Балканах в период второй Балканской войны (июль 1913). «УЗ Белорусского ун-та», вып. 23, 1955, с. 67—89.
- Шерадам А.** Европа и австрийский вопрос на рубеже XX столетия. СПб., 1903, V, 300 с.; то же: РВ, 1902, № 6, с. 565—604; № 7, с. 217—240; № 8, с. 65—128; № 9, с. 129—176; № 10, с. 177—224; № 11, с. 225—256; № 12, с. 257—300.

- Шумский К. Балканская война и стратегические перестановки. РМ, 1913, кн. 4, отд. 3, с. 1—7.
- Энзис. Германия и Австро-Венгрия. СМ, 1915, № 10, отд. 2, с. 41—59.

Оккупация и аннексия Боснии и Герцеговины

- Австрийцы** в Боснии и Герцеговине. ВЕ, 1878, кн. 10, с. 835—843.
- Асенин**. Австриец в Боснии. «Родное племя», 1876, кн. 1, с. 52—66.
- Барр А.** Босния и Герцеговина под австрийским владычеством. Пер. М., 1909, 212 с.
- Белякова Н. П.** Социально-экономические предпосылки национально-освободительного движения в Боснии и Герцеговине в 1908—1914 гг. Автореф. М., 1952, 16 с.
- Белякова Н. П.** Социально-экономические предпосылки национально-освободительного движения в Боснии и Герцеговине в 1908—1914 гг. КСИС, 1951, № 12, с. 57—64.
- Босняк.** Босния и Герцеговина в 1893 г. «Славянское обозрение», СПб., 1894, с. 332—343.
- В. Н.** Австро-Венгрия. Восстание в южной Далмации и Герцеговине. ВС, 1882, № 4, отд. 2, с. 176—199.
- Васильев А. В.** Наш долг в отношении Боснии и Герцеговины. Пг., 1909, 8 с.; то же: «Славянские известия», 1908, № 7, с. 333—340.
- Вейдемюллер К.** За рубежом. Новое царство и старая империя. СМ, 1908, ноябрь, отд. 2, с. 112—126.
- Виноградов К. Б.** Боснийский кризис 1908—1909 гг.—пролог первой мировой войны. Л., 1964, 160 с.
- Витте Е. де.** Босния и Герцеговина. Берлинский договор. Культурная миссия Австрии на Балканах. Мюрцштегское соглашение. Кременец, 1908, VII, 87 с.
- Вульфсон Э. С.** Босния и Герцеговина. М., 1909.
- Вячеслав (Чех)** шнок. Слово во время. (По поводу австрийской экспроприации — аннексии Боснии и Герцеговины). Посвящается молодым русским дипломатам. СПб., 1909, 24 с.
- Герцеговина** и Босния. СПб., 1878, 8 с.
- Глебов А.** Аграрный вопрос в Боснии. Письма из Австрии. РМ, 1911, кн. 6, отд. 2, с. 103—118.
- Глебов А.** Боснийская конституция. РМ, 1910, кн. 7, отд. 2, с. 95—112.
- Голечек И.** Босния и Герцеговина за время оккупации. Пер. с чешск. М., 1902, 263, II с.
- Головачев М.** Аннексия и международное право. Оттиск из «Записок Московского археол. ин-та», т. 33, 1913, 31 с.
- Дедлов В. Л.** (Кинг В. Л.). Босния и Герцеговина в их настоящем и ближайшем будущем. «Дело», 1887, кн. 3, отд. 2, с. 1—16.
- Дубровчанин.** Два слова о Боснии и Герцеговине. «Славянское обозрение», 1892, т. III, ноябрь — дек., с. 398—414.
- З-д.** Письмо из Вены. РМ, 1882, кн. 3, отд. 2, с. 73—89.
- Зайончковский А.** Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. «Красный архив», 1925, 3 (10), с. 41—53.
- Иоксимович Ч. М.** Аннексия Боснии и Герцеговины. Разные мнения. М., 1909, 40 с.
- В. К-в.** Босния и Герцеговина. Последние события. «Славянские известия», 1908, № 6, с. 278—285.
- Кон А. А.** Политический захват Австрией Боснии и Герцеговины и отношение к нему русского общественного мнения. Вильна, 1908, 32 с.
- Кораблев В. Н.** Босния и Герцеговина. Их прошлое и настоящее. СПб., 1908, 35 с.; то же: «Славянские известия», 1908, № 6, с. 253—277.

- Коцебу П. А.** Политическое, экономическое и военное значение присоединения Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. Екатеринбург, 1911, IV, 521 с.
- Кошутич Р.** Сербский народ и аннексия Боснии и Герцеговины. СПб., 1908, 56 с.
- Кулаковский П. А.** Значение босно-герцеговинского вопроса для России и славянства. Речь. «Славянские известия», 1908, № 7, с. 325—332.
- Лавров П. А.** Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства. СПб., 1909, 140 с.; то же: ВЕ, 1909, кн. 3, с. 27—52; кн. 4, с. 484—507.
- Лашин.** Письмо из Босно-Герцеговины. РВ, 1901, т. 275, сент., с. 309—318.
- Липранди А. П. (А. Вольнец).** Австрийская оккупация Боснии и Герцеговины. СПб., 1895, 19 с.; то же: «Русская беседа», 1895, июнь, с. 93—109.
- Майков А. А.** Заметка по внешним делам. РМ, 1883, кн. 4, отд. 2, с. 89—118.
- Нейман Л. А.** Франко-русские отношения во время боснийского кризиса. (1908—1909 гг.). «Французский ежегодник». Статьи и материалы по истории Франции. 1958. М., 1959, с. 375—407.
- Нотович Ф. И.** Эпизод боснийского кризиса 1908—1909 гг. «Изв. АН СССР». Серия ист. и филос., т. 4, 1947, № 1, с. 61—72.
- Привет славянам.** СПб. [1908].
- Р-цы.** Вопрос о Боснии и Герцеговине в литературе и в действительности. ЖМНП, 1899, ч. 322, март, отд. 4, с. 1—47.
- Роганович И. П.** Боснийско-хумский вопрос в связи с национально-государственным состоянием сербского народа накануне XX столетия. Изд. 2. Казань, 1900, 69 с.
- Россиев П. А.** Очерки Боснии и Герцеговины. ИВ, 1915, сент., с. 907—927.
- С. К.** Корреспонденция из Вены 12/24 апреля 1882. Австрия и балканские славяне. ВЕ, 1882, кн. 5, с. 381—401.
- Сербия.** Народная скупщина. Босния и Герцеговина в Народной скупщине Королевства Сербии на заседаниях 29 сентября, 20 и 21 декабря 1908 г. Белград, 1909, 3, 87 с.
- Сербскому народу.** (Обращение русской общественности в связи с захватом Боснии и Герцеговины). СПб., 1909, 1 с.
- Теплов В. А.** Австро-сербский конфликт. СПб., 1906, 43 с.
- Толстой Л. Н.** Как освободиться народам от порабощения. (О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии). М., 1908. Изд. также под подлинным загл. «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» и под загл. «По поводу присоединения Боснии и Герцеговины».
- Харузин А.** Босния — Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии СПб., 1901, 305 с.
Рец.: П. А. Ровинский. «Изв. Отд. русск. яз. и словесности АН», 1902, т. 7, кн. 1, с. 399—418.
- Цвийч И.** Аннексия Боснии — Герцеговины и сербский вопрос. Пг., 1909, 48 с.

Национальный вопрос

- А. Г.** Спор о языках в Австрии. Письмо в редакцию. ВЕ, 1900, кн. 12, с. 811—826.
- А. Т.** Письмо из Рима. ЖМНП, 1897, авг., отд. 4, с. 135—147.
- Австрийский кризис.** МБ, 1899, № 7, отд. 2, с. 50—53.
- Аксаков И. С.** Славянский вопрос. 1860—1866. Статьи из «Дня» и «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в славянском комитете в 1876, 1877 и 1878 гг. М., 1886, VII, 791 с.
- Аксаков Н. П. и Шарапов С. Ф.** Германия и славянство. Доклад С.-Петербургского славянскому съезду Аксаковского литературного и политического общества в Москве. М., 1909, 48 с.
- Албанская проблема и Сербия и Австро-Венгрия.** Пер. с сербск. СПб., 1913, 118 с.

- Анкета по вопросу о необходимости совместной славянской деятельности.** (Краткое содержание). Прага, 1906, 16 с.
- Апушкин В. А.** Скобелев о немцах. Его заветы славянству. Пг., 1914, 100 с.
- Бауер О.** Национальный вопрос и социал-демократия. Пг., 1918, 154 с.
- Боборыкин Г. С.** Сербский процесс в Загребе. СПб., 1909, 20 с.
- Бор-н М.** Всеславянское братство. (Панславизм). Пг., 1892, 64 с.
- Борис В. А., Нефедов И. М.** К жизни и деятельности Юлиана Госляра. (1820—1852). СА, 1959, с. 224—283.
- Борьба национальностей в Австро-Венгрии.** РВ, 1898, т. 252, № 3, с. 324—329.
- Бочковский И. А.** Рец. Prof. T. G. Masaryk: Rakouska zahraniční politika a diplomacie. Praha, 1911. «Славянство», 1911, № 2—3, с. 28—29.
- Будилович А. С.** К характеристике Палацкого (ум. 14/26 апреля 1876 г.). «Сборник Учено-лит. об-ва при Юрьевском ун-те», 1899, т. 2, с. 21—65.
- Василевский Л.** (Плохоцкий). Венгерские «руснаки» и их судьба. (Письмо из Австрии). РВ, 1914, № 3, с. 362—385.
- Василевский Л.** (Плохоцкий). Еще о выборах в Галиции. «Новое слово», 1897, кн. 8, май, с. 170—179.
- Василевский Л.** (Плохоцкий). Из Австрии. Политическая эволюция современной Чехии. «Новое слово», 1897, кн. 1, окт., с. 166—190.
- Витте Е. И.** Австро-Венгрия и ее славянские народы. Шамордино, 1912, 86 с.
- Витте Е. И.** Действительность. Вып. 5. Чехи и Вена. 20 лет конституционной жизни. 1860—1880. Почаев, 1908, 126, III с.
- Витте Е. И.** Действительность. Вып. 16. Онемечение. Борьба народностей. Нижняя Австрия. Вена. Шамордино, 1913, 224 с.
- Витте Е. И.** Пангерманизм. Почаев, 1909, 21 с.
- Володимиров В. М.** Всеславянский съезд и всеславянская лига. СПб., 1907, 7 с.
- Володимиров В. М.** Неославизм и автрославянство. СПб., 1909, 15 с.
- Вопрос о национальностях в Австрии и политика Бейста.** ОЗ, 1871, т. 196, № 6, с. 356—406; т. 197, № 7, с. 121—164.
- Воронов А. А.** У славян в Австрии. Впечатления и заметки. Пг., 1914, 88 с.
- Г-кий Я.** Попытка и старания римской курии ввести грегорианский календарь у славян, православных и униатов. ЖМНП, 1877, ч. 193, сент., отд. 2, с. 1—36.
- Гейсман П. А.** От Берлина до Вены к Петербургу и Москве и обратно. Ответ воинствующим тевтонам-русифобам. Сост. Антисарматикус. Елисаветград, 1891, 146 с.; то же, изд. 2. СПб., 1893, 242 с.
- Глебов А.** Письмо из Австрии. Борьба Венгрии за экономическую независимость. РМ, 1910, кн. 4, отд. II, с. 120—135.
- Голечек И.** Из Чехии. О главе чешского народа. РВ, 1904, февр., с. 649—667.
- Голечек И.** Из Чехии, II. Приказ министра генерала Питрейха. РВ, 1904, март, с. 322—333.
- Голечек И.** Чешский вопрос — вопрос славянский. РВ, 1903, т. 283, № 1, с. 318—343.
- Головацкий Я. Ф.** Заметки и дополнения к статьям г. Пыпина, напечатанным в «Вестнике Европы» за 1885 и 1886 гг. Вильно, 1888, 87 с.
- Графенауер Б.** Национальное положение в Каринтии. Любляна, 1946, 39 с.
- Грот К. Я.** Австро-Венгрия или карпато-дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. Изд. 3, Пг., 1914, VI, 118, 15 с.; то же: 1. К. Я. Грот. Карпато-дунайские земли. СПб., 1905, 72 с.; 2. Новый сборник статей по славяноведению. СПб., 1905, с. 69—140. Рец.: Ф. Зигель. ЖМНП, 1915, ч. 61, апр. Крит. и библи., с. 355—368.
- Грот К. Я.** Великая война и карпато-дунайская монархия. (К освещению вопросов недалекого будущего). СПб., 1914, 15 с.
- Жика (Жаклар В. В.).** Хорваты и Австро-Венгрия. (Политическая и социальная хроника). «Дело», 1883, № 10, отд. 2, с. 76—101.
- Жуковская Н. П., Шнейдер А. Е.** Записки Боголюба Каталинича о военно-политическом положении в южнославянских землях в 1869—1870 гг. СА, 1961, с. 215—237.

- 3-д. Положение дел в Австрии. СВ, 1898, отд. 2, № 3, с. 44—49.
- Загребский процесс и хорватские политические партии.** «Моск. еженедельник», 1909, № 28, июль, с. 7—15.
- Звездич П.** (Ротенштерн П. И.) Торжество чешской национальности и федералистические стремления в Австрии. (Письмо из Австрии). РБ, 1897, кн. 9, отд. 2, с. 62—78.
- Ивашин И.** Национально-освободительная борьба чешского народа в период довоенного империализма. ИЖ, 1938, № 8, с. 75—85.
- Казанский П. Е.** Русский язык в Австро-Венгрии. Оттиск из «Записок юрид. ф-та Новороссийского ун-та», Одесса, 1912, № 7, 80 с.
- Кельсиев В.** Галичина и Молдавия. Путевые письма. СПб., 1, 1868, 351 с.
- Козырев А. В.** Славяне. Очерки о культуре славянских народов и их борьбе за свою независимость. Ставрополь, 1945, 110 с.
- Коржалка И.** О характере и особенностях пангерманизма в Германии и Австрии в конце XIX в. В кн.: Славяно-германские отношения. М., 1964, с. 63—94.
- Кочубинский А.** Мы и они. (1711—1878). Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878, 246 с.
- Крейчи К.** Борьба чехов и словаков за национальное освобождение в XIX—начале XX в. (Статья из Праги). «Вестник ист. мировой культуры», 1953, № 3, с. 78—97.
- Ламанский В. И.** Чтения о славянской истории в С.-Петербургском университете. СПб., 1867, 38 с.
- Левин И. О.** К истории вопроса о выделении Галиции. РМ, 1917, кн. 2, с. 6—14.
- Левин И. О.** Кризис националистической государственности в Венгрии. РМ, 1910, окт., отд. 2, с. 141—161.
- Левин И. О.** События в Венгрии и Кроации. РМ, 1912, кн. 7, отд. 3, с. 11—17.
- Любавский М. К.** Исторические судьбы славянства. «Экскурсионный вестник», 1914, кн. 3, с. 5—19.
- Любавский М. К.** Исторические судьбы славянства. М., 1915, 27 с.; то же: Комиссия по устройству чтений для учащихся выпускных классов средних учебных заведений Моск. учеб. округа. Лекции, чит. в 1914—1916 гг. М., 1916, с. 1—28.
- Марков Д. А.** Русская и украинская идея в Австрии. В кн.: О. А. Мончаловский и. Положение и нужды Галицкой Руси. М., 1915, с. 39—68.
- Н. С.** Австрия, Германия и славяне. Политические заметки. ВЕ, 1881, кн. 4, апр., с. 854—870; кн. 5, май, с. 434—444.
- Писарев Ю. А.** Военная угроза и антимилиитаристское движение в южнославянских землях Австро-Венгрии накануне первой мировой войны. «Труды Московского историко-архивного ин-та», 1963, т. 18, с. 375—390.
- Писарев Ю. А.** Государственноправовое и экономическое положение южнославянских земель в системе Австро-Венгрии. «Труды Московского историко-архивного ин-та», 1960, т. 4, с. 391—419.
- Писарев Ю. А.** Крестьянские отхожие промыслы в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии в конце XIX—начале XX в. УЗИС, 1952, т. 6, с. 305—330.
- Писарев Ю. А.** «Млада Босна» и другие организации югославянской Омладины. КСИС, 1960, № 29, с. 66—84.
- Писарев Ю. А.** Национально-освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии накануне и в период Балканских войн (1909—1913). УЗИС, 1961, т. 22, с. 169—224.
- Писарев Ю. А.** Национальное движение в Хорватии и Воеводине в 1908—1909 гг. УЗИС, 1957, т. 15, с. 105—146.
- Писарев Ю. А.** Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии 1905—1914. М., 1962, 419 с.
Рец.: 1. Т. М. Исламов, И. Д. Очак. ВИ, 1963, № 1, с. 136—139; 2. К. Б. Виноградов, С. М. Стецкевич. НиНИ, 1962, № 4, с. 152—155; 3. М. Кулінич. «Укр. історич. журн.», 1962, № 6, с. 129—131.

- Писарев Ю. А.** Положение трудящихся в южнославянских областях Австро-Венгрии в 1905—1907 гг. «Труды Московского историко-архивного ин-та», 1958, т. 12, с. 79—115.
- Писарев Ю. А.** Распространение русской революционной и переводной марксистской литературы в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии накануне первой мировой войны. В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 458—462.
- Пиштелич Л. X.** Современное положение и настроение сербского народа. Речь. СПб., 1909, 29 с.
- Попов Н.** Сербия в Австрии. РВ, 1865, т. 57, № 5, с. 258—314.
- Процинская И. В.** Австро-чешское соглашение 1890 г. «Науч. докл. высш. школы». Ист. науки, 1960, № 4, с. 160—174.
- Ратнер М. Б.** О национальной и территориальной автономии. (Вместо предисловия к русскому изданию «Синоптикуса»). Киев—СПб., 1906, 82 с.
- Ратнер Н. Д.** Австрийский пангерманизм и славянские народы Австрии. СС, 1965, № 4, с. 40—49.
- Ратнер Н. Д.** Возникновение хорватско-венгерского соглашения 1868 г. ВИ, 1948, № 6, с. 42—59.
- Ратнер Н. Д.** Национально-политическая борьба в Чехии в годы становления австро-венгерского дуализма (1866—1871). Автореф. М., 1951, 13 с.
- Ратнер Н. Д.** Национально-политическая борьба в Чехии в годы становления австро-венгерского дуализма (1866—1871). КСИС, № 9, с. 73—82.
- Реннер К.** (Шпрингер Р.) Национальная проблема. (Борьба национальностей в Австрии). Пер. с нем. СПб., 1909, XXV, 293 с.
- Речь** посла Василька в заседании австрийской делегации. «Киевская старина», 1904, т. 94, янв., отд. 2, с. 21.
- Рудченко О.** Пангерманизм и возможность его осуществления. РМ, 1906, кн. X, с. 71—94; кн. XI, с. 64—90.
- С. К.** Домашние австрийские дела и Львовский процесс. ВЕ, 1882, сент., с. 364—388.
- Сироид П. Я.** Антинародный характер податковой политики австрийского буржуазно-помещичьего уряда у Східній Галичині в кінці XIX — на початку XX ст. В кн.: 3 історії Української РСР, т. 6—7. Київ, 1962, с. 82—94.
- Славянский вопрос** в его современном значении. Речи и статьи... СПб., 1913, 139, 15 с.
- Славянский сборник**, т. 1—3. СПб., 1875—1876.
- Славянский сборник.** Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 гг. М., 1948, 199 с.
- Сремец.** Римско-немецкая империя Гогенцоллернов и греко-славяне. Политический очерк. «Славянское обозрение», 1892, т. II, май — июнь, с. 25—44; июль — авг., с. 265—294, т. III, сент., с. 35—56; окт., с. 210—220.
- Сухомлинова Г. Ф.** [Рец.] Ян Беранек. Австрийский милитаризм и борьба против него в Чехии. ВИ, 1957, № 4, с. 178—179.
- Теодорович М.** Загострення національних протиріч в Австро-Угорщині напередодні першої світової війни (1912—1914). «Наук. зап. Чернівецького ун-ту», 1961, т. 54, вип. 3, с. 198—208.
- Удальцов И.** К характеристике политической деятельности Франтишка Палацкого. ВИ, 1950, № 10, с. 72—85.
- Филиппов М. М.** Хорваты и борьба их с Австрией. СПб. 1890, VIII, 168 с.
- Флоринский Т. Д.** Зарубежная Русь и ее горькая доля. Киев, 1900. 28 с.
- Формы национального движения** в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия. СПб., 1910, 821, 2 с.
- Фрейдзон В. И.** Из истории русско-хорватских революционных связей. КСИС, 1960, № 29, с. 129—133.
- Фрейдзон В. И.** К характеристике положения на хорватско-славянской военной границе в 50-х — начале 70-х годов XIX в. (Кризис и ликвидация военной системы). УЗИС, 1963, т. 26, с. 80—115.

- Фрейдзон В. И.** Корреспонденция Рачки-Штросмайер как источник по истории Хорватии второй половины XIX в. СА, 1959, с. 139—172.
- Фрейдзон В. И.** Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян в Хорватии в конце XIX—начале XX в. УЗИС, 1954, т. X, с. 72—137.
- Фришенберг С. И.** К вопросу о национальной политике господствующих классов габсбургской Австрии в конце XIX—начале XX в. (1896—1901 гг.) Автореф. Тбилиси, 1958, 16 с.
- Фришенберг С. И.** К вопросу о национальной политике господствующих классов габсбургской Австрии в конце XIX—начале XX в. «Труды Тбилисского ун-та», 1957, т. 67, с. 1—28.
- Чернышевский Н. Г.** Национальная бестактность. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1939, с. 775—793.
- Чернышевский Н. Г.** Народная бестолковость. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1939, с. 828—848.
- Чехи и немцы.** (Из книги Иосифа Голечка «Поездка в Россию»). РВ, 1902, т. 281, № 9, с. 252—285; т. 282, № 12, с. 538—563.
- Штиглиц А. Н.** Россия и славянство. СПб., 1907, 35 с.
- Яр Р.** Всеобщее голосование и русины в Австрии. ВЕ, 1894, апр., с. 853—857.
- Яреш Ф. Л.** О чешско-немецком соглашении, состоявшемся в Вене в январе 1890 г. Оттиск из сб. «Чтения в общ. собраниях Киевского слав. благотвор. об-ва в 1890 г.» Киев, 1890, 24 с.

Революционное и рабочее движение

- Адлер В.** Алкоголизм и профессиональное движение. (Речь на конгрессе австрийских профессиональных союзов в 1907 г.). В кн.: Э. Вурм, В. Адлер. Алкоголизм и рабочие. Две речи. Пг., 1918, с. 48—64.
- Адлер В.** Массовая стачка. Пер. с нем. СПб., 1906, 16 с.
- Адлер В.** Статьи, речи и письма, вып. 1. М.—Л., 1924, 205 с.
- Бауэр О.** Национальный вопрос и социал-демократия. Пер. с нем. СПб., 1909, VI, 600 с.
- Беранек Я., Долежал И.** Влияние русской революции 1905—1907 гг. на революционное движение в чешских землях. ВИ, 1955, № 11, с. 94—104.
- Василевский Л.** (Плохоцкий). Национальный вопрос и австрийские социалисты. (Письмо из Австрии). РВ, 1906, сент., с. 47—64.
- Василевский Л.** (Плохоцкий). Объединительные стремления у южных славян Австро-Венгрии и социализм. (Письмо из Австрии). РВ, 1910, № 1, отд. 2, с. 106—117.
- Василевский Л.** (Плохоцкий). Социализм и национальная ассимиляция. (Письмо из Австрии). РВ, 1912, № 6, отд. 2, с. 31—55.
- Г. И.** Проект рабочих камер в Австрии. «Юрид. вестник», 1886, № 11, с. 617—618.
- Герс П.** Как священник стал социал-демократом. Речь свящ. Павла Герс. Пер. с нем. СПб., 1905, 26 с.
- Глебов А.** Профессиональное рабочее движение и национальные противоречия. Письмо из Австрии. РМ, 1910, кн. 12, отд. 2, с. 76—87.
- Горбунов В.** К статистике несчастных случаев на фабриках. «Юрид. вестник», 1890, № 2, с. 384—387.
- Дебаты** по национальному вопросу на Брюннском партайтаге. (Интернациональная социал-демократия и борьба национальностей в Австрии). Киев — СПб., 1906, 80 с.
- Дементьев Е. М.** Страхование рабочих. Отд. 1. Страхование на случай болезни в Германии и в Австрии. СПб., 1906, III, 471 с.
- Десять лет** германской и австрийской социал-демократии. Что говорят они сами о себе. М., 1925, XXVI, 199 с.
- Капелюш Ф.** Чехи и пролетариат. Очерки из истории австрийских рабочих. РМ, 1910, кн. 7, отд. 2, с. 66—94.

- Каутский К.** Борьба национальностей и государственное право в Австрии. Пер. с нем. Киев, 1906, 232 с.
- Каутский К.** Кризис в Австрии. «Правда», 1905, апр., с. 153—168.
- Каутский К.** Кризис в Австрии. Пер. с нем. Киев, 1905, 30 с.
- Майский В.** Из мрака к свету. (Очерк развития австрийского рабочего движения). СМ, 1910, № 8, отд. 2, с. 26—45.
- Мнухина Р. С.** Отклики в Австрии на события 9 января в Петербурге. УЗ ЛГУ, № 127, серия ист. наук, вып. 17, 1950, с. 27—39.
- Морвинов М.** Отклики русской революции 1905 г. в Австро-Венгрии. «Борьба классов», 1935, № 1—2, с. 46—55.
- Найдус В. С.** Влияние первой русской революции на революционное движение в Галиции. (Статья из Польши). ВИ, 1956, № 4, с. 71—86.
- Неедлы З. Р.** Национальное движение славян в XIX в. В кн.: Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М., 1944, с. 94—107.
- Овнянин С. В.** Подъем рабочего движения в Австрии в 1905—1907 гг. ВИ, 1955, № 4, с. 108—116.
- Овнянин С. В.** Подъем рабочего движения в Австрии (1905—1906). М., 1957, 248 с.
- Овнянин С. В.** Подъем рабочего движения в Австрии в годы первой русской революции 1905—1906 гг. Автореф. М., 1953, 16 с.
- Палюх Г. Т.** Рабочее движение в Восточной Галиции в начале XX столетия (1900—1906). Автореф. Киев, 1951, 19 с.
- Пернерсторфер Э.** Национальный вопрос и социал-демократия. Пер. с нем. СПб., 1906, 15 с.
- Писарев Ю. А.** Революционное движение в южнославянских областях Австро-Венгрии в 1905 г. ВИ, 1956, № 3, с. 25—36.
- Попп А.** История одной работницы. Пер. с нем. Изд. 3, М.—Л., 1928, 78 с.
- Ратич Н. А.** Подъем рабочего движения в Западной Галиции под влиянием первой русской революции (1905—1907). Автореф. Львов, 1956, 16 с.
- Турок В. М.** От австро-марксизма к современному ревизионизму. НиНИ, 1958, № 4, с. 57—78.
- Урьяс Е. Л.** Рабочее движение в Австро-Венгрии в 1867—1914 гг. Лекции, М., 1959, 63 с.
- Хайнсон Ю. И.** Переписка В. Адлера с А. Бебелем и К. Каутским. (По поводу одной книги, изданной в Вене в 1954 г.). ВИ, 1960, № 10, с. 151—163.
- Штейнгардт К.** Моя встреча с Фридрихом Энгельсом. НиНИ, 1960, № 6, с. 11—14.
- Штрассер Н.** Письмо из Австрии. ВЕ, 1912, кн. 1, с. 352—363.
- Элленбоген В.** Чего хотят социал-демократы? Популярное изложение Гайнфельдской программы. Семь лекций. Пер. с нем. СПб., 1906, 159 с.
- С. Ю.** (Южаков). Народные движения в Австрии. СВ, 1889, № 8, с. 138—162.

Австро-венгерская армия

- Австро-Венгрия**, отд. 1—3. СПб., 1874—1876.
- Австро-Венгрия**. Дополнения и изменения к отделу II. Вооруженные силы. СПб., 1881, 208 с.
- Австро-Венгрия**, отд. 2. Изд. 3. СПб., 1885, XIV, 468 с.
- Австро-Венгрия**. Составлено при военно-ученом комитете Главного штаба. Отд. II, ч. 1—3; отд. III, ч. 1—3. Изд. 2. СПб., 1879.
- Борисов В. Е.** Из полководческой практики. I. Попытка выяснить мемуар Мольке на случай войны с Россией. II. План эрцгерцога Альбрехта для союзной войны против Пруссии (1870) и значение начальника генерального штаба. Варшава, 1898, 2, 48.
- Борьба Австрии против Пруссии и Италии в 1866**, ч. 1—5. Пер. с нем. СПб., 1872—1873.

- Вооруженные силы Австро-Венгрии.** (По данным к 1 ноября 1907 г.). СПб., 1907, 72 с.
- Вооруженные силы Австро-Венгрии,** ч. 1—2. СПб., 1912.
- Галкин М. С. и Карлсон.** Вооруженные силы Австро-Венгрии. Дислокационная карта и высшие начальники. Киев, 1913, 39 с.
- Краткое боевое расписание австро-венгерской армии 1908 г.** СПб., 1908, 67 с.; то же: 1910 г. СПб., 1911, 45 с.; то же: Действительно на 1 марта 1913 г. СПб., 1913, 40 с.
- Меддерс Н.** Заметки об австрийской армии. По офиц. источникам и путевым записям. СПб., 1891. XX, 242 с.
- Недзвецкий В.** Австро-венгерская армия в 1906 г. ВС, 1906, № 8, с. 229—244.
- Недзвецкий В.** Австро-венгерский военный бюджет на 1886 г. ВС, 1885, № 12, отд. 2, с. 203—220.
- Недзвецкий В.** Австро-Венгрия. Военные расходы в 1905 г. ВС, 1904, № 12, с. 273—280.
- Недзвецкий В.** Влияние борьбы национальностей и политических партий на развитие военного устройства Австро-Венгрии. ВС, 1908, № 7, с. 233—248.
- Недзвецкий В.** Военные бюджеты Германии, Австро-Венгрии и Франции в текущем году. ВС, 1897, № 7, отд. 2, с. 62—82.
- Недзвецкий В.** Военные расходы Германии, Франции и Австро-Венгрии в текущем году. ВС, 1895, № 7, отд. 2, с. 41—68.
- Недзвецкий В.** Общемиллерский военный бюджет Австро-Венгрии на 1909 г. ВС, 1908, № 12, с. 289—304.
- Недзвецкий В. (В. Н.)** Развитие дуализма в австро-венгерской армии. ВС, 1904, № 7, с. 292—301.
- Недзвецкий В.** Сухопутные силы Австро-Венгрии. ВС, 1909, № 4, с. 293—306.
- Потоцкий С. Н.** Австро-венгерская армия. Справочник современного устройства вооруженных сил Австро-Венгрии. СПб., 1911, 224 с.; то же: изд. 2. СПб., 1913, 6, 248 с.
- Путята Д. В.** Австро-Венгрия. Краткий воен.-геогр. обзор Галицийской обл. по новой программе, 1907 г. Одесса, 1909, 24 с.
- Россия.** Главный штаб. Военно-ученый комитет. Сборник маршрутов Галиции, Буковины и Северной Венгрии, с приложением геогр. и стат. сведений. СПб., 1889, 4, IV, 384 с.
- Сборник** новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств Австро-Венгрия. Изд. 22. СПб., 1903, 128 с.
- Сборник** сведений о военном устройстве Австро-Венгрии. Картографическое прил. Варшава, 1898, 1 с. 18 л. планов.
- Ставинский.** Организация вооруженных сил Австро-Венгрии. Таблицы и схемы. Пер. С. Д. Масловского. СПб., 1909, 38 с.
- Стратегические исследования австрийских военных людей о войне Австрии с Россиею.** Сб. извлечений и пер. с нем. СПб., 1873, V, 171 с.
- Христиани Г. Г.** Военный обзор Австро-Венгрии. СПб., 1909, IV, 323 с.
- Шапошников Е.** Мозг армии, кн. 1. М., 1927.
- Шупинский.** Краткое квартирное расписание австро-венгерской армии (по май месяц 1889 г.). С краткими сведениями об ее организации и численности. Киев, 1889, 51 с.
- Щербов-Нефедович.** Конспект военного обозрения Германии и Австро-Венгрии. СПб., 1886, 75 с.

Вопросы образования и культуры

- А. Т.** Преступность, вероисповедание и грамотность в Австрии в 1887—1889 гг. «Журн. Юрид. об-ва при СПб. ун-те», 1894, кн. 7, отд. 3, с. 86—87.
- Австрийская путаница.** МБ, 1899, № 12, отд. 2, с. 35—37.
- Австрийские общества вспомоществования учащимся в 1889 г.** «Юрид. вестн.», 1890, № 12, с. 659—664.

- Балобанова Е.** Борьба католического духовенства и светской власти за народную школу. «Образование», 1892, № 4, отд. 2, с. 339—347.
- Венское общество народного просвещения.** «Образование», 1895, № 9, отд. 2, с. 57—59.
- Высшее женское образование в Австро-Венгрии и Англии.** «Образование», 1896, № 2, отд. 2, с. 114—115.
- Глебов А.** Борьба за национальную школу в Австрии. РМ, 1912, кн. 8, отд. 2, с. 60—79.
- Грот К.** Исторический институт при Венском университете, ЖМНП, 1884, ч. 232, апр., отд. 8, с. 83—103.
- Звездич П.** Эволюция взглядов на роль университетов. (Из университетской жизни Австрии). «Образование», 1905, № 3, отд. 2, с. 96—109.
- Иван Бывалый.** Славянские студенческие общества в Вене. (Характеристика их жизни и деятельности). «Славянское обозрение», 1894, с. 236—251.
- Иокай.** Литературные воспоминания Иокай. МБ, 1895, № 9, с. 268—270.
- Караваев Н.** Сорок лет австрийской всеобщей народной школы. (Письмо из Вены). СМ, 1910, № 5, отд. 2, с. 16—38.
- Ковалевский Е. М.** Что дало Австрии по народному образованию 50-летнее царствование императора Франца-Иосифа (по данным юбилейной выставки в Вене). ЖМНП, 1899, ч. 322, апр., отд. 4, с. 69—104.
- Кр-ий М.** Статистические данные о высшем и среднем образовании в Австрии. «Русск. школа», 1894, № 7—8, с. 313—320.
- Кр-ий М.** Статистические данные об австрийских гимназиях и реальных училищах за 1893/94 учебный год. «Русск. школа», 1894, № 9—10, с. 338—342.
- Кроль М.** Народные университетские курсы в Австрии. МБ, 1897, № 5, отд. 1, с. 137—147.
- Л. М. Л.** Воспитание славян в австрийских школах. Из личных воспоминаний. РВ, 1878, т. 136, июль, с. 65—82.
- Магафтина О.** Из Пешта в Вену. (Педагогические заметки). «Образование», 1895, № 4, отд. 1, с. 324—342.
- Петров А.** Женские учебные заведения в Австрии (Цислейтании). ЖМНП, 1890, ч. 270, июль, отд. 4, с. 1—62.
- Теплов П.** Клерикально-антисемитское движение и народная школа в Австрии. «Образование», 1898, № 5—6, отд. 1, с. 127—140; № 7—8, с. 65—85.
- Ч.** Письмо из Праги. Пражский университет. РМ, 1883, кн. 10, отд. 1, с. 135—146.
- Щепкин Е. Н.** Постановка преподавания всеобщей истории в Венском университете. (Из отчета о командировке за летний семестр 1896 г.) ЖМНП, 1898, ч. 315, февр., отд. 4, с. 128—137.
- Юбилей Иокай.** ИВ, 1894, февр., с. 565—567.

Первая мировая война 1914—1918 гг.

Общие работы

- Атлас З. А.** Австрийская социал-демократия на службе у империалистической реакции в годы первой мировой войны. Автореф. Л., 1952, 28 с.
- Битва сербов с австрийцами при Цер-Планине.** М., 1914, 32 с.
- Богданов А.** Австро-сербский фронт войны. Пг., 1914, 31 с.
- Варшавско-Венская железная дорога.** Отчет по эксплуатации... за 1915 г. М., 1918.
- Виноградов К. Б.** Основные направления буржуазной историографии австро-сербского конфликта и возникновения первой мировой войны. УЗИС, 1962, т. 24, с. 169—196.
- Виноградов К. Б.** Проблемы происхождения первой мировой войны в западно-германской историографии. ВИ, 1962, № 8, с. 75—84.
- Воззвание верховного главнокомандующего.** Народы Австро-Венгрии. «Изв. мин. иностр. дел», 1914, кн. 6, с. 3.

- Высочайший манифест** об объявлении военных действий между Россией и Австро-Венгрией. «Изв. мин. иностр. дел», 1914, кн. 5, с. 3—4.
- Геройская борьба** сербов. Уничтожение австрийской армии у Цер-Планины. М., 1915, 32 с.
- Гросфельд Л.** Политика Германии и Австро-Венгрии в отношении Польши в годы первой мировой войны. ВИ, 1962, № 3, с. 94—102.
- Зелич А.** Раздел Австрии, ч. 1. Киев, 1914, 15 с.
- Имшенецкий Б.** Великая галицийская битва. Пг., 1914, 31 с.
- Имшенецкий Б.** 500-верстный авангардный бой на австрийском фронте... Пг., 1914, 32 с.
- Каутский К.** Сербия и Бельгия. Исторический очерк к вопросу о национальности и целях войны, вып. 1. Пер. с нем. М., 1918, 71, 1 с.
- Красная книга.** Австро-венгерская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. Пер. с нем. Пг., 1915, 128 с.
- Критский П.** Великая Галицийская битва. М., 1914, 16 с.
- Критский П.** Взятие Львова. Ярославль, 1914, 16 с.
- Люблинский П. И.** Уголовное законодательство военного времени в Германии и Австро-Венгрии. Пг., 1916, 85 с.; то же: «Журн. мин. юстиции», 1916, № 3, с. 259—310; № 4, с. 223—254.
- Майский В.** (Ляховецкий И. М.). Германия и Ближний Восток. «Русские записки», 1916, № 1, с. 191—222.
- Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.** На путях к мировой войне 1914—1918 гг. М., 1940, 293 с.
- Осечинский В. К.** Галичина под гнетом Австро-Венгрии в годы первой мировой империалистической войны. Автореф. Львов, 1949, 24 с.
- Писарев Ю. А.** Оккупация Сербии Австро-Венгрией и борьба сербского народа за свое освобождение в 1916—1918 гг. (До прорыва Салоникского фронта). СС, 1965, № 4, с. 28—39
- Попов А.** Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. «Красный архив», 1929, т. II (XXXIII), с. 3—38; т. III (XXXIV), с. 3—33.
- Рубинштейн Е. И.** Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963, 428 с. Рец: Ю. А. Писарев. НиНИ, 1964, № 6, с. 126—127.
- Рубинштейн Е.** Распад Габсбургской монархии в 1918 г. ИМ, 1940, № 7, с. 14—34.
- Синяя книга.** Сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. Пг., 1915, 55 с.
- Тордай Л.** Распад Австрии. ИМ, 1927, т. 6, с. 253—259.
- Федоров Н. и Е-в Н.** Австро-сербская война. Ее причины, все возможные последствия. 1914, 53 с.
- Франич Н.** Сербия в войне 1914—1918 гг. ИЖ, 1941, № 12, с. 55—63.
- Штейн В.** Финансы Германии в Австро-Венгрии за два года войны. Пг., 1917, 147 с.
- Штейнер Г.** Как империалисты снабжали аргументами социал-шовинистов. «Вопросы ист. КПСС», 1960, № 3, с. 178—181.

Революционное и национальное движение

- Атлас З. А.** Всеобщая январская стачка 1918 г. в Австрии. «УЗ Курганского пед. ин-та», вып. 5. Курган, 1963, с. 186—218.
- Воззвание** Польской социал-демократии Австрии. «Комм. интерн.», 1921, № 5—6, с. 319—320.
- Волгин В.** Из иностранной хроники. «Летопись», 1916, № 11, с. 223—227.
- Волгин В.** Проблемы мира в Западной Европе. «Летопись», 1916, № 1, с. 309—324.
- Галл И.** Революционный подъем в Трансильвании в 1917—1919 гг. под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Автореф. Л., 1958, 18 с.

- Голотик Л.** Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Словакии в 1917—1918 гг. М., 1960, 159 с.
- Коричонер Ф.** К истории интернационалистского движения в Австрии. «Пролет. революция», 1930, № 2—3 (97—98), с. 91—103.
- Манусевич А. Я.** Октябрьская революция и независимость Польши, Чехословакии и Югославии. (К историографии проблемы и задачам ее изучения). КСИС, 1963, № 39, с. 51—74.
- Мартов Л.** Фридрих Адлер. Пг., 1917, 14 с.
- Марьяна В.** Революционное движение в Словакии в 1918—1919 гг. В кн.: Октябрьская революция и зарубежные славянские народы. М., 1957, с. 233—270.
- Минаев Л. М.** Рабочее и национально-освободительное движение в югославянских землях Австро-Венгрии в 1917—1918 гг. Автореф. М., 1960, 18 с.
- Морвинов М.** Всеобщая политическая стачка в Австро-Венгрии (январь 1918 г.). «Борьба классов», 1935, № 11, с. 58—70.
- Неедлы З.** Борьба славянских народов за национальную независимость в первую мировую войну 1914—1918 гг. В кн.: Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М., 1944, с. 107—118.
- Октябрьская революция и зарубежные славянские народы.** М., 1957, 387 с. Рец.: 1. Ф. Г. Зуев, П. И. Резонов, Г. М. Славин. ВИ, 1958, № 9, с. 163—168; 2. В. Жебокрицкий, А. Ф. Кизченко. НиНИ, 1958, № 6, с. 151—153.
- Писарев Ю. А.** Великая Октябрьская социалистическая революция и борьба народов Югославии в 1917—1920 гг. В кн.: Октябрьская революция и зарубежные славянские народы. М., 1957, с. 328—386.
- Писарев Ю. А.** Нарастание революционной ситуации в Сербии, Хорватии и Славонии в 1917—1919 гг. и интервенция Антанты. УЗИС, 1953, т. 7, с. 144—178.
- Писарев Ю. А.** Подъем массового революционного движения народов Югославии в 1918—1919 гг. ВИ, 1953, № 9, с. 20—37.
- Писарев Ю. А.** Последние дни монархии Габсбургов и освободительная борьба югославянских народов. «Народное вече» и его деятельность. УЗИС, 1962, т. 24, с. 197—220.
- Революционные стремления чешско-словацкого народа. Чешско-словацкий нац. съезд.** Пг., 1917, 64 с.
- Рубинштейн Е. И.** Из истории рабочего и социалистического движения в Австрии (Цислейтании) весной и летом 1917 г. НиНИ, 1960, № 4, с. 36—52.
- Скопин Н.** Дело Фридриха Адлера. «Летопись», 1916, № 12, с. 266—274.
- Сухомлинова. Г.** К истории образования Чехословацкого государства в 1918 г. В кн.: Октябрьская революция и зарубежные славянские народы. М., 1957, с. 190—232.
- Грайнин И. П.** Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.—Л., 1947, 307 с. Рец.: 1. И. Д. Левин. «Советская книга», 1948, № 10, с. 86—89; 2. И. Миллер, И. Удалцов. ВИ, 1948, № 4, с. 125—129.
- Турок В. М.** Кризис революционного режима Габсбургов (январь — март 1918 г.). УЗИС, 1953, т. 7, с. 325—347.
- Турок В. М.** Подъем австрийского рабочего движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Январская забастовка 1918 г. «Изв. АН СССР», серия ист. и филос., 1952, № 3, с. 280—290.
- Фюрнберг Ф.** Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Австрию. Пер. с нем. М., 1957, 23 с.
- Чеканова Г. П.** Национально-освободительное движение в чешских землях в годы первой мировой империалистической войны (август 1914 г.—февраль 1917 г.). УЗ ЛГУ, № 194, серия историч. наук, вып. 23, 1955, с. 139—165.
- Шандор В.** Роль национальных движений в распаде Австро-Венгерской монархии. В кн.: Великая Октябрьская социалистическая революция и Венгрия. Budapest, 1959, с. 87—105.

Австро-венгерская армия

- Австро-Венгрия.** Военно-статистическое описание, ч. 1—3. СПб., 1914.
- Австро-Венгрия.** Военно-статистическое обозрение. М., 1915, 21 с.
- Австро-Венгрия.** Военно-статистическое описание, ч. 1. Восточногалицийский район. Сборник маршрутов. Прил. 1 к ч. 1. Пг., 1916. VII, 288 с.
- Боевое расписание австро-венгерской армии.** Составлено по данным, имевшимся в разведывательном отделении штаба главнокомандующего армиями Юго-западного фронта к 25 мая 1915 г., 34 с.; то же: изд. 5 к 25 марта 1917 г., 120 с.
- Боевое расписание частей австро-венгерской армии, действующих на фронте армии.** Изд. 6. По сведениям к 1 мая 1917 г.
- Киш Э. Э.** Преступление полковника Редля. Л., 1926.
- Краткие сведения об австро-венгерской армии в военное время.** Одесса, 1914, 43 с.
- Материалы по военно-морским силам Австро-Венгрии.** СПб., 1914, 2, 73 с.
- Правила австро-венгерского военного министерства о положении военнопленных на работах в Австрии.** Пер. с нем. Пг., 1917, 51 с.
- Ронге М.** Разведка и контрразведка. Пер. с нем. М., 1937, 294 с.
- Сведения об австро-венгерской армии.** Киев, 1914, 32 с.
- Силюэты военных судов Австро-Венгрии.** Пг., 1914, 13 с.
- Сухолупные силы Австро-Венгрии.** М., 1914, 46 с.
- Танеев.** О штурмовых частях германской и австро-венгерской армии. По сведениям к сентябрю 1917 г. 26 с. 7 л. карт.
- Шкеленко и Будилович.** Военное расписание австро-венгерской армии. Изд. 3. 1916, XIV, 94 с.

Публицистика периода войны

- А. А. М.** Борьба славян за независимость. Калуга, 1914, 139 с.
- А. З.** Тайны Венского двора. Из интимной жизни императора Франца-Иосифа. Ярославль, 1915, 16 с.
- А. З.** Трагедия Габсбургского дома. Ярославль, 1914, 16 с.
- Австро-Венгрия.** М., 1914, 16 с.
- Австро-Венгрия.** М., 1914, 26 с.
- Адлер Ф.** Возрождение Интернационала. Статьи, написанные во время войны. С предисл. К. Каутского. Пг., 1919, XVI, 251 т.
- Аритсов Ф. Ф.** Россия и чешский вопрос. М., 1914, 8 с.
- Белгородский А. В.** Порабощенное славянство (в Австро-Венгрии и Германии). Пг., 1915, 138 с.
- Бивен Мюррей.** Политика Австрии с 1867 г. Пер. с англ. М., 1915, 28 с.
- Вакуловский А. Н.** Коронованный Каин. Пг., 1914, 32 стлб.
- Василевский И. Ф.** Франц-Иосиф. СПб., 1914, 16 с.
- Вельмин К. И.** Заветы прошлого. Славяне и германцы в их взаимных отношениях. Псков, 1914.
- Витте Е. де.** Борьба трех народностей. Шамордино, 1915, 67, IV с.
- Война сербов с австрийцами.** Славные и героические победы сербов над швабами. Геройское сражение при Цер-Планине. М., 1914, 18 с.
- Воллан де Г. А.** Из записок Г. А. де Воллана. РС, 1914, май, с. 333—355.
- Гирс А. А.** Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира. Пг., 1917, 76 с.
- Добрынин Б. Ф.** Империя Франца-Иосифа. М., 1917, 35 с.
- Занарди Ланди К. Ф. М.** Тайна австрийской императрицы Елизаветы. Пер. с англ. М., 1915, 438 с.
- Иванов И. Е.** Возрождение Сербского государства. Интриги Австрии. М., 1914, 32 с.
- Иоксимович Ч. М.** Славяне и европейская война. Вып. 1. Европейская война как предвестник славянской федерации. М., 1914, 32 с.

- Катаев И. М. Россия и Австрия. М., 1914, 48 с.
- Кашкаров В. На пороге великих событий. (Замыслы Германии и задача России). М., 1914.
- Коджебаш Н. Война и славянские народности Австрии. Лекция. Каменец-Подольск, 1915, 27 с.
- Колесников Н. В. Австро-Венгрия. Изд. 2. Казань, 1914, 15 с.
- Критский П. Из-за чего началась война. Ярославль, 1914, 16 с.
- Критский П. Когда и за что мы воевали с немцами. Ярославль, 1914, 15 с.
- Ладыженский А. М. Тройственный союз и тройственное согласие. М., 1914. 40 с.; то же: изд. 2, М., 1917, 40 с.
- Лариш М. Новые тайны Австрийского двора. Пер. с англ. Пг., 1914, 32 с.
- Лариш М. При дворе Габсбургов. (Воспоминания). М., 1914, 280 с.; то же: изд. 2, 1915; изд. 3, 1916.
- Левин К. Я. Записки из плена. Изд. 5. М., 1934, 263 с.
- Лозинский С. Г. Царствование Франца-Иосифа. Политический очерк современной Австрии. Пг., 1916, VIII, 205, 3 с.
- Майстрах В. Ф. Бой Давида с Голиафом или война Сербии с Австрией, кч. 2. М., 1914. 52 с.
- Майстрах В. Как мы дошли до войны с немцами, кн. 1. М., 1914, 48 с.
- Матов Г. М. Австро-Венгрия как военная держава. Пг., 1914, 64 с.
- Михайлов М. Австрия и ее славянские народы. М., 1914, 16 с.
- Мученик за свободу Ян Гус и борьба чехов с Австрией. К памяtnому дню мученической смерти Яна Гуса. 1415. Ростов-на-Дону, 1917, 22 с.
- Нарушение законов войны германскими и австрийскими войсками в России. Памятная записка, переданная центральным державам имп. российским правительством. Перевод. РС, 1915, авг., с. 241—250.
- Наши враги, вып. 2. Австро-Венгрия. СПб., 1914, 16 с.
- Нецветаев А. Династия Габсбургов. М., 1915, 32 с.
- Никифоров С. И. Франц-Иосиф на декохте. Одесса, 1914, 8 с.
- Оссовский П. Новые владения России в Западной Европе. Описание Галиции. Киев, 1914, 48 с.
- Перцев В. Перед войной. ГМ, 1914, № 9, с. 228—232.
- Пичета В. И. Исторический очерк славянства. 2. Состав современного славянства Ч. М. Иоксимовича. М., 1914, 184 с.
- Погодин А. Л. Краткий очерк истории славян. М., 1915, 126 с.
- Погодин А. Л. Россия и Австрия на Балканском полуострове. РМ, 1915, кн. V, с. 10—16.
- Погодин А. Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915, VIII, 420 с. Рец.: А. В. Соловьев в в. КСИС, 1958, № 23, с. 57—59.
- Покос Л. В. Славянские народы Австро-Венгрии. Краткий очерк из прошлого быта и современного положения. Киев, 1915, 103 с.
- Помяловский М. Славянское возрождение XIX в. и движения, с ним связанные. Публичная лекция. Великий Устюг, 1915, 28 с.
- Пономарев В. И. Австро-Венгрия и ее славянские народы. Баку, 1915. 60 с.
- Путешествие по землям, обитаемым чехо-славянами. Краткий очерк вековой борьбы чешского народа с германизмом. Киев, 1915, 39 с.
- Рабинович И. Как боролись чехи с немцами за права своей народности. Пг., 1916.
- Рейс Р. Как австро-венгры вели войну в Сербии. Расследования, произведенные на местах. Пер. Пг., 1916, 56 с.
- Реклю Э. Народы и страны Западной Европы, т. V. Австро-Венгрия. М., 1915, 128 с.
- Свистун Ф. И. Прикарпатская Русь под владением Австрии. РА, 1917, кн. 2—3, с. 1—32.
- Семский С. Австрийские письма. «Паннационализм». «Летопись», 1916, № 4, с. 261—268.
- Семиз Д. И. Австрийские сербохорваты и Сербия. М., 1916, 34 с.

- Славянское объединение.** М., 1916, 112 с.
- Слепцова М. Н.** Австрийские поляки. Пг., 1915, 40 с.
- Сокальский М.** Чехи и их жизнь. Екатеринослав, 1914 (?), 4 с.
- Содомов А. И.** Славяне. Их прошлое и настоящее. М., 1915, 58 с.
- Топлица М.** Война Австро-Венгрии против собственных подданных. Пг., 1915, 84 с.
- Ульянов А.** Лоскутная империя. Очерк Австрийской империи. М., 1914. 32 с.
- Хохловкин М.** Из венских воспоминаний. 1913—1914. ГМ, № 12, 1915, дек. с. 197—203.
- Червинка Я. В.** Мечты славян. Киев, 1915.
- Чуди К.** Императрица — страдальца. Елизавета, императрица Австрийская и королева Венгерская. Пер. с нем. М., 1913, 200 с.
- Шумигорский Е. С.** Из записной книжки историка. Россия и Австро-Венгрия. Война и «нейтральные» державы: Румыния и Болгария. ИВ, 1914, окт. с. 261—268.
- Якубовский М. И.** 190 дней в Чертовой башне. Впечатления и переживания пленного русского чиновника в Вене, преданного в начале войны австрийскому военному суду. Пг., 1915, 80 с.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Август II 27, 41—143, 213, 215, 217, 220, 223
 Адлер В. 64, 66, 153
 Адлер Ф. 157
 Алексеев Петр 62
 Алексей, царевич 220
 Альберони 30, 35, 40
 Альбрехт 189
 Альпари, Дьюла 74
 Араницки, Милош 164, 165
 Арвале-Блю, Лиза 163
 Аристотель 119
 Арц 84
 Ахмед (Ахмат) 197
- Бадени, Каземир** 122, 123, 125—128, 130, 132—134
 Базилевич К. В. 193, 197
 Бакус П. 207
 Бальфур 229
 Бамбергский Отгон 184
 Банер С. 12
 Бараль, Арнольд, 156—159
 Барбюс, Анри 169
 Бардин С. 62
 Баркгаузен 104
 Бартенева Е. Г. 66, 67
 Бастанч Пая 166—170
 Баторий Стефан 198
 Бауэр, Отто 157
 Бахрушин С. В. 3
 Бебель А. 64, 67
 Бекман 16
 Бенедикт, Эрнст 157
 Берген, Клаус 21, 22
 Беренштейн Т. 104
 Берсень-Беклемишев 202
 Бернштейн Э. 64
 Бестужев И. В. 193
 Бетткер 241
 Биллирбеков, Иван 18
 Бисмарк 56
- Богданович Т. 139, 141, 148
 Бое, Йоран 14, 23
 Браухич 98
 Бречкевич М. В. 178, 179, 182, 183, 187
 Брикс 16
 Бриль 159
 Бруно, Джордано 113
 Брусиловский И. 145
 Брюс Я. В. 48
 Будилович А. С. 176—178, 182, 186
 Будовниц И. У. 204
 Бук 16
 Бурдей Г. Д. 192
 Бурианек Фр. 234, 235
 Буссон 16
- Вагнер 96, 98
 Ваго И. 225
 Валев Л. Б. 238
 Вальдштеттен 88
Вальполь, Горацкий 34
 Вальполь, Роберт 40
 Варга Е. 226
 Варга К. 241
 Василий, кн. 24
 Василий III. 202
 Вассиан Косой 197, 202
 Вегерер, Густав 159
 Вейде А. 36
 Вернадский Г. 207
 Верфель, Франц 154
 Ветгынчик — см. Август II
 Вилль, Эрих 103
 Вильгельм II 82, 139, 142, 143
 Вильсон В. 230, 232
 Винклер, Макс 100
 Винтер Е. 198
 Виппер Р. Ю. 194
 Витовт 110, 209—211
 Витт, Андрей 16, 20, 21
 Власьев, Афанасий 16, 22
 Влахов, Димитр 167
 Волгин В. 144
 Волков В. К. 238

* Указатель составила М. Я. Шелднина.

- Вольф 139
 Вольф Хр. 113, 121
 Вольтская, Итка 159, 162
 Вроняк З. 231
 Вуйовичи 162, 164, 165
 Вуйович, Грегор 161—164
 Вуйович, Живко 161, 162
 Вуйович, Радо 161, 162, 163
 Вухерер 80
 Выходец Тимофей 14, 20
 Вэкар Н. 207
- Габсбург, Карл 82, 83
 Габсбург, Рудольф 82
 Галецкий О. 207
 Ганч Г. 240
 Гарденин Ю. 69
 Гед Ж. 64
 Гедемин 211
 Гельмгольд 178, 189, 190
 Генрих Лев 181
 Генрих I, Птицелов 181, 183
 Георг I 31, 36, 37, 40, 43, 44, 48
 Герике 119
 Геринг 96, 99—101, 107, 108
 Геровский Ю. 216
 Герман К. Н. 241
 Герц 34, 41, 46
 Герцен А. И. 122
 Герцигона, Рудольф 170
 Гесс 96
 Гильфердинг А. Ф. 172—175, 181, 182, 185, 188, 226
 Гиммлер 101
 Гирей, Махмед 202
 Гириш, Вернер 158
 Гитлер 91, 96
 Глензе-Хорстенау, Эдмонд 89
 Годунов, Борис Федорович 12, 13, 15—18, 21, 23, 25
 Голлерт 95
 Головкин Г. И. 220
 Голубинский Е. 201, 203
 Голубуцкий В. А. 193
 Голубич, Мустафа 166—170
 Горкич (Чижинский) 166
 Горький А. М. 70
 Готье Ю. В. 3
 Грамль Х. 240
 Грацианский Н. П. 181, 190, 191
 Граше, Ян 169
 Грейзер 96
 Грек, Максим 201—204
 Греков Б. Д. 3, 9
 Греков И. Б. 192, 194—212
 Григорьянц Т. Ю. 239
 Гримальдо 37
 Грозный, Иван 16, 17, 196
 Гроссе 103
- Грюн, Иозеф 156
 Густав, принц 18, 19, 21, 23, 25
 Густинчич, 164
- Дейч Юлиус 168
 Декарт 118, 119, 121
 Делекузен, Корт 16, 18
 Демокрит 113, 117, 119
 Денисов И. 203
 Дзялынский Т. 215
 Димитрий Иванович, в кн. 112
 Дмитриев 13, 23
 Дмитриева, Елизавета 61
 Дмитриевич, Драгутин 168
 Дмовский Р. 231
 Долгоруков Г. Ф. 42
 Дольманьози И. 60, 71
 Домес А. 241
 Дульчевский З. 236, 237
 Дунаев Б. И. 201
 Дюбуа, аббат 34, 35, 37, 38, 47
- Егоров Д. Н. 175, 179, 180, 186—188, 190, 191
- Желябов А. 62
 Живкович, Петар 167
 Жигимонт — см. Сигизмунд
 Жигульский К. 236
 Жироский, Жан 168
 Жорес Ж. 64
- Заборовский Л. 239
 Загорский С. 138, 139
 Зайда Ю. 233
 Зайховский Ст. 232
 Залусский 219
 Заславский Е. 62
 Звездич П. 141, 143, 144, 149
 Здоховский К. 241
 Зейпель, Игнац 157
 Зелинский Г. 230
 Зимин А. А. 200, 204
 Зурабов А. 145
 Зутис Я. Я. 10
 Зюдерманландский, Карл 11, 13, 23, 24
- Иван III 197, 200
 Иван IV — см. Грозный, Иван
 Иваньшин В. 72
 Иголкин, Юрий 21
 Иконников В. 201
 Иллеш, Бела 161
 Ионигкейт, Германа 159
 Иосиф II 134
 Ириньи К. 224—226
- Казакова Н. А. 200

- Каминьский, Анджей 213
 Капнист П. А. 122, 124, 125, 127, 129,
 132, 133, 135
 Карагеоргиевич, Александр 167—169
 Карл Великий 183
 Карл XII 28, 34, 40, 46, 215—220, 222,
 223
 Карл-Леопольд 35, 41, 44, 47
 Карл VI 43
 Карлицкий А. 228
 Кароль М. 225
 Карстерст 49
 Каутский К. 73, 226
 Кафка, Франц 154
 Каштанов С. М. 203
 Кватерник Е. 52
 Керклин 16, 17, 23, 24
 Кёрнер 106
 Кесслер 230
 Кетерлинк Ламберт 24
 Киприан, митрополит 112
 Кирали (Кэниг, Караван) 158
 Кирилл 173, 183
 Кислинг Г. М. 241
 Киш, Эгон Эрвин 154, 155
 Киш, Пауль 155
 Кишкин Л. С. 234
 Клемансо 232
 Клибанов А. И. 199, 200, 203
 Клячко С. Л. 71
 Ковалевский М. 137
 Компер-Морель 168
 Конопчиньский В. 213, 215, 216, 221,
 222
 Конти, принц 27
 Корольюк В. Д. 27, 28, 193, 198, 213
 Котляревский А. А. 184
 Кох 96
 Кочи Л. 239
 Крамер-Мёленберг 100
 Красау 223
 Красуский Е. 227, 229, 233
 Кристан, Этбин 81
 Крылова Т. К. 27
 Ку, Антон 153
 Кудлачек, Иозеф 6
 Кузанский, Николай 113
 Кукель М. 239
 Куракин Б. И. 34, 38—40, 44, 45
 Курбский А. М. 111, 112
 Кюнеман 139

Л
 Лабуда Г. 227
 Лави 44
 Лавров П. 61
 Ламанский В. И. 177
 Ландау Л. 92, 96, 105, 107
 Ланжевен 168
 Лаойен Г. 241
 Лаптева Л. П. 171, 238
 Лаптер К. 227
 Лебедев И. Л. 175, 184, 185, 186, 188
 Левн, Пауль 155, 165
 Левин И. О. 138, 139, 145, 146
 Лезиус 139
 Лейбниц 113, 118—120, 121
 Ленин В. И. 69, 70, 73, 74, 137, 138,
 229
 Лехицкая И. 217
 Лещинский Ст. 28, 41, 44, 46, 213—
 215, 217, 219—223
 Либкнехт В. 64
 Лиман фон Сандерс 146
 Лист Ф. 136
 Ллойд-Джордж 229, 231, 232
 Ломоносов М. В. 113—118, 121
 Лонге, Жан 168
 Лудат Г. 239
 Луи, Поль 168
 Лукрецкий, Кар 113
 Луис Г. 241
 Лурье М. 137, 140, 141, 144, 148
 Лурье Я. С. 193, 200
 Любке Г. 240
 Людовик XIV 28, 33, 38
 Люттов 241
 Люэгер, Карл 153

М
 Мазепа 28
 Майский В. 141, 150
 Майснер Б. 241
 Максимилиан 23
 Мавродин В. В. 195
 Магнус 196
 Макарий 201
 Марганович 163
 Мария-Терезия 134, 151
 Маркевич В. 236
 Маркович Светозар 53
 Маркс К. 61—64, 71, 72
 Марперт Вернер 239
 Мартелянц, Владимир 164
 Марчевский Е. 228
 Масса, Исаак 15, 16, 19
 Матайя 168, 169
 Матль, Иозеф 239, 241
 Маттес 98
 Меллер, Андреян 21
 Менкес, Мориц 156
 Меньшиков А. Д. 220
 Мефодий 173, 183
 Милетич, Светозар 53
 Милов Л. В. 9
 Милль Дж. Ст. 61
 Милюков П. 137, 139, 140, 145, 147
 Миронов 169, 170
 Мисес, Людвиг 89
 Митяй, архимандрит 112

- Михаель В. 30, 31
 Михалович бан 87
 Мразович М. 51
 Мунт, Марк 24
 Муравьев М. Н. 122, 124, 125, 127—
 130, 132, 133, 135
 Мыслинский Е. 228
 Мэннер 161
- Назарский П.** 241
 Наполеон III 54, 58
 Науман Ф. 136, 139, 150, 224, 225, 226
 Недзельский Ф. В. 113
 Неэдлы З. Р. 3
 Нелидов 125
 Нечаев С. 62
 Николай II 83
 Новак З. 238
 Новаковский 236
 Норрис 41, 46, 47
 Носкова А. Ф. 236, 239
- Обушенков Н. Г.** 227
 Окулич К. 241
 Олар, Альфонс 168
 Ольгерд 211
 Оплетал, Ян 234
 Орлеанский, герцог 47
 Остерман А. И. 42, 43, 46, 48
 Оттон I 181, 183
- Павинский А.** 174, 181—185
 Павлов П. Н. 197
 Паевский Я. 227
 Палей 219
 Палеолог, Софья 197
 Пальи 139
 Паница, Тодор 168
 Паперзак 17
 Первольф Й. 175, 176, 182, 183, 186,
 189—191
 Пересветов И. 203
 Перцев В. 145, 146
 Петр I 28, 31, 32, 34—37, 40, 44, 46,
 48, 49, 215—217, 219, 220, 223
 Петрушевский И. П. 195
 Печ В. 232
 Пиварский К. 227
 Пилсудский 227, 230
 Писарев Ю. А. 75
 Пичета В. И. 3, 174, 177
 Плеханов Г. В. 63, 64, 69, 72, 163
 Подольинский С. 62
 Полетика Н. П. 166, 169, 170
 Полицер, Франц (Пишта) 165
 Полосин И. И. 194
 Поп И. И. 136, 224, 239
 Поп-Иванова, Малина 163
 Поппе, Анджей 6
- Поршнев Б. Ф. 194, 211
 Постник, Дмитрий 12
 Потнорек 77
- Радонежский, Сергей** 112
 Разумовская Л. В. 189
 Ракочи 220
 Ратнер Н. Д. 122
 Ратцель Ф. 136
 Раупах Г. 241
 Рахоцкий Я. 238
 Раух Г. 207
 Рачки Ф. 56, 58
 Редлих, Иозеф 153, 168
 Резвый, Роман 17
 Реннер 226
 Репнин 44
 Ржига В. 201
 Рихман 115
 Рогов А. И. 3, 110, 238, 239
 Роде Г. 239, 240, 241
 Розанов В. Н. 139, 141—144, 150
 Ронаи 226
 Рот, Иозеф 154
 Рудольф II 23
 Рутковский А. 104
 Рюдигер 98
 Рязановский Н. В. 207
- Сабо, Эрвин** 60, 64, 71—73, 226
 Сабуров Е. И. 12
 Савин А. 187, 188
 Савойский Евг. 220
 Саксонский, Морнц 151
 Санчук Г. Э. 239
 Сапега, Лев 21
 Сапеги 217
 Саркотич 83, 85
 Сахаров А. М. 207
 Сен-Сафорен 40, 43
 Сен-Симон, герцог 38
 Сенде П. 225
 Сенявский А. 221
 Серж, Виктор 169, 170
 Сигизмунд Ваза 11—14, 17—20, 23, 24
 Сильвестр 143
 Симанский О. 12
 Симоновский Ф. 112
 Скерлич Й. 77
 Скиндер 202, 204
 Скров, Арман 25
 Скубишевский К. 232
 Смирнов И. И. 201, 204
 Смит 17
 Соловьев С. М. 26, 197
 Соукуп, Франтишек 168
 Софья Витовтовна 111
 Спустек, Ирена 228
 Станиславлевич Крка 164

- Старчевич А. 52
 Стенгоп 30, 34, 36, 39
 Степняк-Кравчинский С. 63
 Столпе, Пер 24
 Струве П. 138, 141, 146
 Стрыйковский, Мацей 110, 111, 112
 Студницкий В. 239
 Стэр 47
 Сукин, Василий 12, 13, 23
 Суттон, Роберт 40
- Тарле Е. В. 27, 28, 29
 Тельман, Эрнст 158
 Теплов П. 71, 72
 Тиса, Иштван 76—78
 Тихомиров М. Н. 3—9, 196, 197, 204, 209
 Томас Г. 97
 Торси 33
 Тоунсенд 34
 Тохтамыш 196
 Триволис, Михаил, Максим — см. Грек, Максим
 Трубецкой Е. 58
 Тухачевский В. 113
 Тун, гр. 131, 132
 Турок В. М. 150, 151, 239
- Украинцев** Е. И. 220
 Ульяновы 65
 Ульянов, Александр 65
 Урбан Д. Р. 241
 Устинович, Владимир 169
- Фадеев** (панславист) 55
 Фадеев А. В. 193
 Фан дер Флит Ф. Я. 140
 Фаренсбах, Юрген 20
 Флоря Б. Н. 10
 Флягиль, Генрих 21, 22
 Фейгина С. А. 26
 Фейербах Л. 119
 Фельдман Ю. 213—222
 Ференци И. 66
 Филарет 201
 Филиппович 139
 Фицнер 98
 Флоровский А. 31—33
 Форстер 96
 Франк, Ганс 91, 96, 97, 99, 100, 101, 103, 104, 106, 107, 108, 234
 Франкель, Лео 61, 63, 64
 Франс, Анатоль 151
 Франц-Иосиф 76, 77, 127, 132, 134
 Франц-Фердинанд 142, 166
 Фрейдзон В. И. 50
 Фридрих (эригерцог) 76
 Фридрих-Вильгельм I 35, 42, 49
 Фризе, Херт 18
- Халтурин** С. 62
 Хексман, Фридрих 162
 Хорватин Камилло (Петровский) 167
- Цвейг**, Стефан 153
 Цвиич-Владетич, Дюка 163, 167
 Цеелен Ф. 150
- Ченс** 30
 Черепнин Л. В. 193, 196
 Черниловский З. М. 191
 Чернов С. 201
 Чернов В. 69, 70
 Чернышевский Н. Г. 61, 62
- Шагер** Ф. 89
 Шатонеф 33, 34, 38
 Шафиров П. П. 29
 Шварц Я. 66
 Шварц Э. 240
 Шварценберг 130, 131
 Шёнерер 123, 124, 131, 134
 Шиль, Михаил 15
 Шкловский И. 137
 Шлейниц 37, 45
 Шмераль Я. Б. 238
 Шмидт, Генрих 103
 Шмидт О. Ю. 163
 Шмидт П. 89
 Шмидт С. О. 194
 Шош П. 60, 71
 Штем Г. Я. 241
 Штернберг Я. И. 60
 Штегер-Штнерер 84
 Штрассер, Иза 156
 Штрассер, Иозеф 155, 156
 Штросмайер Я. 51, 58
 Штумиф, Адольф 166
 Шустернич 86
- Щепкина** М. В. 238
 Щредел, Ганс 18
 Шука, Ст. 214, 219
- Эйленбург** 134
 Эйлер Л. 115
 Экк, Кляус 22
 Элленбоген, Вильгельм 168
 Энгельман, Тауль 66, 69, 70
 Энгельс Ф. 60, 63, 64, 68
 Эпикур 113, 117
 Эрик XIV 18
- Юберсбергер**, Ганс 89
 д'Юкселл 36, 38
 Юхан III 11
- Яси, Оскар 71, 225, 226
 Ясинский А. Н. 111, 178

СОДЕРЖАНИЕ

- В. Д. Королук, А. И. Рогов. Михаил Николаевич Тихомиров, историк славянских народов и славяно-германских отношений . . . 3

Статьи и исследования

- Б. Н. Флоря. Прибалтийские города и внешняя политика русского правительства в конце XVI—начале XVII в. 10
- С. А. Фейгина. Восточные и западные проблемы дипломатии в конце Северной войны 26
- В. И. Фрейдзон. Пропаганда в Хорватии франко-русского союза против германской экспансии в 60—70-х годах XIX в. 50
- Я. И. Штернберг. Из истории революционных связей между Россией и Венгрией в конце XIX—начале XX в. 60
- Ю. А. Писарев. Борьба монархии Габсбургов против революционной пропаганды в армии и в югославянских землях в 1914—1918 гг. . . 75
- А. Ф. Носкова. Грабительская экономическая политика гитлеровских оккупантов в «генерал-губернаторстве» в 1939 г. 91

Публикации и сообщения

- А. И. Рогов. Известие Стрыйковского о русском владении у Нарвы . . 110
- Ф. В. Недзельский. К истории русско-немецких научных связей в первой половине XVIII в. 113
- Н. Д. Ратнер. Обострение антиславянской политики немецких националистов Австрии в 1897 г. 122
- И. И. Поп. Русская либерально-буржуазная пресса 1914—1917 гг. о теории «Срединной Европы» 136
- В. М. Турок. Мое знакомство с революционерами и цареубийцами . . 151

Историографические обзоры и рецензии

- Л. П. Лаптева. Проблема германизации полабских и балтийских славян в русской дореволюционной историографии 171
- Г. Д. Бурдей. Некоторые вопросы дипломатической истории Восточной Европы XIV—XVI вв. 192

А. Каминьский (Польша). Первые годы польско-русского союза 1704—1709 гг.	213
И. И. Поп. К. Ириньи. План «Срединной Европы» Ф. Наумана и венгерское общественное мнение. Будапешт, 1963	224
Н. Г. Обушенок. «Польско-германские проблемы в Версальском мирном договоре». Познань, Западный институт, 1963	227
Л. С. Кишкин. «17 ноября»	234
А. Ф. Носкова. З. Дульчевский. Общественные аспекты миграции на Западных землях. Познань, Западный институт, 1964	236

Хроника

Н. С. Захарьина. О работе сектора славяно-германских отношений в 1965 г.	238
--	-----

Библиография

Н. М. Пашаева. Австрия и австро-славянские отношения в русской и советской исторической литературе (X в.—1918 г.)	240
Указатель имен	277

**Международные отношения в Центральной
и Восточной Европе и их историография**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения АН СССР*

Редактор *В. К. Волков*
Редактор издательства *Г. В. Моисеенко*
Технический редактор *В. И. Зудина*

Сдано в набор 30/IV 1966 г. Подписано к печати 8/VII 1966 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 17,75. Уч.-изд. л. 19,4.

Тираж 1300 экз. Т-09667. Изд. № 630/66. Тип. зак. 6203.

Цена 1 р. 34 к.

Издательство «Наука»,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

